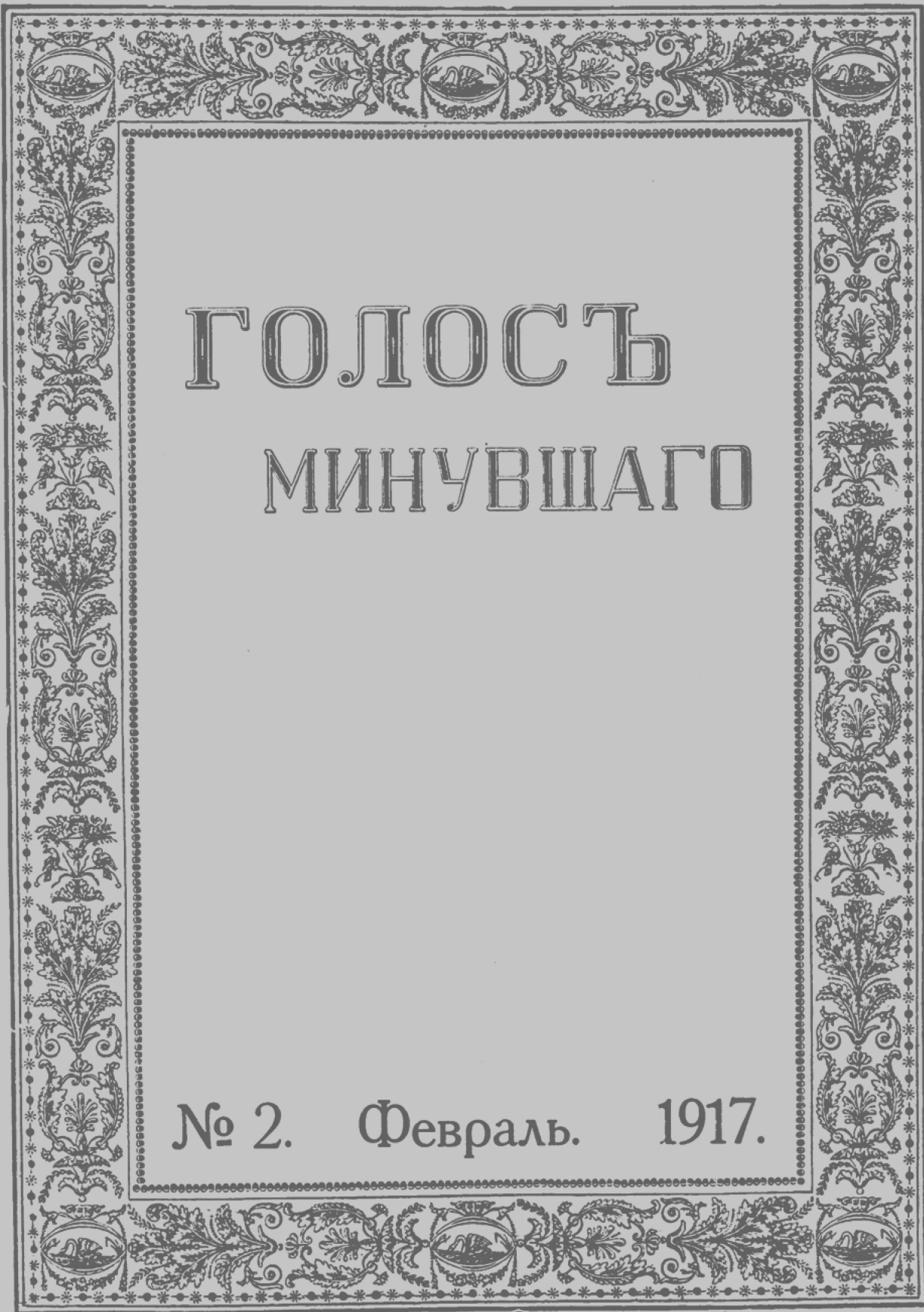

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 2. Февраль. 1917.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
1. С. Г. Святиковъ. Опальная профессура 80 гг.	5
2. Н. Роминскій. Нарнизъ-воинъ. III. Въ полку.	79
3. Н. А. Качаловъ. Записки. IV. Во время Крымской кампаніи. . .	112
4. В. И. Семевскій. Пропаганда петрашевцевъ въ учебныхъ заве- деніяхъ.	138
5. В. М. Фриче. «Вильямъ Шекспиръ» псевдонимъ гр. Р. Рутлэнда. .	170
6. М. К. Арнольдъ. Воспоминанія 1819—1830 гг.	194
7. Т. I. Полнеръ. К. К. Арсеньевъ.	225
8. К. К. Арсеньевъ. Изъ театральныхъ воспоминаній.	235
9. Н. В. Давыдовъ. Изъ прошлаго. М. Н. Лопатинъ.	242
10. Н. С. Клецовъ. Изъ архива Гольцева. Письма Григоровича, Пле- щева, Нефедова, Астырева, Н. Успенскаго, Юрьева.	253
11. Мелочи прошлаго. 1. С. М. Сатиры нач. XIX в. на реформы Спер- анскаго. 2. Политическій гороскопъ 1854 г. 3. Кв. Р.з. По поводу «Всероссійскаго Эха».	275
12. М. А. Цявловскій. Дневникъ Вульфа. Дуэль Пушкина (изъ но- выхъ книгъ о Пушкинѣ).	279
13. Критика и библіографія. К. Ф. Тіандеръ. П. О. Потаповъ. Жизнь В. А. Озерова. Н. В. Некрасовъ. Изъ записной книжки А. П. Бахрушина. Н. Н. Ойрсовъ. П. Архангель- скій. Погостные наказы 1767 г. П. С. Коганъ. В. М. Фриче. Итальянская литература XIX в. И. М. Херасковъ. Субсидируемая рабочія товарищества во Франціи 1848 г. Ф. И. Баллодъ. Русская литература по Египту за послѣдніе годы. .	295
14. Добавленія и исправки. Письмо въ редакцію Ю. Готье и В. Пиче- ты. Е.Тарле. Наполеонъ въ Италіи. Изъ письма Н. Тернера. Письмо В. Анучиной.	315
15. Рисунки. Портреты К. К. Арсеньева, М. Н. Лопатина, Шекспира.	
16. Объявленія.	

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

(Годъ изданія V)

*Свѣтлой памяти
В. И. Семевского.*

№ 2. Февраль. 1917.

МОСКВА.

Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бульв., Путинков. пер., соб. домъ.
1917.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
1. С. Г. Святиковъ. Опальная профессура 80 гг.	5
2. Н. Роминскій. Наркизь-воинъ. III. Въ полку.	79
3. Н. А. Качаловъ. Записки. IV. Во время Крымской кампаніи. . .	112
4. В. И. Семевскій. Пропаганда петрашевцевъ въ учебныхъ заве- деніяхъ.	138
5. В. М. Фриче. «Вильямъ Шекспиръ» псевдонимъ гр. Р. Рутланда. .	170
6. М. К. Арнольдъ. Воспоминанія 1819—1830 гг.	194
7. Т. И. Полнеръ. К. К. Арсеньевъ.	225
8. К. К. Арсеньевъ. Изъ театральныхъ воспоминаній.	235
9. Н. В. Давыдовъ. Изъ прошлаго. М. Н. Лопатинъ.	242
10. Н. С. Клецовъ. Изъ архива Гольцева. Письма Григоровича, Пле- щеева, Нефедова, Астырева, Н. Успенскаго, Юрьева.	253
11. Мелочи прошлаго. 1. С. М. Сатиры нач. XIX в. на реформы Спер- анскаго. 2. Политическій гороскопъ 1854 г. 3. Ив. Р.з. По поводу «Всероссійскаго Эха».	275
12. М. А. Цявловскій. Дневникъ Вульфа. Дуэль Пушкина (изъ но- выхъ книгъ о Пушкинѣ).	279
13. Критика и библіографія. К. Ф. Тіандеръ. II. О. Потановъ. Жизнь В. А. Озерова. Н. В. Некрасовъ. Изъ записной книжки А. П. Бахрушина. Н. Н. Ойрсовъ. П. Архангель- скій. Погостные наказы 1767 г. П. С. Коганъ. В. М. Фриче. Итальянская литература XIX в. И. М. Херасковъ. Субсидируемыя рабочія товарищества во Франціи 1848 г. Ф. И. Балладъ. Русская литература по Египту за послѣдніе годы. .	295
14. Дѣбавленія и поправки. Письмо въ редакцію Ю. Готье и В. Пиче- ты. Е.Тарле. Наполеонъ въ Италіи. Изъ письма Н. Лернера. Письмо В. Анучиной.	315
15. Рисунки. Портреты К. К. Арсеньева, М. Н. Лопатина, Шекспира.	
16. Объявленія.	

Опальная профессура 80-х годовъ.

Минувшій 1916 годъ былъ роковымъ для многихъ выдающихся дѣятелей русской науки: Ковалевскій, Мечниковъ, Семевскій ушли отъ насъ навсегда. И въ некрологахъ этихъ крупныхъ русскихъ ученыхъ мы всюду читали о томъ, что въ лучшіе годы ихъ научной творческой работы, въ эпоху расцвѣта ихъ силъ, эти профессора высшей русской школы были насильственно оторваны отъ ихъ аудиторіи, изолированы отъ слушателей, лишены того высокаго счастья *profiteri*—свободно излагать учащейся молодежи свои мысли о наукѣ и жизни,—которое такъ драгоценно для профессора, безъ котораго профессоръ превращается въ кабинетнаго и архивнаго ученаго, безъ котораго онъ перестаетъ быть профессоромъ. Профессорская дѣятельность названныхъ трехъ ученыхъ, а также и многихъ другихъ представителей ихъ поколѣнія, была прервана внезапно, для однихъ на многіе годы, для другихъ навсегда. Вынужденное оставленіе ими кафедръ было большою трагедіей ихъ жизни, ибо всѣ они были прирожденные профессора «Божіею милостію», большіе русскіе ученые, для которыхъ лекція была не изложеніемъ только извѣстныхъ положеній и фактовъ, но и актомъ научнаго творчества. Они остро ощущали взаимодѣйствіе лектора и аудиторіи, и живое слово ихъ, находившее отклики въ сердцахъ слушателей, возвращалось къ нимъ, какъ великій импульсъ для научнаго творчества, въ формѣ сочувствія и вниманія аудиторіи. Не всѣмъ дано это большое счастье жить, работать и творить научно въ непрерывномъ духовномъ общеніи съ аудиторіей; не всѣ, имѣющіе возможность говорить съ кафедры, ощущаютъ въ полной мѣрѣ радость научнаго общенія съ аудиторіей. Но тѣ, о комъ я говорю, были истинными профессорами, въ лучшемъ смыслѣ этого слова! И ощущение оторванности отъ аудито-

ріи, наложеніе печати на ихъ уста, прекращеніе возможности вліять на молодежь своимъ живымъ словомъ—было истинною, несомнѣнною трагедіей для нихъ, тяжкимъ ударомъ — вначалѣ, постоянною болью въ сердцахъ — впоследствии. И нѣкоторые изъ опальныхъ профессоровъ, вернувшись на кафедру черезъ 20 лѣтъ, чувствовали, что лучшіе годы ихъ уже ушли, что нѣтъ уже тѣхъ силъ, физическихъ и моральныхъ, которыя нужны для непрерывнаго напряженія нервной энергіи, для живого общенія съ молодежью на лекціяхъ, на практическихъ занятіяхъ и т. п. Другіе, правда, и въ послѣдніе годы своей жизни, вернувшись къ профессурѣ, были въ состояніи проявить былой подъемъ и силу и владѣли умомъ и сердцами новыхъ поколѣній учащейся молодежи такъ же властно, какъ и встарь. Но, каковы бы ни были тѣ моральныя страданія, помимо матеріальныхъ лишеній, которыя были испытаны самими профессорами, лишенными кафедръ, потери русской науки, русской жизни отъ этого вынужденнаго удаленія профессоровъ были несравненно крупнѣе, серьезнѣе, значителнѣе, чѣмъ переживанія самихъ профессоровъ.

Въ лицѣ Муромцева, Ковалевскаго, Семевскаго, Мечникова и др. русская университетская аудиторія лишилась въ 80-хъ годахъ выдающихся, крупнѣйшихъ преподавателей и ученыхъ, учителей науки и жизни, умственныхъ вождей учащейся молодежи. Въ теченіе какихъ-нибудь шести лѣтъ (1882—1887 гг.) русская университетская наука понесла рядъ потерь тяжкихъ и невознаградимыхъ. Естественно, что взволнованная общественная мысль, ея чуткая совѣсть искали отвѣта, почему, зачѣмъ, для чего русскіе университеты лишены присутствія въ нихъ тѣхъ, кто являлся ихъ украшеніемъ, ихъ гордостью. Общій отвѣтъ можно было, конечно, дать и тогда, почти 40 лѣтъ назадъ. Отвѣтъ этотъ, ясный для всѣхъ, заключался въ реакціи 80-хъ годовъ, которая не могла примириться съ свободою научнаго преподаванія, съ свободою научной мысли и изслѣдованія. Въ 70-хъ годахъ вышла на поприще научной дѣятельности группа выдающихся профессоровъ, воспитанныхъ на освободительныхъ идеяхъ эпохи великихъ реформъ, твердыхъ и убѣжденныхъ сторонниковъ свободнаго развитія народной, политической и общественной жизни. Торжествующая реакція не могла оставить безъ вниманія этихъ профессоровъ и ихъ университетской дѣятельности. Одинъ за другимъ были намѣчены и удалены изъ университета наиболѣе замѣтныя и ненавистныя реакціи фигуры либеральной профессуры. Но, какъ для каждаго дѣйствія требуется не только причина, но и предлогъ, то, понятное дѣло, предлоги удаленія профессоровъ съ кафедръ были весьма разнообразны. Тотъ, кто бу-

детъ въ послѣдствіи изслѣдовать эпоху 80-хъ годовъ, имѣя возможность ознакомиться съ интимными деталями безотвѣстныхъ вліяній, конечно, выяснить, поскольку въ судьбѣ того или иного профессора сыграло роль то или иное лицо, та или иная общественная группа. Такъ, напр., и тогда было небезызвѣстно значеніе Каткова, кн. Мещерскаго и др. вдохновителей реакціи. Подлинныя документы эпохи дадутъ возможность объединить и выяснить точнѣе тѣ данныя, которыя частично находятся уже теперь въ рукахъ историковъ или находились въ распоряженіи самихъ дѣятелей минувшей эпохи. Мы узнаемъ тогда, кто информировалъ неблагоклонныхъ наблюдателей университетской жизни, какіе профессора сводили счеты съ своими политическими противниками путемъ доносовъ, кто изъ реакціонныхъ вождей настойчиво добивался у власть имущихъ выдачи имъ «крамольнаго» профессора головою.

Въ настоящее время я хочу познакомить читателей съ тѣми *поводами*, которые были изысканы для прекращенія профессорской дѣятельности ряда ученыхъ въ періодъ 1882—1887 гг. Изъ тѣхъ профессоровъ, чьи имена мы упомянемъ, здравствуетъ одинъ лишь А. С. Посниковъ, но его имя упоминается лишь мелькомъ. Всѣ же остальные покоятся въ могилѣ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ несомнѣнное право говорить о нихъ съ большою свободой, нежели о нынѣ здравствующихъ участникахъ описываемыхъ дѣяній. Въ могилѣ уже и антагонисты «крамольной» профессуры: Деляновъ, гр. Д. А. Толстой, А. И. Георгіевскій и другіе. Умерли также Катковъ, кн. Мещерскій и др. вдохновители реакціи. Въ послѣдствіи, въ свое время, мы объединимъ свѣдѣнія о гоненіяхъ на либеральную профессуру въ 60—1900-хъ гг. въ одно цѣлое и расскажемъ подробно объ опальной профессурѣ 60-хъ и 70-хъ гг., объ Энгельгардтѣ, Драгомановѣ, Зиберѣ, Горчаковѣ, Кремлевѣ и др. Теперь же мы подѣлимся съ читателями свѣдѣніями о тѣхъ официальныхъ предложенияхъ, которые были выставлены для удаленія либеральныхъ профессоровъ изъ университетовъ. Много интересныхъ свѣдѣній на тему о томъ, *какъ* объясняло общество, *какъ* понимала профессура 80-хъ гг. причины гоненій на либеральныхъ профессоровъ той эпохи, мы нашли въ статьѣ С. П. Мельгунова «Ученыя мытарства» («Гол. Минувш.», 1916. окт., «Свѣтлой памяти В. И. Семевскаго»). Но и по этой богатой цѣнными и рѣдкими данными статьѣ я вижу, что точныхъ свѣдѣній не было до сихъ поръ и у С. П. Мельгунова, какъ не было ихъ и у біографовъ Муромцева, Гольцева, Ковалевскаго и др. Такъ, напр., П. Н. Милоковъ пишетъ въ своей біографіи Муромцева, что тотъ «никогда не могъ выяснить формальныя причины

«своей опалы, хотя и пробовалъ бесѣдовать объ этомъ съ Деляновымъ». По словамъ Милокова, увольненіе Муромцева мотивировалось Деляновымъ «свѣдѣніями о политической неблагонадежности Муромцева, сообщенными министерству народного просвѣщенія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ»¹⁾. По свѣдѣніямъ С. П. Мельгунова (въ помянутой выше статьѣ), «официальныя обвиненія въ политической неблагонадежности Муромцева были: 1) напечатаніе за границей адреса тульского земскаго собранія, отредактированнаго въ конституціонномъ духѣ Муромцевымъ; 2) изданіе «Юридическаго Вѣстника», помѣщающаго рѣзкіе отзывы о правительственныхъ мѣропріятіяхъ; 3) участіе въ составленіи адреса Лорисъ-Меликову въ бытность его премьеромъ»²⁾. Быть можетъ, эти дѣянія Муромцева, дѣйствительно, вызвали подозрѣнія въ его «неблагонадежности». Но подлинныя официальныя поводы были, какъ мы увидимъ далѣе, совсѣмъ иные и—добавимъ, гораздо менѣе основательныя³⁾.

Свѣдѣнія, приводимыя нами, исходятъ изъ источника, не внушающаго никакихъ сомнѣній, и вполне точны. С. П. Мельгуновъ, въ упомянутой выше статьѣ, говоритъ, между прочимъ, о «шестнадцати» профессорахъ, которые, при введеніи университетскаго устава 1884 г. были намѣчены къ удаленію. Вѣроятно, лица, намѣченныя къ удаленію, опредѣлялись одинъ за другимъ, не сразу, и въ моихъ источникахъ нѣтъ указаній на существованіе проскрипціоннаго списка⁴⁾.

Эпоха 80-хъ гг. начинается въ исторіи опальной профессуры именемъ С. А. Муромцева. Имя его обратило на себя вниманіе сферъ въ связи съ нѣкоторыми безпорядками, возникшими въ московскомъ университетѣ въ мартѣ 1881 г. изъ-за разногласій въ средѣ студенчества по поводу вѣнка на гробъ имп. Александра II-го, а также въ связи съ безпорядками на диспутѣ проф. Иванюкова. С. А. Муромцевъ былъ тогда проректоромъ и довольно энергично, хотя и стараясь щадить молодежь, все же ликвидировалъ возникшія волненія. Молва приписывала Муромцеву покровительство «крамольной» молодежи, а въ средѣ студенчества были нападки на проявленную имъ строгость. Исторія эта заслуживаетъ, чтобы рассказать ее особо, что я и сдѣлаю. Здѣсь же замѣчу лишь, что попечитель гр. П. А. Капнистъ вполне

¹⁾ С. А. Муромцевъ. Сборн. статей, М., 1911, с. 36.

²⁾ «Голосъ Минувшаго», 1916, кн. X, с. XXXIV.

³⁾ Свѣдѣнія эти взяты изъ переписки Н. И. Стороженко съ В. И. Семеновскимъ; такъ передавалась сущность обвиненій, выставленныхъ противъ С. А. Муромцева. С. М.

⁴⁾ Слухи о проскрипціонномъ спискѣ заимствованы изъ того же источника. С. М.

одобрилъ дѣйствія С. А., какъ проректора, выражая надежду, что онъ будетъ дѣйствовать впослѣдствіи еще энергичнѣе, и указывая, что Муромцевъ—единственный человѣкъ, на имени котораго сошлась московская профессура при выборахъ проректора. Такимъ образомъ, опала, и очень серьезная, миновала Муромцева въ 1881 г.

І. Умовъ, Шведовъ, Лигинъ и Преображенскій.

Въ томъ же 1881 г., уже при министрѣ народнаго просвѣщ. бар. Николаи, смѣнившемъ Сабурова вслѣдъ за мартовской исторіей 1881 г. въ московскомъ университетѣ, вниманіе правительства было обращено на дѣйствія 4 одесскихъ профессоровъ: Умова, Шведова, Лигина и Преображенскаго. Осенью 1881 г., выдвинувшійся на политическихъ процессахъ 1879—1881 гг. въ качествѣ военного прокурора, ген.-майоръ Стрѣльниковъ получилъ особыя полномочія по производству дознаній политическаго характера въ кievскомъ и одесскомъ генераль-губернаторствахъ. Главное вниманіе его было привлечено одесскими революціонными кружками среди рабочихъ и студентовъ. Между прочимъ, 2 ноября былъ подвергнутъ аресту, по обвиненію въ принадлежности къ революціонному сообществу, студентъ новороссійскаго университета, французскій гражданинъ Эля Адольфовичъ Рубановичъ. Въ ту пору—студентъ старшаго курса физико-математическаго факультета, Э. А. Рубановичъ эмигрировалъ въ 1882 г. въ Парижъ, гдѣ и принялъ видное участіе въ дѣятельности «Народной воли», группы «старыхъ народовольцевъ», и, наконецъ, партіи с.-р., являясь, такъ сказать, «министромъ иностранныхъ дѣлъ» этихъ партій, представителемъ с.-р. на международныхъ социалистическихъ конгрессахъ и энергичнымъ освѣдомителемъ европейскаго общественнаго мнѣнія о русскихъ внутреннихъ дѣлахъ ¹⁾. Въ 1881 году Рубановичъ обвинялся въ чтеніи лекцій въ рабочемъ кружкѣ. Ген. Стрѣльникова глубоко возмутило заступничество названныхъ выше профессоровъ и, въ результатѣ, возникло дѣло, сперва, о сношеніяхъ профессоровъ съ дипломатическимъ агентомъ иностраннаго государства, а затѣмъ о неблагонадежности проф. Умова. Временный одесскій ген.-губернаторъ (16 ноября 1881 г.) сообщилъ министру народнаго просвѣщенія объ арестѣ французскаго «подданнаго» Э. А. Рубановича ¹⁾, освобожденіе котораго изъ

¹⁾ См. его біографію въ «Большой Энциклопедіи», т. XXII, с. 450—451.

²⁾ Власти всюду зовутъ его «Рубиновичъ», но я придерживаюсь обычнаго написанія этой фамиліи черезъ *а*.

подъ стражи представлялось въ то время невозможнымъ. Тотчасъ,—сообщалъ далѣе ген.-губернаторъ,—по заарестованіи Рубановича, французскій генеральный консулъ въ Одессѣ обратился къ ген.-майору Стрѣльникову съ просьбой объ освобожденіи его на поруки, но, получивъ отказъ, предъявилъ новое ходатайство, энергично подкрѣпляя таковое удостовѣреніемъ, выданнымъ ему за подписью 4 профессоровъ одесскаго университета.

Въ удостовѣреніи своемъ Н. Умовъ и Оед. Шведовъ, профессора физики, В. Лигинъ, профессоръ механики и В. Преображенскій, профессоръ математики, свидѣтельствовали въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ французскому консулу въ Одессѣ, что студентъ физико-математ. факультета (матем. отд.) Рубановичъ всегда отличался своимъ прилежаніемъ въ занятіяхъ и любовью къ наукѣ. Замѣчательныя способности Рубановича заставляли профессоровъ видѣть въ немъ одного изъ наилучшихъ студентовъ факультета. Они считали долгомъ упомянуть о золотой медали, присужденной Совѣтомъ университета Рубановичу, когда тотъ былъ еще на III курсѣ, за специальную работу («Sur la reflexion de la lumière par les corps à couleurs superficielles»). Профессора утверждали также, что Рубановичъ и въ аудиторіяхъ, и въ лабораторіяхъ выдавался отличнымъ и безупречнымъ поведеніемъ. Таково *полностью* содержаніе документа, ужаснувшего администрацію.

Ген.-губернаторъ прежде всего останавливался въ недоумѣніи предъ вопросомъ, какую цѣль могло имѣть въ глазахъ профессоровъ такое коллективное заявленіе, приобретающее притомъ какъ бы офиціальныя характеръ въ виду положенія лица, которому оно адресовано. Едва ли они могли допустить предположеніе, что успѣхи Рубановича въ физическихъ наукахъ и даже хорошее поведеніе его въ лабораторіяхъ могутъ имѣть рѣшающее или даже, какое бы-то ни было, серьезное значеніе въ вопросѣ объ освобожденіи его изъ-подъ стражи по дѣлу политическаго характера, а, слѣдовательно, и выдача такого свидѣтельства должна была представляться имъ совершенно бесполезной. Но, оставляя открытымъ вопросъ о побужденіяхъ гг. профессоровъ при написаніи ими заявленія, ген.-губернаторъ выражалъ мнѣніе, что выдача такого свидѣтельства офиціальному представителю иностранной державы, при данныхъ обстоятельствахъ, являлась совершенно неумѣстной, тѣмъ болѣе, что было бы весьма затруднительно пріискать какія-либо легальныя основанія для совершенія такого шага, едва ли вытекающаго изъ ихъ обязанностей, какъ профессоровъ русскаго университета. О такомъ поступкѣ профессоровъ ген.-майоръ Стрѣльниковъ сообщилъ департаменту полиціи.

Бар. Николаи отнесся весьма серьезно къ этому дѣлу и сообщилъ одесскому попечителю учебнаго округа (22 ноября 1881 г.) слѣдующія распоряженія: «Признавая таковой поступокъ 4 профессоръ въ высшей степени неумѣстнымъ, я считаю необходимымъ безотлагательно потребовать черезъ ректора отъ означенныхъ профессоръ объясненій, по какому поводу, по чьей просьбѣ, для какой цѣли и по чьему полномочію, состоя на государственной службѣ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, сочли себя въ правѣ вступить въ непосредственныя формальныя сношенія съ агентомъ иностраннаго государства, для выдачи подобнаго удостовѣренія лицу, арестованному русскимъ правительствомъ по подозрѣнію въ государственномъ преступленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу разъяснить этимъ профессорамъ, что присвоить такому документу, адресованному не на имя лица частнаго, а должностного, характеръ частнаго заявленія я не считаю возможнымъ: это, безспорно, документъ формальный, и такимъ призналъ его и французскій генеральный консулъ, воспользовавшись имъ, чтобы настаивать на освобожденіи Рубановича на поруки». Баронъ Николаи требовалъ также заключенія попечителя по этому дѣлу и свѣдѣній, съ какого времени, по какому случаю и на какихъ правахъ французскій подданный Рубановичъ находился въ числѣ студентовъ новороссійскаго университета. Такимъ образомъ, и министръ народнаго просвѣщенія увидѣлъ въ свидѣтельствѣ профессоръ какія-то противозаконныя сношенія ихъ съ «агентомъ иностранной державы». Нельзя не отмѣтить, что и генералъ-губернаторъ, и министръ народнаго просвѣщенія, и всѣ остальные официальные лица упорно именуютъ гражданина французской республики «подданнымъ», что нельзя не признать довольно характернымъ штрихомъ административнаго міросозерцанія той эпохи.

Ни ректоръ, ни попечитель ничего не знали о письмѣ профессоръ, но попечитель сообщилъ министру «по справкамъ» нѣкоторыя свѣдѣнія: Рубановичъ былъ арестованъ 2-го ноября, и въ тотъ-же вечеръ было обыскано и помѣщеніе его въ университетѣ, въ отдѣльномъ кабинетѣ физической географіи, «предоставленное ему проф. Шведовымъ». Ректоръ Ярошенко получилъ 7-го ноября отъ ген.-майора Стрѣльникова бумагу съ письмомъ отъ арестованнаго студента, содержащимъ просьбу, чтобы ректоръ препроводилъ къ нему книги, по указанію проф. Умова, и принялъ также участіе въ отдачѣ его на поруки. При этомъ Рубановичъ выражалъ надежду, что въ просьбѣ этой не откажутъ. 9-го ноября ректоръ отвѣтилъ Рубановичу, что посылаетъ ему

книги, а о просьбѣ его извѣстилъ его семью. Вслѣдъ за этимъ проф. Вериго и Умовъ отправились къ Стрѣльникову и просили о выдачѣ имъ на поруки Рубановича, но получили отказъ, въ виду политическаго характера дѣла. «Время обращенія къ консулу проф. Умова,—писалъ Лавровскій,—я не могъ опредѣлить, но не подлежитъ сомнѣнію, что г. Умовъ обращался къ нему по собственной инициативѣ и послѣ того, какъ узналъ изъ устъ начальника тайной полиціи о причинахъ ареста Рубановича. По словамъ проф. Умова, по его же инициативѣ составлено и коллективное письмо и передано консулу. Эти данныя не могутъ не придавать и особой окраски письменному объясненію г. Умова». Въ такихъ выраженіяхъ старался Лавровскій приписать роль «зачинщика» пр. Умову. «Во всякомъ случаѣ,—заключалъ онъ,—лично я не могу не отнестись и съ прискорбіемъ, и съ крайнимъ недовольствомъ на (sic!) способъ и пріемъ дѣйствій подписавшихся 4 профессоры и не поставить въ особую вину такихъ дѣйствій проф. Умову». Попечитель глубоко сожалѣлъ, что въ числѣ подписавшихся оказался проф. Лигинъ ¹⁾, «скромный и разумный образъ мыслей котораго, казалось бы, долженъ былъ оттолкнуть его отъ участія въ незаконномъ обращеніи къ иностранному консулу». Затѣмъ попечитель сообщалъ, что Рубановичъ зачисленъ въ студенты 16 авг. 1877 г. по аттестату херсонской гимназіи.

На запросъ ректора отвѣтили письменно всѣ 4 профессора. Проф. Умовъ писалъ, что Рубановичъ былъ ему извѣстенъ, какъ отличный студентъ, съ большимъ усердіемъ работавшій въ теченіе академическаго года подъ личнымъ его руководствомъ, составлявшій лекціи по его предмету, получившій золотую медаль за работу, обработанную въ послѣднее время для печати. «Многочисленность и характеръ занятій Р.,—писалъ Умовъ,—не давали мнѣ возможности видѣть въ его арестѣ слѣдствія предосудительной политической дѣятельности, почему я и не могъ усмотрѣть въ то время чего-либо неумѣстнаго въ томъ, что далъ консулу, по его желанію, удостовѣреніе о г. Рубановичѣ, какъ хорошемъ студентѣ. На это удостовѣреніе я смотрѣлъ, какъ на опредѣляющее до нѣкоторой степени личное отношеніе консула къ Рубановичу, доселѣ ему неизвѣстному съ нравственной стороны. Письмо имѣло, на мой взглядъ, характеръ частный, такъ какъ оно было передано путемъ неофициальнымъ и безъ засвидѣтельствованія подписей профессоровъ». Послѣднія слова обратили на себя вниманіе министра. «Дѣйствіе свое,—продол-

¹⁾ Впослѣдствіи попечитель учебн. округа.

жалъ Умовъ,—я могъ бы приравнять свидѣтельскому показанію на судѣ о занятіяхъ и поведеніи подданнаго иностраннаго государства». Въ пересылкѣ Стрѣльниковымъ ректору письма Рубановича о книгахъ по взятіи его на поруки Умовъ видѣлъ доводы въ пользу своихъ дѣйствій: «передача подобной просьбы была бы невозможна, если бы ея содержаніе не согласовалось съ видами подлежащихъ властей на г. Руб.». Заключалъ проф. Умовъ слѣдующими словами: «Видя по послѣдствіямъ, что подача письма г-ну консулу приняла характеръ иной, чѣмъ я полагалъ ранѣе, не могу не видѣть неосторожность въ моемъ поступкѣ».

Проф. Лигинъ также говорилъ о необыкновенномъ трудолюбіи и скромномъ поведеніи Рубановича, но еще болѣе энергично сожалѣлъ, что дѣло приняло подобный оборотъ. Проф. Шведовъ заявлялъ, что онъ полагалъ, что арестъ Рубановича связанъ съ происходившими тогда въ стѣнахъ университета студенческими беспорядками. Консулъ, какъ частное лицо, интересовался успѣхами Рубановича. «Если бы я,—оригинально заканчивалъ проф. Шведовъ свое объясненіе,—въ малѣйшей мѣрѣ могъ подозрѣвать, что студентъ Рубановичъ обвиняется въ принадлежности къ революціонному обществу, то считалъ бы выдачу подобнаго удостовѣренія, помимо требованія судебныхъ властей, не только неумѣстной, но даже вредною для г. Рубановича, такъ какъ, на основаніи законовъ, умственные способности служатъ не къ смягченію, а къ отягченію участи обвиняемаго». Преображенскій, какъ математикъ, разбилъ свой отвѣтъ на пункты и, шагъ за шагомъ, доказывалъ, что причина ареста Рубановича была профессорамъ не извѣстна, что научныя занятія Рубановича могли отъ ареста пострадать, что заслуживала полного вниманія участь семьи Рубановича, для коей тотъ былъ единственной опорой, и т. д.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ объясненій, бар. Николай сообщилъ попечителю, что готовъ приписать поступокъ профессоровъ одной только неосмотрительности. Но онъ не могъ не выразить своего удивленія, что профессора считали подобное письмо частнымъ дѣломъ, не имѣющимъ серьезнаго значенія. Покровительство консула Рубановичу имѣло характеръ заступничества агента французской республики за «подданнаго этой республики»... «Мнѣ остается надѣяться,—заканчивалъ бар. Николай,—что подобное необдуманное отношеніе къ своимъ обязанностямъ лицъ, ответственныхъ предъ закономъ за свои дѣйствія, на будущее время повторяемо не будетъ». Этимъ письмомъ (отъ 22 декабря 1881 г.) дѣло и должно было закончиться. Однако 30 апрѣля 1882 г. департаментъ государственной полиціи сообщилъ мини-

стру народнаго просвѣщенія, что Рубановичъ, согласно ходатайству проф. Умова, былъ отданъ «сему послѣднему» на поручительство съ денежной отвѣтственностью въ 2.000 рублей и, «нынѣ, скрывшись изъ мѣста жительства, неизвѣстно гдѣ находится». Министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Н. П. Игнатьевъ распорядился взыскать съ Умова поручительную сумму и сообщить министру народнаго просвѣщенія. На немедленный запросъ министра народнаго просвѣщенія попечитель Лазровскій (31 мая 1882 г.) сообщилъ, что Рубановичъ былъ взятъ проф. Умовымъ на поруки 1-го марта, т.-е. *послѣ* разъясненія министерства. Тогда министръ народнаго просвѣщенія затребовалъ отъ проф. Умова, черезъ попечителя, объясненій, на какомъ основаніи онъ, въ виду упомянутаго разъясненія министерства, призналъ возможнымъ взять Рубановича подъ свое поручительство. У попечителя же затребовано было «ближайшее его заключеніе о нравственныхъ качествахъ, вообще, и о политической благонадежности, въ особенности, проф. Умова». Въ этомъ вопросѣ почувствовалась уже рука новаго министра И. Д. Делянова, который выдвинулся въ то время своимъ предсѣдательствомъ въ комиссіи по усиленію надзора за студентами, работавшей съ 30-го іюня 1881 г. по 10 янв. 1882 г., и сумѣлъ заявить себя, какъ ярый противникъ устава 1863 г., профессуры и студенчества.

Попечитель одесскаго учебнаго округа Лавровскій, вслѣдствіе непродолжительнаго пребыванія его въ Одессѣ и замкнутости въ жизни проф. Умова, лично сказать объ Умовѣ что-либо определенное не могъ, а потому вынужденъ былъ обратиться за справками о немъ къ университетскому начальству. Проректоръ сообщилъ, что Умова онъ знаетъ только, какъ преподавателя, но ему лично ничего не извѣстно о его нравственныхъ качествахъ, вообще, и о политической благонадежности, въ особенности. Отвѣтъ самого Умова былъ написанъ не безъ ядовитости. Онъ подтверждалъ, что объ бумаги ректора по дѣлу о Рубановичѣ онъ получилъ, но онѣ касаются его сношеній, признанныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія формальными, съ агентомъ иностранной державы. «Никакого запрещенія,—писалъ Умовъ,—сношеній съ Русскими властями по этому же дѣлу, со стороны министерства народнаго просвѣщенія въ означенныхъ 2 бумагахъ не было и, какъ я смѣю думать, не могло и быть, такъ какъ я состою подданнымъ Россійскаго государства, и сношенія съ Россійскими властями не могутъ быть вмѣняемы мнѣ въ вину». Однако ему достаточно было узнать, что Эля Рубановичъ обвиняется въ принадлежности къ революціонному обществу, чтобы прекратить всякія сношенія по его дѣлу, какъ съ иностранными.

такъ и съ русскими властями. И съ 16 ноября 1881 г. по 28 февраля 1882 г. проф. Умовъ никуда ни съ какими ходатайствами не обращался. Но 28 февраля онъ получилъ совершенно неожиданно отъ Рубановича письмо. Тотъ писалъ Умову, что подлежащими властями ему объявлено, что на слѣдующій день, 1-го марта, онъ можетъ быть выпущенъ на поруки лицу, которое согласится внести за него 2.000 рублей. Это письмо въ тотъ же день было передано проф. Умовымъ жандарм. полковнику Першену. Сопоставивши свѣдѣнія о дѣлѣ Рубановича, полученныя имъ отъ ген.-м. Стрѣльникова въ ноябрѣ 1881 г., а именно, что Рубановичъ обвиняется въ томъ, что 2 года тому назадъ онъ прочелъ пять лекцій физической географіи нѣсколькимъ рабочимъ и затѣмъ бросилъ это занятіе,—съ тѣмъ, что Рубановичъ возвращается въ среду молодежи за денежное поручительство, Умовъ не могъ не притти къ заключенію, что Рубановичъ не считается болѣе подлежащими властями политическимъ преступникомъ, такъ какъ,—по глубокому убѣжденію пр. Умова,—нравственное растлѣніе молодежи, въ среду которой возвращается лицо, исторгнутое за политическія преступленія, никакими денежными суммами оцѣняемо быть не можетъ. Онъ пришелъ къ заключенію, что Рубановичъ виновенъ въ поступкѣ легкомысленномъ, и что власти государства російскаго не считали Рубановича лицомъ, вреднымъ не только для общества, но и для болѣе чуткой и незрѣлой части его—молодежи. Зная далѣе: 1) что 2 года, истекшіе послѣ легкомысленнаго поступка Рубановича, были посвящены имъ усиленнымъ научнымъ занятіямъ, 2) что во время происходившихъ весною экзаменовъ задержаніе Рубановича въ тюрьмѣ лишило бы его возможности получить дипломъ, который былъ бы достойной наградой за его научные успѣхи; 3) полагая, что освобожденіе Рубановича 1-го марта обусловлено желаніемъ подлежащихъ властей связать въ глазахъ провинившагося актъ милосердія съ памятью въ Бозѣ почившаго Государя; 4) имѣя предъ глазами примѣры, что многіе товарищи по службѣ брали на поруки студентовъ, арестованныхъ по подозрѣнію въ политическихъ преступленіяхъ, и никакому взысканію за то со стороны властей не подвергались; 5) не усматривая съ своей стороны даже никакой жертвы для того, чтобы облегчить властямъ, коихъ компетентность онъ не считалъ себя въ правѣ подвергать сомнѣнію, совершить актъ милосердія по отношенію къ молодому человѣку, такъ какъ весь вопросъ состоялъ въ томъ, у него ли будутъ лежать принадлежащія ему деньги или въ Одесскомъ казначействѣ, проф. Умовъ не видѣлъ никакого повода къ тому, чтобы не взять Рубановича на поруки.

Въ дополненіе Умовъ сообщалъ, что 22-го марта ему стало извѣстно, что Рубановичъ не находится въ Одессѣ. Утромъ 23-го марта Умовъ заявилъ объ этомъ товарищу военного прокурора Прохорову, коему было передано дѣло Рубановича. Прохоровъ отвѣтилъ Умову, что ему ничего не извѣстно о бѣгствѣ Рубановича, и что онъ, съ своей стороны, полагаетъ, что Рубановичъ покончилъ жизнь самоубійствомъ. 20 апрѣля, по поводу залога, Умовъ былъ вновь у Прохорова, который заявилъ ему при этомъ, что Рубановичъ не подлежитъ даже суду. Деляновъ, разсматривая объясненіе проф. Умова, обратилъ особое вниманіе на слова о томъ, что послѣ разъясненій министерства онъ не дѣлалъ ничего для Рубановича, что тотъ не подлежалъ суду и, повидимому, покончилъ жизнь самоубійствомъ,—и оставилъ дѣло безъ послѣдствій. Но дѣло это было началомъ цѣлой серіи дѣлъ о профессорской неблагонадежности.

II. Гольцевъ.

Первою жертвою деляновскаго режима оказался В. А. Гольцевъ, занявшій мѣсто доцента полицейскаго права въ Москвѣ въ послѣдній день лорисъ-меликовской «диктатуры сердца». 28 февраля 1881 г., послѣ ряда неутвержденій его въ Москвѣ, Одессѣ и Ярославлѣ (въ 1878—79 гг.). Причина рѣзко отрицательнаго отношенія гр. Д. А. Толстого къ Гольцеву заключалась въ конституціонныхъ воззрѣніяхъ Гольцева и его критикѣ толстовскаго классицизма. Профессоромъ удалось Гольцеву пробыть лишь съ 28 февр. 1881 г. по 2-ое августа 1882 г., когда попечитель московскаго учебнаго округа объявилъ ему, ссылаясь на секретное предложеніе отъ 23 іюля, что новый министр Деляновъ считаетъ «неудобнымъ» его доцентство, и поставилъ ему на видъ, что, отказавшись подать прошеніе, онъ навлечетъ непріятности на университетъ и можетъ быть причиною студенческихъ волненій. Гольцевъ подалъ прошеніе. Къ сожалѣнію, мнѣ не посчастливилось добыть матеріалы объ увольненіи Гольцева, и я ничего не могу добавить къ тому, что сказано въ біографіи его, упоминая о немъ лишь для полноты обзора ¹⁾).

III. Мечниковъ.

Новороссійскій университетъ былъ издавна гнѣздомъ профессоръ-доносчиковъ. Говоря о 70-хъ гг., я буду имѣть случай подтвердить точными ссылками свое мнѣніе. Атмосфера, созданная тамъ послѣ 1881 г. реакціонною частью профессуры, стала

¹⁾ «Памяти В. А. Гольцева», восп. и статьи, М. 1910, с. 14—16.

«совершенно невыносимой, и въ срединѣ 1882 г. такіе выдающіеся профессора, какъ И. И. Мечниковъ, А. С. Посниковъ и В. В. Преображенскій вынуждены были покинуть Одессу, видя невозможность отстоять университетскую молодежь отъ расправъ, учиняемыхъ надъ нею ректоромъ университета Ярошенко и реакціонной профессурой. Исторія борьбы либеральной профессуры въ новороссійскомъ университетѣ за академическую свободу интересно и живо рассказана С. Я. Штрайхомъ въ рядѣ журнальныхъ и газетныхъ статей ¹⁾. Я добавлю къ тому, что извѣстно, нѣкоторыя данныя, не бывшія на виду у историковъ новороссійскаго университета и одесской профессуры.

2-го іюня 1882 г. попечитель одесскаго учебнаго округа донесъ Делянову, что ординарный профессоръ новороссійскаго университета по каѳедрѣ зоологій ст. сов. Мечниковъ обратился (22 мая) въ совѣтъ съ прошеніемъ объ увольненіи его по разстроенному здоровью отъ службы въ новороссійскомъ университетѣ. При этомъ попечитель представилъ, что семь человекъ (Клименко, Войтковскій, Лигинъ, Шведовъ, Юргевичъ, Вериго и Некрасовъ) предлагали отложить обсужденіе прошенія Мечникова до сентябрьскаго засѣданія. Восемь человекъ другихъ (большинствомъ одного голоса) рѣшили «возможно скорѣе дать ходъ отставкѣ означеннаго профессора». Тогда проф. Шведовъ, Лигинъ и Вериго представили особое мнѣніе. Они писали: «проф. Мечниковъ по своимъ научнымъ заслугамъ и педагогическому дару принадлежитъ къ числу такихъ представителей науки, для удержанія которыхъ въ своей средѣ университетъ долженъ употребить всѣ находящіяся въ его власти мѣры. Между тѣмъ, Совѣтъ не испыталь ни одной изъ мѣръ. Такая поспѣшность ничѣмъ не мотивирована». Лѣтній отдыхъ могъ бы возстановить здоровье Мечникова. Въ интересахъ университета было бы испытать эту мѣру. «Здѣсь возражаютъ, что мы не имѣемъ на это уполномочія проф. Мечникова. Но дѣло идетъ не объ этомъ послѣднемъ, а объ университетѣ, на защиту интересовъ котораго не требуется полномочій».

Деляновъ положилъ резолюцію: «дождаться отвѣта попечителя на конфиденціальнѣйшій запросъ о послѣднихъ исторіяхъ». Эти «исторіи» были изложены 26 мая въ «запискѣ для памяти», присланной министру народнаго просвѣщенія изъ министерства

¹⁾ Штрайхъ. «И. И. Мечниковъ въ Новороссійскомъ университетѣ», «Русская Школа», 1916, № 5—6, пед. хрон., с. 74—80; «Профессорскіе годы Мечникова», «Рѣчь», 1916 г., 4 іюля; «Мечниковъ и студенты», «День», 1916 г., 4 іюля, «А. С. Посниковъ и студенты», «Русская Школа», 1916, № 1; Мечниковъ. «Какъ и почему я поселился за границей», «Русск. Вѣдом.» 1909, № 239.

внутреннихъ дѣлъ, и заключались въ слѣдующемъ: «получены свѣдѣнія, что студенты новороссійскаго университета, недовольные ректоромъ Ярошенко по поводу направленія имъ дѣла о пререканіяхъ между профессорами, вызвавшего, по мнѣнію студентовъ, ходатайство объ отставкѣ со стороны профессоровъ, пользующихся расположеніемъ студентовъ (Мечникова и Преображенскаго), предполагаютъ устроить первому изъ этихъ профессоровъ прощальный пикникъ, а второму поднести адресъ съ выраженіемъ просьбы не оставлять кафедры. вмѣстѣ съ тѣмъ студенты намѣрены обратиться къ ректору съ коллективнымъ предложеніемъ оставить университетъ. Означенное заявленіе подписало уже будто бы 40 ч. студентовъ». Деляновъ приказалъ «потребовать свѣдѣнія по этому предмету отъ попечителя». 7 іюня попечитель, въ отвѣтъ на конфиденціальный запросъ, сообщилъ, что студенты дѣйствительно обратились къ ректору Ярошенко съ письмомъ, подписаннымъ 95 студентами, въ которомъ, заявляя, что «дѣла университета, направляемая его рукою, приняли такой оборотъ, при которомъ профессора, составляющіе гордость университета (Преображенскій, Посниковъ, Мечниковъ и Гамбаровъ) вынуждены оставить его, что дѣла эти явились роковымъ слѣдствіемъ того направленія, которое онъ далъ, и что онъ, ректоръ, долженъ отказаться отъ дальнѣйшей ректорской дѣятельности». Письмо это было передано ректоромъ Ярошенко на усмотрѣніе Совѣта университета, который, обсудивъ поступокъ 95 студентовъ, подписавшихъ его, уволилъ изъ новороссійскаго университета съ правомъ немедленнаго поступленія въ другія высшія учебныя заведенія оказавшихся наиболѣе виновными, *семь* студентовъ, которые находились уже на замѣчаніи инспекціи за участіе въ прежнихъ беспорядкахъ въ университетѣ и тогда же дали подписки объ увольненіи ихъ изъ университета, на случай, если они снова будутъ замѣчены въ беспорядкахъ. Наказаніе остальныхъ 88 студентовъ Совѣтъ ограничилъ строгимъ выговоромъ. Этимъ настоящее дѣло и закончилось и беспорядковъ никакихъ не произошло.

«Что же касается прощальнаго пикника профессору Мечникову, объ увольненіи котораго было уже представлено,—писалъ попечитель,—то, сколько мнѣ извѣстно по частнымъ слухамъ, прощаніе проф. Мечникова со студентами, дѣйствительно, имѣло мѣсто на одной изъ загородныхъ дачъ, при чемъ, по тѣмъ же слухамъ, ничего особеннаго не произошло. Объ адресѣ студентовъ профессору Покровскому, прошенію котораго объ отставкѣ университетомъ еще не дано движенія, ничего не извѣстно». По полученіи этой бумаги Деляновъ (18-го іюня) извѣстилъ

попечителя, что онъ «уволить проф. Мечникова по прошенію». Слухи объ отставкѣ Гамбарова не оправдались, онъ перешелъ въ экстра-ординарные профессора Московскаго университета въ 1884 году. А. С. Посниковъ и В. В. Преображенскій покинули одесскій университетъ вслѣдъ за Мечниковымъ. Преображенскій былъ избранъ въ 1884 г. на кафедру математики въ Казань и утвержденъ Деляновымъ. Но Мечникову пришлось покинуть родину и уѣхать на чужбину, гдѣ его оцѣнили больше, чѣмъ на родинѣ. Что касается Посникова, то и онъ получилъ возможность вернуться къ профессурѣ лишь черезъ 17 лѣтъ, и то не въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Нужно замѣтить, что гр. Д. А. Толстой, въ бытность его министромъ народнаго просвѣщенія, зналъ и цѣнилъ научную дѣятельность Посникова: такъ возражая въ 1877 г. ярославскому губернатору Шмиту на его нападки на директора демидовскаго лицея Капустина и на профессоровъ, Д. А. Толстой писалъ, что въ лицѣ, помимо Дитятина и Сергіевскаго, которыхъ Шмитъ называлъ «единственно дѣльными профессорами лицея», былъ еще «Посниковъ, весьма даровитый ученый, дѣйствовавшій весьма дѣльно». Однако Посниковъ былъ вѣренъ уставу 1863 г. и завѣтамъ академической свободы, и это закрыло ему возвращеніе въ университетъ навсегда.

IV. Сыцянко.

Слѣдующимъ профессоромъ, который былъ намѣченъ къ удаленію по приказанію изъ центра, былъ доцентъ харьковскаго университета Іосифъ Семеновичъ Сыцянко. Біографія его никѣмъ не написана. Между тѣмъ, онъ вполне заслужилъ, чтобы судьба его привлекла къ себѣ вниманіе изслѣдователей исторіи русской общественности. Гр. Д. А. Толстой, сдѣлавшійся въ 1882 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, 29 ноября 1882 г. писалъ Делянову: «При разсмотрѣніи въ 1879 г. преступной дѣятельности харьковскаго соціально-революціоннаго кружка, стремившагося къ ниспроверженію существующаго въ Россіи порядка управленія и замышлявшаго совершить покушеніе на жизнь въ Бозѣ почившаго имп. Александра II, выяснилось, что въ составъ означеннаго кружка входили взрослые члены семьи доцента харьковскаго университета Іосифа Сыцянко, проживавшіе при отцѣ, при чемъ у сына его Александра, сосланнаго впоследствии въ Сибирь¹⁾, хранились запрещенныя изданія и снаряды, пред-

¹⁾ А. О. Сыцянко (1860—1898) былъ въ 1879 г. реалистомъ, участвовалъ въ кружкѣ В. А. Данилова, къ которому принадлежали также студ. Блиновъ, Богуславскій, Кузнецовъ. Кружокъ этотъ примкнулъ къ народолюбцамъ и А. Сыцянко, дѣйствительно, спряталъ на чердакѣ

назначенные для взрыва императорскаго поѣзда. По обстоятельству сего дѣла возникло сильное подозрѣніе, что доцентъ Сыцянка не только зналъ о принадлежности своего сына къ преступному сообществу, но и помогалъ ему скрывать слѣды преступленія. Вслѣдствіе сего отецъ Сыцянка былъ подвергнутъ аресту, но, по недостатку фактическихъ уликъ, освобожденъ отъ отвѣтственности по опредѣленію суда».

Въ такихъ выраженіяхъ излагалъ гр. Д. А. Толстой исторію съ привлеченіемъ и оправданіемъ проф. Сыцянка въ 1879—1880 гг. по обвиненію въ содѣйствіи преступной дѣятельности сына. Харьковъ и университетъ отлично знали проф. Сыцянка въ 60—70 гг., какъ университетскаго преподавателя по предмету, который онъ впервые ввелъ въ число предметовъ преподаванія въ Харьковѣ (электротерапіи), и какъ врача-практика, владѣльца мастерской электрическихъ аппаратовъ для лѣченія. Еще въ 1865 г. онъ былъ уже докторомъ медицины и получалъ отъ университета заграничныя командировки. Дѣтямъ своимъ онъ предоставлялъ полную свободу. Когда у сына его найдены были запрещенные предметы, онъ сдѣлалъ все, чтобы спасти сына, принимая на себя вину въ томъ, о чемъ онъ никогда ничего не слышалъ. Сынъ же старался отстранить всякія подозрѣнія отъ отца. Судъ происходилъ съ 22 сентября по 2 октября 1880 гг., при чемъ борьба великодушія между отцомъ и сыномъ, ихъ рѣчи, въ которыхъ они брали всю вину на себя,—потрясли даже судей. Изъ 14 подсудимыхъ—3 были приговорены къ ссылкѣ, 3—къ тюрьмѣ, 8 человекъ оправданы, въ томъ числѣ Сыцянка-отецъ. И это *полное оправданіе* гр. Д. А. Толстой называлъ «освобожденіемъ отъ отвѣтственности по недостатку *фактическихъ* уликъ». Послѣ оправданія, проф. Сыцянка вернулся къ мирной научной и практической дѣятельности, но самое родство его съ государственнымъ преступникомъ было уже преступленіемъ. На его несчастье въ 1882 г. была, хотя и не надолго повидимому, арестована по дѣлу «Краснаго Креста Народной Воли» дочь его

недостроеннаго дома своего отца нелегальную литературу, спираль Румкорфа, буравъ и др. предметы, которые были случайно открыты. Его имя было упомянуто въ показаніяхъ Гольденберга, что очень ухудшило его положеніе. 2 октября 1880 г. харьковскій военно-окружный судъ приговорилъ его къ 2 г. 8 м. кат. работъ. Но, въ виду его несовершеннолѣтія, онъ былъ сосланъ въ Восточную Сибирь, бѣжалъ, былъ пойманъ, водворенъ въ отдаленнѣйшія мѣста Якутской области; возвратился въ 1886 г.; въ 90-хъ гг. былъ однимъ изъ основателей партіи с.-р., и, арестованный, покончилъ съ собой въ Воронежской тюрьмѣ 8 февраля 1898 г. О немъ: «Хроника соціал. движ.», М. 1906, с. 134—5; С. Нечетный «Очерки по исторіи партіи с.-р.», журн. «Соц.-рев.», 1912, № 4, с. 71; «Старикъ», «Былое», 1906, XI, 44; Илличъ-Свитычъ, «Мин. годы», кн. V—VI с. 440; Показанія Гольденберга въ «Процессѣ 16-ти», с. 123; Даниловъ «Воспоминанія», «Былое», 1907, VIII, 229.

Марія. Это обстоятельство и дало поводъ Д. А. Толстому написать Делянову письмо, начало коего приведено выше.

«Нынѣ,—продолжалъ гр. Д. А. Толстой,—доцентъ Сыцянка прислалъ на имя своей дочери Маріи, содержащейся подъ стражей по обвиненію въ государственномъ преступленіи, письмо, подтверждающее неодобрительный образъ мыслей автора». Графъ прилагалъ и копію «неодобрительнаго» письма. И. С. Сыцянка писалъ: «Милая, дорогая моя, несчастная Маня, дай Богъ тебѣ силы переносить съ твердостью твое положеніе. Я тоже стараюсь смотрѣть на всѣ наши бѣдствія, такъ сказать, съ отдаленнаго пространства... вижу на разныхъ пунктахъ земного шара множество живыхъ атомовъ, называемыхъ людьми: одни изъ нихъ веселятся, радуются, блаженствуютъ, между тѣмъ какъ другіе бѣдствуютъ, страждутъ. Мы попали въ категорію этихъ послѣднихъ, но ихъ, вѣдь, многое множество, чѣмъ же мы лучше этихъ многихъ? Правда, больно, но не за себя лично, и даже не за своихъ близкихъ, а за всѣхъ страждущихъ.

«Мнѣ даже приходитъ на мысль вопросъ: «Если бы мнѣ было предложено на выборъ—быть въ числѣ тѣхъ, которые страждутъ или же тѣхъ, которые такъ или иначе причиняютъ страданія другимъ, то что бы я выбралъ»? Внутренній голосъ всегда даетъ отвѣтъ: «я бы предпочелъ быть страдальцемъ». Значитъ, въ самомъ страданіи заключается утѣшеніе. Твои порученія относительно вещей будутъ исполнены... Отъ Саши нѣтъ извѣстій. На-дняхъ я послалъ генераль-губернатору Восточной Сибири докладную записку, прося увѣдомить, гдѣ сынъ мой такой-то. Прощай, моя дорогая, дождемся ли когда радостнаго свиданія?! И. Сыцянка»... ¹⁾.

И. Д. Деляновъ, конечно, приказалъ тотчасъ же потребовать заключенія харьковскаго попечителя М. С. Максимовскаго, подтверждая, съ своей стороны, отзывъ гр. Толстого о «неодобрительномъ образѣ мыслей автора» приведеннаго письма. Что отвѣчалъ попечитель, мнѣ не извѣстно, но—фактъ тотъ, что Сыцянка продолжалъ еще 2 года читать лекціи въ Харьковѣ.

¹⁾ М. О. Сыцянка (Ослонова), упоминаемая здѣсь, была, какъ и въ 1882 г., въ 1884 г. привлечена снова къ дознанію по дѣлу «Краснаго Креста Народной Воли», была подчинена гласному надзору полиціи на 3 года по мѣсту жительства отца. Въ 1889 г. снова по дѣлу харьковскаго народолюбческаго кружка была сослана административно на 3 г. въ Западную Сибирь, въ 1894 г. Марія и Анна Сыцянка были привлечены по дѣлу партіи «Народ. Права». Заключенные въ харьковской, а потомъ и въ мценской каторжной тюрьмѣ политическіе заключенные много разъ сердечно поминаютъ имя М. Сыцянка въ своихъ мемуарахъ. См. «Обзоръ дознаній за 1894 г.», «Былое», 1907 г., V, 233; «Мин. Годы», 1908, VII, 104, 109; «Былое», 1906 г., VII, 133; 1907, IV, 187—8; «Хроника социальнаго движенія», М., 1907, с. 218.

Однако такое малое вниманіе и недостаточная поспѣшность со стороны Делянова, врядъ ли могли понравиться гр. Д. А. Толстому, и онъ вернулся въ настойчивой формѣ къ тому же вопросу въ 1884 г.

II. Муромцевъ.

На этотъ разъ въ 1884 г. «опала» обрушилась сразу на четырехъ лицъ. Это были: все тотъ же доцентъ харьковскаго университета І. С. Сыцяно, профессоръ московскаго университета С. А. Муромцевъ, профессоръ кievскаго университета Ѳ. Г. Мищенко и кандидатъ на профессорскія должности Д. А. Дриль. 12-го іюня 1884 года, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшій полиціей, ген. П. В. Оржевскій обратился къ Делянову со слѣдующимъ отношеніемъ. «Свѣдѣніями,—писалъ онъ,—полученными въ послѣднее время департаментомъ полиціи изъ разныхъ источниковъ, вполне опредѣлилось крайне вредное противо-правительственное направленіе проф. Муромцева, Мищенко, Дриля и Сыцяно, относительно которыхъ и прежде сего имѣлись указанія, свидѣтельствующія о ихъ политической неблагонадежности».

«Въ отношеніи къ профессору Муромцеву были выяснены слѣдующіе факты. Въ прошломъ (1883) году, на другой или на третій день коронаціи, у извѣстнаго Вашему Высокопревосходительству редактора «Русскаго Курьера» Гольцева былъ вечеръ, на который собрались всѣ его знакомые одного съ нимъ образа мыслей, а также члены прибывшей въ то время въ Москву Румелійско-Болгарской депутаціи. Эта послѣдняя сдѣлалась предметомъ особаго вниманія всѣхъ приглашенныхъ на вечеръ Гольцева, которые въ цѣломъ рядѣ рѣчей старались убѣдить членовъ депутаціи въ томъ, что Россія никогда не можетъ быть союзницей Болгаріи, потому что составляетъ разлагающійся организмъ, находящійся наканунѣ революціи и ничего общаго не имѣющій съ свободной страной, управляемой народнымъ представительствомъ. Въ числѣ лицъ, говорившихъ рѣчи, былъ также проф. Муромцевъ, указавшій, между прочимъ, на то, что обнародованный 15-го мая (1883 г) манифестъ даровалъ свободу разбойникамъ и грабителямъ, наравнѣ съ правительствомъ обирающимъ и притѣсняющимъ народъ, и оставилъ нести ужасный крестъ ссылки и надзора такихъ свѣтлыхъ личностей, какъ Чернышевскій и др. политическіе преступники. На это Гольцевъ отвѣтилъ слѣдующими словами: «Ваша мысль очень удачна. Грабящее правительство и свободные грабители—синонимы».

«Далѣ, — писалъ Оржевскій, — несомнѣнно доказаннымъ является участіе проф. Муромцева на обѣдѣ въ гостиницѣ «Метрополь», въ день похоронъ Тургенева, на которомъ произносились разные возмутительные тосты, и одною изъ видныхъ участницъ революціоннаго сообщества открыто собирались деньги въ пользу «Народной Воли».

«Принадлежа къ кружку, группировавшемуся около Гольцева, Муромцевъ былъ постояннымъ посѣтителемъ сходокъ этого кружка, на которыхъ осуждались дѣйствія правительства, произносились рѣзкія рѣчи противъ различныхъ правительственныхъ дѣятелей и происходилъ постоянный обмѣнъ сенсационныхъ новостей о террористическихъ фактахъ, въ родѣ убійства подполковника Судейкина, вызвавшего оживленную радость всѣхъ членовъ этого кружка. На одномъ изъ подобныхъ собраній, происходившемъ вскорѣ послѣ осеннихъ волненій студентовъ московскаго университета и Петровской Академіи, Муромцевъ съ особенной радостью сообщилъ объ этомъ кружку въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Ну, слава Богу, опять начинаются волненія среди студентовъ».

«Наконецъ, проф. Муромцевъ состоитъ въ настоящее время членомъ учредителемъ образовавшагося въ Москвѣ въ недавнее время общества негласнаго вспомошествованія лицамъ, ищущимъ работы, цѣль котораго заключается въ противодѣйствіи мѣрамъ правительства, направленнымъ къ прекращенію дѣятельности разныхъ органовъ печати наиболѣе вреднаго направленія, и осуществляется имъ посредствомъ денежнаго вспомошествованія тѣмъ изъ литераторовъ, которые вслѣдствіе этихъ мѣръ, были лишены возможности продолжать антиправительственную агитацію путемъ печати и, кромѣ того, были или привлечены къ отвѣтственности по обвиненіямъ въ государственныхъ преступленіяхъ или вынуждены выѣхать изъ столицы». Далѣе шли свѣдѣнія о Дрилѣ, Сыцянкѣ и Мищенко, которыя мы приведемъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, остановившись теперь на обвиненіяхъ противъ одного С. А. Муромцева. Заканчивалъ Оржевскій свое письмо заявленіемъ, что эти свѣдѣнія «сообщаются Делянову въ томъ предположеніи, что, можетъ быть, Вашему Высокопревосходительству благоугодно будетъ признать неудобнымъ дальнѣйшее оставленіе на государственной службѣ профессоровъ Муромцева, Мищенко, Сыцянка и Дриля, противоправительственное направленіе коихъ въ настоящее время, казалось-бы, достаточно доказано».

Нужно ли говорить, что мнѣніе Делянова вполне совпало съ мнѣніемъ ген. Оржевскаго, хотя онъ не только имѣлъ право,

но и былъ обязанъ, даже въ то «серьезное» время, проявить нѣ-которую самостоятельность въ разслѣдованіи и рѣшеніи вопроса, возбужденнаго товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣ-дывающимъ полиціей. Онъ не позаботился освѣдомиться, изъ какого же, собственно, источника дошли до ген. Оржевскаго сообщаемыя имъ свѣдѣнія, какова степень достовѣрности этихъ свѣдѣній. Онъ не потребовалъ, какъ это обычно дѣлалось, про-вѣрить свѣдѣнія, обратившись непосредственно къ лицамъ, на которыхъ возводились обвиненія, спросивши ихъ самихъ и ближайшее ихъ начальство, ректоровъ и попечителей. Деляновъ обязанъ былъ сдѣлать это даже съ чисто бюрократической точки зрѣнія, не говоря уже о чувствѣ—тоже чисто чиновничьей—вѣдомственной независимости. Такъ поступалъ въ свое время гр. Д. А. Толстой, но на это никогда не осмѣлился бы Деляновъ. А, впрочемъ, можетъ быть, въ вопросѣ о столь тонкомъ и неуло-вимомъ обвиненіи, какъ «вредное направленіе мыслей», были, дѣйствительно, излишни простѣйшія формальности, ограждающія власть отъ ошибокъ, а объекты воздѣйствія отъ ненужныхъ стра-даній. Самъ Деляновъ замѣтилъ ошибку ген. Оржевскаго, ко-торый Д. А. Дриля назвалъ «профессоромъ» московскаго универ-ситета, и исправилъ эту ошибку, назвавши его «кандидатомъ на профессорскія должности», что соответствовало истинѣ. Уже это давало ему право заподозрить правильность и другихъ обви-неній. Но Деляновъ ничего не предпринялъ не только въ защиту профессоровъ, но и для выясненія обстоятельствъ дѣла вообще. Мысль спросить самихъ «виновныхъ», конечно, не пришла ему въ голову. Это объясняется тѣмъ, что вопреки установившимся ошибочнымъ и нелѣпо сантиментальнымъ взглядамъ на него, какъ на «патріархальнаго» министра, Деляновъ былъ вѣрнымъ преданнымъ слугою стараго порядка, не за страхъ, а за совѣсть, сознательнымъ реакціонеромъ, вдохновителемъ реакціи, шед-шимъ въ смыслъ личныхъ преслѣдованій *далее* министра внут-реннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстого. Послѣдній былъ способенъ, говоря словами сен. Крашенинникова, «соблюдать перспективу» по отношенію къ политическимъ врагамъ. Деляновъ же зналъ лишь одну мѣру наказанія,—максимальную.

Еще въ 1866 году, въ дѣлѣ, напр., проф. Драгоманова, для Делянова, тогда товарища министра народнаго просвѣщенія, не было никакихъ сомнѣній, и если бы не уставъ 1863 г., при которомъ труднѣе было расправиться съ неугоднымъ профессо-ромъ, то Драгомановъ на 9 лѣтъ раньше окончилъ бы свою про-фессорскую дѣятельность, именно, благодаря настояніямъ Де-лянова. Естественно, что въ 1884 г. Деляновъ на отношеніи

Оржевскаго сдѣлалъ помѣтку: «уволить отъ должности профессоръ Муромцева, Мищенко, Сыцянка и Дриля не считать болѣе кандидатомъ въ доценты» (12 іюля 1884 г.). Но, когда ему представили проектъ предложенія попечителямъ уволить немедленно такого-то профессора «въ виду сообщенныхъ мнѣ *вполнѣ достовѣрныхъ* свѣдѣній о политической неблагонадежности его», Деляновъ собственноручно вычеркнулъ слова «вполнѣ достовѣрныхъ». Результатъ получился тотъ же, но, очевидно, неловко было говорить о достовѣрности, да еще полной!

Обращаясь къ обвиненіямъ противъ Муромцева, нельзя не поразиться ихъ явной лживостью и даже небрежностью компановки обвинительныхъ пунктовъ. Интересно отмѣтить, что «кружокъ» Гольцева и его друзей былъ подъ наблюденіемъ, и свѣдѣнія о немъ, очевидно, очень цѣнились. Нѣкто, информировавшій власть имущихъ о кружкѣ и разговорахъ въ немъ, очевидно, былъ не очень надежнымъ информаторомъ. Покойный С. А. Муромцевъ былъ серьезнымъ и строгимъ профессоромъ. Онъ не отказался стать проректоромъ и исполнялъ свои обязанности, въ 1881 г., безъ послабленій, охраняя порядокъ въ университетѣ въ ту тревожную эпоху. Конечно, выборный проректоръ, профессоръ, да еще человѣкъ того нравственнаго склада, какимъ былъ С. А., не годился для охраны порядка въ эпоху, когда понадобились Брызгаловы, Потаповы и т. п. представители инспекціи 80-хъ гг. Поэтому онъ покинулъ, въ свое время, постъ проректора въ виду новыхъ «вѣяній» новой эпохи. Но всѣмъ, знавшимъ его, должна была показаться явно лживой фраза, приписанная ему: «Слава Богу, опять начинаются студенческіе безпорядки»!... Конечно, ничего подобнаго онъ не говорилъ и въ дѣйствительности. Присутствіе его на вечерѣ у Гольцева онъ также отрицалъ, когда осенью 1884 г. посѣтилъ Делянова и, въ личномъ разговорѣ, пытался добиться у того объясненія, почему онъ уволенъ. Онъ завѣрилъ Делянова, и никто не усомнится въ его словахъ, что никакой румелійско-болгарской депутаціи онъ и въ глаза не видалъ. Было бы чрезвычайно интересно освѣтить въ печати обстоятельства банкета въ «Метрополѣ» въ Москвѣ, въ день похоронъ Тургенева, гдѣ произносились «возмутительные» тосты, *присутствіе* при коихъ было поставлено Муромцеву въ вину. Наконецъ, самое серьезное обвиненіе, въ сущности, это—принадлежность къ «кружку» московскихъ конституціоналистовъ, дѣятельность котораго уже освѣщена, хотя и недостаточно полно, въ сборникахъ памяти Гольцева, Муромцева, въ воспоминаніяхъ М. Ковалевскаго и т. п. статьяхъ. Очень желательно было бы, чтобы москвичи,

участники общественно-литературной жизни начала 80-хъ гг., рассказали въ печати о дѣятельности «общества негласнаго вспоможенія лицамъ, ищущимъ работы», которое, по словамъ ген. Оржевскаго, помогало литераторамъ-сотрудникамъ закрытыхъ въ апрѣлѣ того же года журналовъ «Отечественныя Записки» и «Дѣло». Несомнѣнно, что дѣятельность этого общества, если она, дѣйствительно, была такою, какъ говоритъ Оржевскій, имѣла большое значеніе, какъ активная помощь литературѣ въ тяжкія для нея времена. Какъ мы видимъ, истинныя причины увольненія не вполне совпадаютъ съ догадками на этотъ счетъ того и позднѣйшаго времени.

Самое объявленіе Муромцеву приказа министра объ увольненіи имѣло нѣкоторыя послѣдствія. 25-го іюля 1884 г. попечитель донесъ министру объ исполненіи его распоряженія насчетъ Муромцева. Въ приказѣ по министерству это было изложено такъ: «увольняется ординарный профессоръ московскаго университета по кафедрѣ римскаго права, докторъ гражданскаго права Муромцевъ съ 19-го іюля 1884 г.». 29-го сентября того же года попечитель московскаго учебнаго округа конфиденціально донесъ Делянову, что получилъ лично отъ орд. проф. Усова заявленіе, въ которомъ онъ просилъ объ изслѣдованіи дѣла, касательно сообщенныхъ Делянову свѣдѣній о подговорѣ, будто бы, студентовъ къ подачѣ адреса бывшему профессору Муромцеву. Заявленіе это, какъ мы знаемъ теперь изъ письма проф. Стороженко къ В. И. Семеvскому ¹⁾, было вызвано доносомъ на проф. М. Ковалевскаго, Чупрова и Усова, что они въ засѣданіи Совѣта въ сентябрѣ были инициаторами сожалѣнія, выраженнаго юридическимъ факультетомъ, а затѣмъ и Совѣтомъ «по поводу потери Муромцева, одного изъ самыхъ опытныхъ, талантливыхъ и ученыхъ преподавателей». Я полагаю, что о скромной манифестаціи въ Совѣтѣ агенты инспектора Брызгалова донесли гр. Капнисту, попечителю округа, добавивши, что Ковалевскій, Чупровъ и Усовъ подбивали молодежь на подачу адреса, а Капнистъ телеграфировалъ Делянову. Этой телеграммы, а равно и телеграммы Делянова о выговорѣ этимъ тремъ профессорамъ, я не нашелъ. Какъ извѣстно уже, студенты обращались къ Чупрову и Ковалевскому за совѣтомъ относительно адреса Муромцеву, но тѣ, въ интересахъ самого Муромцева, убѣдили ихъ этого не дѣлать. Что касается Усова, то онъ, черезъ попечителя, послалъ Делянову письмо (отъ 25 сентября), въ которомъ писалъ:

«На меня взведено по какому то доносу обвиненіе въ поступкѣ,

¹⁾ «Голосъ Минуваго», 1916 г., X. с. XXXI, въ ст. С. П. Мельгунова, «Ученыя мытарства».

недостойномъ не только профессора, но и вообще порядочнаго человѣка—обвиненіе въ подговорѣ студентовъ на дѣйствія, влекушія за собой карательныя мѣры. Если двадцати трехъ лѣтъ въ этомъ отношеніи безупречной моей профессорской дѣятельности, всегда открытой и ни для кого не тайной, было недостаточно для огражденія моей личности отъ подобнаго извѣта, то я прошу производства формальнаго слѣдствія» и т. д.

Попечитель округа доносилъ министру, что у него нѣтъ никакихъ данныхъ по отношенію къ Усову, кромѣ указанія его фамиліи въ телеграммѣ министру, и что все дѣло представлялось ему, послѣ объясненій съ г. Усовымъ, вполне выясненнымъ; и онъ, съ своей стороны, заявилъ Усову, что не видитъ основанийъ къ дальнѣйшему разслѣдованію дѣла, которое онъ, попечитель, считалъ оконченнымъ. Но, въ виду настояній Усова, онъ сообщалъ его письмо Делянову, добавляя, что разслѣдованіе врядъ ли дастъ результаты, кромѣ сообщеннаго въ конфиденціальномъ письмѣ отъ 22 сентября. Вполнѣ понятно, почему г. попечитель такъ усиленно старался потушить дѣло съ Усовымъ. Тотъ потребовалъ бы очной ставки съ обвинителями, а это врядъ ли было въ интересахъ попечителя и его освѣдомителей. А, кромѣ того, освѣдомители солгали: Усовъ не только не говорилъ со студентами объ адресѣ, но и не былъ на засѣданіи Совѣта, въ которомъ, яко бы, протестовалъ противъ отставки Муромцева. Вполнѣ естественно, что и Деляновъ положилъ «милостивую» резолюцію на донесеніи попечителя: «Слово г. Усова есть достаточное доказательство правды. Никакого слѣдствія не нужно». Такъ закончилось дѣло объ увольненіи Муромцева, прервавшемъ его профессорскую дѣятельность до 1898 года. Друзья молодежи отсовѣтовали ей дать выраженіе возмущавшимъ ее чувствамъ. Заявленія же скорби объ увольненіи Муромцева въ Совѣтѣ университета встрѣтили лишь робкое сочувствіе части профессоровъ: только *треть* Совѣта осмѣлилась встать въ знакъ согласія съ Ковалевскимъ и Чупровымъ. Нужно отдать справедливость М. М. Ковалевскому. Онъ еще лѣтомъ, до открытія занятій въ университетѣ, на археологическомъ Сѣздѣ произнесъ сильную рѣчь, высказывая сожалѣніе о тяжелой потерѣ науки и московскаго университета въ лицѣ Муромцева.

VI. Дриль.

Вторымъ лицомъ, упомянутымъ въ отношеніи Оржевскаго (отъ 12-го іюля 1884 г.) былъ «готовящійся къ профессорскому званію, членъ московскаго Юридическаго Общества Дриль», состоявшій, по свѣдѣніямъ Оржевскаго, кассиромъ и дѣлопроиз-

водителемъ того общества, участіе въ которомъ вмѣнено было въ вину Муромцеву («общества негласнаго вспоможенія ищущимъ работы»). «По свѣдѣніямъ департамента полиціи,—писаль Оржевскій,—въ квартирѣ Дриля, подъ видомъ удешевленной продажи бумаги, конвертовъ и другихъ письменныхъ принадлежностей продаются революціонныя брошюры и принимается подписка на послѣднія. Въ кассѣ, завѣдываемой Дрилемъ, на случай внезапнаго обыска, несмотря на то, что число платящихъ членовъ означеннаго общества достигаетъ 200 человѣкъ,—не можетъ налицо находиться болѣе 600 рублей, и весь излишекъ противъ этой суммы передается на нужды революціонныхъ кружковъ». Вотъ и все, что касается Дриля. По поводу этого послѣдняго Деляновъ отвѣтилъ 19-го іюля Оржевскому, что онъ предложилъ начальствамъ подлежащихъ учебныхъ округовъ сдѣлать распоряженіе объ исключеніи г. Дриля изъ числа кандидатовъ на профессорскія должности. Обвиненія Дриля были не менѣе голословны, чѣмъ тѣ, которыя были выставлены противъ Муромцева. Это вынужденъ былъ признать самъ Деляновъ, который 20 ноября 1884 г. обратился съ отношеніемъ къ Оржевскому, напоминая ему, что по свѣдѣніямъ департамента полиціи вполнѣ опредѣлилось вредное направленіе, между прочимъ, Муромцева и Дриля. Они, въ числѣ другихъ, уволены. Между тѣмъ,—писаль Деляновъ,—«при личномъ со мною свиданіи быв. проф. Муромцевъ совершенно отрицалъ свое участіе на вечерѣ у редактора Гольцева и при этомъ заявилъ, что онъ даже и не видалъ Румелійско-Болгарской депутаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и кандидатомъ Дрилемъ отвергается фактическая сторона обвиненія». Деляновъ просилъ Оржевскаго, не признаетъ ли онъ возможнымъ, съ своей стороны, доставить ему еще какія-либо имѣющіяся въ дѣлахъ департамента полиціи свѣдѣнія о Муромцевѣ и Дрилѣ и почтить его отзывомъ. Такимъ образомъ, даже Деляновъ почувствовалъ нѣкоторую неловкость отъ слишкомъ бѣлыми нитками сшитыхъ обвиненій противъ профессоровъ. Но ген. Оржевскій не «почтилъ отзывомъ» этотъ запросъ Делянова, и все осталось по-прежнему.

Выступленіе противъ Дриля случилось какъ разъ тогда, когда онъ былъ избранъ штатнымъ доцентомъ, и нужно было не допустить его на кафедру. Не слѣдуетъ думать, что его заключенія кончились въ 1884 г. Только подъ конецъ жизни (онъ умеръ въ 1910 г.) онъ сталъ преподавателемъ уголовного права въ Петроградскомъ Политехническомъ Институтѣ, на частныхъ коммерческихъ курсахъ и на юридическомъ факультетѣ Психоневрологическаго Института. «Друзья» Д. А. Дриля не упускали его изъ виду, и достаточно было ему выступить съ защитой ма-

гистерской диссертациі на тему «Малолѣтніе преступники» въ Харьковскомъ университетѣ, чтобы на него появился доносъ въ «Московскомъ Листкѣ» (№ 271, 30 сентября 1885 г.). Анонимный авторъ доносилъ на харьковскую профессуру, на «Русскія Вѣдомости», помѣстившія сочувственный отзывъ (въ № 266) и выражалъ надежду, что «съ полнымъ вступленіемъ въ жизнь новаго университетскаго устава (1884 г.) не будетъ возможнымъ присвоеніе ученой степени за сочиненіе, проникнутое столь незрѣлыми и разрушительными для самой юриспруденціи тенденціями». Особенно возмутила автора статьи мысль, что преступниковъ нужно не устрашать, а исправлять, а часто и лечить.

Деяновъ написалъ на номерѣ, подчеркнувши приведенныя нами слова «Московского Листка»: «потребовать объясненій отъ попечителя». Воронцову-Вельяминову посланъ былъ въ Харьковъ самый номеръ газеты и запросъ, насколько достовѣрна эта корреспонденція. вмѣстѣ съ тѣмъ въ министерство затребовали 2 экземпляра диссертациі Дриля. Попечитель счелъ нужнымъ доставить *всѣ* бумаги по дѣлу о диспутѣ Дриля, включая протоколъ засѣданія факультета (при диспутѣ) 1-го сентября. Съ формальной стороны все оказалось въ порядкѣ, и дѣло было оставлено «безъ послѣдствій».

VII. Мищенко.

Третій профессоръ, названный въ сообщеніи Оржевскаго, былъ доцентъ по каюдрѣ греческой словесности, докторъ той же науки, Оед. Герас. Мищенко. «Что касается до него,—писалъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ,—то онъ извѣстенъ департаменту полиціи за лицо, политическая неблагонадежность котораго находится внѣ сомнѣнія, вслѣдствіе принадлежности его къ группѣ украинофиловъ и близости къ государственному преступнику Ивану Басову. Въ послѣднее время обнаружилось, что, несмотря на запрещеніе правительства, великимъ постомъ текущаго года въ Петербургѣ, на квартирѣ одного изъ украинофиловъ, состоялось празднованіе годовщины Шевченко, на которое пріѣзжалъ Мищенко, взявшій для этого отпускъ на 2 недѣли отъ Совѣта университета и, по словамъ одного изъ участниковъ этого празднества, произнесъ рѣчь, въ коей сообщалъ о неудовлетворительной дѣятельности кіевскихъ украинофильскихъ кружковъ, страдающихъ, по его мнѣнію, отсутствіемъ программы и единства».

25 іюля 1884 г. Мищенко былъ уволенъ. Не зная, какъ и всѣ остальные уволенные профессора, причины постигшей его опалы,

Мищенко, дорожившій своею профессурою, особенно, въ виду той узкой специальности, которой онъ занимался, и тяжелаго положенія, въ которое ставило его лишеніе заработка, счелъ долгомъ обратиться къ Ив. Дав. Делянову съ большимъ письмомъ (отъ 30 августа 1884 г., изъ Кіева).

«Съ 1872 по 1884 годъ,—писалъ онъ,—я состоялъ частнымъ и штатнымъ преподавателемъ въ университетѣ св. Владимира. Преподавательской службѣ предшествовали 2 года специальныхъ занятій въ званіи стипендіата для приготовленія къ профессорской должности. Учено-литературная дѣятельность моя за время 14-лѣтней службы налицо. Послѣдній разъ она удостовлена документальною біографіею моею, вошедшею въ юбилейный сборникъ университета св. Владимира. Содержащійся въ біографіи списокъ моихъ литературныхъ трудовъ, смѣю думать, не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы, во время службы въ университетѣ, я отдавался предметамъ, постороннимъ наукѣ и университетскому преподаванію. Ученые труды мои и преподавательская дѣятельность находили обыкновенно въ средѣ специалистовъ и членовъ Ист.-фил. факультета одобрительную оцѣнку. За нихъ я удостоенъ ученой степени магистра и доктора греческой словесности, былъ выбранъ факультетомъ единогласно на должность доцента и также единогласно факультетъ избралъ меня на должность экстра-ординарнаго профессора. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я принималъ участіе въ специальномъ филологическомъ журналѣ, издаваемомъ въ Парижѣ, и былъ приглашенъ особой комиссіею парижскихъ филологовъ къ участію въ филологическомъ сборникѣ, составленномъ въ память эллиниста Ш. Гро. Въ настоящемъ году сборникъ появился въ свѣтъ. Въ него вошла и моя работа по одному изъ вопросовъ гомеровской древности. Сверхъ этого я много разъ исполнялъ обязанности, возлагавшіяся на меня кіевскимъ учебнымъ округомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, за все время 14-лѣтней службы, я не совершилъ, и потому не знаю за собою, ни одного поступка, который обличалъ бы во мнѣ политическую неблагонадежность.

«Личныя объясненія съ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, имѣвшія мѣсто въ февралѣ текущаго (1884) года, только укрѣпили во мнѣ сознаніе, что у высшаго начальства не существуетъ никакихъ определенныхъ данныхъ, которыя свидѣтельствовали бы о моей политической неблагонадежности; по словамъ Вашего Высочества, все въ этомъ отношеніи ограничивалось неясными, неопределенными толками и слухами.

«Украинофильство, сотрудничество въ кіевской газетѣ «Заря», участіе въ составѣ присяжныхъ по дѣлу Свиридова, наконецъ,

нерасположеніе ко мнѣ 22 членовъ Совѣта университета св. Влад., таковы были, по словамъ Вашего Высокопр-ства, тѣ пункты, которые породили сомнѣніе при рѣшеніи вопроса объ утвержденіи меня въ должности экстраординарнаго профессора и повели къ отклоненію ходатайства Совѣта университета объ утвержденіи выборовъ моихъ на эту должность. Изъ четырехъ пунктовъ обвиненія только одинъ первый—украинофильство—можетъ имѣть отношеніе къ вопросу о политической неблагонадежности, ибо «Заря»—подцензурное провинціальное изданіе, въ которомъ поэтому самому не можетъ быть напечатано ничего политически неблагонадежнаго или предосудительно нецензурнаго. Нѣкоторыя статьи «Зари», можетъ быть, непріятны и нежелательны для того или другого изъ мѣстныхъ дѣятелей, могутъ возбуждать въ извѣстномъ кружкѣ лицъ неудовольствіе противъ предполагаемыхъ авторовъ подобныхъ статей, но чего-либо неблагонадежнаго никто ни въ одной статьѣ моей указать не можетъ. Къ тому же, статьи мои въ «Зарѣ» почти исключительно касались вопросовъ литературныхъ. Равнымъ образомъ, враждебныя отношенія ко мнѣ нѣкоторыхъ членовъ университета Совѣта и участіе мое въ составѣ присяжныхъ по дѣлу Свиридова не содержать въ себѣ ничего политическаго.

«Однако, самое украинофильство, какъ таковое, не представляетъ собою не только противогосударственнаго, но и вообще политическаго движенія. Малорусская разновидность русскаго народа существуетъ, какъ непререкаемый фактъ; любовь малороссіянъ по происхожденію къ своему родному, Украинѣ, къ ея языку, пѣснямъ, музыкѣ, само по себѣ не исключаетъ безупречной лояльности относительно общерусскаго правительства. Политическая неблагонадежность украинофила, какъ и всякаго другого гражданина Россіи, можетъ быть изобличена противозаконными его поступками, сочиненіями или рѣчами. Потому-то врагамъ моимъ и понадобилась басня о сношеніяхъ моихъ съ Драгомановымъ или съ какимъ-нибудь инымъ эмигрантомъ, исповѣдующимъ прежде всего социалистическія убѣжденія; басня, измышленная за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ о моей политической неблагонадежности. На самомъ дѣлѣ, сношенія эти не что иное, какъ злонамѣренная, завѣдомая низкая клевета; чего-либо похожаго на подтвержденіе толковъ о такихъ сношеніяхъ моихъ ни у какого доносчика, ни у какого офиціального учрежденія или лица нѣтъ и быть не можетъ, ибо, повторяю, сношенія мои съ эмигрантами всецѣло сочинены изъ личной вражды ко мнѣ. Со времени личныхъ объясненій съ Вашимъ Высокопр-ствомъ не произошло въ моей жизни рѣшительно ничего такого,

что отвѣчало бы, хотя бы въ самой ничтожной степени, понятію политической неблагонадежности.

«Правда, въ іюлѣ настоящаго года одинъ изъ петербургскихъ профессоровъ объяснялъ мнѣ, со словъ Вашего Высокопр-ства, причину неутвержденія моего въ должности экстраординарнаго профессора; будто бы, согласно официальному сообщенію кievскаго жандармскаго полковника, я, ходатайствуя однажды за какихъ-то арестованныхъ личностей, заявилъ г-ну жандармскому полковнику о своей солидарности въ образѣ мыслей съ арестованными.

«Такое объясненіе постигшей меня кары удивило меня, какъ совершенно неожиданное. Однако я оставался спокоенъ, въ увѣренности, что Ваше Высокопр-ство не можете вскорѣ не оцѣнить по достоинству взводимой на меня напраслины уже несомнѣнно политическаго характера. Существованіе подобнаго официальнаго сообщенія безусловно невозможно: ни съ кievскимъ жандармскимъ полковникомъ, ни съ кѣмъ-либо другимъ изъ кievскаго жандармскаго управленія я во всю жизнь мою не сказалъ ни одного слова, никого изъ нихъ я не знаю даже въ лицо. Въ виду этого «официальное сообщеніе» представлялось мнѣ ложнымъ доносомъ, устнымъ или письменнымъ, исходящимъ отъ какого-нибудь сикофанта, но ни въ какомъ случаѣ не отъ официальнаго лица или учрежденія.

«Теперь я уволенъ вслѣдствіе сообщенія изъ министерства внутреннихъ дѣлъ о моей политической неблагонадежности по распоряженію Вашего Высокопр-ства. Причины увольненія для меня невѣдомы—политически неблагонадежнаго я не знаю за собою ничего, никогда ни отъ какого учрежденія или лица я не получалъ никакого внушенія или указанія относительно моего поведенія въ смыслѣ политической неблагонадежности. Совѣсть моя спокойна, такъ какъ я убѣжденъ, что самое строгое слѣдствіе, произведенное по всѣмъ правиламъ инквизиторскаго розыска, не открыло бы въ моей жизни ничего политически неблагонадежнаго. Увольненіе подвергаетъ меня и семью мою тяжкимъ матеріальнымъ и нравственнымъ испытаніямъ, не только въ настоящемъ, но—вѣроятно—и въ будущемъ, испытаніямъ тѣмъ болѣе тяжкимъ, что они представляются мнѣ лишь дѣломъ личной злобы и мести враговъ моихъ, а не послѣдствіемъ какой-либо вины моей предъ Государемъ, Отечествомъ и правительствомъ. Настоящее письмо внушено мнѣ потребностью высказаться предъ Вашимъ Высокопр-вомъ по случаю постигшаго меня погрома въ надеждѣ получить, по крайней мѣрѣ, разъясненіе вины, навлекшей на меня столь суровое наказаніе и мнѣ совершенно неизвѣстной».

Обращаясь къ обвинительнымъ пунктамъ противъ Мищенко, которые, замѣтимъ между прочимъ, такъ и остались ему неизвѣстными до самой смерти, мы должны отмѣтить его «украинофильство». Въ этомъ смыслѣ, департаментъ полиціи и его информаторы изъ Кіева были правы. Мищенко, дѣйствительно, сочувствовалъ украинофиламъ и самъ былъ въ ихъ числѣ. А уже по поводу увольненія Драгоманова было преподано изъ министерства указаніе безпощадно преслѣдовать украинофиловъ. Но Мищенко вовсе не игралъ не только выдающейся, но и вообще, какой бы то ни было, роли среди кіевскихъ украинофиловъ. Въ своемъ письмѣ къ Делянову, написанномъ, въ общемъ, съ достоинствомъ, Мищенко ни отъ кого и ни отъ чего не отрекался и правильно освѣщаль свою роль въ Кіевѣ. Несомнѣнно симпатизировавшій украинофильству онъ не скрывалъ своихъ симпатій и отъ Делянова, но пытался оправдать ихъ и доказать ихъ законность. Пытаясь предугадать обвиненія, онъ коснулся интереснаго вопроса,—своихъ сношеній съ Драгомановымъ. Знакомство и встрѣчи съ этимъ выдающимся представителемъ политической эмиграціи, состоявшіяся еще въ тѣ времена, когда Драгомановъ былъ профессоромъ въ Кіевѣ, недешево обошлись многимъ кіевлянамъ въ 80-хъ гг. Не даромъ открещивался отъ него и Мищенко, несомнѣнно, искренно не сочувствовавшій «соціалистическимъ» тенденціямъ Драгоманова. Мы не знаемъ, въ чемъ заключалась «близость съ государственнымъ преступникомъ Ив. Басовымъ». Повидимому, рѣчь шла о совершенно случайномъ знакомствѣ проф. Мищенко съ быв. студентомъ технологическаго института Ив. Ив. Басовымъ, который упорно пытался въ 1877—8 гг., въ Кіевѣ, осуществить легальную, не-соціалистическую рабочую артель и школу. На эти предпріятія Басовъ пожертвовалъ весь свой заработокъ, полученный имъ въ качествѣ гувернера у Львовыхъ, въ Москвѣ, и похищенный однимъ изъ членовъ его кружка, Лобанчукомъ (онъ же Гудзь). Тогда Басовъ просилъ помощи на то же предпріятіе у проф. Мищенко и нѣкоторыхъ студентовъ, но, повидимому, не получилъ ея. Затѣмъ Басовъ сблизился съ группою террористовъ, скрылся въ Одессу, а оттуда за границу ¹⁾. Все это было изложено, еще въ 1880 г., въ секретномъ «Сводѣ указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. (Май 1880 г.)» ²⁾. Составители обвинительныхъ пунктовъ отлично знали обо всемъ этомъ, а именно, что въ спискѣ членовъ украино-

¹⁾ По свѣдѣніямъ ген. Шебеко, въ 1887—8 гг. Басовъ жилъ въ Софіи, въ Болгаріи. «Хроника соціального движенія», с. 325.

²⁾ См. «Былое», 1907 г., VI, с. 128, 132, 138, 142 и, особенно, 143.

фильской кievской «громады», приведенномъ въ томъ же «Сводѣ», имя проф. Мищенко не значилось, что Басовъ *случайно* обращался къ пр. Мищенко, и тѣмъ не менѣе, съ таинственнымъ видомъ, доводили до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія о «близости» Мищенко съ «государственнымъ преступникомъ», кстати сказать, нигдѣ, никѣмъ и ни за что не осужденнымъ.

Нельзя не отмѣтить въ объясненіяхъ пр. Мищенко ссылокъ на недовольство части общества и профессуры участіемъ его въ числѣ присяжныхъ по дѣлу Свиридова. Немногіе теперь помнятъ это дѣло, по которому судился въ кievскомъ окружномъ судѣ директоръ лопнувшего банка, нѣкій Свиридовъ, разорившій немало семей въ Юго-Западномъ краѣ. Мищенко былъ старшиною присяжныхъ; молва приписывала ему дѣловыя сношенія съ банкомъ; и общественное негодованіе на оправданіе Свиридова обрушилось на проф. Мищенко. Деляновъ зналъ объ этомъ, такъ какъ ему пришлось въ январѣ 1884 г. заняться этимъ дѣломъ. Ректоръ университета Ренненкамппъ довелъ до свѣдѣнія Делянова, что онъ затрудняется поставить на обсужденіе Совѣта университета заявленіе 22 профессоровъ по поводу дѣла Свиридова. Заявленіе это гласило: «Гг. членамъ Совѣта хорошо извѣстно крайне тягостное впечатлѣніе, произведенное оправдательнымъ приговоромъ по дѣлу Свиридова, нарушающимъ всѣ основы и задачи общественной жизни; приговоръ этотъ смутилъ не только Кіевъ, но и всю Россію, и вызвалъ негодованіе у лицъ самыхъ различныхъ положеній и взглядовъ. Къ нашему прискорбію, въ постановленіи этого неслыханнаго приговора принималъ участіе членъ нашего университета доцентъ Мищенко». Профессора заявляли, что уважаютъ тайну совѣщательной комнаты, но молва приписывала «прямое рѣшительное вліяніе на исходъ процесса» профессору Мищенко. Присяжные, стоявшіе за обвиненіе, открыто заявили объ этомъ. Мищенко же укрылся за тайну совѣщательной комнаты. Подписавшіеся профессора хотѣли потребовать отъ Мищенко прямого отвѣта въ засѣданіи Совѣта, чтобы освободить профессуру «отъ тягостнаго положенія». Изъ этого видно, какъ были возбуждены страсти, благодаря дѣлу Свиридова. Правда, въ связи съ этимъ приговоромъ были сдѣланы выпады противъ суда присяжныхъ, вообще; правда, изъ 22 подписей—12 принадлежали нѣмецкой партіи, а остальные реакціонной части профессуры. Однако, должно сказать, что и лѣвая часть профессуры отнюдь не сочувствовала роли Мищенко въ процессѣ. Это зналъ и Деляновъ, который сперва разрѣшилъ обсужденіе вопроса въ Совѣтѣ, а потомъ, въ виду новыхъ представленій ректора, что это дѣло, чуждое университету, вызоветъ

крайнія волненія въ профессурѣ и даже въ студенчествѣ, отмѣнилъ свое рѣшеніе и воспретилъ обсуждать заявленіе 22 профессоровъ. Такъ что увольненіе Мищенко, при всей его несправедливости, не вызвало общественнаго сочувствія, котораго оно заслуживало по существу. Какъ извѣстно, Мищенко могъ вернуться къ профессурѣ, и то, уже не въ Кіевѣ, лишь послѣ смерти Делянова, въ 1897 г. Нужно добавить, что послѣ увольненія онъ былъ административно высланъ изъ Кіева.

Послѣдній, упомянутый въ отношеніи Оржевскаго, профессоръ былъ Сыцяно. «Независимо отъ сего,—писалъ Оржевскій,—изъ среды профессоровъ харьковскаго университета продолжаетъ выдѣляться по своему противоправительственному направленію доцентъ Іосифъ Семеновичъ Сыцяно, предыдущая вредная дѣятельность котораго и сочувствіе его революціонному движенію уже извѣстны Вашему Высокопр-ству изъ письма Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 29 ноября 1882 г.». 30-го іюля 1884 г. харьковскій попечитель коротко увѣдомилъ министра, что Сыцяно уволенъ. Умеръ І. С. Сыцяно въ Харьковѣ, черезъ 2 года (въ 1886 г.). Ни за Мищенко, ни за Сыцяно, Деляновъ не ходатайствовалъ предъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

VII. Ковалевскій.

Весьма интересно развернулась и исторія увольненія Максима Ковалевскаго. Кое-что изъ обстоятельствъ, при которыхъ протекала профессорская дѣятельность М. М., извѣстно изъ его воспоминаній. Мы впервые, однако, развертываемъ предъ читателемъ то, что было скрыто отъ глазъ современниковъ, 30 лѣтъ назадъ, хотя обо многомъ знали, обо многомъ догадывались и тогда. Независимый характеръ и смѣлость сужденій покойнаго М. М., соединенные съ удивительнымъ умѣніемъ облекать очень сильныя мысли въ весьма удобопріемлемую форму, вѣрность завѣтамъ академической свободы и несомнѣнное горячее сочувствіе свободѣ политической,—таковы были тѣ качества М. М., которыя дѣлали пребываніе его въ «преобразованномъ» университетѣ совершенно «неудобнымъ». Поводъ къ удаленію явился, какъ-бы, случайно. Вообще, введеніе полностью новаго университетскаго устава, произошедшее осенью 1886 г. должно было повести къ ряду инцидентовъ съ профессорами, привыкшими къ инымъ порядкамъ, со студентами старшихъ курсовъ, воспитанными на старыхъ традиціяхъ и даже съ юными, вновь поступившими студентами, которые не могли примириться съ тѣмъ, что и въ университетѣ ихъ встрѣтитъ та же ненавистная гимна-

зическая обстановка. Тѣмъ не менѣе, у меня создалось впечатлѣніе, что г. Брызгаловъ, инспекторъ университета, удаленіе котораго вскорѣ же изъ Москвы стоило сотенъ разбитыхъ молодыхъ жизней, приложилъ свою руку къ дѣлу увольненія М. М. и ловко инсценировалъ событія, которыя мы изложимъ далѣе.

Дѣло началось съ доносовъ на «конституціонныя идеи», проповѣдываемыя Ковалевскимъ съ кафедръ, при изложеніи государственнаго права западно-европейскихъ державъ. Намъ конечно, трудно понять, какъ можно излагать государственное право цивилизованныхъ народовъ, не разсуждая о «конституціяхъ» и о сравнительныхъ достоинствахъ оныхъ. Однако же, въ эпоху «утвержденія и охраненія самодержавной власти отъ всякихъ на нее поползновеній», требовалось замѣнить прежнія лекціи по государственному праву «живымъ очеркомъ самодержавія» и вѣрность старой программѣ преподаванія казалась уже «поползновеніемъ». Уже 27 октября 1886 г. Деляновъ предложилъ московскому попечителю, гр. Капнисту, «принять мѣры къ предупрежденію чтенія проф. Ковалевскимъ лекцій, несогласныхъ съ требованіями министерства». Вскорѣ у него былъ разговоръ о Ковалевскомъ, съ кѣмъ—мнѣ неизвѣстно, но результатомъ бесѣды явилось предложеніе Делянова гр. Капнисту (отъ 30 октября). «Нынѣ,—писалъ онъ,—мнѣ сдѣлалось положительно извѣстно, что при сравненіи государственнаго права Россіи съ государственнымъ правомъ Западно-Европейскихъ державъ, проф. Ковалевскій относится къ русскому государственному строю съ величайшимъ порицаніемъ и пренебрежительностью. Такъ, на одной лекціи проф. Ковалевскій, между прочимъ, сказалъ: «Хотя у насъ есть законъ, гласящій, что Имперія Россійская управляется на основаніи твердыхъ положительныхъ законовъ отъ Верховной Самодержавной власти исходящихъ, однако всякій изъ васъ знаетъ»... («Далѣе слѣдуютъ мысли, которыя не впольнѣ удобно изложить»,—цѣломудренно добавилъ Иванъ Давыдовичъ). «При этомъ, все это излагается съ интонаціей, которая всякаго молодого слушателя должна навести на нежелательныя мысли». Обо всемъ этомъ Деляновъ доводитъ до свѣдѣнія попечителя «для ближайшихъ соображеній».

Повидимому, сообразительный Брызгаловъ довольно быстро сообразилъ, что нужно дѣлать, хотя на первый взглядъ декабрьское донесеніе гр. Капниста гласитъ о, яко-бы, совершенно случайномъ происшествіи. Долженъ оговориться, что, дѣлая свою догадку, я отнюдь не распространяю ее на гр. Капниста. Впрочемъ, повторяю, М. М. Ковалевскій сталъ жертвою объективнаго противорѣчія между академической свободой и его политиче-

скими воззрѣніями, съ одной стороны, и создавшейся въ 80-хъ гг. внутренней обстановкой русской жизни, съ другой стороны. Мелкіе подвохи мелкихъ агентовъ явились лишь украшеніемъ общей картины, не больше, но и они весьма интересны для характеристики тогдашняго безвременья.

15 декабря 1886 г. московскій попечитель донесъ Делянову «о слѣдующемъ происшествіи, имѣвшемъ мѣсто въ Московскомъ Университетѣ 11 с. декабря». Въ означенный день, «въ 4 ч. дня дежурный педель спѣшно явился къ инспектору студентовъ и заявилъ, что въ актовомъ залѣ происходитъ безпорядокъ между студентами по поводу неудовольствія на профессора относительно зачета полугодій. Инспекторъ настолько взволновался этимъ неожиданнымъ сообщеніемъ, что, не разспросивши педеля о томъ, что происходитъ, и даже не освѣдомившись, кто изъ профессоровъ производитъ зачетъ полугодій въ актовомъ залѣ, побѣжалъ (даже не надѣвши пальто) въ актовъ залъ. Здѣсь онъ засталъ слѣдующее.

«Въ залѣ уже стало темно, такъ что инспекторъ не разглядѣлъ сразу, кто изъ профессоровъ тамъ находится. Небольшая часть студентовъ сидѣла на мѣстахъ, другая часть ходила по залѣ, громко разговаривая, смѣясь и т. п., большая же часть, густою и шумною толпою, окружала кафедру. Инспекторъ, непосредственно по входѣ въ залъ, крикнулъ студентамъ: «прошу садиться, здѣсь профессоръ производитъ зачетъ полугодія, и вы сюда явились для дѣла, а не для празднаго препровожденія времени». Студенты быстро стали было разсаживаться по мѣстамъ. Въ это время голосъ изъ за толпы, по которому инспекторъ узналъ проф. Ковалевскаго, сказалъ: «Здѣсь я произвожу зачетъ полугодія. Прошу не мѣшать». Тогда инспекторъ, впервые разглядѣвъ въ сумеркахъ профессора Ковалевскаго, подошелъ къ нему и сказалъ: «Профессоръ, вамъ, вѣроятно, мѣшаетъ такая толпа, окружающая васъ, или можетъ быть вы сами разрѣшили имъ стоять здѣсь?»—На что профессоръ Ковалевскій отвѣтилъ, что онъ не только разрѣшаетъ студентамъ стоять вокругъ себя, но считаетъ это необходимымъ. Послѣ этого между студентами послышался смѣхъ. Инспекторъ, обращаясь къ студентамъ, сказалъ имъ, что если профессоръ позволяетъ имъ стоять толпой вокругъ кафедры, то пусть стоятъ, но при этомъ слѣдуетъ стоять тихо и чинно. Затѣмъ инспекторъ повернулся, чтобы выйти; въ это время раздались шиканіе и отдѣльные свистки. Инспекторъ обернулся къ студентамъ со словами: «Такое поведеніе студентовъ недостойно ихъ званія, а потому онъ, инспекторъ, дѣлаетъ всѣмъ присутствующимъ выговоръ». Съ этимъ онъ вышелъ изъ залы.

при чемъ опять послѣдовало шиканіе и раздалось нѣсколько свистковъ. По распоряженію инспектора, фамиліи всѣхъ студентовъ, бывшихъ въ аудиторіи, были записаны при выходѣ ихъ изъ залы. Гр. Капнистъ, узнавши объ этомъ, предложилъ инспектору переговорить объ этомъ съ Правленіемъ университета, самъ же переговорилъ лично съ испр. должн. ректора Г. А. Ивановымъ и деканомъ Леонтьевымъ. Правленіе рѣшило сдѣлать всѣмъ присутствовавшимъ студентамъ строгій выговоръ и внушеніе за непочтительное поведеніе въ присутствіи инспектора, что и должно было совершиться въ присутствіи попечителя 16-го декабря.

«Независимо отъ сего,—продолжалъ гр. Капнистъ,—я вызвалъ къ себѣ проф. Ковалевскаго и сдѣлалъ ему въ самой рѣзкой формѣ строгое внушеніе по поводу того, что онъ не требовалъ отъ студентовъ на репетиціяхъ соблюденія должнаго порядка. Относительно происшествія 11-го декабря проф. Ковалевскій подтвердилъ, въ общихъ чертахъ, донесеніе инспектора, но объяснилъ при этомъ, что дѣло происходило такъ. При зачетѣ полугодія онъ подзываетъ къ кафедрѣ группу студентовъ въ 25—30 человекъ и ведетъ съ ними бесѣду по поводу чтенія или работъ, рекомендованныхъ имъ въ теченіе семестра. Въ это время онъ предоставляет остальнымъ студентамъ сидѣть и стоять, или слушать бесѣду, по ихъ усмотрѣнію. При этомъ, дѣйствительно, многіе ходятъ по залѣ и разговариваютъ, но такъ какъ залъ великъ, то это ему не мѣшаетъ. На это я ему указалъ, что онъ не имѣетъ права устанавливать у себя на репетиціяхъ или на лекціяхъ порядки, несогласные съ тѣмъ, что требуется отъ студентовъ вообще. Проф. Ковалевскій обѣщалъ подчиниться моимъ требованіямъ».

Резюмируя все вышесказанное, гр. Капнистъ приходилъ къ слѣдующимъ выводамъ: «Хотя проф. Ковалевскій виновенъ въ томъ, что допустилъ въ своемъ присутствіи въ аудиторіи поведеніе студентовъ, несогласное съ существующимъ университетскимъ порядкомъ, и—вмѣсто того, чтобы поддержать авторитетъ инспектора, косвенно поощрилъ студентовъ къ непочтенію (проф. Ковалевскій объяснилъ, что онъ былъ пораженъ внезапнымъ и неожиданнымъ крикомъ инспектора), но и инспекторъ виновенъ въ неосмотрительности. Ему, очевидно, прежде, чѣмъ бѣжать въ аудиторію, необходимо было спросить педеля, хотя бы о томъ, кто изъ профессоровъ въ аудиторіи, и въ чемъ происходитъ безпорядокъ. Бросившись-же въ аудиторію, какъ говоритъ самъ инспекторъ, спасать профессора, когда въ дѣйствительности послѣдній никакой опасности не подвергался, когда даже неудовольствія на профессора не было и когда общее состояніе уни-

верситета не подавало ни малѣйшаго повода опасаться безпорядковъ, онъ поставилъ себя въ неловкое положеніе. Это въ самой мягкой формѣ поставлено мною на видъ инспектору».

Итакъ, какая разница въ отношеніи къ крупному ученому и къ «неловкому» представителю университетской полиціи. Первый получаетъ «въ самой рѣзкой формѣ строгое внушеніе» за то, что относился къ студентамъ, какъ къ взрослымъ академическимъ гражданамъ, и осмѣлился указать инспектору, грубо и нагло ворвавшемуся въ аудиторію, что *онъ*, профессоръ, занимается и просить не мѣшать. Второму-же, истинному нарушителю мирныхъ занятій, провоцировавшему молодежь и профессора на болѣе рѣзкій отпоръ, нежели тотъ, что былъ данъ г. инспектору, было лишь «поставлено на видъ» и при этомъ «въ самой мягкой формѣ». Но выдержать даже этой степени «безпристрастія» г-н Капнистъ не могъ, и далѣе передавалъ уже прямой доносъ Брызгалова на Ковалевскаго.

Попечитель «присовокуплялъ», что инспекторъ, донося ему о событіи 11-го декабря, заявилъ, что «онъ слышалъ отъ студентовъ, что многіе изъ нихъ недовольны Ковалевскимъ за неумѣстную его тенденціозность въ лекціяхъ». Ковалевскій, «объясняя политическій строй Англіи, позволялъ себѣ неумѣстныя сравненія съ Россіей, и такія выходки имѣли мѣсто недавно, на одной изъ послѣднихъ лекцій...» «Въ виду сего», Капнистъ досталъ тетради одного изъ студентовъ, въ которыхъ были записаны отрывки послѣдней лекціи Ковалевскаго, и въ одной изъ нихъ нашелъ, что «по поводу различія въ порядкѣ ареста въ Англіи и большей части континентальныхъ державъ, г. Ковалевскій объяснялъ, что главное различіе заключается въ томъ, что исполнительная власть въ Англіи за всѣ свои дѣйствія отвѣтственна непосредственно предъ судомъ, въ который частное лицо всегда можетъ жаловаться на органы исполнительной власти, въ другихъ же государствахъ жаловаться можно только начальству. Такой порядокъ принять и у насъ. Такимъ образомъ, въ Англіи каждый свободенъ осуществлять свои права и требовать ихъ охраны въ строго правовомъ порядкѣ, у насъ же охрана права зависитъ отъ административнаго усмотрѣнія, и часто приходится просить о томъ, что—въ сущности—составляетъ право. Такъ, напримѣръ, если чиновникъ, взыскивая налоги, исчислить ихъ не вѣрно и взыскать больше, то нельзя прямо предъявлять искъ, а нужно слезно просить начальство, чтобъ оно, въ видѣ милости, возстановило нарушенное право. Далѣе слѣдуетъ нѣсколько неумѣстныхъ примѣровъ относительно возможности у насъ произвольныхъ арестовъ. По этому поводу, я,—заканчивалъ донесеніе

гр. Капнисть,—настоятельно указалъ профессору Ковалевскому, что отъ подобныхъ выводовъ и сравненій слѣдуетъ безусловно воздерживаться». Такимъ образомъ, невиннѣйшія, обыденныя фразы изъ учебника государственнаго права, приводили въ ужасъ цензоровъ университетской науки.

Вслѣдъ затѣмъ пришла къ Делянову бумага отъ московскаго генераль-губернатора (отъ 18 декабря). Кн. Вл. Андр. Долгоруковъ писалъ: «профессоръ историко-филологическаго факультета Императорскаго Московскаго Университета Ковалевскій, по доходящимъ до меня свѣдѣніямъ, дозволяетъ себѣ въ лекціяхъ своихъ выставлать въ самомъ мрачномъ свѣтѣ существующій въ Россійскомъ Государствѣ порядокъ и глумиться надъ новымъ университетскимъ уставомъ, при чемъ всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя фразы г. Ковалевскаго сопровождаются въ большинствѣ случаевъ апплодисментами, студентовъ. Начиная курсъ въ нынѣшнемъ году, г. Ковалевскій, на вступительной лекціи 29-го сентября, сравнивая конституцію Англіи съ монархизмомъ Россіи, говорилъ, что Россія есть страна, «неправаго» (sic!) суда», что суверенитетъ Государя и неограниченная власть Его есть бредъ легитимистовъ, не имѣющій ни основанія, ни оправданія въ исторіи.

«На лекціи 11-го с. дек., съ 12 до 2 ч. дня, Ковалевскій, порицая государственный строй, говорилъ, что принципъ самодержавія доведенъ у насъ до крайняго предѣла, что каждый полицейскій чиновникъ въ Россіи можетъ любого изъ подданныхъ арестовать по подозрѣнію въ сочувствіи социализму и затѣмъ у арестованнаго нужно просить, какъ милости, освобожденія.

«Лекція эта была закончена имъ такъ: «Сегодня у насъ, господа, репетиція по новому Уставу, такъ какъ блюстительницей новыхъ порядковъ въ университетѣ является инспекція, то попросите ее, чтобы намъ не было темно, т.-е. чтобы подали свѣчей».

«Во время репетиціи, начавшейся въ 4 ч., произошло слѣдующее событіе. Студенты, обступивъ кафедру, шумѣли и кричали. Такъ какъ репетиція г. Ковалевскаго происходила въ актовомъ залѣ, то университетскіе педеля доложили инспектору студентовъ, ст. сов. Брызгалову, что въ аудиторіи шумъ. Г. Брызгаловъ, войдя въ залу, попросилъ студентовъ не шумѣть и вести себя чинно, но проф. Ковалевскій, вставъ на кафедру, возразилъ: «Г. инспекторъ! Здѣсь произвожу репетицію я». Послѣ этого раздались свистки и шиканье»... Дальше генераль-губернаторъ повторялъ слово въ слово рассказъ Брызгалова, который, очевидно, сбѣгалъ съ доносомъ и къ кн. Долгорукову. «На репети-

цій—продолжалъ ген.-губернаторъ,—у г. Ковалевскаго было болѣе 100 человекъ, и всѣ переписаны».

Сообщая обо всемъ этомъ *«исключительно»* Делянову для «его лично» свѣдѣнія, кн. Долгоруковъ спрашивалъ министра, какія, по его мнѣнію, мѣры «могли бы быть приняты для воспрепятствозанія проф. Ковалевскому злоупотреблять дарованнымъ ему правомъ преподаванія и для огражденія университетской учащейся молодежи отъ вреднаго вліянія на ея умы названнаго профессора.

«Съ своей стороны,—добавлялъ кн. Долгоруковъ,—я считалъ бы крайне необходимымъ принять и нѣкоторыя другія мѣры для достиженія сказанной цѣли, ибо студенты, расходясь изъ аудиторій по домамъ, входятъ въ соприкосновеніе съ различными кругами городской молодежи, въ средѣ которой есть немало лицъ, вращающихся въ неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи кружкахъ и представляющихъ собою почву, особенно воспріимчивую для усвоенія всякаго рода противоправительственныхъ ученій и фальшивыхъ взглядовъ на существующіе въ Государствѣ порядки».

Письмо кн. Долгорукова показываетъ, что у администраціи находилось время для внимательнаго наблюденія за мельчайшими деталями университетской жизни. Информаторами князя былъ не только Брызгаловъ и его агенты, а—повидимому—и лица изъ профессорской среды. Но врядъ ли князь могъ разобратся въ матеріалѣ, касавшемся лекцій Ковалевскаго. Это ясно показываетъ то обстоятельство, что Ковалевскаго онъ зачисляетъ на историко-филологическій факультетъ, что критику французскаго легитимизма онъ принялъ за призывъ къ ниспроверженію государственнаго строя. Сравнивая описаніе событій 11-го декабря у попечителя и у ген.-губернатора, нельзя не придти къ заключенію, что Брызгаловъ вовсе не случайно ворвался въ аудиторію, провоцируя скандалъ.

Деляновъ, всегда чутко прислушивавшійся къ голосу «сильныхъ міра сего», немедленно же откликнулся на письмо кн. Вл. А. Долгорукова. Онъ считалъ «пріятнымъ долгомъ принести Его Сіятельству искреннюю благодарность за сообщеніе объ образѣ дѣйствій Ковалевскаго»... «Образъ мыслей и вредныя дѣйствія этого профессора мнѣ извѣстны,—пишетъ Деляновъ (21 дек.),—какъ изъ донесеній попечителя, такъ и изъ другихъ источниковъ, а о происшедшемъ на репетиціи меня увѣдомилъ гр. Капнистъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ данныхъ я сообщилъ попечителю москов. учебнаго округа, что въ виду положительнаго вреда, могущаго произойти отъ тлетворнаго преподаванія этого профессора, об-

наруживающаго упорство въ своемъ развращающемъ умы юношества направленіи, я признаю дальнѣйшее оставленіе Ковалевскаго въ званіи профессора невозможнымъ и прошу попечителя немедленно указать мнѣ на лицо, могущее замѣнить этого преподавателя». Деляновъ добавлялъ, что гр. Капнистъ, сколько ему извѣстно, уже нѣсколько разъ давалъ предостереженія Ковалевскому, но всѣ эти мѣры, какъ доказали факты, не произвели на него никакого дѣйствія».

Въ письмѣ къ попечителю (отъ того же 21 дек.) Деляновъ повторялъ, собственно, тѣ-же мысли, но было бы ошибочно не подѣлиться съ читателями и этой бумагой, выражавшей направленіе руководителя вѣдомства просвѣщенія. Онъ писалъ гр. Капнисту, что «изъ его послѣдняго донесенія, а равно и изъ другихъ свѣдѣній, онъ усматриваетъ, что на проф. Ковалевскаго едва ли могутъ дѣйствовать благоразумныя внушенія начальства учебнаго округа, и что этотъ профессоръ, дѣйствительно, развращаетъ студентовъ, поселяя въ нихъ путемъ неумѣстныхъ сравненій, замѣчаній и выводовъ, ненависть противъ существующаго въ Россіи государственнаго строя. При такихъ условіяхъ дальнѣйшее пребываніе проф. Ковалевскаго на кафедрѣ, несомнѣнно, принесетъ болѣе вреда, нежели пользы».

Деляновъ просилъ «сообщить въ возможно непродолжительномъ времени, кто бы могъ замѣнить профессора Ковалевскаго, при чемъ считалъ неизлишнимъ присовокупить, что если попечитель имѣетъ въ виду замѣстить эту кафедру даже посредственнымъ лицомъ, то—по мнѣнію министра—лучше имѣть на кафедрѣ преподавателя со средними способностями, чѣмъ особенно даровитаго человѣка, который, однако, несмотря на свою ученость, дѣйствуетъ на умы молодежи растлѣвающимъ образомъ». Такова была философія гр. Делянова въ вопросѣ академической свободы и въ вопросѣ о значеніи крупнѣйшаго ученаго для московскаго университета.

Каковы бы ни были недостатки и грѣхи Капниста въ эпоху его попечительства въ Москвѣ, онъ былъ все же немного европейцемъ, не утратилъ совершенно своихъ университетскихъ впечатлѣній, полученныхъ въ началѣ 60-хъ годовъ въ Гейдельбергѣ, а—главно—онъ былъ болѣе осторожный администраторъ, нежели Деляновъ. Протестуя противъ *немедленнаго* изгнанія М. Ковалевскаго изъ университета, гр. Капнистъ прислалъ Делянову длиннѣйшее донесеніе (отъ 1 января 1887 г.).

«Вы требуете,—писалъ гр. Капнистъ,—отъ меня свѣдѣній, кто-бы могъ замѣнить профессора Ковалевскаго вслѣдствіе его увольненія... Въ настоящую минуту въ Москвѣ нѣтъ лица,

имѣющаго право на занятіе этой каѳедры, и для того, чтобы подыскать такое лицо, мнѣ необходимо нѣкоторое время, и ранѣе начала будущаго осенняго семестра едва ли удастся замѣстить каѳедру новымъ преподавателемъ, такъ какъ время нужно не только для пріисканія кандидата на профессорскую должность, но и для того, чтобы избранное лицо могло приготовиться къ чтенію курса, такъ какъ едва ли можно найти кандидата, настолько подготовленнаго, чтобы онъ немедленно, по приглашенію занять каѳедру въ университетѣ, рѣшился черезъ нѣсколько же дней открыть курсъ. А потому я просилъ бы дать нѣкоторое время для выполненія вашего порученія, которое, при его неожиданности, я немедленно исполнить не въ состояніи».

Такимъ образомъ, попечитель разяснялъ министру, что уволить профессора не трудно, а замѣнить его, хотя бы самой жалкой преподавательской «посредственностью» не такъ-то легко. Впрочемъ, и Капнистъ отнюдь не задумывался надъ тѣмъ, на кого подымалъ руку Деляновъ.

«Но,—писалъ попечитель,—въ то же время считаю долгомъ высказать, что прекращеніе чтенія лекцій проф. Ковалевскимъ едва-ли повлечетъ за собою особое замѣшательство въ преподаваніи, такъ какъ въ Московскомъ университетѣ имѣется еще другой профессоръ по каѳедрѣ государственнаго права, г. Алексѣевъ, чего совершенно достаточно для обезпеченія преподаванія государственнаго права въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ, которыя указаны въ экзаменаціонныхъ требованіяхъ. Если же въ настоящемъ году г. Алексѣевъ не успѣетъ прочесть к. л. отдѣлъ государственнаго права, то отдѣлъ этотъ можетъ быть продолженъ имъ въ будущемъ осеннемъ полугодіи, что не встрѣтитъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ проф. Ковалевскій не читаетъ студентамъ 8-го семестра и, слѣдовательно, студенты, не прослушавшіе полнаго курса государственнаго права въ нынѣшнемъ учебномъ году, будутъ еще находиться въ университетѣ въ теченіе всего 1887—1888 уч. года и будутъ имѣть случай дослушать курсъ изъ послѣдняго семестра. Такимъ образомъ,—полагалъ гр. Капнистъ, немедленное увольненіе профессора Ковалевскаго не ввело бы особеннаго замѣшательства въ преподаваніе по юридическому факультету московскаго университета, и съ этой точки зрѣнія я ничего не имѣю противъ удаленія изъ университета означеннаго профессора, направленію коего, какъ вамъ хорошо извѣстно, я никогда не сочувствовалъ и котораго никогда не считалъ за особенно полезнаго преподавателя». Послѣднее признаніе попечителя весьма интересно и чрезвычайно характерно для того, кто занималъ въ 80-хъ годахъ постъ московскаго попечителя.

«Но,—оговаривался гр. Капнистъ,—тѣмъ не менѣе, я считаю своимъ долгомъ, въ интересахъ университета, высказаться противъ предполагаемой вашимъ высокопревосходительствомъ мѣры, т.-е. противъ немедленнаго увольненія проф. Ковалевскаго. Мѣра эта, по моему крайнему убѣжденію, едва ли принесетъ ожидаемую пользу, а напротивъ при существующихъ обстоятельствахъ можетъ оказаться вредной.

«Во *первыхъ*, она создастъ Ковалевскому ореолъ мученика и жертвы интриги, который усилить его престижъ въ глазахъ молодежи и для многихъ, вовсе не сочувствующихъ его направленію, придастъ его лекціямъ и сочиненіямъ заманчивый блескъ и интересъ, котораго они до сихъ поръ не имѣли. При этомъ, увольненіе профессора будетъ непременно связано съ двумя обстоятельствами: а, именно, съ декабрьской статьей въ журналъ «Русское Дѣло» ¹⁾ и съ происшествіемъ 11-го декабря, бывшимъ на репетиціи г. Ковалевскаго. Не только между студентами, но и между профессорами, сложится взглядъ, что профессоръ смѣненъ вслѣдствіе газетной статьи противъ правительства и происковъ инспектора, каковое впечатлѣніе нельзя не считать вреднымъ и могущимъ подѣйствовать на очень многихъ въ смыслѣ нежелательномъ для правительства, гораздо сильнѣе, чѣмъ лекціи проф. Ковалевскаго.

«Что касается до инспекціи, положеніе которой, вообще, не легкое, то увольненіе проф. Ковалевскаго въ *настоящую минуту* возбудитъ къ ней ненависть и подозрительность, результаты коей, если и не окажутся немедленно, то въ будущемъ, несомнѣнно, подорвутъ ея вліяніе и значеніе среди молодежи.

«Инспекція не можетъ держаться на должной высотѣ и дѣйствовать съ должнымъ успѣхомъ путемъ однихъ внѣшнихъ репрессивныхъ мѣръ. Уваженіе и нравственный авторитетъ составляютъ ея силу, и въ этомъ отношеніи инспекція московскаго университета, шагъ за шагомъ, завоевываетъ себѣ прочное поло-

¹⁾ «Русское Дѣло» издавалось въ Москвѣ Шараповымъ. Въ № 33 (6 дек. 1866 г.) была напечатана анонимная статья: «Самодержавіе по ученому. Изъ литографированныхъ университетскихъ лекцій *настоящаго*». Не указывая имени М. М. Ковалевскаго, авторъ излагалъ отрывки изъ его лекцій и возмущался тѣмъ, что, по мнѣнію «крамольнаго» профессора, русскій государственный строй былъ лишь «стадіей міроваго развитія государства» и въ разные моменты существованія Россіи измѣнялся въ прошломъ, слѣдовательно могъ измѣниться и въ будущемъ. —«Читатель возмущенъ,—писалъ авторъ статьи въ «Р. Дѣлѣ»,—и готовъ закричать: Да это—мистификація! Да развѣ можно подобную дичь читать съ кафедръ? Увы, читатель, это цитаты слово въ слово, буква въ букву изъ литографированныхъ университетскихъ записокъ, по которымъ несчастные студенты учатся, сдаютъ экзамены и даже проваливаются... Въ статьѣ содержался недвусмысленный доносъ на М. М. и о немъ-то и говорить гр. Капнистъ.

женіе; увольненіе же Ковалевскаго, связанное съ событіемъ 11 декабря, нанесетъ этому положенію неисправимый вредъ и надолго разрушитъ многое, только что и съ трудомъ созданное. Я твердо убѣжденъ въ этомъ». Итакъ, г. попечитель опасался, что увольненіе великаго ученаго создастъ ему ореолъ, на который Ковалевскій иначе не могъ бы рассчитывать. Весьма любопытна лекція попечителя министру о значеніи уваженія и нравственнаго авторитета для управляющихъ. И. Д. Деляновъ держался теоріи устрашенія въ чистомъ ея видѣ; гр. Капнистъ, не считая нужнымъ обезпечить студенчеству, профессурѣ и наукѣ благо академической свободы, все же понималъ, что даже для полиціи, особливо, университетской, нравственный авторитетъ есть нѣкоторая цѣнность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, гр. Капнистъ отрицалъ особую злобредность М. М. Ковалевскаго. «Что-же касается,—писалъ попечитель,—до опасеній вашихъ, что лекціи пр. Ковалевскаго вызываютъ въ молодежи вражду и ненависть къ существующему порядку управленія, то,—не одобряя, какъ вамъ извѣстно, манеры чтенія означеннаго профессора,—я смѣю высказать убѣжденіе, что такой взглядъ преувеличенъ. Молодежь вовсе не находится подъ такимъ гнетомъ мнѣній профессоровъ. Она вовсе не склонна принимать на вѣру и безусловно все, что ей говорится, и, интересуясь строемъ другихъ государствъ, далеко не безусловно убѣждается въ преимуществахъ этого строя. Совершенно изолировать молодежь отъ всякихъ политическихъ воззрѣній, несогласныхъ съ существующимъ въ ея отечествѣ строемъ, невозможно; лучшая часть учащейся молодежи, кромѣ лекцій, читаетъ книги, и этого возбранить ей нельзя, а въ любой иностранной литературѣ она всегда найдетъ многое, несогласное съ тѣмъ, что существуетъ дома. Но не это чтеніе, не академическія занятія создаютъ враговъ правительства, и не въ этомъ опасность, вызывающая спѣшно продиктованныя мѣры. Опытъ указываетъ, что, несмотря на превратное направленіе многихъ профессоровъ, общее направленіе университетской молодежи, по окончаніи курса, вовсе не противоправительственное». Далѣе Капнистъ подробно писалъ, что эта самая молодежь поступаетъ на службу и добросовѣстно служить правительству.

Онъ совѣтовалъ Делянову сохранять хладнокровіе, мотивируя совѣты слѣдующими соображеніями: «Я не одобряю направленія профессора Ковалевскаго и не ручаюсь за его поведеніе даже въ ближайшемъ будущемъ, но полагаю, что немедленное его увольненіе можетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, причинить университету болѣе вреда, чѣмъ пользы. Сравненія и примѣры,

попадающіеся въ лекціяхъ проф. Ковалевскаго, въ которыхъ видна несимпатія къ существующему государственному строю, неумѣстны и неприличны для лица, состоящаго на государственной службѣ. И хотя его лекціи могутъ иной разъ забавить неумѣстнымъ образомъ его слушателей, но не представляютъ никакой серьезной опасности для университета, такъ какъ на г. Ковалевскаго и сами студенты не смотрятъ, какъ на серьезнаго преподавателя».

Здѣсь нельзя не замѣтить, что Деляновъ правильнѣе оцѣнивалъ М. М. Ковалевскаго,—признавая въ немъ «особенно даровитаго человѣка, растлѣвающаго умы молодежи, несмотря на свою ученость»,—нежели попечитель, который пытался превратить, въ своемъ изображеніи, Ковалевскаго въ какого-то «забавника», потѣшающаго аудиторію, въ «несерьзнаго» преподавателя и т. п. Au fond, Деляновъ былъ, конечно, правъ, высоко расцѣливая умъ, талантъ и знанія М. М., но соотвѣтственно высоко опредѣляя и степень «зловредности» М. М., какъ провозвѣстника конституціонныхъ началъ въ эпоху жесточайшей реакціи.

«Благоразумнѣе было отложить увольненіе»,—взывалъ попечитель къ министру. «Если даже допустить, что г. Ковалевскій, предчувствуя, что ему придется оставить университетъ, позволить себѣ въ ближайшемъ будущемъ какую-либо выходку, чего я, однако, не ожидаю, то все таки думаю, что послѣдствія такого образа дѣйствій окажутся вредными для самого профессора Ковалевскаго... Подтверждаю свое мнѣніе, хотя я знаю, что оно многими, въ томъ числѣ и г. московскимъ генераль-губернаторомъ, не раздѣляется».

Энергичное выступленіе гр. Капниста въ пользу того, что нужно подождать, возымѣло свое дѣйствіе на Делянова, хотя 5-го января пришло отъ ген. Оржевскаго отношеніе, въ которомъ послѣдній дословно повторяетъ все, о чемъ писалъ уже непосредственно Делянову кн. В. А. Долгоруковъ. Деляновъ колебался. Съ одной стороны, очень разумно писалъ о необходимости болѣе тонкой политики гр. Капнистъ. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ давленія изъ университетскихъ сферъ, кн. В. А. Долгоруковъ, а—вслѣдъ за нимъ—и начальникъ государственной полиціи, ген. Оржевскій, настойчиво требовали немедленнаго удаленія М. М. Ковалевскаго изъ университета. Деляновъ счелъ долгомъ лично повидаться и побесѣдовать съ московскимъ генераль-губернаторомъ еще въ теченіе января.

5 февраля 1887 г. онъ написалъ московскому генераль-губернатору слѣдующее: «Во исполненіе личныхъ объясненій съ Ва-

шимъ Сіятельствомъ, я имѣлъ счастье о содержаніи письма вашего отъ 18 декабря по вопросу о профессорѣ Ковалевскомъ докладывать Государю Императору. Его Величество, выполнѣ признавая всѣ вредныя послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ такого неблагонадежнаго преподавателя, изволилъ поручить мнѣ ограничиться въ продолженіе нѣкотораго времени мѣрами наблюденія за его преподаваніемъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи было поступлено сообразно съ изложенными въ письмѣ Вашего Сіятельства соображеніями». Такимъ образомъ, въ формѣ нѣсколько туманной, Деляновъ сообщалъ, что восторжествовало и удостоилось высшей санкціи болѣе осторожное мнѣніе гр. Капниста. Впрочемъ, судьба М. М. Ковалевскаго была уже предрѣшена.

Одновременно съ письмомъ на имя генераль-губернатора, пошло въ Москву и письмо къ попечителю о принятіи «мѣръ, какія онъ признастъ нужнымъ, о возможно строгомъ наблюденіи за занятіями проф. Ковалевскаго со студентами и о томъ, чтобы обо всякой, несоотвѣтствующей цѣлямъ преподаванія, лекціи означеннаго профессора доносить министру». Такимъ образомъ, гр. Капнистъ лишь частнымъ образомъ могъ получить свѣдѣнія объ исходѣ дѣла въ окончательномъ смыслѣ.

Кн. В. А. Долгоруковъ и, особенно, его университетскіе информаторы остались не особенно довольны создавшимся положеніемъ дѣлъ. М. М. Ковалевскій продолжалъ свои лекціи, и трудно было понять, долго ли это продлится. 11 февраля кн. В. А. Долгоруковъ обратился къ Делянову со слѣдующимъ письмомъ:

«Письмо Вашего Высочайшаго Преосвященства, въ которомъ излагается Высочайшая Е. И. В. воля по вопросу о мѣрахъ, подлежащихъ принятію для огражденія учащагося университетскаго юношества отъ вреднаго на него вліянія преподавательской дѣятельности проф. Ковалевскаго, содержитъ въ себѣ, между прочимъ, указаніе, что Государю Императору благоугодно было Высочайше поручить Вашему Высочайшему Преосвященству ограничиться относительно проф. Ковалевскаго въ продолженіе «нѣкотораго времени» мѣрами наблюденія за его преподаваніемъ... Въ виду этого ген.-губернаторъ просилъ Делянова: «не изводите ли Вы признать возможнымъ сообщить мнѣ, хотя бы въ формѣ болѣе или менѣе опредѣленной, какой собственно срокъ предполагалось бы установить для наблюденія за преподаваніемъ названнаго профессора.

«Настоящее ходатайство,—пояснялъ кн. Долгоруковъ,—вызвано единственно опасеніемъ, что, какъ бы ни было бдительно упомянутое выше наблюденіе, но, при извѣстныхъ способностяхъ г. Ковалевскаго, его умѣ и діалектическомъ талантѣ, съ одной

стороны, а, съ другой,—при чуткости его аудиторіи, уже настроенной имъ въ извѣстномъ направленіи, едва ли можно быть увѣреннымъ, что отъ этого наблюденія не ускользнетъ ничего существеннаго».

Тотъ, кто привыкъ читать казенныя бумаги, не можетъ не почувствовать въ послѣдней тирадѣ—объ «умѣ, діалектическомъ талантѣ и способностяхъ» Ковалевскаго и о «чуткости» его аудиторіи—руки университетскаго информатора кн. Долгорукова, кого-либо изъ реакціонныхъ профессоровъ. Повидимому, Деляновъ имѣлъ случай лично объясниться съ ген.-губернаторомъ. Однако, мысль о Ковалевскомъ не давала ему покоя. 25 мая Ив. Дав. занесъ въ свою памятную книжку: «спросить гр. Капниста, окончилъ ли свои служебныя обязанности по университету въ текущемъ полугодіи ордин. профессоръ по кафедрѣ государственнаго права Ковалевскій, и если не окончилъ, то скоро ли окончить». 27 мая пошелъ въ Москву официальный запросъ. По полученіи отвѣта попечителя, что лекціи Ковалевскаго окончились, Деляновъ сдѣлалъ 6-го іюня 1887 г. распоряженіе объ увольненіи его отъ службы, о чемъ счелъ долгомъ, какъ и въ дѣлѣ проф. Дитятина, увѣдомить новаго товарища мин. вн. дѣлъ, завѣдывающаго полиціей, ген. Шебеко.

VIII. Семевскій.

Въ началѣ 1886 г. ударъ реакціи палъ на одного изъ популярнѣйшихъ профессоровъ Петербургскаго университета, любимца студенческой молодежи, прив.-доц. В. И. Семевскаго. Годы его университетской дѣятельности освѣщены подробно С. П. Мельгуновымъ въ книгѣ «Голосъ Минувшаго», посвященной памяти незабвеннаго Василія Ивановича (1916, X). Мы ограничимся, поэтому, свѣдѣніями объ официальной причинѣ увольненія Василія Ивановича и объ обстоятельствахъ, не бывшихъ на виду у другихъ авторовъ статей о немъ.

Какъ мы знаемъ, уже осенью 1884 г. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ ѣздилъ къ Делянову и сдѣлалъ ему прямой доносъ (на словахъ) на Семевскаго. Вслѣдствіе этого, въ началѣ сентября 1884 г. Деляновъ говорилъ уже ректору Андреевскому, что Семевскій, пожалуй, будетъ говорить о смерти Павла I, и т. под. Однако, Василій Ивановичъ читалъ свой курсъ въ 1885—6 академическому году, и нападки на него не прекратились и, повидимому, 1-го января 1886 г. о немъ былъ разговоръ въ сферахъ, потому что въ тотъ же день, вернувшись съ обычнаго приѣма, Деляновъ написалъ въ своей записной книжкѣ: «*нужное*». Затѣмъ шелъ его

собственноручный проектъ предложенія попечителю о немедленномъ увольненіи Семевского и проектъ увѣдомленія другихъ вѣдомствъ о состоявшемся увольненіи. «Бумагу о Семевскомъ прошу непременно послать Лаврентьеву и Герарду», — приписалъ Деляновъ на томъ же листкѣ. Л. И. Лаврентьевъ, впослѣдствіи попечитель западно-сибирскаго учебнаго округа, былъ тогда помощникомъ попечителя и управлялъ петербургскимъ учебнымъ округомъ. Н. Н. Герардъ былъ тогда временно исправляющимъ должность Главноуправляющаго Собственной Его Имп. Вел. Канцеляріи по учрежденіямъ Имп. Маріи.

Приказъ министра былъ тотчасъ исполненъ; 2-го января 1886 г. было послано петербургскому попечителю предложеніе «сдѣлать распоряженіе о прекращеніи лекцій по исторіи Россіи прив.-доц. Петербургскаго университета Семевского». Увѣдомлены объ этомъ были: Главноуправляющій Канцеляріей по учрежденіямъ Имп. Маріи, министры—внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, Имп. Двора, Государственныхъ Имуществъ, военный, морской и оберъ-прокуроръ св. Синода. Всѣ означенныя лица приняли этотъ фактъ безучастно, но Герардъ (8-го января) обратился къ Делянову съ покорнѣйшей просьбою «не отказать, если возможно, въ сообщеніи причинъ, вызвавшихъ означенную мѣру».

Получивши запросъ, Деляновъ собственноручно же, — что онъ *очень* рѣдко дѣлалъ, предпочитая словесныя приказанія, — набросалъ отвѣтъ, дословно воспроизведенный въ официальномъ отношеніи (отъ 16 января) на имя Герарда: «Отвѣтитъ, что Семевскій, подъ предлогомъ изложенія Русской Исторіи въ объективномъ видѣ, преподавалъ оную такъ, что она могла только возбуждать въ молодыхъ умахъ чувство негодованія къ прошлому, не обогащая ихъ основательными познаніями. Не говоря уже о неприглядныхъ картинахъ изъ крѣпостного права и быта помещиковъ, которыми изобиловали его лекціи, Семевскій не поспешилъ, между прочимъ, на разные смѣхотворные анекдоты объ имп. Павлѣ Петровичѣ, упуская изъ виду, что нѣтъ никакой надобности повѣствовать объ нихъ съ кафедръ, когда многіе изъ нихъ на всѣ лады разбирались въ разныхъ журналахъ, зачастую бьющихъ на эффектъ, а часто на скандалъ, и никакъ не могутъ составлять предмета серьезной науки. Сверхъ того, Министерство Народнаго Просвѣщенія не могло не обратить вниманія, что на второе полугодіе учебнаго 1885—6 года Семевскій объявилъ курсъ о царствованіи Имп. Александра I, гдѣ подъ рубриками «Военныя поселенія», «Аракчеевъ» и т. под. ему открывалось широкое поле для передачи слушателямъ происшествій, совершенно неумѣстныхъ въ аудиторіи учрежденія, которое содержится на

средства казны и имѣтъ (sic!) честь называться Императорскимъ. 9 января».

Я уже напечаталъ въ «Голосѣ Минувшаго» свѣдѣнія объ адресѣ, поднесенномъ Василию Ивановичу за подписью 309 студентовъ университета, и объ обстоятельствахъ, при которыхъ молодежь вынуждена была прервать собраніе подписей ¹⁾. Добавлю здѣсь, со словъ самого Василия Ивановича, что, узнавши о воспрещеніи лекцій въ университетѣ, онъ тотчасъ прервалъ свои лекціи и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ частности, въ Александровскомъ Лицеѣ, директоръ, сообщивши Василию Ивановичу о томъ, что и его увѣдомили о прекращеніи дѣятельности В. И. въ университетѣ, предложилъ ему дочитать все же до конца учебнаго года.

— Нѣтъ, покорнѣйше Васъ благодарю,—отвѣчалъ В. И.,—я предпочитаю прекратить лекціи немедленно. Съ тѣхъ поръ, Василию Ивановичу не суждено уже было вернуться на университетскую каѳедру.

IX. Ор. Миллеръ.

Осенью 1886 г. возникло подозрѣніе въ неблагонадежности сразу 4 профессоровъ петербургскаго университета. Поводомъ къ этому послужила такъ называемая «добролюбовская» демонстрація 17 ноября на Волковомъ кладбищѣ. Студенты пытались устроить панихиду по Добролюбову, по случаю 25-лѣтія со дня смерти, а когда имъ это было запрещено, устроили шествіе. Многіе участники демонстраціи были посланы. Между прочимъ, Деляновъ получилъ «записку для памяти», въ коей сообщалось «о нахожденіи продолжительное время въ толпѣ, участвовавшей въ демонстраціи 17-го ноября, профессоровъ петербургскаго университета: Федора Фѣмича Петрушевскаго, Ореста Фѣдоровича Миллера, Петра Петровича Фанъ-деръ-Флита и Василия Владимировича Ефимова». Участіе профессоровъ въ демонстраціи показалось мало правдоподобнымъ даже подозрительному Делянову, и онъ положилъ резолюцію: «Спросить ихъ черезъ попечителя, правда ли это?»...

Попечитель округа (19 декабря 1886 г.) увѣдомилъ Делянова, что, по отзыву ректора университета, Ф. Ф. Петрушевскій и Ор. Ф. Миллеръ въ этотъ день вовсе не отлучались съ Васильевскаго острова. П. П. Фанъ-деръ-Флитъ, узнавъ изъ газетъ, что на Волковомъ кладбищѣ будетъ отслужена панихида по Добролюбову, съ однимъ изъ литераторовъ, отправился на кладбище,

¹⁾ См. «Гол. Мин.» 1916 г. №№ 10 и 12.

но, узнавъ по прибытіи туда, что панихиды не будетъ и что студенты ожидаютъ разрѣшенія возложить вѣнки на могилу Добролюбова, тотчасъ же уѣхалъ съ кладбища. Прив.-доц. Вас. Вл. Ефимовъ, живущій около самага кладбища, на Разстанной улицѣ, увидавъ большую толпу студентовъ, вышелъ узнать, въ чемъ дѣло, и, узнавъ отъ студентовъ, что предполагается панихида по Добролюбову, тотчасъ же возвратился домой».

Деляновъ вполне удовлетворился этими свѣдѣніями. Упоминаніе имени Петрушевскаго было, повидимому, недоразумѣніемъ. Агенты смѣшали съ нимъ кого-либо другого. Что имъ почудилось присутствіе Ор. Ф. Миллера, было вполне понятно психологически: Миллеръ былъ истиннымъ другомъ учащейся молодежи, товарищемъ предсѣдателя «Общества вспоможенія недостаточнымъ студентамъ петербургскаго университета», предсѣдателемъ «Студенческаго Научно-Литературнаго Общества» при С.-Пб. университетѣ (1882—1887). Онъ позабылъ охотно о томъ тяжкомъ ударѣ, который былъ нанесенъ ему въ 1857 г. статьей Добролюбова объ его магистерской диссертациі, и поминалъ въ своихъ лекціяхъ Добролюбова въ очень теплыхъ выраженіяхъ. Такъ что не было бы ничего удивительнаго, если бы онъ и поѣхалъ на кладбище вмѣстѣ съ молодежью. Но онъ свое присутствіе тамъ, какъ мы видѣли, отрицалъ. Что касается Ефимова, то онъ также говорилъ правду. Онъ, дѣйствительно, жилъ на Разстанной, унаслѣдовалъ отъ родныхъ похоронное бюро, за что его товарищи по профессурѣ звали «гробовщикомъ» и «похоронныхъ дѣлъ мастеромъ». Къ Добролюбову и студенческому радикализму Ефимовъ, ни по спеціальности (разборъ *Corpus juris*), ни по убѣжденіямъ, не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія. Покрывилъ душою, пожалуй, лишь Фанъ-деръ-Флитъ, который былъ на демонстраціи. Впрочемъ, градоначальникъ Грессеръ запомнилъ его фамилію. Въ слѣдующемъ году, послѣ рокового дѣла 1-го марта 1887 года, участвуя въ особой «комиссіи при Петербургскомъ университетѣ для принятія мѣръ къ упорядоченію состава студентовъ», Грессеръ, желая поиронизировать надъ чьимъ-то заявленіемъ, что именно профессорамъ нужно поручить попеченіе о молодежи, ядовито замѣтилъ:

— «Да! Особенно, Фанъ-деръ-Флиту, Семеvскому и Миллеру! Эти опекутъ!!»...

Упоминаніе фамиліи О. Ф. Миллера, въ связи съ добролюбовской демонстраціей, было дурнымъ предзнаменованіемъ для этого профессора. Дѣло 1-го марта 1887 г., въ которомъ почти всѣ участники злоумышленія на жизнь имп. Александра III оказались членами Студенческаго Научно-Литературнаго Общества (въ

4*

которомъ Миллеръ предсѣдательствовалъ), а казенный студ. А. И. Ульяновъ былъ секретаремъ, поставило на очередь увольненіе Миллера. Но еще до этого на Миллера косились, противъ него шла агитація, достигавшая очень высокихъ сферъ. Кампанія велась Мещерскимъ и Катковымъ. За публичными выступленіями Миллера внимательно слѣдили. Уже въ концѣ 1885 г. разыгралась слѣдующая «исторія» по поводу лекцій Миллера о Пушкинѣ. Она началась съ разговора въ сферахъ съ Деляновымъ 6-го декабря (1885 г.).

7-го декабря Деляновъ послалъ попечителю слѣдующее предложеніе, черновикъ котораго счелъ нужнымъ (какъ и по поводу Семеваго) написать собственноручно. «Дошло,—писалъ министр,—до свѣдѣнія Высшаго Правительства, будто бы профессоръ Петербургскаго университета Миллеръ, въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій, высказалъ, что судить и разбирать поэзію Пушкина и Лермонтова онъ будетъ не по ихъ внутреннимъ достоинствамъ, а по тому, насколько каждый изъ нихъ преклоняется предъ народомъ и служить ему; точно также отнесся онъ и къ послѣдующей плеядѣ писателей. Пушкина и Лермонтова загубила, по мнѣнію г. Миллера «чернь, не та чернь, которую привыкли такъ называть, а настоящая, та сволочь, плавающая въ комфортѣ»... Деляновъ требовалъ отъ попечителя самаго точнаго разслѣдованія.

Отвѣтомъ на этотъ запросъ явилась докладная записка попечителя петербургскаго учебнаго округа Новикова. Попечитель писалъ, что по поводу «неумѣстной выходки проф. Миллера противъ высшихъ сословій на публичной лекціи, имъ читанной въ Педагогическомъ Музеѣ, онъ прежде всего обратился къ самому профессору и получилъ отвѣтъ, что Миллеръ говорилъ о черни въ томъ смыслѣ, какъ и самъ Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи «Поэтъ и чернь», т.-е. разумѣлъ подъ этимъ именемъ людей, утопающихъ въ роскоши и въ то же время равнодушныхъ къ высшимъ идеаламъ, преслѣдуемымъ поэзіей. Но что онъ не имѣлъ въ виду ни прославлять то сословіе, которое мы привыкли въ простой рѣчи называть чернью, ни унижать высшихъ сословій, а что слова его относились, именно, къ той части богатыхъ сословій, которая, пользуясь всѣми матеріальными благами, не способна цѣнить поэтическихъ произведеній. Что, если могло что-нибудь въ его словахъ подать поводъ къ превратному ихъ толкованію, то это, развѣ, нѣкоторыя сильныя выраженія негодованія противъ такого равнодушія, находящія объясненіе въ собственной ему, вообще, живости и пылкости характера, но что, впрочемъ, онъ уже получилъ отъ ген. Коховскаго приглашеніе

не продолжать своихъ лекцій, что онъ дослуживаетъ 25 лѣтъ своей профессорской дѣятельности ¹⁾ и готовъ, если нужно, совсѣмъ прекратить службу, не пользуясь сочувствіемъ правительства».

«Затѣмъ,—добавлялъ попечитель,—я слышалъ отъ окружного инспектора Гельбке, что онъ имѣлъ по тому же предмету разговоръ съ ген. Коховскимъ ²⁾, который вынесъ тоже, будто бы, изъ лекцій проф. Миллера непріятное впечатлѣніе, заставившее его послѣ двухъ чтеній просить профессора объ ихъ прекращеніи. Наконецъ, и публика не совсѣмъ сочувственно отнеслась къ этимъ чтеніямъ, такъ какъ на второй лекціи, по словамъ генерала, было уже гораздо менѣе слушателей, чѣмъ на первой». Отчеты о «пушкинскихъ» лекціяхъ Миллера были тогда же напечатаны въ столичныхъ газетахъ и ничѣмъ, кромѣ злобнаго доноса, нельзя объяснить возникновеніе изложеннаго нами дѣла, которое, до поры до времени, кончилось для Миллера безъ всякихъ послѣдствій. Характерная черточка во всей этой исторіи,—что «благожелатели» Миллера приурочили свой доносъ на него почти къ самому дню 25 л. его юбилея. По нѣкоторымъ даннымъ я полагаю, что вопросъ о неблагонадежности лекцій Миллера былъ возбужденъ кн. Мещерскимъ.

Х. Дитятинъ.

Среди профессоровъ харьковского университета въ 80 годахъ выгодно выдѣлялся, какъ преподаватель, другъ молодежи, какъ профессоръ, вѣрный завѣтамъ 1863 г., наконецъ, какъ живой и интересный ученый, профессоръ по кафедрѣ исторіи русскаго права И. И. Дитятинъ. Направленіе его научныхъ работъ, всегда строго серьезныхъ, основанныхъ на рѣдкомъ архивномъ матеріалѣ, но никогда не имѣвшихъ цѣлью «науки для науки», наоборотъ, всегда служившихъ откликомъ въ исторической формѣ на запросы современности; его дружба съ молодежью, въ связи съ явнымъ нежеланіемъ поддерживать официальные академическія и свѣтскія знакомства; его независимость и либерализмъ общественно-политическихъ взглядовъ,—все это создало ему репутацію «краснаго» въ обстановкѣ тогдашняго реакціоннаго перепуга. Къ тому же кое-кому хотѣлось продвинуть на его мѣсто своего фаворита, не имѣвшаго ничего общаго ни съ универси-

¹⁾ Четвертьвѣковый юбилей О. Ф. Миллера состоялся 4-го января 1886 года.

²⁾ Начальникъ Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній. Въ аудиторіяхъ Музея, въ Солянѣмъ Городкѣ, съ 60-хъ гг. читались публичныя лекціи.

тетомъ, ни съ исторіей русскаго права. Нужно было чѣмъ-нибудь скомпрометировать Дитятину, и мнѣ кажется, что этотъ профессоръ палъ жертвою не только безвременья вообще, но и ловко проведенной интриги, въ частности. Формально, удаленіе Дитятина изъ профессуры произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

3-го марта 1887 г. харьковскій попечитель донесъ Делянову, что начальникъ мѣстнаго губернскаго жандармскаго управленія полковникъ Вельбицкій, за нѣсколько дней до 19-го февраля, сообщалъ ему, что къ этому дню, или къ 26-му февраля, замышляется студентами демонстрація въ родѣ той, какая была затѣяна въ прошломъ году ¹⁾, и что имѣются данныя, обличающія существованіе кружка, готоваго къ возбужденію студентовъ къ сходкамъ и безпорядкамъ.

«Къ счастью,—прополжалъ попечитель,—эти предположенія не оправдались: дни 19 и 26 февраля прошли безъ всякихъ признаковъ какихъ-либо волненій... Были произведены, однако же, аресты и обыски нѣсколькихъ студентовъ, изъ которыхъ теперь оставлены подъ арестомъ одинъ Бражниковъ, студентъ 7 семестра юридическаго факультета, воспитанникъ Кубанской гимназіи и перешедшій сюда изъ петербургскаго университета... Остальные же оставлены на свободѣ, а именно: Пругавинъ, Перельманъ, Невзоровъ и Никитинъ, также юристы, первые три—7-го семестра, а послѣдній—3-го, всѣ изъ петербургскаго университета и Зурабовъ, 3-го семестра медицинскаго факультета. Въ гимназіи Кубанской воспитывались, кромѣ Бражникова, также Невзоровъ и Никитинъ, Перельманъ, іудей, въ Таганрогской, Пругавинъ—въ Архангельской, Зурабовъ—въ Елизаветпольской гимназіи; всѣ, какъ видно, на окраинахъ.

«Былъ также подвергнутъ обыску, въ ночь съ 28 февраля на 1-е марта проф. Дитятинъ. По отзыву полковника Вельбицкаго, упомянутые студенты юридическаго факультета пользовались особеннымъ вниманіемъ и расположеніемъ Дитятина и часто посѣщали его домъ. По слухамъ, обыскъ Дитятина ничего не обнаружилъ». Тѣмъ не менѣе попечитель «пользовался случаемъ», чтобы вызвать у министра недовѣріе къ профессору.

«Преподаваніе исторіи русскаго права въ рукахъ такого профессора, какъ Дитятинъ, представляется, въ цѣляхъ преступной пропаганды, слишкомъ сильнымъ орудіемъ, чтобы не озабочиваться, если не устраненіемъ теперь же преподавателя; то по

¹⁾ 19-го февраля 1886 г. студенты харьковскихъ высшихъ учебныхъ заведеній пытались отпраздновать 25-лѣтнюю годовщину освобожденія крестьянъ. Попытка эта была подавлена самыми строгими мѣрами.

крайней мѣрѣ ослабленіемъ, по возможности, вреднаго вліянія, которое онъ можетъ произвести на слушателей. Между тѣмъ, за неимѣніемъ профессора каноническаго права, составляющаго вообще существенную часть въ исторіи русскаго права, профессоръ послѣдняго всегда имѣетъ предлогъ къ включенію въ свой курсъ также права каноническаго и, излагая исторію церкви по отношенію къ государству, съ своей точки зрѣнія, такъ сказать, еще болѣе расширять и усиливать свое вліяніе на слушателей. Было бы, поэтому, весьма желательно пріисканіе особаго профессора на штатную кафедру каноническаго права. Преподаватель съ направленіемъ твердымъ и здоровымъ, соотвѣтствующимъ достоинству и значенію предмета, могъ бы оказать большую услугу — въ настоящихъ обстоятельствахъ и при настоящемъ составѣ факультета. Изложеніе превратное исторіи русскаго права, въ духѣ и направленіи противугосударственныхъ доктринъ, нашло бы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое противодѣйствіе въ надлежащемъ преподаваніи по кафедрѣ, которая не безъ причины оставалась всегда въ харьковскомъ университетѣ вакантною.

Такимъ образомъ, попечитель высказывалъ свое неудовольствіе и Дитятинымъ, и юридическимъ факультетомъ въ его цѣломъ, и очень ловко подготавливалъ слѣдующій шагъ. «Въ бесѣдахъ, — продолжалъ Воронцовъ-Вельяминовъ, — съ Высокопреосвященнымъ Амвросіемъ упоминалось нерѣдко имя магистра петербургской духовной академіи Остроумова, дѣятельнаго сотрудника журн. «Вѣра и Разумъ», съ глубокимъ и обширнымъ образованіемъ богословскимъ и специально философскимъ. Остроумовъ владѣетъ сильной діалектикой и, оставаясь всегда на почвѣ научной, сохраняетъ непоколебимыми православныя и нравственныя убѣжденія, опредѣляющія характеръ всѣхъ его критическихъ статей и научныхъ трудовъ. По отзыву Высокопреосвященнаго Остроумовъ не отказался бы обратить свою дѣятельность къ университетскому преподаванію каноническаго права, если бы къ этому представился случай и при условіяхъ, достаточно его обеспечивающихъ матеріально. Высокопреосвященный, по его словамъ, сносился по сему предмету съ Константиномъ Петровичемъ».

«Правда, — оговаривался попечитель, — что Остроумовъ не заявилъ своихъ специальныхъ познаній по изученію каноническаго права какими-либо особыми по этой части научными трудами, но, въ виду — однако же — свободы университетскаго преподаванія, открываемаго новымъ университетскимъ уставомъ (ст. 62, 68 и 109), привлеченіе Остроумова къ этому преподаванію не могло бы, повидимому, встрѣтить существенныхъ затрудненій и

замѣстило бы въ факультетскомъ преподаваніи весьма существенный пробѣлъ, который восполнить невозможно иначе, какъ приглашеніемъ лица, получившаго образованіе въ одной изъ нашихъ духовныхъ академій».

Такимъ образомъ, харьковскій попечитель искусно связывалъ проф. Дитятина съ арестованными студентами и усиленно рекомендовалъ на его мѣсто (сначала по церковному лишь праву) кандидата арх. Амвросія. Правда, кандидатъ этотъ не имѣлъ никакихъ правъ на кафедру и ни одного ученаго труда, но тутъ очень кстати являлись на помощь и «свобода преподаванія» по уставу 1884 года (1) и «непоколебимыя православныя убѣжденія» г. Остроумова. Деляновъ принялъ къ свѣдѣнію сообщеніе о Дитятинѣ и положилъ резолюцію объ однихъ лишь студентахъ: «поручить попечителю посоветоваться съ жандармскимъ полковникомъ, не слѣдуетъ ли уволить всѣхъ этихъ студентовъ изъ университета и выслать изъ города. 9 марта 1887 г.».

Между тѣмъ, изъ Харькова шло уже новое донесеніе (отъ 5-го марта). Подполковникъ Вельбицкій увѣдомилъ 3-го марта попечителя, что, «кромѣ Бражникова, арестованы и заключены подъ стражу, какъ подлежащіе привлеченію, въ качествѣ обвиняемыхъ, къ дознанію политическаго характера, студенты ветеринарнаго института Викторъ (въ еврействѣ Самуиль) Кохманъ и Хаимъ Гельрудъ, а также студ. унив. Поповъ, высланный сюда изъ Петербурга, гдѣ онъ находился въ отпуску».

«У проф. Дитятина, при обыскѣ, ничего особеннаго не обнаружено, но нѣкоторое вниманіе производившихъ обыскъ обратило присутствіе у Дитятина двухъ лицъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи и фотографическое изображеніе Щедрина, окруженнаго чудовищами и гадами, которые роятся во тьмѣ и стремятся растерзать его при помощи жандармовъ и полиціи. Подпись на карточкѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію».

Нужно отдать справедливость Н. П. Воронцову-Вельяминову: онъ весьма художественно описалъ ту карточку съ картины, которая была издана въ концѣ 1884 года послѣ закрытія «Отечественныхъ Записокъ». Выпустилъ ее въ свѣтъ, по моимъ лично свѣдѣніямъ, нѣкто Орловъ (нынѣ покойный), и распространена она была весьма сильно, такъ что у Дитятина могъ случайно заваляться въ бумагахъ одинъ экземпляръ ея. Нынѣ же это—весьма большая рѣдкость. Описаніе содержанія фотографіи привело Ив. Дав. Делянова въ крайній гнѣвъ. Въ состояніи этомъ онъ позабывалъ свою внѣшнюю мягкость и ласковость и выражался чрезвычайно энергично. «Такого мерзавца, какъ Дитятина,—заявилъ Деляновъ,—необходимо замѣнить другимъ препода-

вателемъ. Спросить попечителя, не имѣетъ ли онъ кого-либо на его мѣсто». Для объясненія чрезвычайныхъ эмоцій Ив. Дав. Делянова нужно сказать, что какъ разъ въ это время обнаружилось злоумышленіе на жизнь Государя Александра III, въ которомъ почти исключительно были замѣшаны студенты петербургскаго университета. Положеніе Ив. Дав. поколебалось неволью, а это было единственное, что могло заставить его выйти изъ обычнаго состоянія глубокаго равнодушія ко всему и ко всѣмъ, прикрытаго внѣшней ласковой предупредительностью. Судьба Дитятина была рѣшена.

Воронцову-Вельяминову было предложено обсудить съ начальникомъ харьковскаго губернскаго жандармскаго управленія вопросъ, не слѣдуетъ ли студентовъ уволить и выслать изъ г. Харькова. «Засимъ,—писалъ Деляновъ,—что касается проф. Дитятина, то оставить его на службѣ при университетѣ я не нахожу возможнымъ и, предварительно распоряженія, прошу увѣдомить въ возможно непродолжительномъ времени, имѣется ли кто-либо у васъ въ виду, кѣмъ бы можно бы было замѣстить его на каѳедрѣ исторіи русскаго права».

Между тѣмъ переписка о Дитятинѣ продолжалась. 12-го марта ген. Оржевскій сообщилъ Делянову, что «ординарный профессоръ харьковскаго университета, ст. сов. Иванъ Дитятинъ еще въ 1881 году обратилъ на себя вниманіе содѣйствіемъ, которое онъ оказывалъ противоправительственнымъ стремленіямъ учащейся молодежи, а также перепиской съ нѣкоторыми, проживавшими въ Петербургѣ, неблагонадежными въ политическомъ отношеніи лицами. Собранныя о немъ въ то время свѣдѣнія указывали, что онъ, держась особнякомъ отъ прочихъ своихъ сослуживцевъ, старался, вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько возможно, пріобрѣсти популярность среди студентовъ, участвуя на ихъ собраніяхъ и обѣдахъ. При этомъ, высказываемыя имъ, хотя иногда лишь намеками, миѣнія и убѣжденія не оставляли сомнѣнія въ томъ, что онъ питаетъ чувства вражды и ненависти къ правительству.

«Вредное вліяніе Дитятина на учащуюся молодежь, засвидѣтельствованное мѣстными властями, было также извѣстно бывшему министру народнаго просвѣщенія барону Николаи, по распоряженію котораго за Дитятинымъ былъ учрежденъ со стороны учебнаго начальства тщательный надзоръ.

«Въ минувшемъ году, изъ агентурныхъ источниковъ, вполне заслуживающихъ довѣрія, получены были свѣдѣнія, что появившаяся въ Харьковѣ преступная прокламація по поводу 25-лѣтней годовщины освобожденія крестьянъ была составлена при участіи профессора Дитятина.

«Наконецъ, въ нынѣшнемъ году, при секретныхъ наблюденіяхъ въ г. Харьковѣ, выяснено, что у проф. Дитятина бывали на квартирѣ сходки молодежи, при чемъ его посѣщали лица, извѣстныя своей неблагонадежностью и принадлежащія къ выясненному нынѣ харьковскому преступному кружку, члены котораго обысканы и арестованы въ концѣ минувшаго февраля.

«Вышеизложенныя свѣдѣнія, въ связи съ послѣдними указаніями, послужили основаніемъ къ произведенному 1-го сего марта обыску у проф. Дитятина». Для нашего времени очень интересно и своеобразно звучитъ сообщеніе о «преступномъ» участіи Дитятина въ попыткѣ обратить вниманіе общества на 25-лѣтній юбилей крестьянской свободы. Теперь нѣтъ никакихъ сомнѣній, что ничего преступнаго не было и въ сношеніяхъ Дитятина со студентами, арестованными въ Харьковѣ, въ концѣ февраля. Правда, студ. Иванъ Никитинъ былъ тѣмъ, именно, лицомъ, на чье имя адресовано было (въ концѣ января) вскрытое полиціей письмо студента петербургскаго университета Пахомія Андреюшкина, казненнаго, затѣмъ, по дѣлу 1-го марта. Какъ удостовѣряетъ ген. Шебеко, смѣнившій Оржевскаго на посту товарища министра внутреннихъ дѣлъ, именно, это письмо къ Никитину послужило причиною того, что за Андреюшкинымъ было установлено наблюденіе, благодаря которому подготовленное уже покушеніе 1-го марта было предотвращено арестомъ главныхъ участниковъ ¹⁾. Вас. Павл. Бражниковъ оказался руководителемъ кружка, имѣвшаго сношенія съ народовольцами, и поплатился 10-ю годами ссылки на Сахалинъ ²⁾. Однако, Дитятинъ виновенъ былъ лишь въ томъ, что его домъ былъ всегда открытъ для учащейся молодежи. Позже, это призналъ—косвенно—и Деляновъ, допустившій Дитятина на кафедру исторіи русскаго права въ Дерптскій университетъ. Но, прочтя отношеніе Оржевскаго, онъ приказалъ: «Поскорѣе спросить попечителя, кѣмъ бы онъ пожелалъ его замѣстить хотя временно».

19-го марта пошелъ новый запросъ въ Харьковъ, къ попечителю: «немедленно сообщить мнѣ, имѣете ли вы хоть кого-нибудь въ виду для замѣщенія, хотя бы временно, проф. Дитятина». Пока производилась переписка о немъ, Дитятинъ, повидимому, ничего не зналъ о грозящей ему участи и, какъ полагалось, заблаговременно сталъ хлопотать о лѣтнемъ отпускѣ. 5 апрѣля было доложено Делянову донесеніе харьковскаго попечителя (отъ 30-го марта), сообщавшаго о желаніи Дитятина ѣхать на лѣтнія вакаціи 1887 г. въ отпускъ за границу. Попечитель,

¹⁾ «Хроника соціального движенія», с. 310.

²⁾ *Тригони* «Послѣ Шлиссельбурга», «Былое», 1906, IX, 54.

представляя бумагу объ этомъ отъ ректора университета, не видѣлъ съ своей стороны препятствій къ отпуску Дитятина за границу. Напоминаніе о Дитятинѣ снова вывело Делянова изъ состоянія душевнаго равновѣсія.

«Вмѣсто отпуска,—приказалъ онъ,—уволить его отъ службы, о чемъ сообщить и министру внутреннихъ дѣлъ, какъ и о его просьбѣ на отъѣздъ за границу. Онъ слѣштитъ туда отправиться для усиленія банды Лаврова, Кропоткина и другихъ убійцъ. Прозкзаменовать студентовъ изъ исторіи русскаго права можетъ и другой профессоръ. Прошу прислать исполнительную бумагу завтра же 5 апрѣля». Энергическія выраженія по адресу эмигрантовъ, не имѣвшихъ отношенія ни къ какимъ убійствамъ, вообще, а въ частности и къ злоумышленію 1 марта 1887 г., показываютъ высокую степень волненія министра. Они вскрываютъ предъ нами подлинную сущность добрѣйшаго «патріархальнѣйшаго» Ивана Давыдовича. Впрочемъ, обстоятельства того момента были, а еще болѣе казались, весьма серьезными, и—съ этой точки зрѣнія—понятно увлеченіе Делянова и гнѣвъ его на неповиннаго профессора.

8-го апрѣля Деляновъ отправилъ 2 бумаги. Министру внутр. дѣлъ онъ сообщалъ о желаніи Дитятина ѣхать за границу. «Въ виду извѣстныхъ вашему сіятельству данныхъ о политической неблагонадежности проф. Дитятина и вреднаго, въ этомъ отношеніи, вліянія на студентовъ, я,—писалъ Деляновъ гр. Д. А. Толстому,—не нахожу возможнымъ оставлять его долѣе въ званіи профессора университета и, вмѣстѣ съ симъ, предложилъ попечителю уволить его отъ службы. Объ изложенномъ долгомъ считаю увѣдомить ваше сіятельство въ томъ предположеніи, что, можетъ быть, вы признаете нужнымъ учредить за нимъ надзоръ». Такимъ образомъ, Деляновъ, скомпрометированный дѣломъ 1-го марта, какъ министръ, допустившій возможность возникновенія въ университетѣ въ группѣ студентовъ злоумышленія на жизнь монарха, пытался отыгаться на Дитятинѣ и показать себя большимъ охранителемъ, нежели гр. Д. А. Толстой. Попечителю одновременно предписывалось сдѣлать нужныя распоряженія объ увольненіи съ 8-го апрѣля Дитятина «въ виду данныхъ о крайней политической его неблагонадежности».

Только узнавши отъ попечителя о внезапной отставкѣ, понялъ Дитятинъ серьезность своего положенія и поспѣшилъ въ Петербургъ. Къ этому времени положеніе Делянова выяснилось. Никто ни на минуту не обвинялъ его, стараго и преданнаго слугу, въ томъ, что произошло: онъ всегда энергично боролся съ тѣмъ движеніемъ, однимъ изъ проявленій котораго было чрезвычайное

дѣло 1-го марта. Министръ снова сталъ «благодушнымъ» и Дитятину было предложено (подъ рукой) подать прошеніе «по разстроенному здоровью». Такое прошеніе и подано было 27 апрѣля, въ Петербургѣ. Въ приказѣ по министерству было сказано, что Дитятинъ уволенъ министромъ «согласно прошенію». Слова «по разстроенному здоровью» Деляновъ все же собственноручно вычеркнулъ.

Принимая Дитятину обратно на государственную службу черезъ 2 года, Деляновъ поставилъ ему непремѣннымъ условіемъ: принять назначеніе на кафедру *государственного права* (а не исторіи русскаго права) и, при томъ въ Дерптскій университетъ. Начавшаяся въ то время руссификація этого германскаго университета не пользовалась одобреніемъ русскаго либерализма, и, для Дитятина принятіе предложенія Делянова явилось несомнѣннымъ компромиссомъ. Профессорствовать въ Дерптѣ ему пришлось, какъ извѣстно, очень недолго: умеръ онъ въ 1892 г., а читать пересталъ съ осени 1890 г.

XI. Еще о Миллерѣ.

Злоумышленіе 1-го марта 1887 г. на жизнь имп. Александра III, въ которомъ принимали участіе, почти исключительно, студенты петербургскаго университета, было своевременно предупреждено благодаря аресту главныхъ участниковъ въ самый день предполагавшагося покушенія. Пять студентовъ университета—А. Ульяновъ, В. Осипановъ, В. Генераловъ, П. Андреюшкинъ и П. Шевыревъ—были казнены. Другіе были отправлены въ каторгу, въ ссылку, административно сосланы, а два человѣка—Новорусскій и Лукашевичъ отбыли около 19 л. въ Шлиссельбургѣ. Тяжкая опала постигла самый университетъ, изъ стѣнъ котораго вышли не только главные дѣятели, но и почти всѣ участники дѣла 1-го марта. Была произведена провѣрка всѣхъ наличныхъ студентовъ съ точки зрѣнія благонадежности, были изгнаны всѣ мало-мальски подозрительные. Особыя мѣры были приняты по отношенію къ среднему образованію, въ коемъ было усмотрѣно главное зло. И профессура университета *in corpore* не избѣгла опалы. На нее была возложена крупная доля отвѣтственности за происшедшее. Предчувствуя рядъ мѣропріятій, грозящихъ университету, ректоръ его И. Е. Андреевскій спѣшно собралъ совѣтъ профессоровъ, на которомъ былъ составленъ и подписанъ всеподданнѣйшій адресъ.

«В. И. В., Государь Всемилоостивѣйшій»,—писали профессора.

«Три злоумышленника ¹⁾, недавно сдѣлавшіеся, къ великому несчастію для Петербургскаго университета, его студентами, своимъ участіемъ въ адскомъ замыслѣ и преступномъ сообществѣ нанесли университету невыносимый позоръ. Тяжко, скорбно, безвыходно! И въ эти горестные дни С.-Петербургскій университетъ въ полномъ его составѣ, всѣ профессора и студенты, ищутъ для себя единственнаго утѣшенія въ милостивомъ, Государь, дозволеніи повергнуть къ священнымъ стопамъ В. В. чувства вѣрнопопданнической преданности и горячей любви».

Съ очень сложнымъ чувствомъ былъ принятъ этотъ адресъ, ибо впечатлѣніе, произведенное дѣломъ 1-го марта 1887 г., было слишкомъ тягостно. 12-го марта 1887 г. имп. Александръ III одобрилъ для напечатанія слѣдующую редакцію высочайшей резолюціи на адресъ петербургскаго университета: «Благодарю С.-Петербургскій университетъ и надѣюсь, что *на дѣлѣ*, а не на бумагѣ только онъ докажетъ свою преданность и постарается загладить тяжелое впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ участіемъ студентовъ въ преступномъ замыслѣ. Да благословитъ его Господь на все доброе». Какъ адресъ, такъ и Высочайшая резолюція были напечатаны въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» и въ общей прессѣ. Слова «*на дѣлѣ*» были собственноручно подчеркнуты имп. Александромъ III.

Въ результатѣ дѣла 1-го марта вынужденъ былъ подать въ отставку ректоръ университета тайный сов. Андреевскій. Докладывая объ этомъ имп. Александру III, Деляновъ испрашивалъ Высочайшаго соизволенія на назначеніе ректоромъ «избраннаго имъ на эту должность ордин. профессора М. И. Владиславлева, въ благонадежности коего во всѣхъ отношеніяхъ онъ, Деляновъ, имѣлъ основаніе быть увѣреннымъ». Какъ извѣстно, «диссертацией» Владиславлева на благонадежность, а вмѣстѣ и на мѣсто ректора послужила извѣстная «записка» этого профессора «о мѣрахъ къ очищенію С.-Петербургскаго университета отъ вредныхъ элементовъ» ²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ на очередь вопросъ объ увольненіи, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, проф. Ор. Миллера. Къ великой радости его враговъ, онъ самъ далъ имъ поводъ своимъ мужественнымъ выступленіемъ противъ Каткова и катковщины.

¹⁾ Профессора, во время составленія адреса еще не знали, что подготавливавшихъ покушеніе было не три, а больше, и что среди задержанныхъ были не только студенты младшихъ, но и старшихъ курсовъ.

²⁾ Записка эта, въ извлеченіи, напечатана въ кн. А. И. Георгіевскаго «Краткій очеркъ правительственныхъ мѣръ и предначертаній противъ студенческихъ безпорядковъ». Перепечатано у Струве въ Штутгартѣ, а потомъ изд.—вомъ «Своб. Мысль», СПб., 1906, с. 92 и сл.

На первой же своей лекціи въ петербургскомъ университетѣ въ осеннемъ семестрѣ 1887 года Миллеръ обратился къ студентамъ съ горячимъ словомъ по поводу смерти Каткова. Официальная Россія выразила, незадолго предъ этимъ, скорбь о смерти литературнаго временщика въ формѣ дотолѣ необычной по отношенію къ дѣятелямъ журналистики. Русское общественное мнѣніе было лишено возможности высказаться свободно о властителяхъ думъ официальной Россіи, о вдохновителѣ реакціи, величину значенія котораго въ 70—80 годахъ—теперь трудно себѣ даже представить. Слухи, распространившіеся по Петербургу, гласили, что Миллеръ рѣзко охарактеризовалъ стремленія Каткова «свести Россію съ пути освобожденія ея народныхъ и общественныхъ силъ». Открытое и прямое слово, сказанное съ кафедры въ эпоху общаго молчанія, прозвучало необычайно громко.

29 августа Деляновъ набросалъ собственноручное письмо къ попечителю, отправленное на слѣдующій же день, такого содержанія: «До свѣдѣнія моего дошло, что проф. Миллеръ, на первой своей лекціи, по открытіи ученія въ Петербургскомъ университетѣ, вмѣсто того, чтобы заняться предметомъ, ему порученнымъ, читалъ лекцію о значеніи покойнаго М. Н. Каткова и, между прочимъ, выразился, что онъ былъ *наемный представитель власти, идущей съ насиліемъ*. Вслѣдствіе сего я считаю долгомъ покорнѣйше просить Ваше Пр-ство произвести зависящимъ отъ Васъ способомъ тщательное дознаніе по означенной, если только она, дѣйствительно, имѣла мѣсто, *наглой* выходкѣ и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ». Слово «наглой» и «преступныя» выраженія Миллера были подчеркнуты самимъ Деляновымъ.

Днемъ позже (31 августа) пошло новое предложеніе попечителю И. П. Новикову «истребовать отъ... Миллера письменное изложеніе существеннаго содержанія его первой лекціи о литературной дѣятельности и значеніи покойнаго Каткова, при чемъ должны быть указаны общій ходъ мыслей этой лекціи и направленіе, въ какомъ оцѣнивалась его дѣятельность. Такъ какъ самъ проф. Миллеръ, какъ видно изъ объясненій его съ Вашимъ Пр-ствомъ, не отрицаетъ того, что имъ произведена была оцѣнка литературной дѣятельности Каткова, то въ упомянутомъ изложеніи должно быть обозначено, что, собственно, во взглядахъ покойнаго публициста и какія стороны его дѣятельности подвергались суду и осужденію со стороны профессора».

Мы помнимъ, что на запросъ по поводу пушкинской лекціи Миллеръ представилъ устные объясненія. На этотъ разъ, чувствуя, что его пѣсня спѣта, что на уста его все равно будетъ наложена печать, Миллеръ рѣшилъ, повидимому, лучше съ честью уйти.

нежели оставаться на кафедрѣ «подцензурнымъ» преподавателемъ. Поэтому, на предложеніе попечителя представить письменныя объясненія, онъ отвѣтилъ отказомъ, полнымъ достоинства, а споръ свой съ катковщиной и съ Деляновымъ перенесъ на судъ общества, напечатавши свою лекцію въ «Русскомъ Курьерѣ».

«М. Г. Иванъ Петровичъ»,—писалъ проф. Ор. Миллеръ попечителю Новикову 24 сентября 1887 г. «Въ отвѣтъ на письмо Вашего Пр-ства отъ 18 сентября имѣю честь Вамъ напомнить, что я уже имѣлъ честь Вамъ лично объяснить по поводу чтенія моего о покойномъ Катковѣ. Я остаюсь при убѣжденіи, что я и въ правѣ, и обязанъ руководствоваться на кафедрѣ исключительно внушеніями моей профессорской совѣсти. Мнѣ остается только повторить это и на бумагѣ. Примите и проч. Ор. Миллеръ».

Черезъ 2 дня Миллеръ обратился къ редактору «Русскаго Курьера» съ слѣдующимъ письмомъ: «Принося редакціи «Русскаго Курьера» мою искреннюю благодарность за статью обо мнѣ и объ отношеніи ко мнѣ «Гражданина», я обращаюсь къ почтенной редакціи съ предложеніемъ—напечатать, если она найдетъ это возможнымъ, прилагаемую мою статейку, заключающую въ себѣ воспроизведеніе по памяти сущности того, что я сказалъ о Катковѣ въ университетѣ. Напечатаніемъ этой статейки редакція сдѣлала бы мнѣ большое одолженіе».

Статья эта, дѣйствительно небольшая, была напечатана въ № 267 «Русскаго Курьера», подъ заглавіемъ «Славянофилы и Катковъ». Въ виду весьма большого интереса внутренняго содержанія этой статьи и ссылокъ, которыя дѣлалъ на нее Деляновъ въ своей «диссертациі» о предѣлахъ академической свободы въ области преподаванія мы приведемъ ниже главнѣйшіе отрывки изъ этой смѣло и честно написанной статьи.

Оправдывая тему своей лекціи (о только что умершемъ Катковѣ) примѣрами собственныхъ своихъ литературныхъ поминокъ, сдѣланныхъ имъ ранѣе съ университетской кафедры послѣ смерти Ю. О. Самарина и И. С. Аксакова, Миллеръ заявлялъ, что поминалъ этихъ людей «съ глубокимъ сочувствіемъ, слѣдуя, какъ извѣстно, общимъ основамъ того направленія, представителями котораго они были»... «Направленіе это,—продолжалъ Ор. Миллеръ,—дорогое уму моему и сердцу, нерѣдко смѣшиваютъ съ тѣмъ, которому слѣдовалъ М. Н. Катковъ. То и другое безразлично принимается многими за народнорусское направленіе, (за границей его называютъ исповѣданіемъ *du vieux parti russe der alt-russischen Partei*). Я, какъ убѣжденный послѣдователь Хомякова, Самарина и Аксаковыхъ, всегда возставалъ противъ такого смѣшенія и обязанъ снова коснуться этого вопроса по случаю смерти Каткова.

«Хомяковъ, Самаринъ, Аксаковы утверждали, что государство почерпаетъ свою настоящую силу въ постоянномъ общеніи съ землею въ узнаваніи отъ нея же самой ея нуждъ и стремленій, возможномъ только при свободѣ голоса земли. Катковъ представлялъ государство его собственнымъ средствамъ, той самодовлѣющей власти, которая, выдаваемая за сильную, часто оказывается прямо слабою, потому что опирается только на служилыхъ людей. Они же, руководясь своими выгодами, не заботятся о знаніи родной земли, о вниманіи къ ея голосу, такъ и недостигающему чреъ ихъ посредство до верховной власти». Конечно, это были обычные славянофильскія мысли, но высказанныя въ эпоху гоненія на свободу слова, на идею народнаго представительства, въ эпоху расцвѣта самовластия «служилыхъ людей», онѣ звучали особенно вѣско и для нѣкоторыхъ ушей непріятно.

«Идеаль государства Каткова, продолжалъ Миллеръ, былъ не тотъ идеаль, который исповѣдывали Посошковъ и—впослѣдствіи славянофилы. Отъ увлеченія западнымъ конституціонализмомъ Катковъ обратился къ нѣмецкому типу полицейскаго государства. «Изъ-за него выглядывалъ у Каткова и тотъ византійскій государственный типъ, который являлся для насъ политическимъ соблазномъ въ ту древнюю пору, когда, по мѣткому выраженію митрополита Макарія, греки играли у насъ роль, впослѣдствіи перешедшую къ нѣмцамъ. Попавъ на свою новую точку зрѣнія, Катковъ, со свойственнымъ ему упорствомъ, все болѣе и болѣе становился глашатаемъ возвращенія» къ эпохѣ Николая I. «Чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣшительнѣе преслѣдовалъ Катковъ великую эпоху нашего возрожденія, остававшуюся въ общихъ своихъ чертахъ дорогою Аксакову. Катковъ даже умышленно обмолчалъ 25-лѣтнюю годовщину освобожденія крестьянъ, этого величайшаго дѣла покойнаго Государя, дѣла, постоянно провозносившагося Аксаковымъ».

Миллеръ объяснялъ свое «несдержанное отношеніе къ памяти Каткова», свое выступленіе, «такъ сказать, на свѣжей его могилѣ», тѣмъ, что «Катковъ совсѣмъ не щадилъ той памяти, которая, чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ становиться нашей народной святыней, памяти того, чья могила должна быть всегда для насъ свѣжа и драгоцѣнна». Всѣ современники поняли отлично, что рѣчь идетъ о систематическихъ выпадахъ Каткова противъ памяти имп. Александра II, предъ которою благоговѣлъ Ор. Миллеръ. Чтобы пояснить свою мысль, Миллеръ писалъ: «Не прямымъ ли вызовомъ, со стороны Каткова, русскому патріотическому чувству было то, что онъ обозвалъ «добродѣтельнымъ поэтомъ-мечтателемъ» наставника покойнаго Государя, внушавшаго Ему,

что «святѣйшее изъ званій—человѣкъ», обозвалъ послѣ чествованія 100-лѣтней годовщины Жуковского, обратившагося въ общественное чествованіе того, чья священная кровь остается «на насъ и на чадахъ нашихъ»... Стараясь свести Россію съ пути освобожденія ея народныхъ и общественныхъ силъ на прежній путь «нѣмецкаго полицейскаго государства, устарѣвшаго и на мѣстѣ его происхожденія», Катковъ,—по мнѣнію Миллера,—«могъ только подрывать политическую мощь Россіи, лишать ея голосъ въ международныхъ дѣлахъ всякой силы и всякаго вѣса и, такимъ образомъ, дѣйствовать въ руку нашимъ врагамъ, которые, только по крайнему недоразумѣнію, считали его опаснымъ для нихъ человѣкомъ...»

«Высказываясь такимъ образомъ о Катковѣ, я знаю, что для нѣкоторыхъ имя его неприкосновенно, что для нихъ немыслимъ какой-либо судъ надъ нимъ. Но я держусь того «права мнѣнія и сомнѣнія», которое, по словамъ Хомякова, должно безусловно принадлежать университетской кафедрѣ. Вообще же я, какъ извѣстно, руководюсь всегда и вездѣ, тѣмъ понятіемъ о свободѣ слова, которое является краеугольнымъ камнемъ такъ назыв. славянофильства. По этимъ понятіямъ,—говорю это въ напутствіе моимъ лекціямъ вообще,—свобода слова представляется не только *правомъ*, но и *обязанностью* каждого гражданина».

Это были мужественныя и достойныя слова и, заносъ ихъ на бумагу, Миллеръ говорилъ уже не только обращаясь къ университетской аудиторіи, не только къ обществу, но и къ тѣмъ, кто посягалъ на свободу университетскаго преподаванія, на свободу русскаго слова, вообще.

«Какъ *право*, свобода слова, по точному своему понятію, не есть что-либо даруемое и отнимаемое по человѣческому велѣнію. Она есть прирочденный даръ Бога, на который не можетъ посягать никакая земная сила. Понятіе это выразилось въ извѣстномъ стихотвореніи:

«Вѣдь наложить на разумъ цѣпи
«И слово можетъ умертвить
«Лишь Тотъ, кто властенъ вихрю въ степи
«И солнцу въ небѣ запретить!...

«Но, вѣдь, это было»,—продолжалъ Ор. Миллеръ свой гимнъ въ честь свободнаго слова,—«и завѣтное понятіе той земской Руси, которая, предоставленная самой себѣ, спасла государство въ смутную пору». Затѣмъ, прямо отвѣчая на запросъ Делянова, Миллеръ говорилъ словами Минина (По Островскому), сказан-

ными имъ «въ отвѣтъ на угрозу, что его заставятъ, наконецъ, замолчать:

«Не замолчу. На то мнѣ данъ языкъ,
 «Чтобъ говорить. И говорить я буду
 «По улицамъ, на площадяхъ, въ избѣ,
 «И пробуждать, какъ колоколъ воскресный
 «Уснувшія сердца. Вы подождите,
 «Я зазвоню не такъ. Не хочешь слушать,
 «Я не неволю—не любо, не слушай,
 «А замолчать меня заставить трудно!..»

«Такъ всегда думалъ и въ такомъ духѣ дѣйствовалъ, вслѣдъ за своими предшественниками, и И. С. Аксаковъ. И я, по мѣрѣ силъ своихъ, останусь вѣренъ такому взгляду до послѣдняго моего издыханія».

Таковъ былъ отвѣтъ Миллера Делянову, направленный имъ косвенно, черезъ посредство московской газеты. Отвѣтъ этотъ дошелъ до вопрошавшихъ. Ив. Дав. Деляновъ внимательно прочиталъ его, взялся за геро и написалъ собственноручно длинную диссертацию о предѣлахъ свободы слова въ русскомъ университетѣ въ концѣ 80-хъ г.г. Предъ лицомъ Миллера, говорившаго ясно, прямо и открыто, Деляновъ ощутилъ какую-то неловкость. Ему захотѣлось опровергнуть Миллера, но, къ сожалѣнію, вмѣсто того, чтобы печатно изложить философію реакціи, онъ излилъ свои чувства въ конфиденціальномъ «предложеніи» петербургскому попечителю. Въ настоящее время мы считаемъ долгомъ воспроизвести мысли министра на страницахъ нашего журнала.

Деляновъ писалъ Новикову (6-го окт. 1887 г.): «Изъ словесныхъ объясненій, представленныхъ вашему превосходительству проф. Миллеромъ, по поводу его лекціи о покойномъ т. с. Катковѣ, вовсе не требовавшейся ходомъ изложенія курса, только что начинавшагося, выяснилось и теперь, по напечатаніи самой лекціи въ одной изъ московскихъ газетъ, вполне подтвердилось, что означенный профессоръ, никѣмъ и ничѣмъ къ тому не вызванный, счелъ приличнымъ съ каѳедры русской словесности, подвергнуть разбору и рѣзкому осужденію дѣятельность публициста, высокая оцѣнка котораго недавно передъ тѣмъ была сдѣлана совершенно въ иномъ смыслѣ съ высоты Престола.

«Оставляя въ сторонѣ всю неумѣстность этого поступка, не могу не обратить вниманіе, что проф. Миллеръ въ письмѣ къ вашему превосходительству отъ 24 сентября отказывается дать

требуемое отъ него письменное изложеніе своей лекціи, сославшись на устные объясненія и въ прямое неуваженіе требованію власти, на вопросъ которой онъ обязанъ былъ отвѣтить, помѣстилъ изложеніе своей лекціи въ газетахъ. Изъ сего изложенія видно, что профессоръ присваиваетъ себѣ ничѣмъ неограниченное право свободнаго слова на кафедрѣ, а въ письмѣ къ вамъ онъ заявляетъ «свое убѣжденіе, что онъ въ правѣ и обязанъ руководствоваться на кафедрѣ исключительно внушеніями своей профессорской совѣсти». Такимъ образомъ, г. Миллеръ представляетъ себѣ права, закономъ не признанныя и съ правильнымъ ходомъ дѣлъ въ государственной и общественной жизни несовмѣстимыя. Подражая, повидимому, извѣстному выраженію: «іерейская совѣсть», г. Миллеръ ссылается на таковую на профессорскую, какъ на единое мѣрило своего образа дѣйствій на кафедрѣ. Даже въ примѣненіи къ священному лицу, церковные и гражданскіе законы признають показанія *по іерейской совѣсти* равнозначимыми показаніямъ подъ присягой лишь въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о степени правдивости ихъ, и если можно званіе профессора уподоблять священному сану, то г. Миллеръ могъ бы сослаться на свою *профессорскую совѣсть* только въ свидѣтельство вѣрности и искренности письменнаго изложенія лекціи, которое я черезъ Васъ отъ него требовалъ и которое онъ, отказавшись доставить Вамъ, предпочелъ напечатать въ московской газетѣ.

«Но онъ ищетъ въ таковой совѣсти не только оправданія неумѣстности своего чтенія, но и выставляетъ внушенія совѣсти, при полной свободѣ слова, единственно обязательнымъ руководствомъ для преподавателя на кафедрѣ. Г. Миллеръ забываетъ, что, кромѣ внутренняго чувства, для всякаго общественнаго дѣятеля, слѣдовательно и для профессора, обязательенъ, какъ нравственный законъ не въ личной, а общепризнанной формѣ, такъ и законъ положительный, составляющій руководительную норму во всѣхъ функціяхъ общественной дѣятельности. Безъ этого всѣ виды государственной службы отдавались бы на жертву случайнаго личнаго пониманія, внушеній различно развитой совѣсти, и подъ прикрытіемъ ихъ, во многихъ случаяхъ открывался бы широкій путь къ разнымъ злоупотребленіямъ. Было бы несообразно, какъ съ здравымъ смысломъ, такъ и съ закономъ, давать полный просторъ всякимъ ученіямъ въ университетахъ и предоставлять юныхъ слушателей произволу преподавателей, могущихъ, какъ и всѣ люди, не надлежаще пользоваться свободой слова. Въ стѣнахъ университетовъ, учрежденныхъ и поддерживаемыхъ правительствомъ, гдѣ происходитъ образованіе молодыхъ людей, приготовляющихся служить Государю и Россіи и

стать со временемъ въ ряды руководителей историческаго развитія народа, можетъ быть допущено лишь то истинное свободное слово, при которомъ умъ, принимая къ разсмотрѣнiю научные вопросы и критически относясь къ разнымъ мнѣнiямъ, самъ себя ограничиваетъ мыслью о благѣ учащихся, о достоинствѣ учрежденiя, гдѣ происходитъ чтенiе, объ уваженiи къ существующему закону и политическому строю Государства. Признавъ принципы, высказанные г. Миллеромъ, министерство должно было бы всевлiяние и значенiе кафедры въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ отдать на личное усмотрѣнiе каждаго преподавателя и признавать нормальными даже такіе случаи, когда бы университетскія аудиторiи стали оглашаться самыми крайними направленiями, лишь бы представители ихъ не встрѣчали запрета въ своей совѣсти.

«Неся отвѣтственность предъ Государемъ Императоромъ и своею совѣстью за благое направленiе всѣхъ видовъ обученiя молодыхъ поколѣнiй, я не могу допустить, чтобы, въ оправданiе всякихъ своихъ дѣйствiй, преподаватель отказывался исполнить предложенiе начальства, ссылаясь на (яко бы) принципъ свободного слова и свою профессорскую совѣсть и выставлялъ мысль, что ея исключительными внушенiями онъ въ правѣ и обязанъ руководствоваться на кафедрѣ.

«Посему я вижу себя вынужденнымъ уволить г. Миллера отъ занимаемой имъ должности ординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета и покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать надлежащiя къ тому распоряженiя». Таковъ былъ *der langen Rede kurzer Sinn*! Университетская дѣятельность Миллера была окончена.

Записка Делянова, излагающая взгляды его на свободу преподаванiя въ университетѣ, чрезвычайно интересна. Прежде всего, любопытенъ самый фактъ ея написанiя. Въ ту эпоху представители власти болѣе молчали и молча дѣйствовали, нежели говорили. Такъ что попытка обосновать свою позицію, дать философскій фундаментъ гоненiямъ на свободу мысли и слова, очень интересна. Къ сожалѣнiю, мѣсто, занятое нашей статьей, не позволяетъ намъ войти въ обсужденiе взглядовъ Делянова. Конечно, его, какъ стараго бюрократа, больно обидѣло упорное нежеланiе Миллера дать «затребованныя отъ него объясненiя». Еще болѣе возмущенъ онъ обращенiемъ профессора къ суду общественнаго мнѣнiя, дерзостью Миллера, осмѣливающагося не соглашаться съ официальной оцѣнкой Каткова. Съ чрезвычайнымъ самодовольствомъ пытается Деляновъ втолковать Миллеру, что «профессорская совѣсть» и «свобода преподаванiя»—это

мечтанія, вредный самообманъ. Припавши взгляды Миллера за основаніе, пришлось бы терпѣть, что аудиторіи стали бы оглашаться «самыми крайними направленіями». А потому свобода преподаванія допустима лишь въ предѣлахъ, точно указанныхъ начальствомъ.

XII. Маркевичъ.

Помимо упомянутыхъ нами выше уволенныхъ профессоровъ, были намѣчены въ 80-хъ годахъ къ увольненію и другіе профессора. Заслуживаютъ полнаго нашего вниманія попытки удалить въ 1884 г. изъ одесскаго университета сразу трехъ профессоровъ: Маркевича, Трачевскаго и Клоссовскаго. Попытки эти кончились неудачей.

27 января 1884 г. товарищъ министра внутр. дѣлъ, завѣдывающій полиціей, увѣдомилъ Делянова: «изъ производящейся переписки усматривается, что приватъ-доцентъ Новороссійскаго университета по кафедрѣ новѣйшей Русской Исторіи Алексѣй Ивановичъ Маркевичъ, при изложеніи царствованія имп. Александра I, позволяетъ себѣ вводить въ разсказъ анекдоты о покойномъ Монархѣ, вредно вліяющіе на направленіе молодежи». На запросъ министра попечитель сообщилъ полученное черезъ ректора Ярошенко донесеніе декана ист.-филологическаго факультета Некрасова о способѣ преподаванія Маркевича. Деканъ объяснялъ, что Маркевичъ читалъ въ первомъ полугодіи 1883—4 учебн. года не курсъ новѣйшей русской исторіи, а излагалъ критико-библіографическій очеркъ источниковъ и сочиненій, относящихся къ исторіи имп. Александра I-го. «Нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ курсѣ могли имѣть мѣсто и анекдоты съ критическимъ разборомъ того, сколько въ нихъ заключается историческаго. На основаніи же произведеннаго мною обслѣдованія оказалось, что Маркевичъ нѣсколько уклонялся отъ утвержденной для него факультетомъ программы и, переходя къ изложенію событій не строго держался критическаго анализа, отступая въ сторону анекдотическую. Впрочемъ, Маркевичъ въ своихъ чтеніяхъ пользовался матеріалами, сколько мнѣ извѣстно, напечатанными въ русскихъ повременныхъ бібліографическихъ изданіяхъ, каковы «Русская Старина», «Русскій Архивъ», «Историческій Вѣстникъ» и т. п. Я имѣю свѣдѣнія, что этимъ курсомъ Маркевича студенты вовсе не были увлечены, а напротивъ того относились къ нему отчасти критически. Такъ, студентовъ, которые подъ вліяніемъ этихъ лекцій Маркевича обращались бы къ нему за руководствомъ или указаніями въ ихъ занятіяхъ, не

было ни одного. Не могу отрицать, что у г. Маркевича, при чтеніи этого курса, не было желанія заманить студентовъ слушаніемъ анекдотическихъ фактовъ. Чтеніе этого курса уже прекращено г. Маркевичемъ. Съ генваря 1884 г. Маркевичъ уже читаетъ курсъ по «исторіи Юго-Западной Россіи съ XIII по XV вѣкъ» и имѣетъ очень мало слушателей. Что же касается, вообще, до чтеній г. Маркевича, то я считаю долгомъ присоединить, что онъ читаетъ у насъ не по приглашенію факультета, а по собственному желанію, читаетъ лекціи, необязательныя для студентовъ, за чтеніе которыхъ факультетъ ничего ему не платитъ. Сколько мнѣ извѣстно, вольныхъ слушателей платныхъ г. Маркевичъ не имѣетъ. Аудиторія его составляется изъ разныхъ случайныхъ слушателей студентовъ».

На это Десяновъ, 8 марта 1884 г., послалъ одесскому попечителю слѣдующее предложеніе: «принимая во вниманіе, что преподаваніе въ стѣнахъ университета должно имѣть характеръ чисто научный и изложеніе какихъ бы то ни было анекдотовъ не должно имѣть мѣста, я... прошу предложить начальству университета строго наблюдать за преподаваніемъ тѣхъ или другихъ предметовъ въ предѣлахъ утвержденныхъ для нихъ факультетомъ программъ, а равно и имѣть особое наблюденіе за преподаваніемъ г. Маркевича, которому, въ случаѣ малѣйшаго уклоненія отъ серьезнаго направленія, воспретить дальнѣйшее чтеніе лекцій».

Исторія этимъ, однако, не кончилась, и имѣла свое продолженіе осенью. 9 ноября 1884 г. попечитель одесскаго учебнаго округа донесъ Десянову, что историко-филологическій факультетъ Новороссійскаго университета, по просьбѣ прив.-доц. Маркевича, разрѣшилъ ему чтеніе лекцій и въ настоящемъ учебномъ году на тему: «Исторія Юго-Западной Россіи съ XIV до XVII в. включительно». Принимая во вниманіе прошлогоднюю исторію, «а также что избранный имъ для чтенія курсъ способенъ вызвать вопросы и объясненія на нихъ, неудобныя при изложеніи предмета въ студенческой аудиторіи», попечитель затруднился удовлетворить означенное ходатайство. Если бы министръ разрѣшилъ Маркевичу читать, то попечитель «полагалъ бы необходимымъ предложить ему предметомъ своихъ чтеній избрать другой отдѣлъ исторіи Россіи». Къ своему донесенію Лавровскій приложилъ заключеніе проф. Перетятковича и декана. Такимъ образомъ, попечитель, не имѣя основаній запретить Маркевичу чтеніе лекцій, пытался наложить руку на программу ихъ, утвержденную факультетомъ. Десяновъ былъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи и спросилъ А. И. Георгіевскаго по поводу сомнѣній Лавровскаго,

какъ ему казалось, «вызванныхъ неувѣренностью въ благонадежности Маркевича»... «По мнѣнію моему,—полагалъ Деляновъ,—весь вопросъ въ томъ, можно ли ожидать отъ него серьезнаго преподаванія или нѣтъ. Если сомнительно, то слѣдуетъ отклонить. Если онъ человѣкъ смуты, то какъ же исправлять программы,—все-таки отъ преподаванія Маркевича будетъ вредъ: тутъ и замѣна предлагаемыхъ чтеній другими не поможетъ. 14-го ноября».

Покажется страннымъ, но А. И. Георгіевскій довольно рѣзко выступилъ противъ Лавровскаго на защиту правъ приватъ-доцентовъ. Онъ нашелъ совершенно незаконнымъ, что попечитель потребовалъ отъ Маркевича представленія подробной программы и передалъ ее на заключеніе. По закону ни отъ профессоровъ, ни отъ приватъ-доцентовъ подобныхъ программъ требовать нельзя. Затѣмъ, абсолютно незаконно предположеніе требовать отъ приватъ-доцента избрать другую тему. Это несогласно съ самимъ существованіемъ приватъ-доцентуры. Можно не дозволить курсъ, но требовать измѣненій нельзя. Попечитель обязанъ, живя на мѣстѣ, знать степень благонадежности преподавателей, а за научныя достоинства ручается постановленіе факультета. Деляновъ согласился не со всѣми положеніями Георгіевскаго, но не противорѣчилъ, хотя посовѣтовался, по существу программы съ проф. Замысловскимъ, но и тотъ отозвался, что въ программѣ «нѣтъ ничего тенденціознаго или противнаго наукѣ». 9 декабря министръ отвѣтилъ Лавровскому, что по уставу 1884 г. разрѣшеніе лекцій прив.-доцента зависитъ не отъ министра, а отъ попечителя (ст. 110). Предложеніе взять другую тему было бы несогласно съ существованіемъ приватъ-доцентуры. Можно не дозволить приватъ-доценту чтеніе предположеннаго имъ курса *по недо-вѣрію къ его политической или нравственной благонадежности*, но нельзя требовать отъ него замѣны одного курса другимъ, «если курсъ, который онъ желаетъ читать, не противенъ по существу своему основамъ религіи, нравственности или существующаго у насъ государственнаго строя». Последнія слова, поставленныя нами въ кавычки, приписалъ собственноручно Деляновъ. Далѣе предписывалось попечителю ознакомиться лично съ личностью каждаго профессора и приватъ-доцента и «впредь знакомиться съ личностью каждаго кандидата и его *предшествующей дѣятельностью*». На этотъ разъ Маркевичъ былъ оставленъ въ покоѣ, но подозрѣніе, что онъ, по картинному выраженію Делянова,—«человѣкъ смуты», осталось висѣть надъ нимъ. Какъ извѣстно, А. И. Маркевичъ былъ все-таки уволенъ въ 1895 г. Но это относится уже къ послѣдующей эпохѣ.

XIII. Трачевскій.

Мытарства Маркевича, повидимому, можно объяснить профессорскими доносами изъ Одессы. Тѣ господа, которые заставили уйти Мечникова, Посникова и Преображенскаго, не могли переварить въ своей средѣ и другихъ либеральныхъ профессоровъ. Трачевскій и Клоссовскій были поставлены на очередь въ томъ же 1884 г. 13 апрѣля 1884 г. министръ народнаго просвѣщенія получилъ обычнаго типа «памятную записку» слѣдующаго содержания: «Сынъ харьковскаго 3-й гильдіи купца, коллежскій секретарь Александръ Семеновъ *Трачевскій*, въ исходѣ 1870 г. посѣщалъ въ Москвѣ квартиру дѣйствительнаго студента Голубева, который, занимаясь въ типографіи Мамонтова и сотрудничая въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, устраивалъ у себя совѣщанія сотрудниковъ этихъ изданій; такъ какъ участники этихъ совѣщаній, при обсужденіи журнальныхъ статей, касались политическихъ вопросовъ и проводили идеи объ измѣненіи существующаго государственнаго порядка, то Трачевскій, въ числѣ другихъ, по распоряженію III Отдѣленія, сообщенному 7 января 1871 г. за № 24 начальнику Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія, былъ подчиненъ самому строгому негласному наблюденію.

«17-го февраля 1873 г. Трачевскій отправился въ Тифлисъ для поступленія учителемъ исторіи къ Августѣйшимъ дѣтямъ Его Имп. Высочества бывшаго намѣстника Кавказа.

«На запросъ бывшаго III Отдѣленія начальникъ Московск. Губернск. Жандармск. Управленія увѣдомилъ, что Трачевскій вращается въ обществѣ людей, которые высказываютъ вредныя противоправительственныя идеи, но фактическихъ данныхъ къ формальному обнаруженію подобнаго направленія ихъ не имѣется.

«Лѣтомъ 1882 г. ординарный профессоръ новороссійскаго университета, ст. сов. А. С. Трачевскій находился въ близкихъ сношеніяхъ съ проживавшею въ то время въ Одессѣ гр. А. П., находящеюся нынѣ замужемъ за состоящимъ подъ надзоромъ полиціи Ив. П., при чемъ имѣются негласныя указанія на то, что Трачевскій содѣйствовалъ гр. П-ой въ распоряженіи деньгами, предназначенными на достиженіе цѣлей противоправительственнаго значенія; независимо сего Трачевскій былъ знакомъ съ нѣкоторыми дѣятелями соціалистическаго сообщества, такъ напримѣръ, обвинявшійся въ государственномъ преступленіи дворянинъ П. Мартыно, близко стоявшій къ Вѣрѣ Филипповой, (Фигнеръ) былъ преподавателемъ въ учебномъ заведеніи, основанномъ Трачевскимъ въ г. Одессѣ подъ именемъ «Новая Школа»,

а произведенным обыском у Константина Маслова, ближайшего сотрудника названной Филипповой, был найден, между прочим, заграничный паспорт на имя Трачевского». Таковы были смутные данные о политической неблагонадежности Трачевского. Мне неизвестно, кто был Голубев, знакомство с которым в 1870 г. было поставлено в вину Трачевскому. Трудно понять также, почему упомянуто о преподавании Трачевским истории в семье в. кн. Михаила Николаевича. Это скорее должно было свидетельствовать о его благонадежности. Правда, мы знаем, что в начале 80-х годов Победоносцев вел упорную кампанию против участника великих реформ в. кн. Константина Николаевича («бѣда отъ лжебратій»,—писал К. П. в одном из писем 1881 г.). Мы знаем, что в. кн. Михаил Николаевич был перемещен с независимого поста намѣстника в Петербург, в центр, в малодѣятельный Государственный Совѣтъ. Но, несомненно, что отношеніе к вел. кн. Михаилу Николаевичу было иное, нежели к в. кн. Константину Николаевичу. Так что обстоятельство, указанное выше, приводится, очевидно, как повод для справки о Трачевском в III Отдѣленіи. Гр. А. П-у (урожденную М.), упоминаемую здѣсь, ген. Шебеко, в своей «Хроникѣ социалистическаго движенія» (стр. 199), упоминает при обзорѣ 1881 г. и характеризует, как «знатную, молодую, красивую и богатую русскую даму, которая оказалась жертвой разрушительных теорій, мало-по-малу проникавших во все слои общества, и сужала партію («Народной Воли») нѣкоторыми средствами: на ея деньги была устроена в Кіевѣ кооперативная столярная мастерская, содержавшаяся социалистом Наддачиным; она помогала по временам также и одесским кружкам». Очевидно, в 1884 г. и знакомство с поднадзорным земским гласным И. П. считалось немалым «государственным преступленіем», если объ этом таинственно сообщал департаментъ полиціи. Мне ничего не известно о преподавателѣ «Новой Школы» П. Мартыно, равно и о его винѣ, и о его судьбѣ. Но не могу не замѣтить, что в ту эпоху попытка внести хотя малѣйшія измѣненія в программу средней школы казалась неслыханной дерзостью, чуть ли не политическим преступленіем, во всякомъ случаѣ, явленіем подозрительнымъ. Только этимъ могу я объяснить возникновеніе (въ январѣ 1882 г.) секретной переписки о «Новой Школѣ», открытой в 1881 г. в Одессѣ проф. Трачевским и его женой. Наконецъ, упоминаемый выше Константинъ Масловъ былъ студентомъ одесскаго университета, руководителемъ кружка такъ наз. революціонеровъ «политиковъ», который существовалъ

параллельно съ народовольческой группой, обладалъ своею типографіей, и былъ ликвидированъ въ февралѣ 1882 г. ген.-м. Стрѣльниковымъ ¹⁾.

По поводу «памятной записки», присланной изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Деляновъ (15 мая 1884 г.) запросилъ одесскаго попечителя, требуя у него сообщенія «личныхъ его наблюденій за профессорскою дѣятельностью Трачевскаго». Попечитель отвѣтилъ (6-го іюня), что, по заявленію ректора, внѣслужебная дѣятельность Трачевскаго ему неизвѣстна. «Повидимому, она сосредоточивается въ образовательныхъ цѣляхъ. Такъ, со времени перехода въ Одессу, въ теченіе почти 2 лѣтъ г. Трачевскій, хлопоталъ объ открытіи высшихъ женскихъ курсовъ и одинъ годъ, въ сотрудничествѣ съ другими преподавателями, велъ приготовительныя занятія съ желавшими поступить на эти курсы. Потомъ открыта имъ «Новая Школа». Въ прежней его дѣятельности не замѣчается ничего предосудительнаго». Попечитель добавлялъ, что сообщенныя ему Деляновымъ свѣдѣнія о проф. Трачевскомъ были ему уже извѣстны изъ сообщенія г. и. д. Временнаго Одесскаго Ген.-Губернатора и изъ разговора съ начальникомъ жандармскаго управленія, который высказывалъ сомнѣніе о политической благонадежности Трачевскаго». Повидимому, дѣло не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, потому что Трачевскій ушелъ въ отставку лишь 1-го іюля 1890 года.

XIV. Клоссовскій.

Въ апрѣлѣ 1884 г. факультетомъ, а затѣмъ совѣтомъ одесскаго университета, былъ избранъ въ экстраординарные профессора доцентъ по каѳедрѣ физической географіи Клоссовскій. При утвержденіи этого избранія Деляновъ затруднился и замѣтилъ: «человѣкъ знающій, но прежде считался сомнительнымъ въ политическомъ отношеніи. Надобно потребовать объ немъ свѣдѣнія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, обозначивъ, гдѣ онъ служилъ въ прежнее время»... На сдѣланный запросъ ген. Оржевскій (25 мая) отвѣтилъ, что Клоссовскій, «по имѣющимся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ даннымъ, неблагонадеженъ въ политическомъ отношеніи».

Отвѣтомъ на такое голословное обвиненіе явилась «объяснительная записка» Клоссовскаго. Онъ напоминалъ Делянову, что при личномъ свиданіи съ нимъ онъ заявилъ ему торжественнѣйшимъ образомъ о своихъ чувствахъ къ престолу и отечеству. Онъ ссылаясь на безупречные студенческіе годы, о которыхъ

¹⁾ «Хроника соц. движ.», М. 1907 г., с. 213.

должны были сохраниться кондуитные списки инспекцій, на неучастіе въ волненіяхъ, демонстраціяхъ, сходкахъ; на службу въ военной гимназій, гдѣ его знали военные педагоги; на службу въ университетъ въ Кіевѣ, гдѣ она была на виду. «Съ 1873 г. тамъ открылся Юго-Западный Отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества, въ который вошли: профессора, преподаватели, журналисты, офицеры генеральнаго штаба и др. лица. Въ числѣ наиболѣе видныхъ дѣятелей Отдѣла были проф. Драгомановъ и Чубинскій». Самъ Клоссовскій прочелъ въ Отдѣлѣ всего 2 реферата: «климатологія Кіева» и «теорія циклоновъ и антициклоновъ», а также принялъ участіе въ переписи населенія г. Кіева. «Вскорѣ въ обществѣ и административныхъ сферахъ явилось мнѣніе, что Отдѣлъ Географическаго Общества служитъ притономъ украинофиловъ-сепаратистовъ; мнѣніе, которое сложилось, отчасти вслѣдствіе чисто мѣстнаго характера работъ, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе участія въ дѣятельности отдѣла столь ярко окрашенныхъ политически людей, какъ Драгомановъ. Впервые открытое обвиненіе въ партикуляризмѣ было высказано покойнымъ редакторомъ «Кіевлянина» Шульгинымъ въ письмѣ, въ которомъ онъ мотивировалъ свой выходъ изъ Отдѣла. Обвиненія эти усилились послѣ того, какъ Драгомановъ порвалъ связь съ родиной и круто, безповоротно повернулъ въ самое крайнее революціонное направленіе. Въ 1876 г. Отдѣлъ былъ закрытъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось мое знакомство съ многими его членами. Только принадлежность моя къ Юго-Западному Отдѣлу Русск. Географ. Общества и могла дать основанія считать меня поборникомъ украинофильства въ Кіевѣ.

«По моему мнѣнію,—писалъ далѣе Клоссовскій,—увлеченіе украинофильскими идеями можетъ созрѣть только въ чловѣкѣ, связанномъ тѣсными узами съ мѣстной почвой, въ чловѣкѣ, изучающемъ народъ, его языкъ, его этнографическія особенности. Этихъ-то основаній у меня никогда не было: я вовсе незнакомъ съ малороссійскимъ языкомъ и малорусской литературой, только весьма поверхностно извѣстна мнѣ исторія края малороссійскаго. Я никогда не занимался изслѣдованіями этнографическими, которыя бы могли привести меня къ какимъ-либо фантастическимъ выводамъ относительно необходимости, не говорю политическаго, но даже литературнаго раздѣленія нашего отечества. Сама же нитьба моя на уроженкѣ Саратовской губерніи служить доказательствомъ равнодушія моего къ малороссійскому дѣлу. Подобное беспочвенное украинофильство едва ли можно допустить въ чловѣкѣ, посвятившемъ себя серьезнымъ занятіямъ въ области точныхъ знаній».

Не ссылаясь на тѣхъ, кто его зналъ, Клоссовскій хотѣлъ обратить вниманіе Делянова на другую сторону дѣла. «Украинофильскія тенденціи должны выражаться въ какихъ-либо реальныхъ формахъ: въ литературныхъ трудахъ и изслѣдованіяхъ, въ проповѣди излюбленной идеи въ обществѣ, въ народѣ, среди увлекающейся молодежи. Я уже заявлялъ, что въ украинофильскомъ направленіи я никогда не работалъ и не могъ работать на поприщѣ литературы, ни явной, ни подпольной. Въ дѣлахъ государственной полиціи не можетъ существовать ни одного факта, ни одного показанія, который компрометировалъ бы меня, какъ распространителя вредныхъ, совершенно чуждыхъ всему складу моей жизни тенденцій». Затѣмъ Клоссовскій ссылаясь на свои отношенія съ учащейся молодежью, въ средѣ которой онъ никогда не проводилъ какихъ-либо вредныхъ идей.

«Меня обвиняють въ знакомствѣ съ Драгомановымъ», писалъ далѣе Клоссовскій. «Считаю долгомъ заявить по чистой совѣсти, что я встрѣчалъ его много разъ въ засѣданіяхъ отдѣла Географ. Общества, но во всю мою жизнь не сказалъ съ нимъ и десяти словъ, потому что Драгомановъ всегда относился пренебрежительно къ людямъ, посвятившимъ себя узкой спеціальности, а не изученію общественныхъ наукъ, которыя такъ легко даютъ возможность дѣлать широкія фантастическія обобщенія. Меня подозрѣвають, наконецъ, въ посылкѣ денегъ Волкову»... Указывая далѣе на женитьбу, семью, дѣтей, трудовую жизнь и т. п., Клоссовскій просилъ Делянова разсѣять роковыя недоразумѣнія, могущія бросить въ нищету его и семью, просилъ «подать руку помощи» въ тщательной провѣркѣ обвиненій (19-го іюля 1884 г.).

Несомнѣнно, Клоссовскій писалъ совершенно искренно, оправдываясь въ обвиненіяхъ въ «украинофильствѣ». Относительно знакомства съ Драгомановымъ онъ былъ, пожалуй, менѣе искреннимъ. Но и то сказать, какъ онъ могъ думать въ 1873—75 гг., что знакомство съ товарищемъ по университетскому преподаванію будетъ имѣть столь тяжкія послѣдствія. Волковъ, упоминаемый въ концѣ письма, повидимому, не кто иной, какъ нынѣ здравствующій антропологъ Ѳ. К. Волковъ. Въ «Сводѣ указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ» ¹⁾, мы находимъ свѣдѣнія о томъ, что Волковъ и Клоссовскій были членами украинофильской «Громады» въ Кіевѣ, въ концѣ 70-хъ годовъ, что Ѳ. К. Волковъ былъ предназначенъ къ административной высылкѣ, но успѣлъ во-время скрыться. О Клоссовскомъ сказано: «Класовскій (sic!) учитель гимназій,

¹⁾ «Былое», 1907, VI, с. 120.

участвовалъ, по заявленію (предателя) Богославскаго въ собраніяхъ совѣта «Громады», такъ равно и въ пособіяхъ эмигранту Драгоманову». Въ примѣчаніяхъ къ «Своду», самъ Ѳ. К. Волковъ объясняетъ, что Клоссовскій, сколько ему извѣстно, членомъ «Кіевской Громады» не былъ. Такъ что, можно сказать, Клоссовскій ничуть не кривилъ душою, оправдываясь предъ Деляновымъ въ украинофильствѣ. Повидимому, не посылалъ онъ никакихъ денегъ ни Драгоманову, ни Волкову, которые въ 1878—82 гг., въ Женеvѣ, издавали и редактировали органъ украинофиловъ «Громаду»²⁾. Упоминаемый Клоссовскимъ Павелъ Платоновичъ Чубинскій, извѣстный этнографъ, былъ сосланъ въ 1863 г. по доносу Трепова, своего сосѣда по имѣнію, въ Архангельскую губернію; въ началѣ 70-хъ годовъ былъ командированъ Имп. Русск. Географическимъ Обществомъ для изученія Юго-Западнаго Края; въ 1876 г., послѣ закрытія отдѣла Географ. Общества въ Кіевѣ, былъ высланъ оттуда въ Петербургъ.

Объясненія Клоссовскаго были правдивы и искренни. Препровождая ихъ (17-го іюля) Оржевскому, Деляновъ писалъ, что «подозрѣнія (sic!) Клоссовскаго въ украинофильствѣ, при настоящихъ условіяхъ его служебной дѣятельности, вдали отъ малороссійскихъ утопистовъ, едва ли могутъ сохранить свое значеніе и вызывать какія-либо опасенія, тѣмъ болѣе, что и самая специальность Клоссовскаго не можетъ, по характеру своему, дать поводъ къ распространенію украинофильскихъ идей среди учащейся молодежи». Оржевскій, прочтя записку Клоссовскаго, могъ, конечно, оцѣнить и его доводы насчетъ украинофильства, не лишеныя—по отношенію къ автору—основанія, и тотъ обывательно-комичный доводъ, что если бы онъ былъ украинскимъ патріотомъ, то женился бы на уроженкѣ украинской, а не Саратовской губерніи. Во всякомъ случаѣ, 25 іюля ген. Оржевскій увѣдомилъ Делянова, что, послѣ переписки по сему дѣлу, и онъ не встрѣчаетъ препятствій къ утвержденію Клоссовскаго экстраординарнымъ профессоромъ.

Мы могли бы еще, въ своемъ изложеніи, коснуться предположеній объ увольненіи, обвиненій въ неблагонадежности и т. п. по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ профессорамъ. На очереди былъ, несомнѣнно, А. И. Чупровъ, о коемъ возникла переписка въ 1896 году, но это время слишкомъ близко къ намъ. На очереди былъ проф. Эрисманъ, внезапно для него уволенный въ 1896 году. Заподозрѣнъ былъ въ 1887 г. въ неблагонадежности проф. Э., нынѣ здравствующій, а посему о немъ говорить не представляется

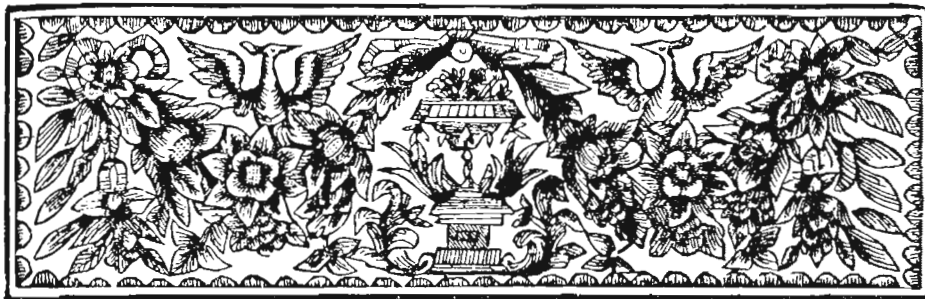
²⁾ Съ 1878 по 1882 г. вышло 5 томовъ и 1 томъ «Громады», «украинської збірки».

возможнымъ. Производилось въ 1887 г. дознаніе по поводу лекціи проф. Г. о новомъ университетскомъ уставѣ (въ московскомъ университетѣ), но и это лицо здравствуетъ. Въ общихъ чертахъ, мы перечислили всѣхъ профессоровъ 80-хъ годовъ, которые вызвали къ себѣ недовѣріе власти, и изложили причины возникновенія этого недовѣрія. Одни профессора пытались облегчить участь даровитаго и талантливаго студента, засвидѣтельствовали по совѣсти его отличное поведеніе и выдающіеся успѣхи, наконецъ, взяли юношу на поруки. Оказалось, что это недопустимо и преступно. Сыцяно былъ виноватъ, какъ отецъ сына, пострадавшаго по политическому дѣлу, и дочери, желавшей помогать ссыльному брату и его товарищамъ. Дрилю было поставлено въ вину желаніе помочь литераторамъ, оказавшимся безъ работы вслѣдствіе закрытія журналовъ. Строгіе и серьезные ученые—Муромцевъ и Семевскій—были обвинены въ радикальскихъ, несерьезныхъ выходкахъ, одинъ внѣ университета, другой—на университетской каоэдрѣ. Профессору конституціоннаго права, Ковалевскому поставили въ вину явное сочувствіе европейскимъ порядкамъ и нежеланіе «покориться подъ ноzi» инспекціи. Дитятинъ былъ изгнанъ за «преступную» фотографическую карточку. Мечникова и Посникова затравили реакціонные профессора въ Одессѣ. Тамъ же хотѣли, но не сумѣли выжить Маркевича, Клоссовскаго и Трачевскаго. Мищенко пострадалъ за «украинофильство». Ор. Миллеръ—за попытку критиковать временщика. Довольно разнообразны *поводы*, прервавшіе и грозившіе прервать карьеру многихъ профессоровъ. Причина же была одна, одна во всѣхъ описанныхъ случаяхъ. Она заключалась въ несовмѣстности академической свободы съ общимъ строемъ русской жизни и общимъ духомъ эпохи 80-хъ годовъ. Употребляя старинное выраженіе, «опала» постигла профессоровъ 80-хъ годовъ потому, что они были:

*«Слишкомъ ранніе предтечи
Сяишкомъ медленной весны»...*

Сергѣй Святиковъ.

Наркизь-воинъ¹⁾.

III Въ полку.

Послѣ пріѣзда въ Ригу Наркизь оставался въ ней лишь полгода, потомъ же его, вмѣстѣ съ батальономъ, отправили въ крѣпость Усть-Двинскъ, гдѣ онъ имѣлъ много непріятностей, но много и радости.

Лодка, коньки и трое товарищей-офицеровъ—Соболевъ, Ивановъ и Симонсонъ—было то хорошее, что осталось всегда свѣтлымъ воспоминаніемъ въ жизни Наркиза. Эти свѣтлыя воспоминанія старался свести на-нѣтъ ихъ батальонный командиръ, подполковникъ Шелихъ, тотъ самый, который, командуя временно, за отсутствіемъ командира полка, полкомъ, любилъ повторять классическую фразу:

— Я — калифъ на часъ. Наградить не могу, но подгадить, сколько угодно.

Для пущей важности это говорилось въ носъ.

Къ счастью, этотъ калифъ жилъ по ту сторону Двины съ пятнадцатой и шестнадцатой ротами. Двина въ этомъ мѣстѣ достигала полуторы версты ширины, и хотя въ постоянномъ распоряженіи батальоннаго былъ большой баркасъ съ тремя гребцами, баркасъ, называемый такъ изъ презрѣнія, такъ какъ на самомъ дѣлѣ это была обыкновенная морская шлюпка на четыре весла, ѣздила же она обыкновенно на двухъ, а третій сидѣлъ на рулѣ,—самъ калифъ боялся воды и попусту избѣгалъ ѣздить, хотя никому въ этомъ не признавался, но «дѣла говорятъ за себя». Поэтому въ свѣжій вѣтеръ нечего было бояться неожиданнаго пріѣзда батальоннаго.

Не надо думать, что Наркизь и его друзья не ходили на занятія и ради этого были рады, что батальонный боялся воды!

Боже сохрани! Напротивъ, между ними шла оживленная кон-

¹⁾ См. «Гол Мин.» № 1.

куренція, и каждому хотѣлось добиться наиболѣе блестящихъ результатовъ. Ихъ ротные командиры видѣли усердіе своихъ младшихъ офицеровъ и имѣли умъ и тактъ не мѣшать имъ, благодаря чему они сами потомъ часто и долго вспоминали, что такихъ обученныхъ людей у нихъ никогда не было ни раньше ни позже.

Калифъ конечно бы мѣшалъ,—онъ былъ слишкомъ самонадѣянъ, чтобы разрѣшить кому-нибудь работать такъ, какъ тому кажется удобнѣе: «или работай, какъ я велю, или я тебя накажу, сживу со свѣта». Но ему мѣшала лѣнь, Двина, свѣжій вѣтеръ и, наконецъ, старшій ротный капитанъ Клечковскій: онъ высылалъ барабанщиковъ и сигналистовъ на берегъ Двины «учиться» боямъ и сигналамъ. И Шелихъ, слыша трескъ своихъ барабановъ и звуки рожковъ, былъ твердо увѣренъ, что роты учатся, и учатся, и учатся...

Клечковскій, махалъ рукой въ сторону усердствующихъ барабанщиковъ и нервно говорилъ:

— Чортъ съ нимъ! Пусть вѣритъ, что мы все ходимъ церемоніаломъ! Блаженъ, кто вѣруетъ!

Одинъ изъ барабанщиковъ и сигналистовъ всегда смотрѣлъ на Двину и, если показывался «баркасъ» батальоннаго, бѣжалъ доложить. Времени, чтобы привести все въ порядокъ, было достаточно, и Шелихъ находилъ полный порядокъ, что и приписывалъ всецѣло своимъ административнымъ способностямъ.

Вотъ съ этимъ калифомъ и пришлось волею судебъ столкнуться Наркизу. Это было его первое служебное столкновеніе, и оно оставило въ душѣ густой грязный осадокъ, не стершійся за послѣдующіе десятки лѣтъ.

Началось съ исполненія служебнаго долга. Наркизъ, написавшій черезъ два мѣсяца по поступленіи на военную службу такое сочиненіе о важности дисциплины, какъ фундамента побѣды, что сочиненіе отправили, какъ образцовое, въ главный штабъ, былъ съ годами еще болѣе убѣжденнымъ сторонникомъ разумной дисциплины. «Носительница побѣды это дисциплина» сказалъ Наполеонъ, а Суворовъ ту же мысль выразилъ иначе: «Помилуй Богъ! Нѣтъ дисциплины—нѣтъ войска! Нѣтъ войска—нѣтъ побѣды!»

Наружная дисциплина тѣсно связана съ внутренней и поэтому такъ же важна, какъ и та. Наружная дисциплина является важнымъ педагогическимъ средствомъ.

Самъ онъ относился къ службѣ почти съ фанатическими требованіями къ себѣ, но требовалъ того же,—хотя и въ меньшей степени,—отъ другихъ. Поэтому онъ сразу не влюбилъ въ крѣпости крайне распущенныхъ солдатъ минной роты. Офицеры крѣ-

пости не только не дѣлали замѣчаній солдатамъ этой роты, но боялись ихъ, такъ какъ по крѣпости ходили упорные разговоры о томъ, что минеры не простятъ, побьютъ, а то и убьютъ, какъ три года назадъ чуть не убили одного офицера, вздумавшаго тянуть ихъ за неотданіе чести. Вѣроятно минеры знали объ этихъ слухахъ, потому что вели себя нахально и, будучи пьяными, не избѣгали офицеровъ, а офицеры сворачивали въ первый попавшійся дворъ, лишь бы не встрѣтиться съ пьянымъ минеромъ. Но и въ трезвомъ видѣ они иногда отдавали честь, иногда вовсе не отдавали, а если и отдавали, то крайне небрежно,—идеть минеръ мимо, отмахнеть не глядя и пройдетъ, часто не переставая разговаривать между собою. За своей работой курили и тогда уже совершенно не смотрѣли на офицеровъ.

Дисциплинированное сердце Наркиза страдало, но онъ, какъ и другіе офицеры, тщательно избѣгалъ встрѣчаться съ минерами. Но однажды не выдержалъ и, будучи дежурнымъ по карауламъ, остановилъ партію минеровъ. По обыкновенію партія, громко разговаривая, грошла мимо и страшій не командовалъ смирно.

Если бы Наркизь не былъ дежурнымъ, вѣроятно бы онъ проглотилъ, но теперь, будучи при исполненіи служебныхъ обязанностей, онъ остановилъ команду и позвалъ старшаго къ себѣ. Тотъ, простой рядовой, подошелъ, и между ними произошелъ слѣдующій, для знакомыхъ съ военною дисциплиной, интересный разговоръ:

— Почему ты не командовалъ смирно?

Минеръ стоялъ передъ Наркизомъ, разставивъ ноги и съ шапкой, надѣтой на макушку. Онъ измѣрилъ его взглядомъ и, не торопясь, отвѣтилъ:

— Что жъ! Я могу и скомандовать!

— Значитъ, ты знаешь, что надо командовать?

— Намъ, ваше благородіе, некогда разговаривать,—мы идемъ по службѣ!

И, повернувшись къ своимъ людямъ, крикнулъ:

— Иди! Чего стоишь?

Наркизь былъ пораженъ. Такого нарушенія элементарнѣйшихъ основъ дисциплины онъ еще не видѣлъ. Солдатъ стоялъ передъ нимъ въ прежней свободной позѣ и фуражкѣ на макушкѣ головы. Тогда Наркизь строго обратился къ минеру:

— Ты что же? Просто не имѣешь понятія о дисциплинѣ или не желаешь себя вести, какъ слѣдуетъ?

И на это получилъ слѣдующій неожиданный отвѣтъ:

— Мнѣ некогда тутъ съ вами разговаривать,—у меня есть дѣло.

Повернулся и пошелъ.

Съ точки зрѣнія человѣка, никогда не служившаго, Наркизь просто «присталъ» къ занятому человѣку, но самъ Наркизь да, конечно, и солдаты знали, что совершается преступленіе, караемое закономъ очень строго. И взбѣшенный Наркизь крикнулъ:

— Иди сюда, скотина!

Но скотина не пошла, а повернувшись отвѣтила:

— Вы не очень-то! Иному и ротъ замажутъ!

Разъ дѣло было начато, надо было его кончить,—солдаты не пошелъ за Наркизомъ, пришлось Наркизу идти за солдатомъ.

На счастье онъ встрѣтилъ двухъ солдатъ своего полка. По приказанію Наркиза они отвели его подъ арестъ на гауптвахту.

Минеръ не сопротивлялся и только говорилъ:—у меня есть работа!—Вѣроятно онъ и самъ сообразилъ, что нѣсколько пересолилъ.

Вотъ съ этого и начались несчастья Наркиза.

Прежде всего командиръ минной роты прислалъ грубую и вызывающую записку: предлагаю вамъ съ полученіемъ сего немедленно освободить арестованнаго вами нижняго чина моей роты, въ противномъ случаѣ все дѣло будетъ мною доложено его превосходительству коменданту крѣпости.

Наркизь прочелъ и отвѣтилъ унтеръ-офицеру, стоящему передъ нимъ въ небрежной позѣ.—Еще бы,—онъ же читалъ записку своего начальника!

— Скажи ротному, что онъ можетъ идти къ его превосходительству,—нижняго чина я не отпускаю.

Унтеръ-офицеръ удивленно взглянулъ и пошелъ. Черезъ полчаса вѣстовой принесъ записку комендантскаго адъютанта:

Предлагаю вашему благородію немедленно выпустить неправильно арестованнаго вами нижняго чина минной роты.

На это Наркизь отвѣтилъ тоже запиской: На основаніи 51 и 53 параграфа устава дисциплинарнаго я не имѣю права выпустить арестованнаго мною нижняго чина ранѣе 24 часовъ. Завтра, при смѣнѣ, мною будетъ подробно доложено его превосходительству коменданту о причинахъ ареста.

Наркизу, врагу ругани, было непріятно, что онъ назвалъ нижняго чина скотиной. Во всемъ остальномъ онъ считалъ себя совершенно правымъ. Но онъ сдѣлалъ большую ошибку, что сейчасъ же лично не доложилъ коменданту все дѣло. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ бы былъ подать рапортъ, но онъ, не желая беспокоить коменданта, этого не сдѣлалъ, за что потомъ и каялся.

Записка Наркиза со ссылкой на дисциплинарный уставъ, произвела очевидно сенсацію, и тонъ изъ угрожающаго перешелъ

въ просительный: комендантскій адъютантъ написалъ частное письмо, прося заглазить ошибку и не дѣлать излишняго скандала, который прежде всего тяжело отзовется на самомъ Наркизѣ.

Отъ командира минной роты пришелъ самъ фельдфебель съ просьбой выпустить минера, потому что онъ нуженъ для работы, какъ специалистъ.

— Ротный, ваше благородіе, его уже накажутъ!

Но Наркизь не выпустилъ. Черезъ нѣсколько времени пришелъ унтеръ-офицеръ «съ покорнѣйшей просьбой» разрѣшить принести арестованному тюфякъ и обѣдъ. Это закону не противорѣчило, и Наркизь разрѣшилъ.

Командиръ минной роты отлично зналъ, что официально поднимать дѣло не слѣдуетъ, и рѣшилъ дѣйствовать другими путями.

Прежде всего, когда Наркизь явился къ коменданту на смѣну, то дежурныхъ не приняли, и этимъ Наркизь былъ поставленъ въ крайне неудобное положеніе: онъ могъ подать рапортъ, какъ дежурный, прямо коменданту; теперь же, послѣ смѣны онъ долженъ былъ подавать своему начальству, то есть ротному, тотъ батальонному, и рапортъ могъ попасть къ коменданту не раньше недѣли.

И Наркизь обратился къ денщику:

— Доложи его превосходительству, что я имѣю личный докладъ.

Денщикъ ушелъ и явился съ отказомъ:

— Сегодня его превосходительство не изволятъ принимать.

Такъ Наркизь и ушелъ.

Можно было еще подать рапортъ, такъ сказать, заднимъ числомъ: написать сейчасъ и подписаться еще дежурнымъ по карауламъ. Сначала это Наркизь было и сдѣлалъ, но когда прочиталъ свой рапортъ, то ужаснулся: преступленіе было слишкомъ велико, и нижнему чину грозилъ дисциплинарный батальонъ или военная тюрьма, а чѣмъ онъ въ сущности виноватъ, что его плохо учили?

И Наркизь порвалъ свой рапортъ.

Онъ не подалъ и считалъ, что дѣло закончено, но командиръ минной роты Солонинка думалъ иначе. Прямо онъ тоже не пошелъ — это было крайне невыгодно, но, идя кругомъ, можно было сдѣлать очень многое. Надо было парализовать скандалъ и въ глазахъ коменданта, до котораго рано или поздно дѣло все-таки дойдетъ, представить такъ, что виноватъ во всемъ молодой офицеръ, «приставшій» къ нижнему чину отличнаго поведения при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей.

Молчаніе Наркиза, — недокладъ и неподача рапорта коменданту — чрезвычайно облегчали задачу.

С*

Онъ повелъ дѣло по двумъ разнымъ направленіямъ: всѣмъ знакомымъ говорилъ, что приставшій къ его нижнему чину пѣхотный подпоручикъ былъ до того пьянъ, что, идя за нижнимъ чиномъ икалъ, и, наконецъ, упалъ. И тѣ солдаты, пѣхотные же, что вели минера, должны были вести не минера, а своего офицера. Другое направленіе было по начальству: онъ съѣздилъ къ батальонному Наркиза, подполковнику Шелиху, и разсказалъ «по чистой правдѣ», какъ было дѣло.

— Но онъ ничего не пьетъ!

Изумился Шелихъ, но всему остальному или повѣрилъ или сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ: командиръ минной роты пользовался у коменданта прекрасной репутаціей, и Шелиху, представленному въ кандидаты на командира полка, важно было получить въ крѣпости хорошую рекомендацію. Послѣ словъ Шелиха Солонинка нѣсколько смутился, но сейчасъ же нашелся:

— Можетъ быть у него припадки? Фактъ тотъ, что онъ икалъ, а потомъ упалъ.

Солонинка былъ очень деликатенъ: онъ пріѣхалъ не жаловаться, ему было просто жаль молодого офицера, потому что, если бы эта грязная исторія дошла до коменданта, то молодому подпоручику могла бы быть испорчена карьера.

При этомъ нельзя сказать, что Солонинка не зналъ, въ чемъ дѣло.

— Наркизъ, полагая, что онъ не знаетъ, послалъ ему письмо, подробно изложивъ все происшествіе. Онъ просилъ отвѣтъ, но вмѣсто отвѣта тотъ поѣхалъ къ батальонному. Въ то время Наркизъ этого не зналъ, и только потомъ для него выяснились всѣ детали.

Въ концѣ Шелихъ угостилъ Солонинку чаемъ съ ромомъ, а тотъ обѣщалъ съ своей стороны не поднимать исторіи, если Шелихъ своею властью накажетъ подпоручика, такъ нарушившаго дисциплину (оторвалъ отъ занятій и ругалъ площадной бранью старшаго въ командѣ при исполненіи послѣднимъ обязанностей службы)—дисциплину и воинское приличіе (икалъ и падалъ въ присутствіи нижнихъ чиновъ).

Шелихъ сразу учелъ положеніе. Онъ подробно разспросилъ нижнихъ чиновъ, ведшихъ минера на гауптвахту и потребовалъ отъ Наркиза письменнаго объясненія всего происшествія, обвинивъ его «за недокладъ непосредственному начальству», въ чемъ въ сущности былъ вполне правъ. Наркизъ же не докладывалъ потому, что вся исторія случилась во время его бытности дежурнымъ, когда онъ былъ подвѣдомственъ только коменданту.

Черезъ два дня послѣ послышки подробнаго объясненія Шелихъ потребовалъ виновнаго къ себѣ.

Во-первыхъ, онъ продержалъ его полчаса въ передней. Прямо въ передней, а не въ гостиной, куда, очевидно, по ясно отданному приказанію командира батальона, его не пустилъ денщикъ:

— Никакъ нѣтъ, въ гостиную нельзя! Его высокоблагородіе просили обождать здѣсь!

И Наркизь съ kloчущей кровью стоялъ въ передней...

Когда Наркизь вошелъ, то батальонный, не подавая руки, встрѣтилъ его такъ:

— Вы что же это затѣваете скандалы? Вы срамите весь полкъ, мараете честь нашего мундира! Вся крѣпость говоритъ о вашемъ безобразномъ поведеніи!

Наркизь былъ пораженъ. Его бросало въ жаръ и холодъ. Если бы онъ не былъ насквозь пропитанъ дисциплиной, онъ бы ударилъ Шелиха.

Когда Шелихъ кончилъ, онъ спросилъ:

— Вы получили мое объясненіе?

Но Шелихъ уже всталъ и сказалъ:

— Можете итти. Мы еще объ этомъ поговоримъ!

Наркизь вышелъ, и рыданія подходили къ его горлу. Онъ кусалъ губы и быстро шелъ среди густыхъ кустовъ подальше отъ людей.

Клевета о постоянномъ пьянствѣ Наркиза сдѣлала свое дѣло, и при встрѣчахъ на улицѣ, дамы сторонились его: а что если онъ обругаетъ или ударить?

Потомъ, уже черезъ пятнадцать лѣтъ, одна изъ бывшихъ въ крѣпости дамъ, въ то время уже полковница въ Кренштадтѣ, спрашивала Иванова, товарища Наркиза: какова судьба того маленькаго черненькаго офицера, что, будучи въ Усть-Двинскѣ, каждый день напивался до безчувствія? Тотъ, что постоянно скандалилъ?

Сколько Ивановъ ни пытался вспомнить,—не было такого! Вообще въ ихъ полку не было пьяницъ, въ Усть-Двинскѣ.... Нѣтъ, такого не было!

— Да нѣтъ же! Ну какъ можно забыть! Онъ еще, будучи пьянымъ, напалъ на минера и началъ его бить, да самъ упалъ. И этого же минера спяну посадилъ подъ арестъ!—Неужели не помните?

— Ахъ, это вы про Инскаго! Да онъ никогда и не пилъ! Онъ даже вина и пива не пьетъ, не только водки!

Барыня не вѣрила и только смѣялась:

— Ужъ если онъ не пьетъ, то кто же пьетъ?!

И когда пришелъ ея мужъ, толстый артиллерійскій полковникъ, то она, смѣясь, сказала:

— Помнишь того пьяничку пѣхотнаго подпоручика, что все скандалилъ, когда мы были въ Усть-Двинскѣ? Такъ вотъ Михаилъ Ивановичъ увѣряетъ, что онъ не только не пьяница, но никогда не пилъ,—даже пива и вина,—и не пьетъ теперь!...

Полковникъ разсмѣялся и сказалъ:

— Выпить-то можно... Почему не выпить, особенно въ компаніи? Но все въ мѣру, а тотъ пилъ безъ мѣры... У него и лицо такое пьяное, блѣдное. Это всѣмъ извѣстный пьяница.

Всѣ увѣренія не приводили ни къ чему: человѣкъ несохотно мѣняетъ свои убѣжденія, и то, къ чему онъ привыкъ, всегда ему кажется истинной.

Товарищи Наркиза ясно и очевидно приняли его сторону. Народъ все былъ хорошій: начитанные, образованные и съ твердой волей; безусловно честные. По молодости лѣтъ они не стѣснялись и въ явномъ выраженіи своихъ симпатій. Сначала они полагали, что Шелихъ не знаетъ, какъ было дѣло, и хотѣли ему объяснить, но когда онъ ихъ грубо срѣзалъ, сказавъ, что они молоды его учить, то дѣло Наркиза стало ихъ дѣломъ. Молодая кровь легко закипала, и иногда они дѣлали прямая неосторожности. Напримѣръ они начали избѣгать поданія руки Шелиху.

Не слѣдуетъ забывать, что неподаніе руки начальнику является по дисциплинарному уставу криминаломъ и влечетъ за собою тяжелое наказаніе, вплоть до заключенія въ крѣпости, почему съ этимъ выраженіемъ негодосванія надо быть очень осторожнымъ.

Но свои бунтливыя наклонности молодежь высказывала не только этимъ, но при всякомъ удобномъ случаѣ. Напримѣръ, во время молебна въ царскій день, когда всѣ офицеры гарнизона были въ церкви, пришелъ и Шелихъ. Не обращая на своихъ офицеровъ никакого вниманія, но ласково раскланявшись съ артиллеристами и минерами, онъ всталъ впереди своихъ офицеровъ.

Онъ былъ совершенно лысъ и въ полку его часто звали луною. Такъ какъ онъ это зналъ, то слѣдующій разговоръ ему былъ вполнѣ понятенъ; при чемъ первый началъ Наркизь:

— Луна-то взошла! Такъ церковь и засіяла!

Ивановъ подтвердилъ:

— Эта луна сіяетъ, какъ солнце!

И Наркизь подхватилъ:

— А все почему? Ума, честности и благородства палата!

А Соболевъ подтвердилъ:

— Особенно благородства!

И Симонсонъ добавилъ:

— Я согласенъ съ Инскимъ:—ума, честности и благородства.

Хотя въ сущности Шелиха хвалили, но разговоръ ему не понравился. Онъ перешелъ къ артиллеристамъ. Тамъ подозвалъ унтеръ-сфигера, и тотъ передалъ:

— Батальонный командиръ проситъ не разговаривать во время богослуженія.

Унтеръ-офицеръ, передавая это приказаніе, былъ сильно сконфуженъ,—настолько оно было необычно.

Когда прошли гсда, и Шелиха отставили отъ кандидатуры на должность командира полка, онъ мгновенно измѣнился и сталъ заискивать передъ офицерами, теперь же была воплощенная важность.

Отъ полкового адъютанта Наркизъ потомъ узналъ, что въ это время Шелихъ боролся съ двумя желаніями: «раскассировать эту банду», то есть Наркиза и его друзей, и съ другимъ: боясь скандала,—такъ какъ онъ убѣдился въ ихъ дерзости и смѣлости,—помириться, лишь бы не портить своей карьеры. Онъ бы охотно смѣшалъ ихъ съ грязью, но какъ это могло отозваться на карьерѣ?

Послѣ двухнедѣльнаго размышленія онъ сдался и пошелъ на мировую. Началъ съ того, что подалъ Наркизу руку при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ тотъ, казалось бы, не могъ не принять этой руки: онъ его сдѣлалъ своимъ адъютантомъ, временнымъ, на время болѣзни настоящаго. И вотъ, когда Наркизъ по новой должности пришелъ къ нему съ докладомъ, онъ протянулъ ему руку.

Но Наркизъ, какъ бы занятый разборкой бумагъ, низко опустилъ голову и «не замѣтилъ» протянутой руки!

Товарищи говорили, что лицо Шелиха пошло пятнами. Онъ подержалъ немного руку и опустилъ.

Нѣкоторое время онъ придирался къ Наркизу изъ-за всякаго пустяка, но потомъ вдругъ какъ-то сразу сталъ опять милъ и любезенъ. Въ другой разъ подалъ ему руку, когда Наркизу предстоялъ выборъ: или не принять руки начальника и идти въ крѣпость или пожать протянутую руку. Это было на парадѣ, въ присутствіи не только своихъ, но и чужихъ офицеровъ.

Наркизъ принялъ протянутую руку и, хотя съ отвращеніемъ, но пожалъ ее...

Вскорѣ онъ не жалѣлъ объ этомъ: Шелихъ въ своемъ страхѣ скандала началъ заискивать совсѣмъ безцеремоннымъ образомъ, и его старческое лицо съ глубокими морщинами было тогда до крайности жалко. Онъ обезоружилъ этимъ лицомъ и этими морщинами!

Потомъ, когда звѣзда Шелиха закатилась, и онъ сталъ милъ и ласковъ со всѣми и всегда, Наркизъ его жалѣлъ и простилъ ему все, но никогда не могъ быть въ его присутствіи искренно веселымъ, какъ онъ бывалъ съ людьми, которые были симпатичны ему.

Вообще, къ чести Наркиза надо сказать, что чувства мести онъ совершенно не зналъ и даже считалъ это чувство свойственнымъ людямъ второго сорта. А самъ онъ себя къ такимъ людямъ никогда не причислялъ.

IV.

Конечно не всѣ начальники Наркиза были таковы, какъ Шелихъ, Сембецкій—оболтусъ, молодчага-Малаковъ, вѣжливые Оппенъ и Экманъ—да простить имъ Господь ихъ прегрѣшенія вольныя и невольныя!

За время пребыванія Наркиза на службѣ ему приходилось встрѣчаться и съ безусловно выдающимися людьми, хотя, какъ общее правило, этими людьми нисколько не дорожили. Да кто ихъ могъ бы оцѣнить? Молодчага-Малаковъ? Или оболтусъ-Сембецкій? Или дюжинные изъ дюжинныхъ Оппенъ и Экманъ? Имъ, этимъ безусловно выдающимся людямъ, просто не давали ходу, не пускали впередъ даже тогда, если, по счастливой случайности, они родились въ той средѣ, которая также по своему рожденію стоитъ во главѣ Россіи.

Вотъ, напримѣръ, генералъ отъ кавалеріи Кахановъ, окончившій свою карьеру одесскимъ генералъ-губернаторомъ, тогда какъ его мѣсто было мѣсто главнокомандующаго на японской войнѣ, гдѣ сначала всѣмъ мѣшала адмиралъ Алексѣевъ, а потомъ умный и талантливый, но черезчуръ мягкій Куропаткинъ, не могшій справиться съ Гриппенбергами и Каульбарсами, Штакельбергами съ ихъ коровами и тому подобными господами, не говоря уже о еще большемъ злѣ, ...

Какой-нибудь Суворовъ или Наполеонъ, Ушинскій или Песталоцци, Пушкинъ или Чеховъ легко могутъ оцѣнить человѣка по его ежедневной дѣятельности, но для толпы нужны дѣла и только дѣла. Она не признаетъ генія, пока онъ не совершилъ своего подвига, но зато охотно считаетъ геніемъ дюжиннаго человѣка, если ему что-нибудь удалось.

Блестящій примѣръ этого генералъ Стессель. Если бы Стессель и Кондратенко были убиты вмѣстѣ, то всѣ безъ исключенія считали бы, что Портъ-Артуръ сдался только, потому что не стало генія войны героя Стесселя. Даже если бы онъ сильно заболѣлъ, но такъ, чтобы быть безъ сознанія, сдача крѣпости не повредила

бы его геройской репутаціи. И вотъ круглая ничтожность осталась бы въ исторіи съ ореоломъ героя и военного генія.

Каханову вышло иначе: его не пустили на войну, и онъ умеръ въ полной неизвѣстности.

Но кто же повѣритъ на слово какому-то никому неизвѣстному Наркизу? Нужны факты! И вотъ онъ приводитъ нѣкоторые изъ нихъ.

Въ 1903 г. были большіе маневры, на которыхъ армія Каханова, изображавшая нѣмцевъ, должна была попытаться взять Петербургъ. Ей была противопоставлена армія русскихъ, состоявшая изъ гвардейскаго корпуса и одного армейскаго. Командовалъ этой русской арміей баронъ Мейендорфъ, добрый старичокъ того же типа, что и знакомые уже читателю Экманъ и Оппенъ.

Задача барона была отбросить нѣмцевъ и не допустить ихъ къ столицѣ.

Обоимъ командующимъ арміями была дана полная свобода, и они были связаны только однимъ условіемъ:—столкновеніе армій должно произойти у Пскова.

Черезъ недѣлю Кахановъ подвелъ къ Пскову всю свою армію и успѣлъ пѣхотой занять всѣ переходы черезъ рѣку Великую. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, пѣхотный полкъ занялъ переправу всего за два часа до прихода туда кавалеріи барона. Само собою разумѣется, что всѣ эти переправы кавалеріей Каханова были заняты еще раньше, и пѣхота только закрѣпила занятіе этихъ важныхъ пунктовъ. Онъ всей своей арміей сумѣлъ окружить оторвавшуюся половину баронской арміи и конечно бы плѣнилъ ее, если бы государь не прекратилъ маневра въ самомъ началѣ,—продолженіе его было бы скандаломъ! Непріатели были разведены и стали бивакомъ подъ Псковомъ, поджидая подхода другой половины арміи барона Мейендорфа. И эта другая половина—гвардейскій корпусъ—шла форсированнымъ маршемъ,—за день гвардейцы прошли больше сорока верстъ.

А за это время армія Каханова отдыхала. Наркизь побывалъ въ Псковѣ и былъ въ восторгѣ отъ своеобразныхъ красотъ стариннаго русскаго города.

Черезъ день бой возобновился.

Мейендорфу, при штабѣ котораго были всѣ военные атташе, и армія котораго изображала русскихъ, защищавшихъ свою столицу, половину арміи котораго составлялъ гвардейскій корпусъ съ его аристократами офицерами,—дали позицію на возвышенности, на которой онъ могъ прочно устроиться съ вечера, а армія Каханова должна была брать ее снизу. Теперь барону предстояло оправдать себя, доказать, что не всякое лыко въ строку,

и что если и случилось несчастье, давшее возможность Каханову взять въ плѣнъ половину баронской арміи, то это было просто несчастье, и теперь баронъ, занявшій высоты, сумѣетъ доказать свое превосходство надъ Кахановымъ.

Но дѣло вышло такъ: къ тремъ часамъ дня, когда баронъ уже праздновалъ свою побѣду, оказалось, что до сихъ поръ онъ, со всей своей арміей, имѣлъ дѣло только съ половиной арміи Каханова, другая же половина ждала, пока обстоятельства выяснятся вполнѣ. Когда они выяснились, онъ двинулъ эту другую половину...

Съ холма смотрѣли и всѣ военные атташе... Вышло очень неудобно, и подали отбой...

Когда началась война, и надо было сдѣлать выборъ командующихъ арміями, то остановились на баронѣ Мейендорфѣ...

Его армія была именно та армія, которая пропустила японцевъ подъ Мукденомъ...

Второй арміей въ этомъ же бою командовалъ баронъ Каульбарсъ. Онъ себя считалъ умнымъ и знающимъ, а главнокомандующаго Куропаткина не такимъ, какъ самъ. Поэтому на всѣ приказанія главнокомандующаго не отвѣчалъ,—не замѣчалъ ихъ, не зналъ ихъ и только тогда понималъ, когда армія Ноги зашла ему въ тылъ.

Тогда армія барона Каульбарса бѣжала, и если бы не армія генерала Линевица,—единственная изъ трехъ сохранившая воинскій видъ и дисциплину, отступавшая, а не бѣжавшая и, наконецъ, остановившая движеніе японцевъ у Синминтина, то отъ арміи бароновъ Мейендорфа и Каульбарса не осталось бы ничего, кромѣ ихъ командировъ, успѣвшихъ ускользнуть изъ рукъ японцевъ.

.
.
.
.

Чтобы кончить о Кахановѣ, надо сказать нѣсколько словъ о его молодости: аристократъ по рожденію, онъ отлично кончилъ двѣ академіи, и начало его карьеры было блестяще. Онъ былъ рано произведенъ въ генералы и, служа въ артиллеріи, предложилъ небольшую въ сущности, но важную въ тактическомъ отношеніи реформу: подчинить артиллерійскія бригады не командирамъ корпусовъ, а начальникамъ дивизіи, при чемъ въ дивизіи будетъ двѣ пѣхотныхъ и одна артиллерійская бригада.

Это возмутило артиллеристовъ «которыхъ сравнивали съ пѣхотой», и на автора проекта посыпались опалы:—онъ любитъ

пѣхоту,—пусть въ пѣхоту и идетъ. И его сдѣлали командиромъ пѣхотной бригады,—должность, гдѣ никакой Суворовъ не можетъ себя проявить, такъ какъ это въ сущности синекура.

Около пятнадцати лѣтъ сидѣлъ Кахановъ на этой должности все въ томъ же чинѣ. Его счастливые товарищи бароны Мейендорфы и Каульбарсы дѣлали карьеру, занимали видные и вліятельные посты, а онъ все былъ захолустнымъ пѣхотнымъ генераломъ. За это время сначала нѣмцы, а потомъ, уже по ихъ примѣру, и мы, сдѣлали то, что совѣтовалъ генераль Кахановъ. Впрочемъ мы это сдѣлали только послѣ «опыта» японской войны!

Съ трудомъ онъ добрался до командира корпуса и только псковскіе маневры двинули его на постъ одесскаго генералъ-губернатора,—они не понравились сферамъ, но Куропаткинъ тогда былъ еще силенъ и выхлопоталъ для него высшее назначеніе.

Его не взяли только на войну и предпочли бароновъ.

Кромѣ Каханова было нѣсколько начальниковъ въ младшихъ чинахъ—начальникъ дивизіи Кононовичъ-Гробацкій,—безусловно умный и способный человекъ, но, какъ говорили, крайне свирѣпый.

Генераль Надаровъ, бывшій въ японскую войну начальникомъ тыла арміи, но не поладившій съ великими князьями и принужденный уйти въ отставку, затѣмъ три командира Наркизова полка, поднявшіе полкъ на небывалую высоту во всѣхъ отношеніяхъ,—полковники Кондыревъ, Ордынский и Олоховъ. Два первыхъ умерли генераль-майорами, а послѣдній попалъ въ гвардію, гдѣ его связали рядомъ условностей.

Но были и совсѣмъ малые чины, такъ и кончившіе карьеру на своихъ маленькихъ мѣстахъ, тогда какъ верхи заняты Поппенами, Бэкманами, Каульбарсами, Мейендорфами и молодчагами-Малаковыми.

Вотъ, на примѣръ, полковникъ Хрусталева,—ничего общаго не имѣющій со знаменитымъ и такъ печально кончившимъ предсѣдателемъ союза рабочихъ депутатовъ. Капитанъ Хрусталева имѣлъ за турецкую войну орденъ Владиміра съ мечами и бантомъ, который въ 1903 г. сталъ большою рѣдкостью. Поэтому «выставить» такого капитана было трудно. Самое большое, что съ нимъ могли сдѣлать, это отнять роту, но и роту отнимать отъ владимірскаго кавалера было неудобно. Оставалось одно: аттестовать его только удовлетворительнымъ. Поэтому онъ не могъ быть произведенъ по избранію и долженъ былъ ждать производства по старшинству.

Двадцать пять лѣтъ прошло послѣ турецкой войны, двадцать

пять лѣтъ Хрусталевъ носилъ Владимірскій крестикъ съ мечами и бантомъ, и все-таки былъ только капитаномъ. Онъ не былъ такимъ выдающимся офицеромъ, какъ напримѣръ, капитанъ Рефьевъ, такъ великолѣпно обучившій своихъ людей, идущихъ на войну! За двадцать пять лѣтъ Хрусталевъ не получилъ ни одного ордена! Онъ такъ бы и кончилъ свою службу, если бы Куропаткинъ не приказалъ *всѣхъ* участниковъ турецкой войны, имѣющихъ Владиміра и состоящихъ еще въ чинѣ капитана, произвести внѣ правилъ въ подполковники.

И вотъ въ полкъ Наркиза прибылъ новый подполковникъ, сумѣвшій понравиться всѣмъ, кромѣ командира,—преглупаго восточнаго человѣка, прозваннаго въ полку нелестнымъ именемъ Ишака. Человѣкъ онъ былъ въ сущности хорошій, но ужъ очень глупый. Имя же его Господи вѣси!

Онъ самъ по добродушію рассказывалъ, какъ попалъ въ генеральный штабъ:

— У меня отецъ былъ очень умный! Когда я кончилъ военное училище, онъ говоритъ—чего тебѣ дуракомъ ходить,—иди въ академію. А я? извѣстно былъ молодой и глупый, и говорю: не хочу я въ академію! Такъ что жъ онъ сдѣлалъ?—Нанялъ учителя! Тамъ одинъ поручикъ артиллеріи, съ большой семьей, готовился въ академію генеральнаго штаба. Человѣкъ твердой воли! Ууу! Очень твердой воли!—Вотъ отецъ ему и говоритъ: выучите и моего сына. Вотъ у васъ семья, а я вамъ буду платить по сто рублей въ мѣсяцъ. А только учите теперь, учите и въ академіи,—иначе онъ не кончитъ!—Понимаете? Это я-то?—И правда, я былъ человѣкъ молодой и конечно не сталъ бы учиться!... Вотъ онъ и подумалъ: хорошее дѣло! Онъ учится, и я буду учиться, а онъ для семьи будетъ имѣть по сто рублей. Что тебѣ ни мѣсяцъ—то и сто рублей!—Развѣ нѣ харашо?—Такъ онъ, этотъ самый поручикъ, какъ принялся за меня, такъ я и туды, я и сюды... Учись, говорить.—Ну, такъ мы оба и кончили академію.

И полковникъ съ самодовольствомъ прибавлялъ:

— А теперь я въ генеральномъ штабѣ!

Полгода пробылъ въ полку Хрусталевъ и, какъ только спросили, не желаетъ ли кто идти на пополненіе сибирскихъ частей въ виду ожидаемой войны съ Японіей, какъ онъ первый подписался.

Интересно, что онъ вполнѣ сознавалъ опасность, грозившую ему. Былъ ли онъ на востокѣ и зналъ лично японцевъ, читалъ ли, или кто-нибудь, кому онъ вѣрилъ, ему рассказывалъ, но только онъ одинъ во всемъ полку не раздѣлялъ оптимизма, господствовавшаго во время начала войны. Онъ говорилъ, что война

будетъ очень тяжелая, и если начальство ограничится посылкой запасныхъ да осколковъ войскъ, то выйдетъ только большой позоръ. Что туда съ самаго начала надо послать настоящія регулярныя войска цѣлыми корпусами, а не части, собранныя наскоро изъ обрывковъ, гдѣ унтеръ-офицеры не знаютъ рядовыхъ, а офицеры ни тѣхъ, ни другихъ.

Откуда онъ могъ знать про силу японцевъ?

На войнѣ Хрусталева былъ вполне на своемъ мѣстѣ: умный, спокойный, распорядительный, лично какъ будто даже не сознающій опасности, онъ былъ кумиромъ офицеровъ и солдатъ. Взятіе Путиловской сопки, совершенно неправильно приписанное генералу Путилову, было его дѣломъ. Капитанъ Котлубай, о подвигѣ котораго въ свое время было сообщено въ телеграммѣ главнокомандующаго, благоговѣлъ передъ Хрусталевымъ.

Кстати нѣсколько словъ про Котлубая: его примѣръ показываетъ, насколько у насъ не дорожатъ людьми;—онъ поѣхалъ на войну въ чинѣ капитана и, пробывши всю кампанію, совершивъ рядъ дѣйствительно геройскихъ дѣлъ, вернулся въ свой полкъ все въ томъ же чинѣ капитана!

Не ушелъ далеко и Хрусталева: онъ, положимъ, получилъ полкъ, Георгія и золотое оружіе, но въ генералы его не рѣшились произвести. Очевидно были лучшіе: Малаковы, Поппены и Бѣкманы, Гриппенберги, бароны Мейендорфы и Каульбарсы.

Кстати,—командиръ полка Наркиза,—тотъ, что такъ боялся ѣхать въ уже замиренный Туккумъ, боялся до слезъ,—онъ тоже «за отличіе» былъ произведенъ въ генералы! Хрусталева же такъ и не увидѣлъ красныхъ штановъ, даже въ отставкѣ!

Солдаты говорили про него:—отецъ,—и когда однажды боевая цѣпь, не вынеся повторныхъ атакъ японцевъ, прогнула, то достаточно было пройти по траншеямъ, что туда пришелъ «отецъ», чтобы послѣдняя и самая злая атака японцевъ была отбита. Еще будучи подполковникомъ и командуя участкомъ изъ двѣнадцати ротъ, онъ одинъ смогъ поднять цѣпь. Поднялъ и пошелъ съ ней такъ же спокойно, съ шуточками и прибаутками, какъ будто въ лагерьъ шли по учебному полю.

Да, онъ не могъ быть въ одной компаніи съ героями мирнаго времени, какимъ былъ, на примѣръ, умница генералъ Ардѣевъ.

Когда онъ дѣлалъ карьеру, то былъ еще полковникомъ. Виноватъ, впрочемъ,—непремѣнно, говоря о разныхъ Ардѣевыхъ, слѣдуетъ сказать о фабриктъ мирныхъ воиновъ,—покойномъ Рижскомъ унтеръ-офицерскомъ батальонѣ. Онъ давалъ всякихъ унтеръ-офицеровъ, и плохихъ и хорошихъ, но что онъ

далъ рядъ особо спеціальныхъ полковниковъ и генераловъ, то въ этомъ проявилось его какъ бы побочное назначеніе.

Въ батальонѣ былъ кадръ: четыре ротныхъ и завѣдывающій хозяйствомъ въ чинѣ капитана, и адъютантъ въ чинѣ штабсъ-капитана. Затѣмъ былъ «перемѣнный составъ» изъ шестнадцати младшихъ офицеровъ. Каждый годъ одного или двухъ кадровыхъ производили въ подполковники, какъ безусловно выдающихся. На освободившуюся вакансію брали кого-нибудь изъ перемѣннаго состава.

Предположимъ, что только что произведенный поручикъ находится въ перемѣнномъ составѣ, и именно его признаютъ наиболѣе достойнымъ попасть въ кадръ.—Его—только одного изъ шестнадцати кандидатовъ! Разъ попавши въ штатъ, онъ немедленно производится въ штабсъ-капитаны, а черезъ годъ,—послѣ производства старшаго капитана,—въ капитаны. Другими словами онъ на шесть-семь лѣтъ обгоняетъ своихъ товарищей! Черезъ три, самое большее четыре года онъ уже подполковникъ!

Если вспомнить, что капитанъ Хрусталевъ, кавалеръ Владиміра съ мечами и бантомъ, ждалъ чина подполковника двадцать пять лѣтъ, что средній возрастъ капитановъ, производимыхъ въ подполковники, колебался всегда между 45—50 годами, можно себѣ представить, чего достигалъ поручикъ, зачисленный въ штатъ унтеръ-офицерскаго баталіона!

И всѣ шестнадцать офицеровъ «перемѣннаго состава» это прекрасно знали! А такъ какъ изъ этихъ шестнадцати по крайней мѣрѣ шесть уже поступили въ этотъ перемѣнный составъ съ твердымъ желаніемъ попасть въ штатъ, то не трудно себѣ представить, какъ кандидаты стремились устранить со своей дороги наиболѣе опасныхъ. Но зато, кто успѣвалъ, сразу обгонялъ товарищей на десятки лѣтъ!

Наркизъ только разъ видѣлъ характерную сцену: командиръ батальона, сидя въ большой залѣ во время военнаго сообщенія, чуть повернулъ голову влѣво. Это замѣтили одновременно пять офицеровъ перемѣннаго состава, и всѣ пять бросились къ начальнику.

На минуту произошла молчаливая свалка,—рвались всѣ и локтями и ногами тѣснили, не допускали своихъ сокандидатовъ до начальника. Верхъ взялъ нѣкій поручикъ Добросмысловъ: его широкія плечи и сильныя руки выручили; онъ оттиснулъ своихъ соперниковъ и проникъ къ начальству, сказавшему два слова:

— Закройте вентиляторъ.

Кстати: поручикъ Добросмысловъ въ этомъ году попалъ въ

штатъ, черезъ годъ былъ капитаномъ, а черезъ четыре уже былъ подполковникомъ въ полку Наркиза.

Вотъ изъ этой-то школы нравственности и вышелъ полковникъ Ардѣевъ. Когда до него дошла очередь ѣхать на войну, онъ не подалъ рапорта о болѣзни, не ушелъ въ госпиталь, какъ сдѣлали нѣкоторые его коллеги. Онъ зналъ, что, не имѣя большихъ связей, этимъ онъ положить конецъ своей карьерѣ, какъ полковникъ Добромудровъ, такъ превосходно сдѣлавшій заѣздъ на высочайшемъ смотру.

Онъ сдѣлалъ совершенно противное,—выказалъ огромную радость по поводу давножданнаго назначенія! А для того, чтобы всѣ знали объ этой радости, посѣтилъ въ прощальномъ визитѣ все начальство, чего до тѣхъ поръ никто не дѣлалъ. И вездѣ,—у Экмана, у Оппена и другихъ, вездѣ онъ говорилъ о томъ, сколько счастья ему дало это назначеніе, что волей Божіей и онъ не исключенъ изъ великихъ историческихъ событій и можетъ засвидѣтельствовать своей кровью,—а если понадобится, то и жизнью, что онъ не напрасно носить военный мундиръ! Изъявивши свою радость, онъ поспѣшилъ туда, гдѣ идутъ бои.

Но судьбѣ угодно было не исполнить его радости: въ Челябинскѣ онъ сильно заболѣлъ, и оказалось, что климатъ Сибири для него пагубенъ!

Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже и черезъ три мѣсяца онъ опять дѣлалъ въ Ригѣ визиты и высказывалъ свое крайнее сожалѣніе,—что Богъ не привелъ ему погибнуть на полѣ чести!

Неизвѣстно, по сколько платили за освобожденіе полковники, для прапорщиковъ же была, какъ единодушно говорили, определенная такса,—500 рублей.

Пока Ардѣевъ ѣздилъ въ Сибирь, разразилась революція, и здѣсь также были нужны дѣятели съ твердой волей и яснымъ взглядомъ.

Генералъ Бэкманъ былъ назначенъ курляндскимъ генералъ-губернаторомъ и съ радостью взялъ себѣ въ помощники полковника Ардѣева. Онъ былъ назначенъ въ г. Тальсенъ и съ помощью ума и такта «успокоилъ» населеніе. За это ему, еще молодому, только что произведенному полковнику, дали тотъ орденъ, который давали прежде только старымъ командирамъ полковъ за нѣсколько мѣсяцевъ до производства ихъ въ генералы—Владимира третьей степени,—т.-е. на шею.

Публика не знаетъ, что за важная штука этотъ орденъ! Для ея полученія слѣдуетъ вспомнить слѣдующій фактъ, бывший въ «Русской Старинѣ»: однажды къ одному видному русскому писателю пріѣхалъ немалый чиновникъ министерства народнаго

просвѣщенія. Поджидая хозяина, онъ нѣсколько разъ останавливался передъ портретомъ какого-то господина въ одеждѣ начала девятнадцатаго вѣка и смотрѣлъ на орденъ Владиміра на шеѣ этого неизвѣстнаго.

Когда пришелъ хозяинъ, чиновникъ немалого чина спросилъ фамилію и чинъ незнакомаго господина.

— Карамзинъ,—былъ отвѣтъ—историкъ Карамзинъ.

Гость, продолжая стоять передъ портретомъ, нѣсколько разъ съ видимымъ уваженіемъ покачалъ головой:

— Однако... однако.....

Хозяинъ заинтересовался:

— А что?

И гость съ прежнимъ уваженіемъ отвѣтилъ:

— Да какъ же!—Владиміръ то на шеѣ... Однако!...

Такъ вотъ какой орденъ получилъ полковникъ Ардѣевъ за его полезную для отечества дѣятельность! Вскорѣ онъ получилъ полкъ и, какъ безусловно выдающійся, внѣ правилъ произведенъ въ генералы.

Но можно спуститься и еще ниже: вотъ исторія капитана Соболева, товарища Наркиза.

Онъ завѣдывалъ командой развѣдчиковъ, въ то время называемой охотничьей командой. И вотъ три года, на всѣхъ состязаніяхъ, его команда брала всѣ призы! Онъ умѣлъ вдохнуть въ людей такой духъ, что, напримѣръ, при состязаніи на скорость марша и выносливость его команда приходила на полчаса раньше слѣдующей за ней команды, а та и идущія за ней приходили съ промежутками въ двѣ-три минуты.

Въ бѣгѣ, выносливости, стрѣльбѣ, развѣдкѣ,—особенно развѣдкѣ,—ездѣ первый призъ брала команда Соболева, и добрый начальникъ дивизіи «дѣлилъ» первые призы между остальными командами:

— Все Соболевъ да Соболевъ! Нельзя же ему давать всѣ призы!

Самому Соболеву это не дало ничего, даже къ орденамъ были одновременно представлены всѣ четыре завѣдывающіе командами.

Но плѣненіе на маневрахъ начальника чужой «непріятельской» дивизіи доставило ему крупныя непріятности.

Дѣло произошло такъ—начальникъ дивизіи противника, большой сибаритъ, вынесъ мѣсто ночевки своего штаба на три версты впередъ своихъ войскъ, такъ какъ ночевать въ домѣ пастора было гораздо удобнѣе, чѣмъ въ крестьянской избѣ. Маневры производились уже «по-новому», т.-е. вмѣсто прежнихъ подробныхъ расписаній были даны только задачи.

Прежнія добрыя старыя времена отошли въ Лету... Или они только замерли?

Прежде было такъ: съ вечера отдавался приказъ: «Походное движеніе отъ села Микитки до деревни Торчелево. Выступленіе изъ Микитокъ въ 6 часовъ утра. Въ три часа бой у мельницы Лагузина. Послѣ боя такой-то полкъ отходить къ деревнѣ Торчелево, а такой то къ деревнѣ Ковры».... Расписаніе всѣхъ этихъ походовъ и бсевъ, съ обязательнымъ наступленіемъ и обязательнымъ отступленіемъ, составлялось заранѣе офицерами генеральнаго штаба и пресерьезно обсуждалось...

Наркизь еще пережилъ такіе поучительные маневры, возмущался этимъ и получалъ позорное званіе шпака.

Но все это прошло, и въ моментъ совершенія маневровъ, гдѣ былъ плѣненъ генераль, обокмъ начальникамъ отрядовъ была дана полная свобода дѣйствій.

На Соболева была возложена развѣдка силъ противника и онъ, осторожно пробираясь съ своими охотниками, неожиданно наткнулся на штабъ непріятельской дивизіи, правильнѣе на штабъ начальника всего непріятельскаго отряда. Сомнѣній не могло быть: даже висѣлъ установленный уставомъ флагъ и фонарь!

Оцѣпивъ потихоньку весь пасторать, онъ самъ съ частью людей вошелъ во дворъ. Вѣроятно, во время настоящей войны онъ просто бы «снялъ» часовыхъ противника, но здѣсь они, увидя непріятелей, подняли громкій крикъ и даже начали стрѣлять холостыми патронами.

Первымъ выскочилъ на шумъ молодой капитанъ генеральнаго штаба, старшій адъютантъ штаба дивизіи.

— Это что такое? Ради чего шумъ?

Соболевъ ему вѣжливо предложилъ итти въ сарай, объявивъ, что онъ взять въ плѣнъ.

Капитанъ разсердился, раскричался, толкнулъ въ грудь загоразивавшихъ ему дорогу людей и побѣжалъ въ домъ будить начальника штаба дивизіи и, въ данномъ случаѣ, отряда.

Тотъ, полковникъ генеральнаго штаба, т.-е. учитель арміи, выскочилъ въ одномъ бѣльѣ, туфляхъ и пальто въ накидку. Выскочилъ и сейчасъ же обрушился на Соболева:

— Это еще что за безобразіе? Прикажете немедленно удалить своихъ людей! Вы не понимаете что дѣлаетъ! Здѣсь спитъ генераль Х. Прикажете уйти людямъ, тогда я вамъ прощу, не стану докладывать.

Но Соболевъ стоялъ почтительно, строго по уставу и, держа подъ козырекъ, докладывалъ:

— На вольномъ маневрѣ, г. полковникъ, я имѣю право захватывать плѣнныхъ.

Но полковникъ только сильнѣе сердился:

— Я вамъ покажу вольные маневры! Извольте немедленно исполнить мое приказаніе, иначе вамъ придется плохо!

Но Соболевъ упрямо повторялъ:

— Осмѣлюсь, г. полковникъ, не исполнить ваше приказаніе. Вы мой плѣнникъ, и я долженъ васъ доставить въ штабъ своего отряда.

Пришлось разбудить самого начальника дивизіи. Тотъ, сонный и злой, налетѣлъ на виновника кутерьмы мокрымъ рядомъ:

— Да вы съ ума сошли?! Извольте немедленно снять вашихъ часовыхъ! Я вамъ приказываю!

Но когда Соболевъ, вытянувшись въ струнку, не отпуская руки отъ козырька, доложилъ, что не смѣетъ исполнить приказанія его превосходительства, то генералъ разсвирѣпѣлъ,—онъ топалъ ногами и даже, кажется, не прочь былъ ударить виновника перерыва его сна.

Какъ никакъ, однако, но положеніе было непріятное: дойдетъ до корпуснаго, до командующаго войсками, до министра... Пожалуй кривыми путями даже до государя.... Сначала онъ кричалъ и грозилъ, потомъ началъ шутить и въ концѣ, позвавъ Соболева къ себѣ въ кабинетъ, просилъ. Соболевъ былъ также корректенъ и требовалъ поѣздки съ нимъ въ штабъ ихъ отряда.

Свои войска были въ трехъ верстахъ, но извѣстить ихъ было невозможно, такъ какъ телефонъ находился въ рукахъ Соболева. Уѣхать тоже было невозможно, такъ какъ пасторать былъ окруженъ его людьми. Адьютанта, вскочившаго было на коня и желавшаго грудью лошади пробить себѣ дорогу, не пустили: осторожно взяли лошадь подъ уздцы и съ большими извиненіями привели обратно въ конюшню.

Генералу все больше выяснялась неловкость и неудобство его положенія. Пожалуй въ первый разъ въ жизни онъ увидѣлъ, что маневры не шутка, а дѣйствительное приготовленіе къ бою, то-есть дѣйствию, гдѣ каждый неосторожный шагъ такого важнаго лица, какъ онъ, стоитъ многихъ человѣческихъ жизней. Онъ былъ совершенно подавленъ духомъ, и вся его энергія разбилась о твердую почтительность этого высокаго офицера, котораго въ данный моментъ онъ боялся и ненавидѣлъ всѣми фибрами своей души.

Кончилось тѣмъ, что начальникъ плѣннаго штаба долженъ былъ поѣхать къ начальнику дивизіи Соболева, и тотъ долженъ былъ рѣшить, что дѣлать съ плѣнными.

Соболеву ничего больше не оставалось, какъ согласиться на этотъ компромиссъ. Онъ далъ полковнику конвой и приказалъ всѣмъ чинамъ конвоя непремѣнно довести полковника до ихъ штаба. Въ случаѣ попытки бѣгства къ своимъ войскамъ, схватить лошадь его подъ уздцы и, не обращая вниманія на ругань, крики, угрозы и даже удары полковника, со всей почтительностью привести его въ свой штабъ. Такъ и вышло,—полковникъ хотѣлъ удрать, ругался, грозилъ и даже началъ драться хлыстомъ. За хлыстъ схватили, а его, хотя и съ извиненіями, но привели въ свой штабъ.

Начальникъ дивизіи спалъ, его разбудили и объяснили, въ чемъ дѣло. Не будучи въ состояніи скрыть улыбки, онъ сейчасъ же приказалъ освободить полковника и отпустить плѣнниковъ, прося только уѣхать въ районъ своихъ войскъ, а не оставаться до утра въ домѣ пастора.

Такимъ образомъ Соболевъ лишилъ сна двухъ начальниковъ дивизій.

За это дѣло Соболева чуть не съѣли, и только энергичная защита своего начальника дивизіи освободила его отъ наказанія, да въ лѣтсписяхъ русской арміи прибавился одинъ анекдотъ.

Разумѣется Соболева и не наградили: генералы не поняли важнаго педагогическаго значенія его дѣла!

Да, люди въ войскахъ есть, но некому ихъ оцѣнивать. Развѣ могутъ выдвигать подобныхъ людей молодчаги — Малаковы, Ардѣвы, и другіе люди этого же сорта? Имъ гораздо симпатичнѣе Рефсъвы и еще болѣе Добромысловы, умѣющіе во-время закрыть вентиляторъ.

Если къ большимъ генераламъ прибавить еще командира корпуса генерала Дмитровскаго, то списокъ толковыхъ начальниковъ будетъ законченъ, и всѣ остальные были или молодчаги, или оболтусы, или же, въ лучшемъ случаѣ,—обыкновенные дюжинные люди.

Генералъ Дмитровскій безусловно свѣтлая личность, но въ то время, когда его зналъ Наркизь, это была только руина чего-то хорошаго.

Онъ отличался добротой, простотой, доступностью и даже до извѣстной степени энергіей, но послѣдняя проявлялась только вспышками, и ему совершенно не удалось поднять боевое воспитаніе своего корпуса. Да онъ и пробылъ недолго,—умеръ.

Начальство, его подчиненные, его не любило и боялось,—никакъ не могло понять, чего онъ собственно хочетъ: у всякаго были свои опредѣленные требованія, и тогда можно было знать, на что слѣдовало поналечь. Одинъ любилъ больше всего церемоніальный

маршъ и маршировку, другой стойку и ружейные приемы, третій гимнастику, и были даже такіе, что заботились о стрѣльбѣ. Смотровой, конечно, а не боевой; о казовсй, парадной стрѣльбѣ, выражающейся въ большомъ количествѣ % попаданій при условіяхъ мирнаго времени.

Съ Дмитровскимъ никто и ничего не зналъ. Напримѣръ, онъ говоритъ:

— Ну-ка, показывайте, что вы знаете!

Ему показывали стойку, ружейные приемы, дѣлали перестроенія колоннъ... Онъ стоитъ и молчитъ, не ругаетъ и не хвалитъ. Потомъ, когда начальникъ уже не знаетъ, что и показывать, спрашиваетъ:

— Они умѣютъ у васъ и разсыпаться для боя?

И начальникъ разсыпалъ. Для красоты движенія требовалось, хотя и противъ устава, чтобы разсыпались скорымъ шагомъ, равняясь на средину и по срединѣ же цѣпи придерживая ногу, т.-е. всѣ одновременно ставили лѣвую и одновременно правую ногу. У иного выходилъ очень красивый балетъ, и начальникъ торжествовалъ, а корпусный вдругъ бурчалъ: «Право, не понимаю, какимъ мѣстомъ они думаютъ!»! Сказавъ это, устало зѣвалъ, садился въ экипажъ и уѣзжалъ, приговаривая:

— Эхъ, старъ я сталъ, старъ!

Начальство оставалось въ полномъ недоумѣніи: чего онъ собственно хочетъ? И успокаивалось при мысли:

— Выживаетъ старикъ изъ ума!

Но бояться все-таки боялись: отъ такихъ полоумныхъ можно ожидать всякой пакости!

Напримѣръ, Наркизъ прекрасно помнитъ одинъ изъ пріѣздовъ стараго генерала. Это было въ самомъ началѣ, и никто изъ офицеровъ его еще не зналъ и не видѣлъ, а слухи, принесенные командами полковъ, могли только пугать.

Уже его пріѣздъ былъ иначе, чѣмъ пріѣздъ другихъ: онъ не приказалъ себя встрѣчать на станціи. По горькому опыту убѣдились, что генералы, которые какъ будто пренебрегаютъ показнымъ поклоненіемъ и бравируютъ простотою и доступностью, самые большіе любители рабскаго поклоненія. Поэтому, какъ только начальникъ, новый конечно, котораго еще не знали, писалъ въ приказѣ, что онъ смотритъ только на дѣло, и только на дѣло, пренебрегая казовыми условностями, то всѣ подчиненные невольно ежились и думали:—какъ же къ этому примѣниться? Съ какой стороны можно къ нему подойти?

Приказаніе не встрѣчать было формальное: только экипажъ. Кучеръ, молъ, знаетъ дорогу. Никакихъ не только начальниковъ штаба, но даже и адъютантовъ.

Начальство,—много начальства: два начальника дивизіи, три командира бригады, десятокъ полковниковъ и адъютанты,—все это нервно ждало новую метлу, которая всегда чисто мететъ...

Станція въ верстѣ отъ лагеря. Но вся эта верста застроена зданіями лагеря одного изъ полковъ, офицерскимъ собраніемъ и массой деревьевъ. Телефоновъ тогда еще не было въ полкахъ, а коннаго корпусный запретилъ ставить:

— Только, пожалуйста, не выставляйте этихъ соглядатаевъ,—не терплю! Чтобы не было никакихъ конныхъ, скачущихъ впередъ!

Поэтому когда подошелъ поѣздъ, на которомъ долженъ былъ пріѣхать корпусный, никто не зналъ, ѣдетъ ли онъ уже къ лагерю, или пріѣдетъ со слѣдующимъ поѣздомъ. Нетерпѣніе достигло крайняго предѣла, и генералы и полковники то снимали то надѣвали перчатки. Вдругъ глухой говоръ:—ѣдетъ, ѣдетъ!

И дѣйствительно, между деревьями аллеи кое-гдѣ замелькали вороныя лошади начальственнаго экипажа. Командиръ перваго полка выдвинулся впередъ и махнулъ рукой своимъ офицерамъ, и тѣ въ полголоса начали равнять людей.

Экипажъ быстро несется по аллеѣ, но въ немъ вмѣсто корпуснаго сидитъ дама подъ бѣлымъ зонтикомъ! Изъ-за мелькающихъ деревьевъ ее трудно разглядѣть, но что это дама—не можетъ быть сомнѣнія,—зонтикъ и свѣтложелтое платье,—очевидно чесуча,—видѣли всѣ. Командиръ полка, уже приготовившійся командовать, махнулъ рукой: отставить!

Никто ничего не понималъ: лошади именно тѣ, которыя должны были привезти командира корпуса. При чемъ же дама?

Экипажъ скрывается за деревьями и выныриваетъ уже въ десяти шагахъ отъ стоящихъ. Кучеръ сильно осаживаетъ лошадей, и изъ экипажа кряхтя лѣзетъ командиръ корпуса въ чесучевомъ кителѣ, держа въ рукахъ чесучевый дамскій зонтикъ!

И командиръ полка, еще не пришедшій въ себя, командуетъ тихимъ сдавленнымъ голосомъ:

— Смиррно!

Генералы и полковники спѣшатъ стать по старшинству, и многіе натягиваютъ уже сброшенные перчатки.

Корпусный здоровается съ солдатами, съ офицерами и говоритъ:

— Пусть они здѣсь попоютъ и поиграютъ, а мы пойдемъ по смотрѣть лагеря.

Это и былъ первый смотръ генерала Дмитровскаго.

Онъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ, которыя вела Россія за время его службы, но изъ орденовъ носилъ всегда только два: Георгія и медаль за спасеніе погибавшихъ.

Лагерь ему понравился: густыя заросли, высокія старыя деревья, трава выше пояса, широкая Двина... И онъ объявилъ:

— На слѣдующее лѣто я тоже буду жить въ этомъ лагерѣ.

Эти слова произвели огромное впечатлѣніе: гдѣ же будетъ жить командиръ корпуса? Очевидно только въ томъ домѣ, гдѣ теперь живетъ начальникъ дивизіи...

Лагерь въ Куртенгофѣ около Риги,—бывшее баронское имѣніе, и начальникъ дивизіи всегда жилъ въ помѣщичьемъ домѣ, расположенномъ посреди огромнаго сада на самомъ берегу Двины, отдѣленнаго отъ берега, въ половодье заливаемаго водсой, густой живой изгородью. Очевидно, что корпусному командиру будетъ отведенъ этотъ домъ!.. И вотъ поспѣшно начали строить домъ для начальника дивизіи.

Но когда корпусный за недѣлю до выхода войскъ въ лагерь поѣхалъ специально для того, чтобы поискать, гдѣ ему поселиться, то онъ забраковалъ отведенную ему и тщательно отремонтированную квартиру и указалъ на двѣ комнатки при почтовомъ отдѣленіи:

— Вотъ! Отлично! И квартира и садикъ при ней! Здѣсь я и поселюсь!

Но потребовался формальный приказъ по корпусу, такъ какъ начальникъ дивизіи рѣшительно отказался жить въ помѣщичьемъ домѣ. Въ приказѣ были распределены всѣ квартиры, и на словахъ Дмитровскій серьезно сказалъ начальнику дивизіи:

— Иначе я съ вами поссорюсь...

Начальникъ дивизіи поселился въ своей прежней квартирѣ, а новый домъ заняли чины штаба со своими семьями.

Старичокъ корпусный пріѣхалъ въ лагерь просто отдыхать. По вечерамъ онъ любилъ сидѣть на скамейкѣ въ своемъ садикѣ, а для того, чтобы не пугать нижнихъ чиновъ, ходилъ не въ формѣ, а въ чесучевомъ пиджакѣ безъ погонъ.

Чтобы кончить о немъ, расскажу про его охоты. Онъ былъ большой любитель бродить по лѣсу съ ружьемъ и этимъ воспользовался капитанъ Лонскій, чтобы не въ очередь проскочить въ подполковники. Къ своей цѣли онъ шелъ прямо и просто привязывалъ на деревѣ всякую дичь, которую потомъ долженъ былъ застрѣлить корпусный командиръ.

Впрочемъ я говорю очень грубо, Лонскій же и его охотникъ рядовой Фаддеевъ, дѣйствовали гораздо тоньше и остроумнѣе: заранѣе принесенная дичь, живой тетеревъ или что-нибудь другое, убивались Фаддеевымъ по голландскому способу, то-есть длинной толстой иглой въ мозжечекъ. Затѣмъ на деревѣ, посредствомъ длинной нитки, заботливо окрашенной Фаддеевымъ въ

защитный цвѣтъ, прикрѣплялась палочка; около палочки на вѣтку клался тетеревъ, еще теплый, только что, иногда на самомъ деревѣ, убитый. Лонскій шелъ къ корпусному, а Фаддеевъ ложился въ сторонѣ и держалъ конецъ нитки.

Капитанъ подходилъ къ Дмитровскому и радостно шепталъ: ваше высокопревосходительство,—на деревѣ притаился тетеревъ!

Старикъ шелъ, стрѣлялъ, Фаддеевъ дергалъ нитку, палочка толкала тетерева и тотъ, тяжело ударяясь о вѣтки, падалъ на землю.

Но увы! Всѣ старанія капитана Лонскаго были тщетны, и когда онъ былъ представленъ,—нельзя же было не представить за отличіе капитана, который чуть не ежедневно ходитъ съ корпуснымъ на охоту!—то именно корпусный его вычеркнулъ и сдѣлалъ надпись: капитанъ Лонскій хорошій офицеръ, но есть еще лучше и должны быть представлены именно тѣ.

А на словахъ корпусный сказалъ:

— У насъ же есть дѣйствительно достойные выдвиженія! Къ тому же Лонскій богатъ.

У него дѣйствительно было тысячь семь годового дохода, не считая двухъ съ половиною тысячь жалованья.

Послѣ этого Лонскій пересталъ ходить на охоту и про корпуснаго не говорилъ иначе, какъ:—этотъ старый дуракъ!

Его и смерть была божественная: онъ отговѣлъ, причастился, поѣлъ просфоры и легъ:

— Усталъ я...

И онъ заснулъ для того, чтобы проснуться уже по ту сторону бытія.

Послѣ его смерти оказалось, что домъ корпуснаго,—хорошенькій особнякъ въ три этажа,—весь занятъ какими-то старичками-пенсіонерами, получавшими по прежнимъ окладамъ по 15 и по 20 рублей въ мѣсяць.

Новому корпусному, важному господину, пришлось ремонтировать весь домъ, чтобы избавиться «отъ вони», внесенной этими старичками. Наркизъ видѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ... Все отставные офицеры, жалкіе до невѣроятія... И разбрелись опять эти старички по бѣлому свѣту, кончились ихъ хорошіе дни, а въ казенномъ домѣ командира корпуса опять стало чисто и прилично...

Интересно, что его любили только низшіе чины, высшіе же, начиная отъ командировъ полковъ, не любили и бсялись. Онъ иногда на нихъ кричалъ,—требовалъ боевой подготовки, но провести эти требованія въ жизнь уже не могъ, былъ для этого слишкомъ старъ. Его же высшіе подчиненные отлично знали, что онъ

скоро уйдетъ, и на его мѣсто будетъ назначенъ энергичный человекъ со строго опредѣленными требованіями: маршировка, церемоніальный маршъ, перестроенія фронта, какой-нибудь совсѣмъ особенный вывертъ руки при взятіи на крауль или что-нибудь подобное,—поэтому его выслушивали, но не слушали и дѣлали по-своему...

То, что съ трудомъ давалось Каханову, было не подъ силу доброму старику...

V.

Это меньшая часть воспоминаній Наркиза. Въ памяти проходятъ все новые и новые лица,—жалкіе и ничтожные,—гордые, умные и сильные люди. Цѣлый рядъ портретовъ, и въ общемъ грустный результатъ: люди есть, безусловно есть, но имъ не даютъ ходу. Обыкновенно они честнѣе и разборчивѣе въ средствахъ, чѣмъ ихъ коллеги, менѣе способные, но болѣе гибкіе. Сколько предъ Наркизомъ прошло нижнихъ чиновъ, которымъ не хватало только образованія и власти, чтобы замѣнить глупыхъ и бездарныхъ руководителей, важныхъ генераловъ въ родѣ Сухомлинова и подобныхъ ему! И вмѣстѣ неистощимый кладезъ анекдотическихъ фигуръ! Вотъ на примѣръ генераль Горѣшкинъ.

Вотъ одинъ случай: Куропаткинъ, новый военный министръ, обратилъ вниманіе на то, что многіе офицеры просто переутомляются, такъ какъ закономъ разрѣшается только 28-дневный отпускъ въ году и, кромѣ того, на офицеровъ, ѣдущихъ въ отпускъ, смотрятъ настолько косо, что каждый отпускъ записывается въ послужной списокъ. Военный министръ, считая, что только вполне здоровый человекъ можетъ дать максимумъ работы, рѣшаетъ увеличить количество отпусковъ, давая отпуска ежегодно на два мѣсяца, а въ случаѣ болѣзненнаго состоянія иногда и на четыре.

Этотъ вопросъ онъ предложилъ на обсужденіе командировъ полковъ и, отдѣльно, всѣхъ офицеровъ полка.

На засѣданіи по этому поводу, послѣ словъ командира полка:

— Такъ вотъ, господа,—что вы скажете на предложеніе военнаго министра?

Никто не говоритъ ни слова,—всѣ боятся ловушки. «Да, молъ, выскажись чистосердечно!»—«Выскажешься, а потомъ и роту отнимутъ,—поѣзжайте, молъ, въ отпускъ, вы любитель».

Командиръ, человекъ очень неглупый, съ полуулыбкой смотритъ на своихъ офицеровъ и начинаетъ медленно говорить:

— Мнѣ кажется, господа....

Но замѣтивши нетерпѣливое движеніе Наркиза, хотѣвшаго подняться какъ разъ въ тотъ моментъ, когда командиръ заговорилъ, онъ продолжалъ:

— Кажется вы, поручикъ Инскій, что-то хотѣли сказать?

Инскій встаетъ и говорить:

— Простите, г. полковникъ, но я не понимаю, для чего насъ спрашиваютъ? Развѣ у насъ можетъ быть другой отвѣтъ? Конечно, отпуска необходимы... Объ этомъ надо просить, ходатайствовать...

Кругомъ Наркиза начинаютъ смѣяться и онъ, сконфузившись, садится.

Тогда подымается высокая фигура капитана Горѣшкина:

— Г. полковникъ! Разрѣшите говорить по совѣсти!—Для чего намъ собственно увеличеніе отпусковъ? Кому нужно, начальство пускаетъ и теперь, а что касается отдыха, то развѣ въ нашей службѣ можно утомляться? Вотъ нашъ отдыхъ,—лѣто, лагерь! Цѣлый день на свѣжемъ воздухѣ, постоянно въ движеніи! Это разнымъ тамъ канцелярскимъ нужны вакансіи и отдыхи, а намъ они совершенно лишніе! Даже при плохомъ начальникѣ наша служба отдыхъ, а при хорошемъ—дай Богъ всякому такой службы!—Вотъ наше мнѣніе, г. полковникъ.

Командиръ полка, улыбаясь, смотритъ на офицеровъ и спрашиваетъ:

— Кто же изъ васъ, господа, присоединяется къ мнѣнію поручика Инскаго, и кто къ мнѣнію капитана Горѣшкина?

Офицеры мнутъ и улыбаются....

Командиръ встаетъ и засѣданіе кончается.

Самое интересное, что первымъ воспользовался четырехмѣсячнымъ отпускомъ именно капитанъ Горѣшкинъ: когда онъ убѣдился, что командиръ вовсе не смотритъ на отпуска, какъ на криминаль, онъ первый поспѣшилъ взять четырехмѣсячный отпускъ и на замѣчанія товарищей шутилъ:

— Эге! Вы вѣдь всѣ теперь наброситесь на отпуска,—надо спѣшить захватить вакансію!

Онъ былъ правъ: такъ какъ въ четырехмѣсячный отпускъ пускали не больше двухъ ротныхъ въ годъ, то иначе ему пришлось бы ждать, можетъ быть, годъ, а можетъ быть и семь лѣтъ!

Но, несмотря на такіе превосходные задатки, онъ по избранію въ подполковники не попалъ,—на его несчастіе былъ цѣлый рядъ умныхъ и хорошихъ командировъ, которые прекрасно умѣли различать людей.

А года шли. Капитанъ старѣлъ и насталъ послѣдній годъ, когда онъ могъ разсчитывать попасть въ подполковники. По старшинству ему нельзя было попасть, такъ какъ капитановъ

болѣе 50 лѣтъ отъ роду не производять. Слѣдовательно, былъ послѣдній годъ, когда онъ вообще могъ пройти въ штабъ-офицеры. Было пущено въ ходъ все: и великолѣпныя розы изъ его сада и медь съ его ульевъ и выпадъ въ родѣ двухъ вышесказанныхъ.

Въ полку было два кандидата: одинъ бывшій гвардеецъ, человѣкъ смотра и парада, но дѣйствительно много работавшій. Для войны и боя онъ не могъ или не хотѣлъ подготавливать людей, но въ мирное время у него прекрасно маршировали, со звономъ брали на караулъ, ходили учебнымъ шагомъ и такъ далѣе. Другими словами, онъ олицетворялъ идеаль такъ называемаго строевого ротнаго командира и былъ всегда аттестованъ выдающимся. Онъ также былъ въ критическомъ году, если бы его не произвели, то онъ бы былъ оставленъ въ чинѣ капитана еще на нѣсколько лѣтъ, такъ какъ по избранію уже не могъ попасть въ подполковники, а по старшинству былъ бы произведенъ черезъ пять или шесть лѣтъ.

Командиру полка предстояла задача: произвести можно было только одного. Котораго же?

И вотъ командиръ рѣшилъ испытать судьбу: Горѣшкинъ былъ большой лодарь, и командиръ объ этомъ зналъ. Вотъ онъ и рѣшилъ при свидѣтеляхъ провѣрить заботливость того и другого кандидата.

Въ это время фортуна стояла спиною къ Горѣшкину: его цейхгаузъ перенесли въ другое мѣсто, и хотя это случилось уже двѣ недѣли назадъ, но онъ не удосужился посмотрѣть, какъ каптенармусъ укладываетъ вещи роты. Настолько не удосужился, что даже не зналъ, гдѣ новый цейхгаузъ.

Командиръ полка, имѣя въ свидѣтеляхъ подполковника чужого полка, случайно встрѣченнаго имъ, прийдя на полковой дворъ, подошелъ къ ротѣ Горѣшкина и сказалъ:

— Ведите насъ, капитанъ, въ своей цейхгаузъ, посмотримъ, какой тамъ у васъ порядокъ.

Горѣшкинъ былъ пораженъ, какъ громомъ.—Куда вести? Гдѣ этотъ проклятый цейхгаузъ? Въ какомъ мѣстѣ двора?

Онъ крикнулъ фельдфебеля, но командиръ полка не допустилъ фельдфебеля и отослалъ его.

— Нѣтъ, не фельдфебель, а вы. Я васъ прошу все мнѣ показать и разсказать. Именно васъ, а не вашего фельдфебеля или каптенармуса!

Горѣшкинъ, въ отчаяніи, полагая, что, можетъ быть, спасеніе придетъ въ послѣдній моментъ, повелъ обоимъ гостямъ по огромному казарменному двору.—Но куда?

Тѣ покорно шли за нимъ, но, когда онъ, дойдя до клозетовъ, остановился, начали улыбаться.

— Да вы, капитанъ, кажется даже не знаете, гдѣ находится вашъ цейхгаузъ?

И капитанъ долженъ былъ въ этомъ признаться.

Тогда уже втроемъ пошли къ другому кандидату. Тотъ ихъ повелъ, цейхгаузъ былъ въ блестящемъ видѣ, и ротный самъ показывалъ: вотъ мундиры второго срока постройки 1902 года; ихъ 82, а 1903 года, —восемнадцать мундировъ,—лежатъ здѣсь. Аллюминіевы котелки прежняго образца замѣнены еще не всѣ... Это старые тринчики, новые же,—38 штукъ,—здѣсь...

Командиръ обратился къ Горѣшкину:

— Сколько у васъ новыхъ тринчиковъ?

И предупредилъ:

— Говорите правду,—я сейчасъ проверю!

Горѣшкинъ поморгалъ глазами и сказалъ:

— Несчастье съ цейхгаузомъ такъ разстроило меня, что я ничего не помню. Я забылъ, какъ зовутъ меня самого!

Тогда командиръ полка торжественно сказалъ:

— Моргайте! Вы проморгали чинъ подполковника! Надѣюсь, вы не станете меня укорять въ несправедливости!

И, повернувшись къ другому кандидату сказалъ:

— Вы будете представлены теперь жѣ!

Случайно въ этотъ день одинъ изъ офицеровъ былъ у Горѣшкина. Его жена плакала до того, что у нея запухли глаза. Всплакнулъ и самъ огромный Горѣшкинъ. Итакъ конецъ! Черезъ три года онъ въ отставку! Другіе штабъ-офицеры, а онъ!..

И вотъ черезъ десять лѣтъ послѣ этого генералъ Горѣшкинъ, со звѣздою и лентою, катитъ на автомобилѣ по дѣламъ службы, и его носъ поднять настолько высоко, что онъ даже не замѣчаетъ солдатъ, испуганно становящихся ему во фронтъ!

Фортуна повернулась къ нему лицомъ и ласково улыбнулась!..

Вотъ онъ идетъ,—это бываетъ очень рѣдко!—и съ нимъ жена: она теперь генеральша, ваше превосходительство. Съ ними дочь: она теперь дочь генерала! Но чаще они, всѣ трое, ѣдутъ въ автомобилѣ. Случилась эта метаморфоза отчасти по волѣ, отчасти и куда больше, по неволѣ.

Началось съ подписки на войну: когда вдали стоялъ розовый призракъ японской войны,—прогулки въ родѣ китайской, гдѣ въ самыхъ сильныхъ бояхъ теряли убитыми одного, а ранеными двухъ и забирали при этомъ тысячи плѣнныхъ,—въ это время объявили подписку на войну (если потребуется) офицеровъ.

Первымъ подписался Хрусталева. Въ общемъ подписалось

человѣкъ двадцать. Быть можетъ подписался бы и Горѣшкинъ, но его смутилъ Хрусталева: онъ говорилъ, что война будетъ тяжела и серьезна. Никто ему не вѣрилъ, но Горѣшкинъ былъ остороженъ.

Онъ бы и не подписался и острить, что ему казенныхъ денегъ не надо—намекая на то, что въ китайскую прогулку два офицера получили по двѣ тысячи рублей прогонныхъ и подъемныхъ, сѣздили въ Иркутскъ и вернулись назадъ. Но надъ нимъ начали посмѣиваться.

— Да ну, признайтесь уже: просто страшно стало, когда Хрусталева началъ говорить про то, какая серьезная война будетъ!

— Не забывайте, японцы ученики фонъ-Меккеля!

— И стрѣляютъ неосторожно!

— Лучше всегда подальше отъ такихъ неосторожныхъ людей!

— Если съ китайцами были убитые, что же съ японцами!

— Старый капитанъ всегда знаетъ, что пуля и штыкъ совершенно нехорошія вещи!

Всѣ эти остроты разсердили Горѣшкина:

— Что же по вашему—я трусъ?

Въ отвѣтъ смѣхъ:

— Зачѣмъ такое слово? Просто вы осторожны!

И смѣхъ еще больше. Не слѣдуетъ забывать, что въ канцеляріи были почти все молодые офицеры, дѣйствительно хотѣвшіе на войну, и того, что молодежь всегда относится къ старикамъ съ легкимъ пренебреженіемъ. Все это взорвало Горѣшкина, и онъ также расписался въ концѣ списка.

Это было лѣтомъ, и всѣ забыли объ этой записи. Но когда осенью заговорили серьезно, то начали записываться новые добровольцы, и составлялись новые списки. Изъ штаба требовали то одного, то двухъ, рѣдко трехъ офицеровъ, и всегда нѣсколько человѣкъ просилось на-перебой. Первоначальный списокъ былъ совершенно забытъ. Но это только казалось: потокъ добровольцевъ все уменьшался и, наконецъ, настало время, когда заговорили уже о жеребьевкѣ...

Вотъ тогда и вспомнили про первый списокъ. Разсмотрѣли его и увидѣли, что всѣ, записавшіеся тамъ, уже отправились на войну. Остался одинъ капитанъ Горѣшкинъ...

И вотъ въ присутствіи нѣсколькихъ офицеровъ произошла драматическая сцена. Командиръ полка обращается къ капитану Горѣшкину и говорить:

— Всѣ, кромѣ васъ, стоящіе въ этомъ списокѣ, уже поѣхали

на войну добровольцами.—Теперь требуется капитанъ,—согласны вы, какъ ваши товарищи, ѣхать добровольно или,—я васъ не спрашиваю о мотивахъ,—просите бросать жребій?

Въ отвѣтъ длинная мучительная пауза... Тогда командиръ продолжаетъ:

— Вы, слѣдовательно, не рѣшаетесь, боитесь...

И Горѣшкинъ его перебиваетъ хриплымъ отъ пересохшаго горла, голосомъ:

— Я не боюсь, г. полковникъ.

— То-есть, вы ѣдете?

Опять длинная и мучительная пауза...

— Отвѣчайте ясно: да или нѣтъ?

И Горѣшкинъ отвѣчаетъ еще болѣе хриплымъ голосомъ..

— Да.

Командиръ взглядываетъ на него и весело говоритъ:

— Ну вотъ и хорошс!..

Наркизь въ этотъ день былъ на дворѣ казармъ и не зналъ о происходящемъ. Вдругъ входитъ высокая фигура Горѣшкина и, подойдя къ нему, протягиваетъ руки и губы:

— Ну, прощайте! Я ѣду на войну добровольцемъ!

Въ душѣ Наркиза проснулось даже нѣжное чувство:—вотъ и Горѣшкинъ! А онъ вотъ пошелъ добровольцемъ!

Самъ Наркизь добровольцемъ не шелъ,—его болѣзнь, которую доктора не считали болѣзнию,—прогрессировала съ годами.. Это была головная неврастенія, а доктора въ лучшемъ случаѣ знали только половую неврастенію, происходящую отъ половыхъ излишествъ и невоздержанной жизни. Наркизь же велъ жизнь самую умѣренную: не пилъ, не курилъ, никогда не игралъ въ карты, никогда не зналъ другихъ женщинъ, и былъ вполне однолюбомъ..

Прошло три мѣсяца.

Подполковникъ Горѣшкинъ вернулся назадъ. На войнѣ онъ получилъ Станислава и Анну на шею. Конечно съ мечами. Семь ранъ, для леченія которыхъ онъ былъ эвакуированъ, свидѣтельствовали о его храбрости. Это уже не былъ прежній Горѣшкинъ,—обыкновенный и скромный. Теперь ходилъ герой, правая рука котораго была на черной перевязкѣ. Подавалъ онъ лѣвую руку и говорилъ покровительственно. Подсмѣивался надъ трусостью офицеровъ, среди которыхъ уже не находится добровольцевъ, почему они принуждены бросать жребій, кому идти.

Была ли ранена и лѣвая рука, Наркизь не знаетъ, но почему то подполковникъ Горѣшкинъ потомъ снялъ съ перевязки правую руку и надѣлъ лѣвую... Въ это время Наркизь не любилъ встрѣчаться съ нимъ,—герой подавлялъ его своимъ величіемъ.

Но время шло. Вспомнили объ эвакуированныхъ и запросили, не оправился ли подполковникъ Горѣшкинъ настолько, чтобы могъ вернуться въ свой полкъ...

Это было тяжелое время... Послѣ Мукдена, когда уже рѣшительно заговорили о мирѣ, онъ поѣхалъ, но поѣхалъ милый, сокрушенный и не подавляя окружающихъ своимъ величіемъ. По заключеніи мира вернулся и былъ милъ и величественъ. Любилъ напомнить, что у него семь ранъ.

На его счастье командиръ новаго полка, гдѣ онъ теперь былъ, оказался страстнымъ охотникомъ, а самъ Горѣшкинъ всегда былъ не прочь ходить съ ружьемъ по лѣсу. Во всякомъ случаѣ, это было пріятнѣе, чѣмъ заниматься дѣлами, а къ нимъ, послѣ исторіи съ цейхгаузомъ, онъ питалъ положительную антипатію.

Да это оказалось и дѣйствительнѣе: командиръ полка любилъ охоту, жена командира корпуса розы, а жена начальника дивизіи пчелъ. Розы и пчелы, и тѣ и другія самыхъ диковинныхъ сортовъ, были всегда у Горѣшкина. Охота, розы и пчелы,—въ этомъ онъ зналъ толкъ и всегда ихъ любилъ. Поговорить онъ также умѣлъ, и съ нимъ было не скучно. Теперь онъ уже былъ не въ обществѣ капитановъ и поручиковъ, какъ прежде, а генераловъ и, какъ исключеніе, ихъ командира полка.

Фортуна повернулась къ нему лицомъ.

А вотъ рядомъ съ генераломъ Горѣшкинымъ поручикъ Смирновъ, адъютантъ Хрусталева. Его повѣсть не такъ интересна, какъ счастливаго генерала. Онъ вездѣ былъ съ Хрусталевымъ, и оба благоговѣли одинъ передъ другимъ. Офицеры, говоря о немъ, дѣлались серьезными и говорили: на войнѣ такіе люди неоцѣнимы; это другой Хрусталевъ; солдаты думали, что онъ его сынъ, и боготворили обоихъ.

Послѣ войны, будучи во всѣхъ бояхъ, и, какъ полковой адъютантъ, завѣдуя всѣми представленіями къ наградамъ, онъ привезъ единственную боевую награду,—Станислава съ мечамъ!

И офицеры удивлялись,—какъ это могло случиться? Неужели Хрусталевъ, какъ командиръ полка, такъ скупно давалъ ордена?

И смущенный Смирновъ говорилъ.

— Нѣтъ, напротивъ! Но онъ какъ-то забывалъ о себѣ и обо мнѣ... А мнѣ неловко было ему напомнить... Въ концѣ онъ вспомнилъ, но уже было поздно...

Къ сожалѣнію Наркизъ потерялъ его слѣдъ и не знаетъ, что съ нимъ стало дальше. Но трудно думать, чтобы онъ могъ выдвинуться на самые верхи. Даже при исключительномъ счастьи его сумѣютъ оттолкнуть въ сторону, у Смирновыхъ и Хру-

стальныхъ нѣтъ способности пробивать себѣ дорогу, такъ сказать, дипломатически локтями.

Слѣдовало бы, говоря о Наркизѣ, какъ воинѣ, еще сказать немного про революцію...

Онъ, вѣдь, тоже усмирялъ латышей, ходилъ съ револьверомъ, взведеннымъ на боевой взводъ, среди группъ населенія, свиставшихъ ему вслѣдъ, какъ представителю вседавящей власти, былъ нѣсколько разъ обстрѣлянъ, при чемъ однажды толпа подняла такую пальбу изъ револьверовъ, что, казалось, отъ роты Наркиза останутся только ряды валяющихся и корчащихся людей, на самомъ же дѣлѣ оказалось, что не было не только убитыхъ, но и ранены были нѣсколько человекъ камнями и осколками бутылокъ, но отнюдь не пулями. Объясняется это тѣмъ, что передніе не рѣшались стрѣлять, а задніе, стрѣляя черезъ головы стоящихъ впереди, усердно обстрѣливали стѣнку дома, стоящаго за ротой.

Къ чести Наркиза ему удалось уладить дѣло миромъ, и толпа разошлась, вѣроятно въ концѣ сама довольная, что дѣло обошлось безъ жертвъ. А съ солдатами было трудно справиться,—ужь очень они озвѣрѣли и не столько на пули, летящія надъ головами, сколько на камни и бутылки.

Въ другой разъ Наркиза обстрѣляли изъ-за забора, два выстрѣла передъ самымъ лицомъ. Онъ и солдаты вскочили на заборъ и увидѣли человекъ, поспѣшно бѣжавшаго по пустому огороду. Вмигъ онъ перескочилъ черезъ другой заборъ и скрылся. За нимъ не гнались, погоня была бы излишня.

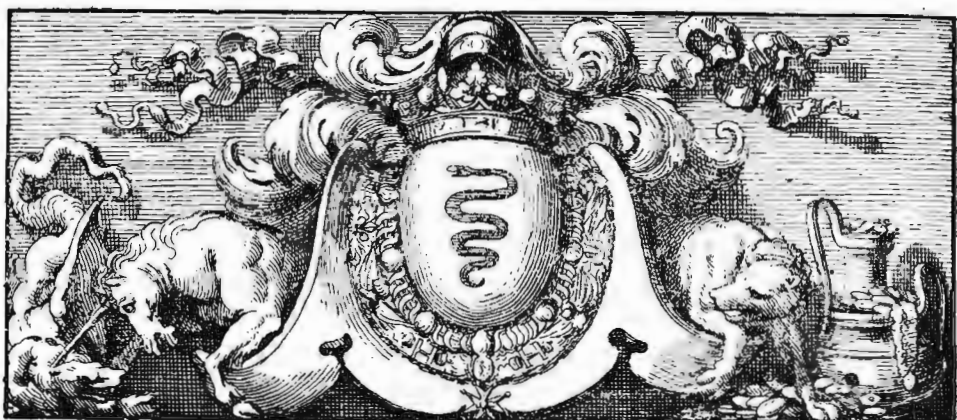
Тяжелое было время, очень тяжелое... Волна революціи всколыхнула дно, и съ него поднялась армія хулигановъ. Одни изъ нихъ присоединились къ революціонерамъ, другіе къ черной сотнѣ, а многіе были сегодня здѣсь и завтра тамъ...

Потомъ, будучи въ теченіе девяти мѣсяцевъ членомъ военно-окружнаго суда, Наркизь видѣлъ этихъ господъ...

Но эти девять мѣсяцевъ настолько интересны, и такъ какъ Наркизь тогда уже былъ въ сущности не воиномъ, а судьей, то онъ обѣщалъ дать воспоминанія Наркиза-судьи отдѣльно, не смѣшивая ихъ съ воспоминаніями Наркиза-воина.

Интересна была и революція, и тамъ Наркизь былъ еще воиномъ и, слѣдовательно, надо бы помѣстить эти воспоминанія здѣсь, но не слишкомъ ли это близко отъ нашего времени? Не лучше ли забыть о многомъ, что тогда дѣлалось?

Николай Роминскій.

Записки Н. А. Качалова ¹⁾.

IV. Во время Крымской кампаніи.

Въ январѣ или февралѣ 1845 г. я возвратился на службу въ Крестштадтъ. Корабль нашъ былъ назначенъ въ плаваніе и своевременно началось вооруженіе и всѣ обыкновенныя приготовления, какъ въ половинѣ мая я былъ пораженъ полученной эстафетой, извѣщавшей о скоропостижной смерти брата Ивана Александровича. Мнѣ дали отпускъ на 10 дней, и я успѣлъ пріѣхать въ Пелуши на погребеніе. Потерявъ любимаго единственнаго брата, я не имѣлъ покоя объ имѣніи и его управленіи, между тѣмъ на меня навалились всѣ хлопоты, неизбежныя при внезапной смерти хозяина. Чтобы не потерять всего имѣнія, возвратясь въ срокъ изъ кратковременнаго отпуска, я подалъ по болѣзни въ отставку. Я очень усердно занимался хозяйствомъ, но, по незначительности его размѣра, и вообще неудобнаго расположенія Малюковскихъ земель, размѣръ хозяйства былъ незначительный и Малюково не приносило никакого дохода. Сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній у меня, не только теоретическихъ, но даже практическихъ не было никакихъ; вообще, теоретическими свѣдѣніями всѣ помѣщики не обладали, но опытность старыхъ выражалась искусствомъ выжимать возможную пользу изъ дарового крѣпостнаго труда и несмотря на то, что хозяйственные приемы были самые рутинные, безъ всякихъ научныхъ приспособленій, при трехпольной системѣ, безъ травосѣянія, и были основаны единственно на мускулахъ даровыхъ рабочихъ, усадьбы давали громадный доходъ. Во всѣхъ усадьбахъ было много дворовыхъ, которые преимущественно употреблялись на личную услугу помѣщику и ничего не производили, а только потребляли труды крестьянъ, которые и были

¹⁾ См. «Гол. Мин.». 1916 г. № 5—6, 7—8 и 11.

единственными производителями. У хороших помѣщиковъ, считавшихся между крестьянами добрыми и даже попечительными, крестьяне на своихъ лошадяхъ, со своими орудіями и на своемъ содержаніи, работали на помѣщика по 3 дня въ недѣлю съ каждаго тягла. Тягломъ считался каждый женатый крестьянинъ отъ 18 и до 50 лѣтъ. Чтобы увеличить число тягловъ, крестьянъ женили рано, а срокъ освобожденія крестьянина отъ тягла, зависѣлъ отъ размѣра гуманности помѣщика. Кромѣ трехдневной съ лошадыю въ недѣлю постоянной работы на помѣщика, крестьяне платили всѣ казенныя подати за себя и дворовыхъ, въ навозницу, сѣнокосъ и жниву, ставили санные дни и отвозили зимой по 2 воза помѣщичьяго хлѣба на продажу на ярмарки: на Пашу, Ошту или въ Тихвинъ. Женщины, бобыли и бобылки отстаивали также трехъ или двухдневную барщину, и, кромѣ того, послѣднія доставляли грибы и ягоды, а женщины, вмѣсто зимней барщины, изъ господскаго льна пряли и ткали и бѣлили помѣщичьи холсты. И по этой статьѣ, крѣпостное право давало помѣщикамъ не малую выгоду. Большинство помѣщиковъ въ деревнѣ облѣнивались и возлагали всѣ заботы по хозяйству на старостъ, и хозяйство шло сообразно качествамъ старосты, но такъ какъ трудъ былъ даровой, то какъ бы ни шло хозяйство, все-таки что-нибудь выросло и продавалось, и усадьба непремѣнно приносила доходъ, и потому и лѣнныя помѣщики имѣли средства существованія. Дѣятельные помѣщики лично наблюдали за работами и естественно получали несравненно болѣе лѣнныихъ. Вообще всѣ помѣщики оправдывали пословицу: «что русскій человекъ заднимъ умомъ крѣпокъ». Никто не думалъ о будущемъ и о возможности потери дарового труда. Вслѣдствіе этой безпечности и слѣпоты, всѣ заботы лучшихъ хозяевъ состояли въ томъ, какъ-бы больше насѣять хлѣба и продать, несмотря ни на какую цѣну, а деньги прожить. При даровомъ трудѣ, помѣщики не могли опредѣлить, что имъ самимъ стоитъ, напр., четверть хлѣба, пудъ масла и проч., и потому продавали на ярмаркахъ за ту цѣну, которую дадутъ, и цѣны эти уставляли скупщики-кулаки.

Сѣвежные уѣзды Новгородской губерніи производили много дегтя, выкуривая его самымъ допотопнымъ способомъ, и для этого драли бесплатно бересту изъ помѣщичьихъ дачъ, подсачивали большія строевыя деревья и для полученія смолы отрубали только вершины у большихъ, почти мачтовыхъ деревьевъ, и этимъ варварскимъ хозяйствомъ истребляли цѣнныхъ лѣсовъ на большія суммы и получали отъ продажи дегтя и смолы ничтожную сумму. Такого приготовленія дегтя и смолы заготовлялось много, его отправляли массами за границу, гдѣ перевари-

Голосъ Минувшаго. № 2.

вали, извлекали болѣе цѣнные матеріалы и, привозя обратно въ Россію, продавали въ тридорога. Та же исторія происходила съ помѣщичьимъ хлѣбомъ, лѣсомъ, масломъ и прочими продуктами помѣщичьяго хозяйства. Подобный ненормальный порядокъ сельскаго хозяйства неправильно устанавливалъ вообще русскую торговлю, какъ виѣшнюю, такъ и внутреннюю. Даровой трудъ давалъ возможность продавать сельскія произведенія ниже стоимости ихъ обработки, а иностранцамъ покупать сырыя произведенія чрезвычайно дешево, и выходило, что крестьяне своимъ трудомъ кормили своихъ помѣщиковъ и кромѣ того обогащали иностранныхъ экспедиторовъ. Даровой трудъ доставлялъ помѣщикамъ даровыя деньги, которые тратились безрасчетно, и это развило торговлю предметами прихоти и роскоши.

Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, все начинаетъ приходить въ нормальныя границы, что не можетъ произойти безъ болѣзненныхъ экономическихъ явленій, въ видѣ банкротства и проч. Самыми передовыми помѣщиками были дѣлаемы незначительныя попытки къ постановкѣ своихъ имѣній въ современное положеніе, какъ то—въ приобрѣтеніи вѣяльныхъ машинокъ, финляндскихъ плуговъ, въ посѣвѣ клевера и тимоеевоы травы, но я не помню, чтобы гдѣ-нибудь было устроено плодоперемѣнное хозяйство, очищеніе полей отъ камня, травосѣяніе, улучшеніе луговъ, скотоводства и проч., и крѣпостная реформа нашла помѣщичьи хозяйства совершенно неподготовленными къ переходу къ вольно-наемному труду. Между тѣмъ если-бы русскіе помѣщики, по примѣру остзейскихъ, при даровомъ трудѣ употребили его на устройство своихъ имѣній, хотя-бы въ нѣкоторый ущербъ текущихъ доходовъ, то не произошло бы настоящаго поголовнаго разоренія почти всѣхъ помѣщичьихъ усадебъ.

Крѣпостное право уничтожено тогда, когда мнѣ было уже за 40 лѣтъ, и я полагалъ, что я въ состояніи правильно обсуживать не только настоящія, но и будущія обстоятельства, касающіяся меня, какъ землевладѣльца,—я полагалъ что, за надѣломъ крестьянъ землею, оставшаяся въ непосредственномъ моемъ владѣніи земля, останется навсегда во владѣніи моемъ и моего потомства, но теперь вижу, что я ошибался. Въ настоящее время большинство помѣщичьихъ земель пустоуетъ, а множество крестьянъ, по недостатку земли, бросаютъ свои жилища и съ своими семьями, безъ средствъ, пускаются на авось въ Сибирь, отыскивать себѣ труда и чрезъ землю пропитанія. Подобное положеніе ненормально и не можетъ быть терпимо. Я понимаю, что отнимать у землевладѣльцевъ земли значитъ потрясти коренное

основаніе правъ собственности, понимаю также эмиграцію въ Америку и даже въ Сибирь, когда свободныхъ земель нѣтъ, но не понимаю положенія, когда подлѣ деревни пустуетъ земля, или бездоходно хозяйствуется землевладѣлецъ, а крестьяне по недостатку земли бредутъ въ Сибирь?!!

По моему крайнему убѣжденію, каждый, желающій *личнымъ трудомъ* обрабатывать землю и тѣмъ прокармливать себя и свое семейство, долженъ получить потребное для этого количество земли *и не въ вѣчное владѣніе, а въ постоянное пользованіе*. При развитіи множества мелкаго чиновничества, безземельнаго мѣщанства, большесемейныхъ ремесленниковъ, которые не въ состояніи прокормить себя ремесломъ, поступленія ихъ на землю, есть единственное спасеніе отъ голодной смерти, или окончанія жизни въ тюрьмѣ. Какъ это сдѣлать—я не знаю, но, подумавъ хорошенько, можно это устроить, конечно съ помощью государственнаго казначейства. Я допускаю существованіе подобныхъ настоящихъ земледѣльческихъ хозяйствъ, но только на излишнихъ земляхъ, остающихся за отводомъ отдѣльнымъ семействамъ *обрабатывающимъ собственными руками свои участки*. Рано или поздно, а придутъ къ этому порядку и не избавятся отъ этого не только наши остзейцы, но вся старая Европа.

Обращаюсь къ описанію моего хозяйствованія въ Малюковѣ.

Не имѣя собственныхъ свѣдѣній о хозяйствѣ, я естественно принялъ ту же систему, которая существовала въ нашей мѣстности. Я началъ съ того, что провѣрилъ весь наличный составъ крестьянъ и на основаніи моихъ понятій о справедливости, назначилъ барщину. Разобралъ дворовыхъ и, кого только возможно, обратилъ изъ потребителей въ производителей. Лѣтомъ (1854 г.) губернаторъ Москвинъ, объѣзжая губернію, заѣхалъ къ намъ на Хвалевское и уговорилъ меня принять должность предводителя; кромѣ обыкновенныхъ любезностей о моей личности, Москвинъ объяснялъ необходимость моего вступленія въ должность еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ это время крестецкимъ предводителемъ былъ извѣстный подрядчикъ почтовыхъ станцій и вообще спекуляторъ съ неудобной репутаціей Николай Ѳеодоровичъ Мусинъ-Пушкинъ, имѣвшій чинъ капитана. На осень назначенъ былъ рекрутскій наборъ, и Пушкинъ, по чину бывший старше всѣхъ предводителей, неминуемо долженъ былъ быть назначенъ председателемъ одного изъ рекрутскихъ присутствій, чего начальство, по неблагонадежности его, опасалось и не желало. Я былъ капитанъ-лейтенантъ, штабъ-офицеръ, старше Пушкина, и такъ какъ въ каждое присутствіе назначалось по два предводителя, то являлась возможность назначить

Пушкина моимъ помощникомъ, и тѣмъ опасность отъ его неблагонадежныхъ дѣйствій отстранялась.

Я прослужилъ предводителемъ три трехлѣтія, по 1863 годъ,—девять лѣтъ и былъ выбранъ на четвертое, но подалъ въ отставку, такъ какъ собственныя дѣла, послѣ крестьянской реформы, сильно расшатались и требовали всего моего вниманія. Во время моей службы предводителемъ, служба эта была не легкая: сейчасъ же по моемъ вступленіи, въ 1855 г., было формулированіе ополченія, затѣмъ—собираніе свѣдѣній для крестьянской реформы и, наконецъ, приведеніе въ исполненіе самой реформы. При всѣхъ этихъ операціяхъ, главная масса работы лежала на предводителяхъ. Кромѣ того, частые рекрутскіе наборы, формулированіе парковъ для войскъ и разнаго рода пособій и въ особенности разборъ и умиротвореніе разныхъ недоразумѣній между помѣщиками и крѣпостными людьми, возникавшими поминутно, по случаю слуховъ о свободѣ и, будто бы уже изданныхъ государемъ повелѣній, но скрываемыхъ мѣстнымъ начальствомъ. Вообще въ это время дѣла было много, непріятностей еще болѣе, и предводительская служба была очень трудна и требовала много сдержанности и такта. Губернское начальство было въ Новгородѣ за 600 верстъ, помощи отъ него не могло быть никакой, и потому, чтобы сохранить порядокъ въ уѣздѣ, было необходимо чтобы въ уѣздѣ была установлена безпристрастная власть, которая разбирала по справедливости недоразумѣнія между помѣщиками и ихъ крѣпостными. Исполненіе этого встрѣчало громадныя затрудненія: помѣщики не понимали необходимости уступокъ и, всосавъ съ молокомъ право безконтрольно распоряжаться своими крѣпостными, вмѣшательство предводителя въ ихъ управленіе признавали оскорбленіемъ и являлись къ разбору раздраженными. Крестьяне, видя небывалое право спорить со своимъ прежде полновластнымъ господиномъ, какъ люди неразвитые, заявляли неисполнимыя требованія. Всѣ эти разборъ не приводили къ взаимному соглашенію и кончались тѣмъ, что крестьянамъ приходилось объявить свою резолюцію и, при дальнѣйшихъ съ ихъ стороны возраженіяхъ, хорошенько прикрикнуть, а помѣщику также объявить его обязанности, съ присовокупленіемъ, что, въ случаѣ неисполненія, ему грозитъ отобраніе имѣнія и опека. Конечно, обѣ стороны оставались недовольными.

Въ самый моментъ сильнаго возбужденія крѣпостныхъ людей во время реформы, измѣнили откупную систему и устроили дешевую водку.

Надѣюсь теперь никто не станетъ спорить, что за спокойное

разрѣшеніе крѣпостной реформы, Россія обязана *мировымъ посредникамъ перваго призыва*, назначеннымъ все изъ помѣщиковъ и предводителей дворянства. Эти лица прямо стали на почву справедливости и безпристрастнаго разбора дѣлъ, какъ единично у посредниковъ, такъ на мировыхъ сѣздахъ, и крестьяне, найдя правильный судъ дома, не имѣли повода волноваться.

Толки о свободѣ давно уже ходили между крѣпостными людьми, и, какъ водится, часть была увѣрена, что рано или поздно будетъ дарована крѣпостнымъ свобода, а другая, — состоящая преимущественно изъ людей старыхъ, не вѣрили въ это и говорили, что воля будетъ тогда, когда появится *бѣлая ворона*. Къ общему удивленію, въ 1859 или въ 1860 г., въ саду Екатерининскаго у Павла Яковлевича появилась бѣлая ворона. Сначала полагали что эта ворона выкрашена, но потомъ ее поймали и она оказалась натуральною бѣлою. Впрочемъ въ это время были открыты губернскіе комитеты, и для всѣхъ было ясно, что воля будетъ дана. Главный вопросъ, всѣхъ занимавшій, конечно, была ожидаемая крестьянская реформа. Между крѣпостными людьми, конечно, этотъ же вопросъ былъ у всѣхъ на умѣ и языкѣ и высказывался болѣе частыми непослушаньями и лѣнностью на работахъ, но крупныхъ волненій не было. Реформа началась ограниченіями помѣщичьей власти: такъ было отнято право ссылать въ Сибирь на поселеніе, брать крестьянъ во дворъ, переселять крестьянъ безъ разрѣшенія предводителя и исправника, при чемъ поставлены были точныя правила, — что помѣщикъ обязанъ былъ дать на новомъ мѣстѣ хорошую землю, постройки и проч.

Всѣ почти помѣщики, безъ исключенія, не имѣли яснаго понятія, какое вліяніе произведетъ на ихъ хозяйства крестьянская реформа и далеко не думали, что она произведетъ повальное раззореніе всѣхъ помѣщичьихъ усадьбъ. Всѣ ходили, какъ въ туманѣ, сильно опасались крестьянскихъ волненій и не были покойны за жизнь свою и своихъ семействъ; это обстоятельство, мнѣ кажется, очень ослабляло заботу о матеріальномъ состояніи. Хозяйственныхъ мѣропріятій, подготовляющихъ къ новому хозяйственному порядку, не принималось никакихъ, исключая того, что нѣкоторые помѣщики переселили крестьянъ, жившихъ вблизи усадьбъ; на этомъ основаніи и мы перевезли деревню Никоново въ Новую деревню или Позняково.

По гибкости славянскаго характера, мы какъ-то скоро привыкли къ новой обстановкѣ; распоряженія правительства поступали постоянно; сначала они нѣсколько волновали, но потомъ всѣ успокоивались до новаго царскаго рескрипта или распоряженія Мин. Внутр. Дѣлъ, но я не помню, чтобы было большое уныніе.

Въ это время я припоминаю одно мое столкновение съ помѣщицей Морозовой, вдовой гатчинскаго, временъ императора Павла, генерала. Морозова не жила въ деревнѣ. Ей принадлежали небольшая деревня съ малымъ количествомъ плохой земли въ Вадболѣ и большая дача въ Сухачѣ, съ небольшою деревней на Усть-Колпѣ, т. е. при впаденіи рѣки Колпи въ Суду. На покупку всей Сухачской дачи нашелся покупатель, за хорошую цѣну, но требовалъ чтобы крестьяне были перевезены. Морозова оказалась кулакь-баба и, снюхавшись въ Бѣлозерскѣ съ полиціей, придумала слѣдующую механику: при крѣпостномъ правѣ помѣщикъ могъ по ревизіи записывать крестьянъ, гдѣ ему было угодно, правительство наблюдало только за общимъ счетомъ ревизскихъ душъ каждаго помѣщика. На основаніи этого права, Морозова всѣхъ крестьянъ, живущихъ въ деревнѣ Усть-Колпѣ, писала по многимъ ревизіямъ по Вадболу, слѣдовательно, земля по Сухачу, *по бумагамъ*, была не населенная. Пользуясь этимъ, Морозова подала прошеніе исправнику, что крестьяне самовольно поселились въ Усть-Колпѣ, и она требуетъ, чтобы полиція перевезла ихъ въ Вадболъ, гдѣ они записаны по ревизіи, и полиція была готова исполнить это варварское требованіе. Я, конечно, остановилъ полицію, такъ какъ переселеніе не могло состояться безъ согласія предводителя, и доказалъ, что при деревнѣ Усть-Колпѣ нѣсколько лѣтъ была помѣщичья запашка, куда эти крестьяне ходили на барщину, помѣщица нѣсколько разъ посѣщала эту запашку и видѣла, не только живущихъ тутъ крестьянъ, но даже на нес работающихъ. Независимо отъ того, что самовольное переселеніе крестьянъ, безъ согласія помѣщицы, о чемъ будто-бы, посѣщая имѣніе, помѣщица не знала до настоящаго времени,—дѣло положительно невозможное, но затѣмъ, хожденіе много лѣтъ крестьянъ на барщину окончательно уничтожаетъ заявленіе помѣщицы о самовольномъ поселеніи этихъ крестьянъ. Однимъ словомъ, я остановилъ переселеніе. Морозова отправилась въ Петербургъ и нашла себѣ защитника въ директорѣ, не помню какого департамента Мин. Внутр. Дѣлъ, Гвоздевѣ, имѣвшемъ тогда громадное вліяніе на бывшаго министра Вн. Дѣлъ Ланскаго, человѣка честнаго, искренно-преданнаго крестьянской реформѣ и много для этого поработавшаго. Вѣроятно Гвоздевъ выставилъ Морозову жертвой, а меня гонителемъ и бунтующимъ крестьянъ.—Въ одно прекрасное утро я получаю письмо отъ бывшаго тогда губернскимъ предводителемъ, Николая Павловича Бахметьева, человѣка добраго, но не дальняго, который увѣдомляетъ, что его вызывалъ министръ Ланской, и высказалъ съ большимъ раздраженіемъ сильное неудовольствіе на меня за

мои дѣйствія по дѣлу Морозовой, и Бахметьевъ умолялъ меня отступить отъ этого дѣла. Я отвѣчалъ Бахметьеву, что дѣйствія мои по дѣлу Морозовой основаны на буквальномъ смыслѣ правилъ о переселеніи, Высочайше утвержденныхъ и сообщенныхъ министромъ внутр. дѣлъ, и настоящее увѣдомленіе Бахметьева, что тотъ же министръ Ланской требуетъ отъ меня съ угрозами не исполнять этихъ правилъ, я считаю по меньшей мѣрѣ недоразумѣніемъ. Бахметьевъ вынужденъ былъ представить мой отвѣтъ министру; вѣроятно ему надоѣла и Морозова, но, наконецъ, Ланской объявилъ, чтобы ему не вспоминали фамилій Качалова и Морозовой. Интрига эта разрушилась, крестьяне остались на своемъ мѣстѣ, гдѣ и получили надѣлы. Въ Петербургѣ я былъ у Морозовой по ея приглашенію, объясненія наши конечно оказались безплодными, и въ заключеніе она заявила, что она много въ жизни перенесла несчастій, но изъ нихъ самое главное, что судьба столкнула ее со мной. Гвоздевъ въ послѣдствіи запутался въ какихъ-то грязныхъ дѣлахъ и, во время переѣзда изъ Москвы, выпалъ изъ вагона и раздавленъ; говорили тогда, что онъ нарочно бросился подъ вагоны.

Жизнь помѣщиковъ рѣзко раздѣляется временемъ—до заключенія мира послѣ Крымской войны и—послѣ заключенія этого мира. До этого событія, крѣпостное право дѣйствовало въ полной силѣ.

До конца Крымской войны помѣщикамъ жилось покойно и весело, и намъ также въ Судскомъ кружкѣ, составившемся весьма удачно. Крымская война тревожила своими неудачами патріотическое чувство, но она была далеко, а дѣйствительно страдали только семейства, у которыхъ близкіе были участниками войны. Матеріально мы не испытывали большихъ неудобствъ; частые рекрутскіе наборы, конечно, были убыточны, но не настолько чтобы это потрясало наши хозяйства. Дѣла подъ Севастополемъ шли худо, несмотря на геройство нашихъ защитниковъ, и въ 1855 г. было объявлено государственное ополченіе; мнѣ поручено было сформировать дружину изъ крестьянъ и мѣщанъ Бѣлозерскаго и Кирилловскаго уѣздовъ, и не безынтересно описать эту операцію, производящуюся не часто.

Насъ, предводителей, собрали въ Новгородѣ въ концѣ января для совѣщаній по устройству ополченія; вопросъ этотъ былъ слабо разработанъ. Было опредѣлено, что Бѣлозерскій и Кирилловскій уѣзды изъ мѣщанъ, удѣльныхъ, государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ должны были поставить дружину въ 1200 человекъ, обмундировать ратниковъ на свой счетъ, продолжать до выступленія дружины изъ уѣзда и устроить

обозъ и подвижной лазаретъ; командировъ дружинъ и всѣхъ офицеровъ предоставлялось дворянству выбрать изъ числа помѣщиковъ. Правительство давало оружіе, амуницію и патроны. Дружины должны быть готовы къ выступленію 1-го мая. Форма была упрощена, приготавлилась изъ домашнихъ матеріаловъ, и по раскладкѣ ратниковъ, сколько я помню, приходилось съ 40 ревизскихъ душъ одинъ ратникъ, а денежнаго расхода на обмундированіе и содержаніе каждаго ратника обошлось около 100 рубл. серебромъ.

Въ началѣ февраля открылось въ Новгородѣ экстренное дворянское собраніе для выбора начальника всего губернскаго ополченія, начальниковъ дружинъ и офицеровъ. 19-го февраля, во время засѣданія собранія, кто-то изъ дворянъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, и подъ величайшимъ секретомъ, который чрезъ нѣсколько минутъ сдѣлался всѣмъ извѣстенъ, объявилъ, что императоръ Николай Павловичъ скончался. Это извѣстіе, подтвержденное вновь пріѣзжающими, поразило всѣхъ, какъ громомъ и произвело положительную панику и принято было всѣми съ искреннимъ, сердечнымъ огорченіемъ. Это совершенно понятно.

Общество того времени не принимало никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ, а помѣщики, обеспеченные крѣпостнымъ правомъ, въ большинствѣ своемъ мало интересовались этими дѣлами и, какъ я говорилъ выше, мало читали и даже очень не многіе выписывали газеты, въ которыхъ притомъ печатались одни пустяки. Всѣ распоряженія по движенію государственнаго управленія были сосредоточены въ рукахъ Николая Павловича, и общество, а въ особенности помѣщики, не имѣли никакого понятія о положеніи дѣлъ въ государствѣ. Между тѣмъ, изъ частныхъ извѣстій всѣ уже знали, что войска наши дурно вооружены, голодаютъ, нуждаются въ порохѣ и снарядахъ, дорогъ нѣтъ, приходится многое, даже бомбы, возить на подводахъ изъ Петербурга въ Севастополь, слишкомъ за 2000 верстъ и что, несмотря на личное мужество нашихъ войскъ, эти недостатки снаряженія и недостатокъ хорошихъ генераловъ и военныхъ администраторовъ, имѣя противниковъ отлично вооруженныхъ и роскошно снабженныхъ, мы постоянно проигрываемъ и вообще дѣла наши изъ рукъ вонъ плохи.

И въ это-то время умираетъ государь, всѣмъ управлявшій, и умъ и твердость характера котораго признавали всѣ. Мы вообще не можемъ похвастаться распорядительностью, и наши власти совершенно теряются при важныхъ катастрофахъ. Такъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, Николай Павловичъ скончался 18-го, 19-го февраля вступилъ на престолъ Александръ Нико-

лаевичъ, не только Россія, но вся Европа знала объ этомъ событіи, а новгородскія власти, находящіяся въ 180 верстахъ отъ Петербурга, получили официальное увѣдомленіе не ранѣе 21-го февраля и только тогда начали приводить къ присягѣ и служить панихиды. Можно смѣло сказать, что на панихидахъ этихъ было много самыхъ искреннихъ слезъ.

Начались выборы въ ополченіе: начальникомъ всего губернскаго ополченія избранъ старорусскій помѣщикъ, бывшій новгородскимъ губернаторомъ, сенаторъ, Элпидифоръ Антиоховичъ Зуровъ. Выборъ уѣзднаго дружиннаго начальника меня сильно озабочивалъ; изъ числа живущихъ въ уѣздахъ помѣщиковъ не было подходящаго кандидата, и приходилось искать на сторонѣ. Въ Новгородѣ, по случаю близости отъ Петербурга, поселилось много отставныхъ военныхъ штабъ-офицеровъ, вышедшихъ въ отставку и существующихъ получаемою пенсіею, на которую, при сравнительно дешевой жизни въ Новгородѣ, они могли существовать. Большинство этихъ пенсіонеровъ были еще люди не старые и свѣжіе, и всѣ они предложили себя кандидатами въ начальники дружинъ. Въ собраніи они не имѣли права присутствовать, и, надѣвъ мундиры и регалии, устроили изъ себя выставку на площадкѣ лѣстницы, при входѣ въ залъ, гдѣ происходило собраніе.

Въ числѣ этихъ кандидатовъ мнѣ понравился одинъ отставной полковникъ своей скромной и симпатичной наружностью. Онъ служилъ на Кавказѣ, украшенъ многими орденами и во всѣхъ отношеніяхъ былъ кандидатомъ подходящимъ; фамиліи его не помню. Я познакомился съ полковникомъ; чтобы поближе узнать его, приглашалъ его со мной обѣдать въ клубъ. Однажды собрались обѣдать охотники выпить, и мой полковникъ оказался мастеромъ первой степени, нализался и учинилъ скандалъ, стащивъ со стола скатерть со всей посудой. Само собою разумѣется, что знакомство наше прекратилось, и мы выбрали своего новаго помѣщика подполковника Максимовича, человѣка хорошаго, но мямлю и сильно любящаго казенную деньгу. Въ дворянскомъ собраніи было большое патріотическое настроеніе, и всѣ лучшіе помѣщики поступили въ ополченіе. Такъ, въ дружину Новгородскаго и Старорусскаго уѣздовъ, поступили князя Васильчиковъ, Мышецкій, гр. Головинъ, Деринъ и много другихъ хорошихъ фамилій. Изъ Петербурга явилось много молодыхъ людей, тоже хорошихъ фамилій, которые просили о выборѣ ихъ въ дружины. Небогатые мѣстные помѣщики также охотно поступили въ ополченіе, въ виду полученія содержанія и перемѣны сонной деревенской жизни на болѣе веселую; были конечно и комичныя сцены со стороны нежелавшихъ воевать.

По случаю сѣшности этого дѣла, въ Новгородѣ я успѣлъ сшить нѣсколько экземпляровъ образцовъ обмундированія, распредѣлить между помѣщиками требуемое число ратниковъ, а также сборъ денегъ, потребныхъ на обмундированіе и другіе расходы. Раздѣлилъ уѣздъ на участки и поручилъ каждый участокъ одному изъ дѣльныхъ помѣщиковъ и этимъ приобрѣлъ отличныхъ помощниковъ. Возвратясь изъ Новгорода, я взялъ свою семью и переѣхалъ въ Бѣлозерскъ. Порядокъ пріема рекрутъ былъ установленъ издавна и практикой и закономъ, былъ установленъ вполне удовлетворительно. Заранѣе составлялись расписанія, назначалось полное присутствіе, въ которое командировались доктора, военный пріемщикъ съ необходимымъ числомъ нижнихъ чиновъ для завѣдыванія рекрутами; доставлялось обмундированіе, отпускалась потребная сумма на канцеляріи и командировались чиновники изъ присутственныхъ мѣстъ для письменной работы, и дѣло шло безъ затрудненій. Кромѣ того, на пріемъ не болѣе 400 рекрутъ назначалось 2 мѣсяца, и рекрутское присутствіе было обязано только принять рекрутъ, которые прямо изъ присутствія поступали въ полное распоряженіе военного пріемщика, и присутствію до нихъ не было никакого дѣла. При пріемѣ ратниковъ, ни денегъ и никакихъ пособій не было, все это нужно было найти на мѣстѣ изъ бѣдныхъ средствъ Бѣлозерскаго и Кирилловскаго уѣздовъ, и притомъ окончить полное сформированіе дружины сѣшно. Начальникъ дружины и офицеры, только при моемъ пріѣздѣ узнали о своихъ выборахъ, не успѣли еще не только обмундироваться, но даже пріѣхать въ Бѣлозерскъ, и потому пришлось дѣйствовать одному, безъ всякой помощи. Дума дала мнѣ свое помѣщеніе, присутственные мѣста дали чиновниковъ и понемногу канцелярскихъ припасовъ; инвалидный начальникъ далъ нѣсколько солдатъ своей команды для производства мѣры роста ратниковъ, и я открылъ присутствіе.

Правило для пріема въ ратники было самое снисходительное. Допускалось принимать отъ 18 до 45 лѣтъ и до 2 вершковъ роста, и требовалось только, чтобы общее состояніе здоровья было удовлетворительно; слѣдовательно пріемъ ратниковъ былъ почти безъ брака. На этомъ основаніи я въ нѣсколько дней принялъ до 800 человекъ. Начальства надъ ратниками не было никакого, и пришлось это начальство образовать изъ квартирныхъ хозяевъ и болѣе изъ хозяекъ. По окончаніи каждого пріема собирались въ Присутствіе хозяева и хозяйки, на квартиры которыхъ расквартировывались ратники, каждой хозяйкѣ передавались назначенные къ ней ратники, вмѣстѣ со спискомъ и съ приказаніемъ

слушаться хозяйку, которая и отводила воиновъ домой. Все обмундированіе должно быть поставлено помѣщиками или обществами мѣщанъ, государственными и удѣльными крестьянами. Многія части обмундированія невозможно было изготовить въ деревняхъ, и потому каждая часть обмундированія была оцѣнена на деньги, и предоставлялось представлять по желанію какую угодно часть натурой, а какую деньгами. Принявъ такую массу ратниковъ и распустивъ ихъ по квартирамъ, я сильно опасался, чтобы мое воинство не разбредлось по домамъ, на что они имѣли полную возможность; но сдѣлавъ въ первое воскресенье сборъ и смотръ, нашелъ всѣхъ до одного на своемъ мѣстѣ.

Вскорѣ начали собираться выбранные начальникъ и офицеры, и, несмотря на отвычку отъ службы офицеровъ, дружина обмундировалась, сформировалась и чрезъ 2 мѣсяца образовался 4-й ротный батальонъ, принявшій военный видъ и, пожалуй, готовый въ дѣло. Отвычка офицеровъ помѣщиковъ отъ дисциплины доставляла нѣкоторыя хлопоты, но и это обошлось принятыми домашними мѣрами. Военное министерство при формированіи дружины не помогало. Вся помощь состояла въ присылкѣ изъ батальоновъ внутренней стражи человекъ 15 для обязанностей фельдфебелей и капральныхъ унтеръ-офицеровъ, но люди эти оказались дурного поведенія, и большинство ихъ до выступленія дружины попали подъ судъ, и какъ фельдфебеля такъ и унтеръ-офицеры, называвшіеся урядниками, были выбраны изъ ратниковъ и отлично исполняли свое дѣло. Мѣстные инвалидные команды находились въ жалкомъ положеніи и при формированіи дружины не могли оказать существенной помощи даже примѣромъ.

Дружина пробыла всю кампанію въ Ригѣ, въ военныхъ дѣлахъ не участвовала и чрезъ Суду возвратилась домой и была распущена, и ратники возвратились каждый въ первобытное состояніе. Потеря умершими была незначительная, и за каждого умершаго или убитаго ратника казна выдавала зачетную рекрутскую квитанцію. Крестьяне мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ не исполняли рекрутской повинности натурой, но платили такъ называемыя рекрутскія деньги. Квитанціи, выданныя мелкопомѣстнымъ помѣщикамъ за умершихъ ратниковъ, предоставлено было имъ продавать, и эти-то квитанціи и квитанціи, выданныя семействамъ мѣщанъ, государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ за умершихъ ратниковъ изъ ихъ семействъ, при установленіи общей воинской повинности, покупались за многія тысячи. Квитанціи, выданныя помѣщикамъ, исполнявшимъ натуральную рекрутскую повинность, имѣли право зачитывать за натурального рекрута, но не имѣли права продавать.

Въ связи съ ополченіемъ, припоминаю анекдотъ, нѣсколько характеризующій общество того времени. Въ Новгородѣ былъ выбранъ, въ число офицеровъ дружины, помѣщикъ Воропановъ, молодой человѣкъ около 20-ти лѣтъ. Это былъ юноша, маменькинъ сыночекъ, нигдѣ не учившійся и получившій чинъ коллежскаго регистратора номинальной службы въ почтовой конторѣ. Когда я пріѣхалъ въ Бѣлозерскъ, то ко мнѣ явилась мать этого Воропанова, чрезвычайно взволнованная, вмѣстѣ со своимъ мужемъ, сильно пожилымъ и апатичнымъ человѣкомъ, съ объявленіемъ, что сынъ ея ребенокъ, не можетъ служить, а тѣмъ болѣе воевать, и она предлагаетъ вмѣсто сына взять ея мужа, какъ совершенно безполезнаго, какъ для нея, такъ и для семейства, на что чудакъ мужъ изъявляетъ свое согласіе. Я не могъ увѣрить барыню, что не имѣю права произвести эту перемѣну, и съ большимъ трудомъ удалось вытребовать на службу молодаго человѣка. По его пріѣздѣ, это оказался здоровый, хорошо кормленный юноша, который въ первое дежурство по дружинѣ напился, на рынкѣ обнажилъ саблю и чуть-чуть не изрубилъ нѣсколько бабъ торговокъ, за что былъ посаженъ подъ арестъ.

Къ особеннымъ обстоятельствамъ этого времени принадлежитъ представленіе импер. Александру II депутаціи новгородскаго дворянства. Депутація эта была послана по случаю свадьбы в. к. Николая Николаевича. Николай Павловичъ былъ въ Новгородѣ, когда получено было извѣстіе о рожденіи в. к. Николая Николаевича, императоръ былъ очень обрадованъ этимъ событіемъ и поздравлявшей его депутаціи объявилъ, что пускай этотъ мой сынъ будетъ вашъ, новгородскій; «съ этого времени Николай Николаевичъ, номинально, считался княземъ Новгородскимъ. Передъ свадьбой Николая Николаевича предводители, не помню по какому-то случаю, были собраны въ Новгородѣ, и тогда рѣшились послать поздравительную депутацію, въ которую включили и меня. Мы были въ церкви при бракосочетаніи, поздравляли новобрачныхъ, приглашались на всѣ балы, концерты и торжества придворные, и, наконецъ, государь пожелалъ насъ видѣть.

Мы были приняты въ кабинетъ государя одни и попали на весьма серьезное объясненіе. Государь объявилъ намъ, что посылаетъ кн. Орлова въ Парижъ для заключенія мира. Въ инструкціи Орлову государь сдѣлалъ всѣ уступки, которыя только не роняютъ достоинства государства, и далѣе итти не можетъ, и ежели на это не согласятся, то придется продолжать войну и трудно предвидѣть ея конецъ и послѣдствія. «Я, продолжалъ государь, распоряжаюсь сообразно тѣхъ свѣдѣній, которыя мнѣ доставляютъ.

Вы живете на мѣстѣ и должны подробно знать всѣ мѣстныя обстоятельства, и потому я требую отъ васъ откровеннаго отвѣта на слѣдующіе вопросы: *«какое вліяніе произвели на экономическое положеніе провинцій жертвы на настоящую войну, и имѣются ли средства ее продолжать?»* Ежели средства страны окончательно истощены, то придется дѣлать еще уступки, но во что бы то ни стало заключить миръ». Непріученные вообще къ обсужденію съ государемъ такихъ важныхъ дѣлъ и не подготовленные къ этимъ вопросамъ, мы отвѣчали обыкновенными фразами о вѣрно-подданнѣйшихъ чувствахъ преданности, съ готовностью жертвовать не только имуществомъ, но и жизнью, и пр. и пр., но государь насъ остановилъ, сказавъ:

«Господа, я требую не фразъ, а категорическихъ отвѣтовъ. Сообразите важность настоящей минуты; я вашимъ заявленіемъ буду руководствоваться и за вѣрность ихъ вы принимаете на себя громадную отвѣтственность».

Объясненія наши шли довольно долго, и, сколько я помню, вотъ сущность нашихъ отвѣтовъ: частые рекрутскіе набѣры и ополченіе отняли отъ хозяйствъ много рукъ,—уменьшеніе это, конечно, замѣтно, но не настолько, чтобы потрясало хозяйства, и при продолженіи войны въ людяхъ не будетъ недостатка; общества могутъ дать еще столько же безъ раззоренія. Во время войны размѣръ нашихъ хозяйствъ не уменьшился, и, по случаю усиленнаго требованія для войскъ, цѣны на всѣ продукты сельскаго производства и на личный трудъ значительно поднялись, и денегъ въ обращеніи много, такъ что не только въ экономической жизни провинцій незамѣтно упадка, но существуетъ чрезвычайно сильное оживленіе, и поэтому мы полагаемъ, что, въ крайности, можно еще вести войну, но только въ своихъ предѣлахъ, такъ какъ у насъ всѣ средства состоятъ въ бумажныхъ деньгахъ. Затѣмъ, мы объяснили, что снимаемъ ненормальность и натянутость настоящаго нашего положенія, за которое придется расплачиваться впослѣдствіи, но эти послѣдствія могутъ опредѣлить только люди, болѣе насъ знающіе экономическое и финансовое состояніе всего государства и болѣе насъ знакомые съ финансовой наукой. Государь удовлетворился нашими объясненіями и благосклонно съ нами простился.

Дѣйствительно, за Крымскую войну мы до сихъ поръ расплачиваемся и не можемъ оправиться. Я помню еще время, когда наши ассигнаціи ходили съ лажемъ, когда казначей, какъ знакъ особенной милости, выдавали вмѣсто монеты—ассигнаціями, а желая сдѣлать непріятность пріемщику, отпускали мѣшки золота и серебра. Я помню, когда возвращались съ ярмарокъ старосты,

и за проданный хлѣбъ представляли мѣшокъ съ монетой, то получали за это выговоръ и оправдывались, что они убѣдительно просили ассигнацій, но не давали. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Послѣ Крымской войны нашъ ассигнаціонный рубль, упалъ, и Господь одинъ знаетъ, когда онъ поднимется и поднимется ли?

Вслѣдъ за заключеніемъ мира началась лихорадочная дѣятельность по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія; не только правительство, но даже всѣ мыслящіе частные люди, чувствовали всю неурядицу, существовавшую по всѣмъ отдѣльнымъ управленіямъ, воровство и злоупотребленія, по милости которыхъ заключенъ такой позорный миръ; всѣ чувствовали оскорбленіе народнаго, достоинства, понимали, какъ упало значеніе Россіи, и всѣ жаждали полнымъ обновленіемъ всего государственнаго организма возстановить прежнее величіе Россіи. Главнѣйшіе вопросы, стоящіе на очереди были: возможное возмѣщеніе запрещенія намъ имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ; устройство желѣзныхъ дорогъ, неимѣніе которыхъ главнѣйшимъ образомъ было причиной страшныхъ расходовъ при перевозкѣ на театръ войны, какъ войскъ, такъ и предметовъ военнаго снабженія, что повліяло на неудачное веденіе войны, окончившейся позорнымъ миромъ; уничтоженіе крѣпостнаго права и, наконецъ, поправка общаго финансоваго положенія государства, сильно разстроеннаго массой выпущенныхъ бумажныхъ денегъ. Я не упоминаю о второстепенныхъ вопросахъ; пишу безъ источниковъ, и что сохранила моя память, и очень можетъ быть, что изъ вопросовъ, которые я называю второстепенными, находились и первостепенные, но мнѣ они были неизвѣстны, или я ихъ позабылъ. На этомъ основаніи, я опишу, какъ мнѣ было извѣстно, о разрѣшеніи вышеупомянутыхъ 4-хъ вопросовъ.

В. к. Константинъ Николаевичъ въ это время только что вошелъ въ полное управленіе флотомъ, пользовался безграницною властью по этому управленію, и не только государь питалъ къ нему полное довѣріе, но вел. кн. имѣлъ на государя громадное вліяніе по всѣмъ дѣламъ государственнаго управленія, и вел. кн. съ обычною своею энергіею принялся за возмѣщеніе потеряннаго нами Черноморскаго великолѣпнаго флота. По Парижскому миру, мы имѣли право держать только шесть небольшихъ военныхъ корветовъ, что дѣлало насъ беззащитными даже противъ турокъ. Надзоръ за этимъ возлагался на всю Европу, и иностранные агенты имѣли право требовать доказательствъ, что строящіеся даже на частныхъ верфяхъ наши торговые суда не имѣютъ военнаго устройства. Возмутительно было видѣть, что какой-нибудь

греческій вице-консулъ изъ мелкихъ мѣстныхъ купцовъ являлся на верфь и съ важностью требовалъ этихъ доказательствъ, и когда прогоняли этого мазурика, то возбуждалась дипломатическая переписка.

Описываемый мною вопросъ разрѣшенъ устройствомъ Черноморскаго *Общества Пароходства и Торговли* съ сильной правительственной субсидіей и всѣми возможными пособіями. На этомъ коммерческомъ флотѣ, какъ командиры, офицеры и матросы должны быть назначаемы отъ флота, и для того былъ устроенъ особый отдѣлъ морскихъ военныхъ чиновъ, уволенныхъ изъ флота, для службы на коммерческихъ судахъ. *Суда этой компаніи должны быть прочно построены и, чтобы въ случаѣ войны поставить на нихъ артиллерію, возможно было обратить ихъ въ суда военные.* Мысль хорошая, и въ то время она много успокоила народное самолюбіе, но Общество своей задачи не исполнило и не могло ее исполнить. Общество это было частное, коммерческое, и естественно оно ставило на первый планъ цѣль коммерческую, т.-е. свои выгоды, и въ послѣднюю кампанію пароходы этого общества оказались совершенно непригодными для военныхъ цѣлей. Сколько я помню, только три парохода этого Общества: Веста, Владиміръ и Россія—были вооружены артиллеріей, и благодаря беззавѣтной отвагѣ Баранова, Макарова, офицеровъ и команды, суда эти не только свободно плавали по всему Черному морю, но даже оказали подвиги. Суда эти были совершенно неспособны къ военному дѣлу, и только одна минная часть могла быть устроена удовлетворительно. Нѣсколько пароходовъ Общества для транспортной службы, находились въ Николаевѣ, а большинство судовъ Общества было спрятано въ одну изъ безопасныхъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ бухтъ Севастопольской гавани.

Въ отношеніи коммерческаго Общества Пароходства и Торговли достигнуто великолѣпныхъ результатовъ, и въ особенности современи, когда принялъ его въ управленіе отличный хозяинъ и администраторъ, адмиралъ Чихачевъ. Въ руки этого Общества перешла исключительно вся перевозка грузовъ и пассажировъ между портами Чернаго моря и даже Константинополя, и кромѣ того открыты линіи постоянного движенія съ портами Средиземнаго моря, съ Англіей и дѣлались попытки установить постоянное сообщеніе съ дальнимъ Востокомъ. Общество владѣетъ большимъ числомъ хорошихъ пароходовъ, вытѣснило иностранцевъ и положило серьезное основаніе русскому коммерческому флоту; акціонеры благоденствуютъ, первоначальный капиталъ, заплаченный за акціи, при открытіи Общества, давно возвращенъ.

акціонерамъ, цѣнность акцій утроилась, и на эту цѣну выдается большой дивидендъ. Съ другой сторны Общество Пароходства и Торговли, получая значительную казенную субсидію, сдѣлалось монополистомъ движенія по портамъ Чернаго Моря, душитъ всякую конкуренцію, накладываетъ усиленную плату за перевозку грузовъ и страшнымъ тормазомъ лежитъ на всей торговлѣ нашего юга. По всей справедливости, казенную субсидію этому Обществу за рейсы по портамъ Чернаго моря и даже въ Англію слѣдуетъ прекратить и выдавать помилъную плату только за дальніе, бездоходные рейсы, развитіе которыхъ полезно нашей торговлѣ. Мѣра эта въ интересахъ торговли положительно необходима, но провести ее не легко. Общество это богато, имѣетъ въ числѣ акціонеровъ много вліятельныхъ людей, справиться съ которыми трудно. Одна надежда, что Общество потеряло главнаго своего защитника в. к. Константина Николаевича, который теперь не у дѣлъ и безъ вліянія.

Устройство этого Общества было поручено Николаю Андреевичу Аркасу и Николаю Александровичу Новосельскому; первому поручена покупка пароходовъ и устройство технической части и вообще морского управленія, а второму финансовая часть Общества. Аркасъ былъ хорошій морской офицеръ и очень умный распорядительный человѣкъ, и данное ему порученіе было по его силамъ,—но чтобы высказать окончательное мнѣніе о Новосельскомъ, необходимо небольшое предисловіе.

До окончанія Крымской войны и открытія эпидеміи устройства всевозможныхъ и даже невозможныхъ акціонерныхъ компаній Новосельскій не былъ извѣстенъ и, какъ по своему общественному положенію, такъ и матеріальному состоянію, былъ личностью весьма скромною и незамѣтною. Первоначально онъ попалъ въ директоры Пароходнаго Общества Кавказъ и Меркурій, перевозящаго грузы по Волгѣ и Каспійскому морю. Въ это время Мих. Христоф. Рейтернъ состоялъ при вел. кн. Константинѣ Николаевичѣ, былъ командированъ за чѣмъ-то на Волгу и въ Каспійское море, плавалъ на пароходахъ Общества Кавказъ и Меркурій и пробылъ довольно долго въ обществѣ Новосельскаго. Новосельскій, несомнѣнно очень умный человѣкъ, голова котораго наполнена всевозможными проектами, которые онъ мастерски излагаетъ, такъ что поражаетъ слушателей многосторонностію своихъ свѣдѣній и предложеній. Онъ произвелъ на Рейтерна сильное впечатлѣніе, и тотъ рекомендовалъ его в. к. Константину Николаевичу, который самъ энтузіастъ и человѣкъ широкихъ плановъ, призналъ Новосельскаго чуть-чуть не геніемъ и нашелъ его чрезвычайно полезнымъ для настоящаго времени.

Новосельскому съ Аркасомъ было поручено устройство Общества Пароходства и Торговли, и затѣмъ не было общества, въ которомъ бы не участвовалъ Новосельскій; авторитетъ его былъ громаднѣй, и въ это время онъ былъ едва ли не самый вліятельный финансовый человѣкъ въ Россіи. Время это было самое мудреное, накопилась масса кредитныхъ билетовъ у частныхъ лицъ, какъ по естественнымъ финансовымъ обстоятельствамъ, такъ и наворованныхъ во время войны; всѣ сознавали неудовлетворительность этихъ цѣнностей и старались перемѣнить ихъ на другого рода цѣнности и потому нарасхватъ разбирали всякаго рода бумаги акціонерныхъ обществъ и покупали со значительною премією. При такомъ положеніи Новосельскій былъ истинная находка; въ его головѣ было всегда готово нѣсколько проектовъ, и онъ оказался въ центрѣ этого спекулятивнаго урагана.

Въ это-же время уничтожены винные откупа, и громадныя капиталы, нажитые откупщиками, искали новаго помѣщенія: въ это же время закрыты сохранная казна Опекунскаго Совѣта, приказы Общ. Призрѣнія, казенный процентъ былъ ничтоженъ, новыя компаніи и акціонерныя общества предлагали золотыя горы, и масса капиталовъ бросились въ спекуляцію. Едва-ли когда бывало такое сумасшедшее спекулятивное время! Само собою разумѣется, что такая ненормальная дѣятельность не могла долго держаться; многія предпріятія были открыты торопливо, по существу своему не могли принести пользы ни акціонерамъ ни обществу и, главное, были ведены людьми неумѣлыми или недобросовѣстными. Акціонеры и до настоящаго времени не умѣютъ управлять дѣломъ и получили названіе стада барановъ. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ большинство акціонерныхъ обществъ, просуществовавъ болѣе или менѣе и напустивъ массу процентныхъ бумагъ, лопнули, какъ мыльные пузыри, поглотивъ безплодно громадныя капиталы. Вслѣдъ за симъ, наступила спекуляція на банки, а потомъ на желѣзныя дороги и имѣла тотъ же результатъ. Выиграли аферисты, опытные въ акціонерной механикѣ, а остальные всѣ проиграли. Почти всѣ капиталы, нажитые отъ винныхъ откуповъ, отъ казенныхъ подрядовъ, и воровства казны, и заложенныхъ имѣній, погибли въ этомъ водоворотѣ; этихъ капиталовъ не очень жалъ, но жалко денегъ тутъ же погибшихъ и состоящихъ изъ скромныхъ сбереженій небогатыхъ людей. Теперь когда спекулятивная лихорадка успокоилась, долженъ считать себя счастливымъ тотъ, который не увлекся скорой наживой и сохранилъ свое движимое или недвижимое имущество.

V. Крестьянская реформа.

Приступаю теперь къ описанію приготовительныхъ работъ и приведенія въ исполненіе такъ называемой крестьянской реформы. Послѣ этого великаго событія прошло слишкомъ 20 лѣтъ; всѣ не только распоряженія, но даже цѣли правительства опубликованы, и въ особенности записки покойнаго сенатора Соловьева выяснили подробно всѣ дѣйствія Редакціонныхъ комитетовъ и самого государя. На этомъ основаніи я не буду описывать законодательную и административную стороны этой реформы, но постараюсь описать: какъ мы ее понимали, наши планы по будущему нашему устройству, наши впечатлѣнія того времени и фотографически вѣрно описать наше провинціальное общество съ начала подготовительныхъ работъ до окончанія реформы.

Я упоминалъ выше, что мы не могли составить себѣ даже приблизительнаго понятія о веденіи нашихъ хозяйствъ вольнонаемнымъ трудомъ, и будущее представлялось въ какомъ-то туманѣ. Въ это время въ Москвѣ славянофилы начали издавать нѣсколько журналовъ, которые познакомили насъ съ расчетами заграничныхъ хозяйствъ и нашими остзейскими, и это было началомъ того, что мы начали заглядывать въ будущее, которое все-таки представлялось намъ весьма неутѣшительнымъ.

На основаніи дворянскихъ ходатайствъ послѣдовали Высочайшіе Рескрипты, въ которыхъ была намѣчена программа дѣйствій для исполненія этой реформы. Въ Рескриптахъ и въ разъясняющихъ ихъ циркулярахъ министра внутр. дѣлъ нигдѣ не упоминалось объ уничтоженіи крѣпостного права, но говорилось только *объ улучшеніи ихъ быта*, съ предоставленіемъ *въ ихъ пользованіе* достаточно земли для своего пропитанія и уплаты податей и повинностей. На этомъ основаніи мы полагали, что крѣпостные люди, по примѣру остзейцевъ, получаютъ только личную свободу, а вся земля останется полною собственностью помѣщиковъ. Въ это время, мы принялись изучать отношенія остзейскихъ помѣщиковъ къ бывшимъ своимъ крѣпостнымъ, и отношенія эти намъ очень понравились. Дѣйствительно только нѣмцы могутъ устроить такое положеніе, при которомъ дали своимъ крѣпостнымъ свободу, хвастаются своею европейскою гуманностью, а между тѣмъ завили освобожденныхъ въ тиски, несравненно тягостнѣе русскаго крѣпостного права.

До объявленія Манифеста 19-го февраля даже мы, предводители, не знали, на чемъ, наконецъ, остановится правительство. Время это было самое тяжелое, большинство считало, что оно

лишается всего состоянія, и постановленіе о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ было принято съ удовольствіемъ, какъ надежда получить что-нибудь за свое имѣніе, и въ это время всѣ были заняты расчетами, сколько придется получить выкупной ссуды, и какъ устроить жизнь на получаемые съ нее проценты. Послѣдствія доказали, что только тѣ помѣщики, которые сохранили свои выкупныя свидѣтельства, закрыли своевременно хозяйство своихъ усадьбъ, сохранили и поддерживали усадебныя постройки, а вообще земли и лѣса отъ истощенія и порубокъ, сохранили свои состоянія. Большинство помѣщиковъ, подавленное неожиданными, новыми хозяйственными условіями, не могли съ ними справиться и жили день за день по старому. Хозяйство потребовало, кромѣ умѣнія, и наличнаго оборотнаго капитала, но ни того ни другого не было, и притомъ плодородность земли не покрывала стоимости обработки. Приходилось на текущіе расходы продавать земли или отдавать невыгодно въ кортону, постройки не поддерживались, и усадьбы эти, какъ пораженные чахоткой, исчахли. Меньшинство пробовало бороться, примѣняя новые способы хозяйства, но тоже было вънуждено уменьшить до минимума свои запашки и съ приплатою поддерживать старинныя дворянскія гнѣзда, закрыть которыя не хватало духа; я, по своимъ дѣйствіямъ, принадлежу къ послѣдней категоріи.

Опишу самый важный моментъ,—это объявленіе въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ Манифеста 19-го февраля. Съ начала 1861 г., всѣ съ часу на часъ ожидали этого событія, и какъ у помѣщиковъ, такъ и у крестьянъ, нервы были сильно натянуты, что поддерживалось множествомъ разнородныхъ и нелѣпыхъ слуховъ. Въ концѣ февраля толпы народа начали приходить въ Бѣлозерскъ за справками, пошли толки, что воля объявлена, но мѣстное начальство скрываетъ, и хотя безпорядковъ не было, но слѣдовало принять какія-нибудь успокоительныя мѣры. Для этого, оставивъ семейство на Хвалевскомъ, я переѣхалъ въ Бѣлозерскъ, приготовилъ все для разсылки манифеста по приходамъ, распоряженія эти дѣлалъ гласно и объявилъ, что съ часу на часъ ожидаю манифеста и только что получу, то сейчасъ же объявлю. 19-го февраля Манифестъ объявленъ въ Петербургѣ. Наша помѣщица Кислемская выслушала тамъ Манифестъ, купила одинъ экземпляръ и привезла его мнѣ, и я могъ познакомиться съ этимъ дѣломъ.

При разсылкѣ манифестовъ и положенія, выказалась непротистительная небрежность или непрактичность чиновниковъ распорядителей. На предводителей было возложено объявленіе Манифеста и до введенія мировыхъ посредниковъ всѣ ихъ обязанности,

и не позаботились послать имъ по почтѣ, хотя по одному экземпляру! Тюки съ положеніемъ отправили на подводахъ, и такъ какъ зимній путь уже испортился, во многихъ мѣстахъ наступила распутица, то тюки везлись медленно, а нѣкоторые подмокли; въ Бѣлозерскъ тюки доставлены въ ночь съ 4-е на 5-е марта. Благодаря Кислемской, я имѣлъ время познакомиться съ положеніемъ, составить краткую выборку главныхъ ея основаній для понятнаго объясненія народу и подготовить одного голосистаго священника ясно прочесть Манифестъ.

5-го марта, колокольнымъ звономъ въ соборѣ, было заявлено объ актѣ объявленія Манифеста. Собрано было все духовенство, и служба была обставлена съ возможною для уѣзднаго города торжественностью. Послѣ литургіи былъ прочитанъ Манифестъ и потомъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Я слѣдилъ, какое впечатлѣніе произведетъ на народъ Манифестъ, и ясно было видно, что никто ничего не понялъ, свободы никакой не оказалось, всѣ стояли понуря головы и направились къ выходу изъ собора. Дѣйствительно, не только изъ Манифеста, но, прочтя положеніе, даже вполне грамотному было невозможно уяснить себѣ новое положеніе, а неграмотному оно было окончательно непонятно. Манифестъ былъ написанъ напыщенно высокимъ слогомъ, и, кромѣ трескучихъ фразъ, ничего не объяснялъ простому человѣку. Съ другой стороны дана свобода—а на 2 года крестьянамъ приказывается ходить на барщину, а дворовымъ по прежнему служить помѣщику, что положительно не вязалось въ понятіяхъ крестьянъ съ дарованной свободой. Я это предвидѣлъ и, чтобы не распустить слушателей по уѣзду въ такомъ настроеніи, поручилъ полиціи не выпускать никого изъ собора, взошелъ на амвонъ и, съ разрѣшенія протопопа, разъяснилъ главные основанія новаго положенія, получаемыя крѣпостными выгоды и необходимость въ теченіе 2-хъ лѣтняго срока сохранить прежнія отношенія къ своимъ помѣщикамъ. Слушатели видимо повеселѣли, и въ заключеніе я просилъ вновь отслужить благодарственный молебенъ, такъ какъ за первымъ, не понявъ дарованнаго благодѣянія, молились недостаточно усердно, и дѣйствительно, на второмъ молебнѣ, большинство молилось со слезами. При разъясненіи положенія я упомянулъ, что до опредѣленія мировыхъ посредниковъ всѣ просители должны обращаться ко мнѣ. Это объявленіе было замѣчено, и изъ собора большинство пришло ко мнѣ съ разнообразными просьбами и вопросами, на разъясненіе которыхъ не достало-бы ни времени ни силъ.

Вслѣдствіе этого, я составилъ маршрутъ путешествія по уѣзду и болѣе чѣмъ въ 20 пунктахъ собралъ крѣпостныхъ лю-

дей, окружающих данный пунктъ. Въ каждомъ пунктѣ, кромѣ общаго разъясненія положенія, каждую вотчину я спрашивалъ о ихъ бывшихъ повинностяхъ къ помѣщикамъ и отмѣчалъ, что они должны исполнять въ теченіе 2-хъ лѣтъ переходнаго времени и что впослѣдствіи. Конечно, не обходилось дѣло безъ возраженій и недовѣрчивости со стороны крестьянъ, но до безпорядковъ дѣло не доходило. Въ каждой вотчинѣ оказывались говоруны и протестующіе, но этихъ-то говоруновъ я назначалъ сельскими старостами и отвѣтственными за всю вотчину, какъ по сохраненію вообще порядка, такъ и по исполненію Положенія и оставленныхъ на крестьянахъ повинностей. Мѣра эта очень удалась. Сколько я помню, такихъ сельскихъ старостъ я установилъ до 160 человекъ; это все были мужики горластые и вліятельные и, поставленные въ отвѣтственное положеніе, не только не мучили свои вотчины, но хлопотали о сохраненіи порядка. Само собою разумѣется, что крестьяне долго не могли понять своихъ истинныхъ правъ, предоставленныхъ имъ Положеніемъ; чтеніе безграмотными чтецами и масса нелѣпыхъ слуховъ смущали даже самыхъ благоразумныхъ крѣпостныхъ людей, но серьезныхъ безпорядковъ, по милости Божіей, не было.

Мировые посредники, сельскія и волостныя управленія были открыты, кажется, въ концѣ іюля или въ августѣ, а до этого времени, существовало положительное безначаліе; власть полиціи и помѣщиковъ была окончательно парализована, а новыхъ властей не установлено, и нужно удивляться, что общее спокойствіе не было нарушено.

Первыми мировыми посредниками были избраны: Пав. Як. Долгово-Сабуровъ, Мих. Дормидонтовичъ Золотилловъ и Серг. Павл. Холоповъ. Дѣйствія мировыхъ посредниковъ перваго выбора описаны уже подробно; ихъ дѣйствія и мировыхъ сѣздовъ скоро заслужили уваженіе и довѣріе крестьянъ, которые, найдя на мѣстѣ скорое и безпристрастное разрѣшеніе своихъ просьбъ, не имѣли причинъ волноваться.

Чтобы доказать, какъ крестьяне упорны въ своихъ убѣжденіяхъ, которыя въ нихъ вбили доморощенные толкователи Положенія, опишу одинъ анекдотъ. Вообще крестьяне были убѣждены, что, съ полученіемъ воли, имъ будетъ отдана безвозмездно вся помѣщичья земля, и прекращены всѣ за нее платежи. Положеніе конечно не удовлетворило этихъ ожиданій, и это былъ корень всѣхъ недоразумѣній; прошло 22 года со времени уничтоженія крѣпостного права, много земель помѣщичьихъ поступили во владѣніе крестьянъ, которые по своимъ правамъ совершенно сравнивались съ бывшими своими помѣщиками, но, несмотря на

эти ясныя доказательства, крестьяне и въ настоящее время ожидаютъ, что вся земля помѣщиковъ будетъ имъ отдана, и такъ поступить требуетъ справедливость. Крестьяне не отвергаютъ неотъемлемаго права собственности по всѣмъ предметамъ, исключая земли; признають и на землю право собственности, но только тогда, *когда она куплена крестьяниномъ, лично ее обрабатывающимъ*. Тутъ коренится глубокий социальный вопросъ.

Въ это время открывался торжественно въ Новгородѣ памятникъ тысячелѣтія Россіи. Присутствовалъ государь со всей царской фамиліей, конечно всѣ власти, и были собраны съ каждаго уѣзда по нѣсколько волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. Въ числѣ крестьянъ, особенно протестующихъ противъ *неправильнаго* толкованія начальствомъ царскаго положенія былъ нашъ крестьянинъ и сельскій староста деревни Сташково, Тимофеевъ, и я просилъ мирового посредника отправить его въ Новгородъ, чтобы Тимофеевъ собственными ушами услышалъ отъ царя свои права. Дѣйствительно государь, при самой торжественной обстановкѣ, подробно объяснилъ старшинамъ и старостамъ ихъ права и обязанности и заключилъ, что болѣе этого они не могутъ ничего ожидать. Казалось бы Тимофеевъ долженъ-бы былъ удовлетвориться, но оказалось другое. По возвращеніи домой онъ подробно передалъ все видѣнное и слышанное, но закончилъ, что говорилъ съ ними не настоящій царь, а подставленный господами. Подъ руководствомъ этого Тимофеева, деревня Сташково завела со мной споръ о надѣлахъ и спорила почти 20 лѣтъ.

Между мировыми посредниками перваго выбора оказались нѣкоторые, практически понимавшіе народный характеръ и строго требовавшіе исполненія крестьянами ихъ обязанностей по платежамъ казенныхъ и частныхъ податей и повинностей; кромѣ того преслѣдовали праздность, пьянство, зорко смотрѣли за сельскими властями. Въ такихъ мировыхъ участкахъ недоимокъ и безобразій было мало, а также не было повальнаго крестьянскаго обдѣлѣнья. Послѣдствіемъ неумѣлаго рѣшенія экономической стороны крестьянской реформы оказалось то, что крестьяне, по неимѣнью достаточно земли, на авось бредутъ въ Сибирь, разоривъ предварительно свою старую осѣдлость, а рядомъ помѣщичья земля пустуетъ, или выпаживается безъ удобренія.

Въ 1861 и 62 году я не могъ оставить должности предводителя, все время долженъ былъ отдать устройству новаго управленія, и изъ собственныхъ дѣлъ могъ только заняться составленіемъ уставныхъ грамотъ. На трехлѣтіе съ 1863 г. я былъ вновь избранъ

въ предводители, но не вступилъ въ должность и передалъ ее Ник. Ник. Фирсову, и тогда могъ заняться своимъ имѣніемъ.

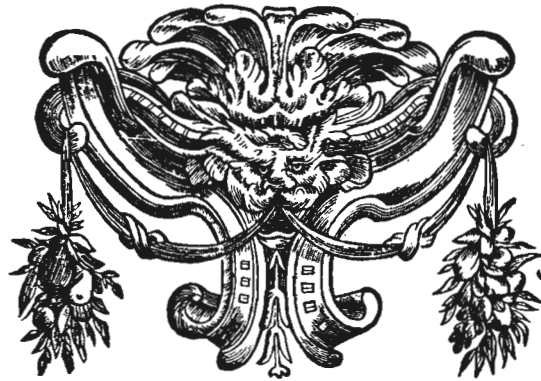
Наше хозяйство находилось въ слѣдующемъ положеніи: мы жили на Хвалевскомъ,—конечно, усадьбу эту слѣдовало поддерживать. Усадьбы въ Малюковѣ и большую усадьбу въ Пелушахъ пришлось закрыть, такъ какъ наемъ рабочихъ для Хвалевскаго былъ затруднителенъ, для Малюкова еще болѣе, а для Пелушъ положительно невозможенъ, такъ какъ крестьяне не нанимались на работы ни за какія деньги. При существованіи крѣпостного права, крестьяне, какъ по Бѣлозерскому, такъ и Тихвинскому уѣздамъ, пользовались землями, гдѣ хотѣли, и рубили сучья по всѣмъ землямъ нашимъ. Это обстоятельство, въ особенности въ Пелушахъ, составляло истинную бѣду и убытокъ помѣщика; всѣ годныя для пашни лядины, были вырублены, а вокругъ ихъ большія пространства выжжены при небрежномъ выжиганіи сучьевъ. Кромѣ того, крестьяне свободно гнали деготь и при этомъ много портили строевого лѣса. По этимъ обстоятельствамъ послѣ отвода крестьянамъ надѣла, оставшаяся за надѣломъ земля поступила мнѣ въ самомъ безобразномъ видѣ. Курюла вся была выпажана и выжжена, лучшая наша дача Павло-Борисовская пахалась всей Чайгинской волостью и также дошла ко мнѣ, послѣ надѣла крестьянъ, въ безобразномъ видѣ и не имѣющей никакой цѣны. При такомъ положеніи оставшихся послѣ надѣла земель, какъ эти земли, такъ и вообще усадебное хозяйство не приносило не только дохода, но напротивъ убытокъ. Крестьяне, получивъ свободу и участки земли, не истощенные еще до настоящаго ихъ положенія, не нанимались на работы къ помѣщикамъ, а шли въ работники бобыли, оборыши общества, какъ въ нравственномъ такъ и физическомъ отношеніи, и потому обработка усадебъ производилась дурно и дорого. Крестьяне много лѣтъ не могли привыкнуть довольствоваться своими надѣлами, и производились значительныя порубки въ помѣщичьихъ дачахъ, безнаказанно. По случаю общей неурядицы крестьянскаго управленія, вывозка строевыхъ лѣсовъ пріостановилась, а въ то время, по случаю большихъ дровяныхъ дачъ ближе къ Петербургу, чѣмъ наши Пелуши, у насъ дровъ не покупали ни за какія деньги, и вообще цѣнность лѣсныхъ дачъ страшно упала, потому что большинство помѣщиковъ имѣло единственный доходъ отъ продажи лѣсовъ и вообще земель, предложеній было значительно болѣе требованія, и потому цѣнность, какъ на лѣсные матеріалы, такъ и вообще на земли, страшно упала.

Общая неурядица того времени значительно увеличилась уничтоженіемъ откуповъ. Сама по себѣ эта мѣра, уничтожавшая

безнравственную монополию, превосходна, но она доставила народу дешевую водку, и въ то время, когда все крѣпостное сословіе находилось въ сильно возбужденномъ состояніи, была произведена совершенно не во время. Всѣ бросились на винную торговлю, всѣ мѣстности покрылись кабаками съ дешевой водкой, и вотъ когда положено основаніе повальному пьянству, которому новое акцизное положеніе дешевыми патентами, предоставило всѣ способы и вмѣстѣ съ тѣмъ убило всѣ сельско-хозяйственные винокуренные заводы. Впослѣдствіи, я имѣлъ случай говорить съ нѣкоторыми членами комиссіи, выработавшей новыя винныя акцизныя правила, и эти члены мнѣ объявили, что комиссія вовсе не заботилась о поддержаніи сельскаго хозяйства посредствомъ сельско-хозяйственныхъ винокуренныхъ заводовъ, а винокуренье имѣло единственно въ виду доходъ казны отъ продажи вина. Комиссія эта состояла изъ умныхъ, честныхъ чиновниковъ, которые, по случаю узкихъ практическихъ понятій, не додумались о послѣдствіяхъ своихъ трудовъ. Новый акцизный законъ уничтожалъ монополию откупщиковъ, сосавшихъ народъ, а вся перемѣна оказалась та, что вмѣсто откупщиковъ встало правительство, продолжавшее сосать народъ и раззорявшее сельское хозяйство въ болѣе значительной степени, чѣмъ при существованіи откуповъ.

Изъ этого описанія ясно видно, что экономическое положеніе наше было не красиво: старый порядокъ хозяйства разрушенъ, и какъ усадьбы, такъ и лѣсные матерьялы, не приносили никакого дохода. Находясь 20 лѣтъ въ отставкѣ, я не могъ и мечтать о государственной службѣ, и всѣ надежды возлагались на капиталъ, ожидаемый за выкупъ крестьянскихъ надѣловъ. Мы съ Александрой Павловной имѣли около 600 душъ крестьянъ, за которыхъ получили выкупной ссуды по 120 руб. за каждый душевой надѣлъ; изъ этой суммы удержано залога Опекунскому Совѣту, по 50 р. съ надѣла, и мы получили по 70 р. за надѣлъ, а за 600 надѣловъ около 42.000 р. Ссуда эта выдана выкупными свидѣтельствами, которыя первые годы продавались по 80 руб. кредитныхъ за сторублевое выкупное свидѣтельство; слѣдовательно, всѣ полученные нами выкупныя свидѣтельства, при размѣнѣ на кредитные билеты, уменьшили выкупную ссуду до 33.000 рублей. Вопросъ состоялъ въ томъ, какъ употребить этотъ послѣдній оборотный капиталъ? Торговать я не умѣлъ, аферами не занимался, а жить процентами съ этого капитала было невозможно, и думы о томъ, какъ жить при новыхъ обстоятельствахъ, составляли истинную муку. Въ это же время всѣ сношенія съ прислугой и съ рабочими были чрезвычайно шеро-

ховаты, и поминутно встрѣчавшіяся недоразумѣнія, непослушанія, а иногда и грубости болѣзненно дѣйствовали на нервы. По справедливости слѣдуетъ сказать, что мы сами не могли отрѣшиться отъ прежняго крѣпостного полновластія, и каждое неловкое возраженіе бывшаго крѣпостного, представлялось намъ въ увеличенномъ смыслѣ. По случаю этого невыносимаго положенія много стариковъ и старухъ помѣщицъ ранѣе времени померли, а большинство раззорилось постепенной продажей за безцѣнокъ своихъ земель.

Пропаганда петрашевцевъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Военный судъ по дѣлу петрашевцевъ нашелъ (и это было включено и въ утвержденный Государемъ докладъ генераль-аудиториата), что Буташевичъ-Петрашевскій, избравъ изученіе «соціальныхъ системъ, въ особенности системы Фурье» средствомъ къ ниспроверженію существующаго государственнаго устройства, въ числѣ другихъ, принимаемыхъ имъ съ этой цѣлью мѣръ, «старался поселять несогласныя съ духомъ правительства мысли въ юношество посредствомъ знакомыхъ ему учителей».

Изъ числа петрашевцевъ наиболѣе энергичнымъ преподавателемъ-пропагандистомъ былъ Иванъ-Фердинандъ¹⁾ Львовичъ Ястржембскій, помощникъ инспектора классовъ и преподаватель политической экономіи и статистики въ Технологическомъ Институтѣ, а также преподаватель этихъ предметовъ въ Дворянскомъ Полку и въ Институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія²⁾.

Ястржембскій во время допроса слѣдственной комиссіи въ іюнѣ 1849 г. показалъ, что ему 35 лѣтъ³⁾. Отецъ его былъ дворянинъ Рѣчицкаго уѣзда Витебской губ.. Иванъ-Фердинандъ Ястржембскій, католикъ, воспитывался сначала въ овручскомъ Базиліанскомъ монастырѣ, затѣмъ въ виленской гимназій, поступилъ въ виленскій университетъ, перешелъ въ кievскій и кончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата въ 1841 году. 1 мая 1843 г. онъ поступилъ на службу помощникомъ инспектора классовъ въ Технологическій Инсти-

¹⁾ Въ формулярномъ списокѣ Иванъ, въ докладной запискѣ гр. Орлова-Фердинандъ.

²⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ Ястржембскій говоритъ, что онъ былъ преподавателемъ и во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.

³⁾ Въ формулярномъ же списокѣ, представленномъ въ Военно-судную Комиссію въ октябрѣ 1849 года, сказано, что ему 34 года.

тутъ. Ни недвижимаго имѣнія, ни капиталовъ у него не было, и жилъ онъ на жалованье и вознагражденіе за уроки. Ястржембскій, какъ и огромное большинство петрашевцевъ, былъ холостъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ говоритъ, что какъ преподаватель онъ «прежде всего заботился о томъ, чтобы передать научные факты истинно, не дѣлалъ самъ отъ себя никакихъ заключеній, а предоставлялъ выводить ихъ логически самимъ ученикамъ. Конечно—продолжаетъ Ястржембскій,—я не защищалъ софистовъ консервативно-буржуазной школы Молиарни, Бастіа и другихъ, но и не нападалъ на нихъ, зная очень хорошо, что, сравнивъ ихъ мысленно съ изложенными имъ законами общественной жизни, мои слушатели сами оцѣнятъ ихъ по достоинству¹⁾. Сказанное вѣрно передаетъ основной характеръ пріемовъ преподаванія Ястржембскаго, но не даетъ полнаго понятія объ его замѣчательныхъ педагогическихъ способностяхъ и умѣніи содѣйствовать умственному развитію своихъ учениковъ. Полное же понятіе объ его преподаваніи можно получить изъ воспоминаній одного его ученика по Дворянскому полку, писателя М. И. Венюкова, учившагося у него въ 1848—9 гг.; Ястржембскій, говоритъ Венюковъ, «читалъ статистику въ 1-мъ специальномъ классѣ, причемъ, согласно съ программой, въ видѣ краткаго введенія излагалъ самыя общія основанія политической экономіи. Этими краткими основаніями онъ умѣлъ великолѣпно пользоваться, чтобы возбудить въ насъ... глубокое негодованіе на общественные порядки, при которыхъ бѣдный и слабый сполна принесены въ жертву сильному и богатому. Онъ дѣлалъ это такъ ловко, что на экзаменахъ въ присутствіи начальства ни одинъ изъ насъ не проговорился бы противъ положенія ортодоксальной смитъ-сэевской школы, а въ глубинѣ души мы страдали отъ сознанія несправедливости этихъ положеній. Откуда неравенство условій жизни для людей и зачѣмъ оно? На какомъ основаніи богатый дуракъ и мерзавецъ счастливѣе бѣднаго генія и честнаго труженика? Въ силу чего сынъ законно наслѣдуетъ отцу во владѣніи имуществомъ, т.-е. частью общечеловѣческаго достоянія, которая при этомъ бываетъ нажита не благороднымъ трудомъ, а либо грубымъ насиліемъ, либо плутнями, прижимками и всякими иными безчестными и безнравственными путями? Какимъ образомъ согласить евангельское ученіе о раздачѣ имущества бѣднымъ какъ о наилучшемъ доказательствѣ добродѣтельной общепользующей жизни съ положительнымъ закономъ, который покровительствуетъ стяжанію и караетъ всякую попытку иму-

¹⁾ «Минувшіе Годы», 1908 г. № 1, стр. 34.

ественной нивелировки, а отвлеченное придуманное право наслѣдственной собственности Ивана ставить выше естественнаго реальнаго права на жизнь множества Петровъ и Павловъ? Какую роль должны играть законодатели и правительство народа, дѣйствительно заботящіеся объ его благѣ?—слѣдовать ли безучастной, безжалостной теоріи *laissez faire, laissez aller* и оставлять «рабочій классъ или скоть» (это все равно) на одной поденной платѣ, обусловливаемой безграничной конкуренціей, или держаться пути Гракховъ, Лицинія, Руссо, Сень-Симона, Фурье и Луи-Блана, которыхъ Ястржембскій съ неподражаемой ироніей называлъ поврежденными, а въ частности положеніе: «*à chascun selon sa capacité, а chaque capacité selon les oeuvres*»—богоотступнымъ?... Эти вопросы были возбуждены въ нашихъ умахъ, но намѣренно оставлены безъ прямыхъ отвѣтовъ, чтобы таковые мы нашли сами въ глубинѣ нашей совѣсти. Для наведенія же на истинный путь Ястржембскій только говорилъ, съ чуть замѣтнымъ сарказмомъ, что «по наукѣ и закону бѣдность есть порокъ» и что «онъ чувствуетъ себя кандидатомъ въ преступники всякій разъ, когда у него въ карманѣ остается всего одинъ четвертакъ», чѣмъ возбуждалъ къ самомышленію даже людей совершенно сонливомысленныхъ... Да, бѣдность есть порокъ, котораго люди никогда не прощаютъ, говорили про себя мы, еще не испытавъ всей силы этого положенія въ дѣйствительной жизни, гдѣ оно такъ оскорбительно вѣрно...

«Ястржембскій съ неподражаемымъ комизмомъ объяснялъ, въ чемъ состоитъ сила современныхъ положительныхъ законовъ, т.-е. правилъ, сочиненныхъ сильными для экономическаго и всякаго другого угнетенія слабыхъ. «Вотъ, говорилъ онъ, я лежу послѣ обѣда на диванѣ и, благодаря сытости, разумѣется, ни о чемъ не думаю. Голова у меня подъ вліяніемъ полноты желудка, обезпеченной и впредь наслѣдственными имуществами, совершенно пуста, такъ что никто не можетъ усомниться въ моей гражданской благонамѣренности. Вдругъ, однако, звонокъ; въ прихожей слышится бряцаніе сабель и шпоръ, и вслѣдъ затѣмъ въ комнату входятъ десятивершковые усачи, чела которыхъ покрыты шлемами, а чресла препоясаны мечами. Какъ бы это я, хотя ни о чемъ не мыслившій и слѣдовательно ни въ чемъ неповинный, вздумалъ не убояться моихъ непрощенныхъ гостей, вытолкать ихъ въ шею, какъ нахаловъ, когда они тотчасъ же могутъ, въ силу положительнаго права, взять меня за шиворотъ и свести въ Петропавловскую крѣпость? Это было бы безуміемъ; а потому помните господа, истинная основа всякаго общества есть положительный законъ и вмѣстѣ христіанское ученіе:

Бога чти и царя бойся (онъ такъ, будто невзначай, по незнанію или забывчивости, переставлялъ въ пословицѣ глаголы), да не только царя, но и всѣхъ поставляемыхъ имъ; ибо нѣтъ власти, еще не отъ Бога, сущіи же власти отъ Бога учреждены суть, а изъ арсенала имѣютъ только оружіе, чтобы смирять противляющихся повелѣніямъ Божиимъ, которыя приходятъ къ намъ, за подлежащими номерами, черезъ начальство»...—Разумѣется, послѣ этого мы не обращали вниманія на проповѣданное юристомъ Плошинскимъ ученіе, что «императоръ всероссійскій есть государь самодержавный и неограниченный, потому что повиноваться ему, не только за страхъ, но и за совѣсть, самъ богъ повелѣваетъ».—И какъ вообще Ястржембскій владелъ ироніею мастерски и прибѣгалъ къ ней нерѣдко, то чѣмъ сказанное имъ между строками было обставлено забавнѣе, парадоксальнѣе, тѣмъ легче врѣзывалось въ умы и разрушало тамъ навязанные авторитетомъ догматы положительнаго права и казенной морали. Въ нашей маленькой средѣ онъ производилъ почти то же дѣйствіе, что на болѣе обширномъ поприщѣ Герценъ, котораго «Записки доктора Крупова» были тогда въ огромной славѣ, даже среди тѣхъ, кто «носилъ парадный мундиръ дурака, съ краснымъ воротникомъ»...

Въ запискахъ же лекцій Ястржембскаго, по которымъ готовились къ экзаменамъ, «все обстояло благополучно, Мальтусъ обвинялся въ ограниченности, исторически послѣднимъ экономистомъ считался Сисмонди, а о такихъ злодѣяхъ, какъ Фурье, Кабэ, Сень-Симонъ, Оуэнъ и Луи-Бланъ, не упоминалось совсѣмъ ¹⁾».

Педагогическіе приемы Ястржембскаго обратили, однако, на себя вниманіе: «На третій годъ моего преподаванія», говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «я получилъ отъ благосклонныхъ, хотя мнѣ незнакомыхъ лицъ предостереженія насчетъ скользкости пути, по которому слѣдовалъ, и даже дружескія замѣчанія насчетъ моей методы наставника-наблюдателя по Дворянскому полку».

Съ Петрашевскимъ впервые встрѣтился Ястржембскій у Щелкова въ первой четверти 1848 г., 1 мая впервые былъ у него вмѣстѣ съ Дуровымъ, Пальмомъ и Щелковымъ передъ отправленіемъ всей кампаніей на гуляніе въ Екатерингофъ, а затѣмъ съ конца августа или начала сентября этого года сталъ бывать у него по пятницамъ. Объ его чтеніяхъ у Петрашевскаго и участіи

¹⁾ «Изъ воспоминаній М. И. Венюкова». Книга 1-я. 1832—1867. Амстердамъ. 1915 г., стр. 103—105.

ь бесѣдахъ было уже сказано подробно въ моей статьѣ о Петрашевскомъ ¹⁾).

Здѣсь я останавлиюсь лишь нѣсколько на томъ, что написалъ Ястржембскій въ исполненіе требованія слѣдственной комиссіи по дѣлу петрашевцевъ «изложить въ краткихъ, но рѣзкихъ чертахъ системы главныхъ коммунистовъ и социалистовъ (каждаго отдѣльно)». Онъ начинаетъ свое изложеніе такъ: «съ одной стороны распространявшаяся бѣдность въ самыхъ промышленныхъ государствахъ, какъ-то: въ Великобританіи и Франціи, и распространявшаяся именно сообразно развитію промышленности, съ другой стороны—успѣхи политической экономіи побудили многихъ мыслителей доискиваться причины такого факта и придумывать различныя средства, если не совершенно его уничтожить, то по крайней мѣрѣ, смягчить...

«Нищета есть самая высшая степень бѣдности,—она можетъ существовать только въ государствахъ довольно развитыхъ, гдѣ съ одной стороны промышленность достигла той степени, что можетъ производить въ изобиліи всѣ предметы, служащія для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, съ другой стороны, гдѣ необходимо есть цѣлый многочисленный классъ людей, который не можетъ достигнуть до обладанія этими предметами и тѣмъ болѣе страдаетъ, что чувствуетъ всю ихъ необходимость, будучи и довольно развитъ, и видя другихъ обладающихъ этими предметами. Въ ордѣ дикихъ американцевъ нищихъ въ строгомъ смыслѣ нѣтъ, потому что всѣ равно бѣдны.

«Пауперизмъ есть слѣдствіе промышленности, такимъ образомъ, какъ оно случилось въ нынѣшней цивилизаціи, и поэтому при обширномъ развитіи промышленности не только всякая бѣдность болѣе высказывается отъ противоположности, но необходимое развитіе промышленности рождаетъ классъ бѣдный...

«При такихъ результатахъ теоріи и практики появилось много предположеній и изслѣдованій о лучшемъ пособіи пауперизму—о пресѣченіи его въ корнѣ».

Различіе между социалистами и коммунистами,—говоритъ Ястржембскій въ своемъ показаніи для слѣдственной комиссіи, состоитъ въ томъ, что одни «почитаютъ причиною бѣдствій работниковъ начало конкуренціи, на которомъ основана теперь промышленность, противоположность интересовъ между производителями—и стараются замѣнить его другимъ началомъ, именно ассоціаціею, солидарностью интересовъ. Другіе, наоборотъ, проповѣдуютъ раздѣлъ имущества подъ различными видами и отвер-

¹⁾ «Голосъ Минувшаго» 1913 г. № 6.

гаютъ всякую собственность.—Прежде ихъ появившійся Фурье, но развившій свою систему почти въ одно съ ними время, долженъ быть отъ нихъ отдѣленъ совершенно».

Къ социалистамъ Ястржембскій относитъ и Сисмонди, а затѣмъ Сень-Симона, Луи-Блана, Леру и Прудона. О трехъ послѣднихъ онъ между прочимъ говоритъ, что они признаютъ право на трудъ каждаго члена общества, забывая далѣе, когда говорить о Фурье, отмѣтить его первенство въ этомъ отношеніи ¹⁾.

Въ своемъ показаніи Ястржембскій пытается доказывать, что ученіе Фурье «существенно отличается» отъ социализма и коммунизма. Указавъ на то, что лучшее сокращенное изложеніе ученія Фурье, по его мнѣнію, сдѣлано Бріанкуромъ въ брошюрѣ «Organisation du travail», Ястржембскій далѣе такъ характеризуетъ его самъ:

«Фурье, сознавая верховный творческій разумъ и его единство, заключаетъ, что всякое существо создано Богомъ ²⁾ съ запасомъ средствъ, совершенно приличнымъ для совершенія его судьбы, по его афоризму *l'attraction est proportionnelle à la destinée*, и поэтому разсматривая судьбу человѣка на землѣ, онъ видитъ, что ему должно здѣсь жить, т.-е. удовлетворять своимъ потребностямъ, влеченіямъ, или, какъ онъ называетъ, страстямъ, посредствомъ своей дѣятельности. Фурье спрашиваетъ себя, можетъ ли быть, чтобы эта дѣятельность могла составлять несчастье человѣка, какъ это обыкновенно думаютъ, и отвѣчаетъ, что нѣтъ, но что наоборотъ дѣятельность эта должна составить его счастье; если же видимъ противное, т.-е. что промышленность производится съ тяжелымъ трудомъ, то это происходитъ оттого, что человѣкъ не умѣетъ взяться за дѣло, и поэтому предлагаетъ способы сдѣлать промышленность привлекательною, *travail attrayant*.

«Фурье говоритъ, что природныя человѣческія влеченія, называемыя имъ страстями, тогда только производятъ зло, когда дурно направлены; если же онѣ развиваются *гармонически*, тогда отъ нихъ происходитъ добро. Отсюда и его система называется *harmonie*, на гармоніи она вся устроена.

«Далѣе Фурье говоритъ, что если по его системѣ производить промышленность, то она принесетъ возможно большее количество богатства и будетъ имѣть слѣдствіемъ вмѣстѣ (съ тѣмъ) предупрежденіе чрезмѣрнаго умноженія населенія. Здѣсь упрекаютъ его въ безыравственности, потому что онъ ввелъ въ свое ученіе *l'amour libre*. Не стану опровергать этого упрека,—онъ опро-

¹⁾ См. Прокоповичъ. «Проблемы социализма», стр. 111.

²⁾ Фурье высказывается противъ атеизма и признаетъ существованіе Бога и провидѣнія. Bougin, «Fourier» (Парижъ, 1905), стр. 272.

вергается самъ при малѣйшемъ изслѣдованіи ученія Фурье, скажу только, что онъ вовсе не принуждаетъ къ безсемейной и развратной жизни, а только свободу развода въ супружествѣ доводитъ до крайнихъ предѣловъ, и что при его системѣ нѣтъ проституціи и быть не можетъ ¹⁾.

«Фурье не только допускаетъ собственность поземельную, пользование капиталомъ, но вообще оставляетъ неприкосновенными всѣ теперь пріобрѣтенныя права ²⁾. Онъ не проповѣдуетъ равенства, напротивъ выводитъ счастье человѣчества изъ гармоническаго сочетанія этихъ неравенствъ.

«Далѣе онъ не только не совѣтуетъ возставать противу правительства, но даже воспрещаетъ думать (?) о перемѣнѣ образа правленія, порицая вездѣ либераловъ ³⁾ и упрекаетъ ихъ за ихъ покушенія, отдаляющія только эпоху введенія повсемѣстно его системы и отдаетъ преимущество монархическому образу правленія передъ другими ⁴⁾. Наконецъ средствъ для этого введенія онъ ищетъ преимущественно у особъ владѣтельныхъ».

О своемъ показаніи Ястржембскій говоритъ въ воспоминаніяхъ: «Кажется, я до того былъ наивенъ, что хотѣлъ обратить допрашивающій меня синедріонъ въ ученіе Фурье»,

Къ числу знакомыхъ Петрашевскому учителей, стремившихся вести пропаганду въ учебныхъ заведеніяхъ, принадлежалъ также Толь, хотя, повидимому, ему мало удалось сдѣлать въ этомъ направленіи, и онъ значительно въ меньшей степени былъ педагогомъ-пропагандистомъ, чѣмъ Ястржембскій. На собраніи у Петрашевскаго 28 марта 1849 г. онъ, по донесенію Антонелли, говорилъ, что, «читая исторію у военныхъ кантонистовъ, онъ ничего не могъ сдѣлать въ пользу общества, потому что тамъ читается исторія только два раза въ недѣлю и въ продолженіе года въ нижнемъ классѣ должно прочесть всю всеобщую исторію и въ верхнемъ—всю русскую. Вещь невозможная, и потому», прибавилъ Толь, «можно прочесть только хронологію, а о развитіи мысли нельзя и подумать». Толь представилъ записку

¹⁾ Ср. Bourgin, 348—362, Fourier, «Théorie des quatre mouvements». «Oeuvres de Ch. Fourier», 3 éd. 1846, I, 125—126.

²⁾ Фурье удивляется, что сенъ-симонисты могутъ въ XIX вѣкѣ проповѣдывать уничтоженіе правъ собственности и наслѣдованія. Bourgin, 104, 257.

³⁾ О выходкахъ Фурье противъ либераловъ и революціонеровъ см. Bourgin 243—247.

⁴⁾ Это не вѣрно: для Фурье безразличны формы правленія; онъ утверждаетъ, что хорошее нововведеніе «пріемлемо при всякаго рода правленіи» (Bourgin, 244), и потому онъ не разсматриваетъ будущаго политическаго устройства общества (Прокоповичъ, «Проблемы социализма», 120), хотя и упоминаетъ о возможности европейской федераціи. Bourgin, 239.

барону Зедлеру, въ которой, показавъ всю невозможность пройти все требуемое программой, просилъ о дозволеніи проходить въ нижнемъ классѣ исторію Россіи до Романовыхъ, а въ высшемъ отъ Романовыхъ до нашего времени, «касаясь исторіи другихъ государствъ только поверхностно», и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда исторія ихъ будетъ соприкасаться съ исторіею Россіи. Сообщая объ этомъ на вечерѣ у Петрашевскаго, Толь прибавилъ, что «разумѣется, онъ будетъ читать исторію по самой ортодоксальной книгѣ, но что будетъ рассказывать ее сообразно съ планомъ общества».

Антонелли донесъ также, что «Толь нападалъ на всѣхъ почти, которымъ ввѣрена власть пристрастна надъ воспитаніемъ, говоря, что всѣ они, по большей части, дураки и поступками своими приносятъ пользу не правительству, а нашимъ же идеямъ, вооружая молодыхъ людей противу себя и глупыхъ уставовъ, ими же самими составленныхъ. Особенно онъ нападалъ на Якова Ивановича Ростовцева, браня сочиненный имъ методъ преподаванія въ казенно-учебныхъ заведеніяхъ. Онъ говорилъ, что эта книга, вѣроятно, переведется и на иностранные языки, и Яковъ Ивановичъ осрамить себя не только на весь свѣтъ, но, вѣроятно, и въ исторіи упомянется, что существовалъ, дескать, въ Россіи такой скотъ!»¹⁾ По словамъ Антонелли, Толь чрезвычайно хотѣлось поступить учителемъ въ Павловскій институтъ: онъ говорилъ, «что черезъ женщинъ идеи гораздо скорѣй и расходятся, и прививаются, и что если бы онъ могъ обратить хотя двухъ умныхъ и съ характеромъ женщинъ на свою сторону, то онъ бы отвѣчалъ за пятьсотъ мужчинъ»²⁾.

Феликсъ Густавовичъ Толь (лютеранскаго исповѣданія) преподавалъ исторію не только въ школѣ кантонистовъ; онъ былъ также учителемъ русской словесности въ главномъ инженерномъ училищѣ. Хотя онъ и былъ холостъ, но все же ему приходилось искать добавочныхъ занятій, такъ какъ въ училищѣ онъ получалъ жалованье всего 257 р. въ годъ³⁾. Поэтому онъ давалъ еще уроки въ двухъ частныхъ пансіонахъ и занимался переводами (между прочимъ онъ заработалъ 150 р., переводя «О подражаніи Іисусу Христу»⁴⁾). Толь показывалъ петрашевцу Момбели написанную

¹⁾ Очень недоволенъ былъ Толь и графомъ Уваровымъ.

²⁾ Бакунину въ Томскѣ Толь говорилъ, что взялъ на себя въ кружкѣ петрашевцевъ богословіе и педагогику.

³⁾ Ни у самого Толя, ни у его родителей не было ни родового, ни благопріобрѣтеннаго имѣнія. Отецъ его служилъ въ 1849 г. въ оберъ-офицерскомъ званіи смотрителемъ «домовъ и команды» при типографіи II отдѣленія собственной Его В. Канцеляріи. Феликсъ Толь въ формулярномъ спискѣ названъ учителемъ «третьяго рода».

⁴⁾ Очевидно извѣстное сочиненіе Фомы Кемпійскаго, ранѣе переведенное Сперанскимъ.

имъ повѣсть, которую цензура «перемѣтила» краснымъ карандашомъ ¹⁾).

Антонелли, вкравшійся въ дружбу съ Толемъ до того, что въ 1849 г. они даже стали жить вмѣстѣ, даетъ въ одномъ изъ своихъ донесеній Липранди такую характеристику Толя: «Толь—это человѣкъ, который много жилъ, много кутилъ, много игралъ—однимъ словомъ много дѣлалъ глупостей, которыя, разумѣется, не обходились ему даромъ,—и потому онъ говоритъ, что онъ много страдалъ, много перенесъ ударовъ судьбы, что силы его истощились, свѣтъ и люди надоѣли, что онъ ни во что не вѣруеть, готовъ на все и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, чтобы поскорѣе порвалась нить, привязывавшая его къ жизни—его отецъ и мать, а потомъ пулю въ лобъ и все кончено».

М. А. Бакунинъ, познакомившійся съ Толемъ въ Томскѣ въ 1857 г. такъ рисуетъ его образъ: Толь «великолѣпное эксцентричное существо, d'une beauté monstrueuse: маленький ростомъ, съ огромною головою на бычачьей шеѣ и на широкихъ плечахъ, съ огромнымъ мыслящимъ лбомъ, уродливымъ носомъ, съ толстыми мясоѣдными губами, съ руками длиннѣе сажени,—и на этомъ монструозномъ лицѣ выраженіе умное, доброе, въ высшей степени привлекательное, улыбка такая, противъ которой устоять невозможно. Его любятъ дѣти, которыхъ онъ обожаетъ, и молодыя дѣвушки льнутъ къ нему, какъ птички подъ вѣрную и теплую крышу. Голова у него свѣтлая, разумная, хотя немного и школьно-догматическая—плодъ его воспитанія,—но, несмотря на это, далеко не упорная, способная принять всякую истину. Сердце золотое, благородное, чистое, неспособное ни къ какой двусмысленности и совершенно чуждое эгоизму и тщеславію. Характеръ рыцарскій, порывистый, то иногда умственно-мягкій, то буйно-энергичный и смѣлый, неспособный, кажется, къ постоянному дѣлу и къ выдержкѣ. Когда жъ онъ выпьетъ, тогда становится онъ ужаснымъ, точно лютый разъяренный звѣрь. Шея у него короткая, толстая, а потому кровь легко бросается въ голову... Онъ болтливъ и неостороженъ до крайности, къ тому же одаренный критикою небольшою для распознаванія людей, онъ къ несчастью всегда окруженъ страшною сволочью ²⁾).

Зимою 1846—7 гг. Толь сталъ бывать на пятницахъ у Петрашевскаго, принималъ участіе въ чтеніяхъ у него и заслужилъ его большое расположеніе; въ свою очередь и Толь очень ува-

¹⁾ Въ бумагахъ его были найдены «оглавленія для составленія разныхъ статей». Балосогло въ своемъ показаніи упомянулъ о значительныхъ познаніяхъ Толя въ филологіи и философіи.

²⁾ «Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Съ біогр. введ. и примѣч. М. П. Драгоманова. Спб. 1907 г., стр. 155—156.

жалъ Петрашевскаго и сказалъ Антонелли, что Петрашевскій «только для того и живетъ, чтобы осуществить свою идею». Содержаніе рѣчи о религіи, произнесенной Толемъ на пятницѣ у Петрашевскаго 11 марта 1849 г., было изложено въ мой статьѣ о Петрашевскомъ ¹⁾.

Во время слѣдствія по дѣлу петрашевцевъ, на вопросъ о томъ, когда у него проявилось «соціальное направленіе», Толь показаль, что духъ сомнѣнія былъ пробужденъ еще въ бытность его въ институтѣ изученіемъ нѣмецкой философіи, но ограничивался впрочемъ сферою науки. Первое же и ясное понятіе о социализмѣ онъ получилъ въ 1848 г. изъ книги Бидермана, которую взялъ для прочтенія у Петрашевскаго, и изъ которой сдѣлалъ выписки (у него найденныя). Впрочемъ онъ старался увѣрить слѣдственную комиссію, что, познакомившись съ соціальными системами, онъ не сдѣлался социалистомъ, «хотя и считалъ нѣкоторыя мѣры, предлагаемыя ими, удобопримѣнимыми къ настоящему общественному быту». Въ найденномъ у него рукописномъ переводѣ на русскій языкъ лекцій Карла Бидермана о социализмѣ (съ помѣтою: «конспектъ, сдѣланный въ сентябрѣ 1848 г.») въ заключеніе сказано: «И такъ социализмъ не химера: въ его основаніи глубокія истины, благородныя высокія цѣли, соціальное движеніе не можетъ пройти безъ слѣдовъ, оно открыло новые пути, новыя цѣли идеямъ прогресса и реформъ и показало многое въ новомъ свѣтѣ. Но мы не должны слишкомъ увлечься этимъ движеніемъ и по причинѣ его бросить наши стремленія къ прогрессу въ области политики, ремесль и народнаго хозяйства, ибо, я думаю, что народъ долженъ быть приготовленъ политическимъ устройствомъ къ соціальному перевороту, при томъ надобно дозволить свободное обсуживаніе этихъ вопросовъ, какъ изустно, такъ и письменно».

Толь былъ западникъ, какъ и большинство петрашевцевъ, и очень рѣзко отзывался о славянофилахъ; онъ сказалъ Антонелли, что общество славянофиловъ «основано на глупѣйшихъ началахъ, потому что оно отвергаетъ заслуги Петра В.», и утверждаетъ, что онъ, «отнявъ у русскихъ бороды и кафтаны, вмѣстѣ съ этимъ отнялъ у нихъ національность. Общество это стремится къ соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ вмѣстѣ и къ составленію отдѣльнаго, совершенно не общеевропейскаго, но особеннаго славянскаго элемента. Правительство же преслѣдуетъ это Общество за то, что оно въ томъ смыслѣ не ортодоксально, что думаетъ завести правленіе въ родѣ древне-новгородскаго съ его вѣчемъ

¹⁾ «Голосъ Минувшаго» 1913 г., № 6, стр. 56—57.

и посадниками. Толь очень сожалѣть, что это общество считаетъ въ себѣ людей очень образованныхъ и ученыхъ, которые бы въ другомъ направленіи могли принести великія пользы».

Къ числу учителей, стремившихся вліять на своихъ учениковъ въ опредѣленномъ направленіи, слѣдуетъ отнести и Петра Ивановича Бѣлецкаго, лично съ Петрашевскимъ не знакомаго, но хорошо знакомаго съ штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба П. А. Кузминымъ (котораго временно пріютилъ у себя на квартирѣ). Бѣлецкій былъ охваченъ тѣмъ же стремленіемъ къ пропагандѣ, какъ и нѣкоторые другіе петрашевцы. Антонелли, бывшій на вечерѣ у Кузмина 16 апрѣля 1849 г., донесъ о словахъ Бѣлецкаго, что у него въ корпусѣ есть классъ, приготовленный и по великой по безсмыслицѣ программѣ генераль-адъютанта Ростовцева ¹⁾ и по собственнымъ его убѣжденіямъ, и что изъ этого класса «выйдутъ люди, которые двинутъ Россію впередъ» ²⁾. Антонелли донесъ, что «Бѣлецкій хвастался также, что онъ любимъ очень начальникомъ 1-го корпуса кажется, Лихонинымъ, и что хотя Лихонинъ и глупъ, но по бахвальности или по чему угодно желаетъ казаться поборникомъ новѣйшихъ идей... Лихонинъ присутствіемъ своимъ на либеральныхъ лекціяхъ его помогаетъ ему легче и ловче достигать своей цѣли... Когда, однако, дьяконъ, преподающій законъ Божій въ 1-мъ корпусѣ, спросилъ одного маленькаго кадета, кто былъ Авраамъ, и тотъ со словъ Бѣлецкаго отвѣчалъ, «что Авраамъ есть миѡъ, представляющій образъ пастушеской жизни древнихъ евреевъ», то дьяконъ побѣждалъ къ Лихонину, говоря, что это ересь, которую вводитъ Бѣлецкій между кадетами, а Лихонинъ заступился за Бѣлецкаго, и тѣмъ исторія и покончилась. Бѣлецкій рассказывалъ, что на пробномъ экзаменѣ Кушакевичъ, инспекторъ 1-го корпуса говорилъ ему, что за подобные отвѣты кадетовъ имъ обоимъ можетъ «достаться».

Антонелли въ своемъ донесеніи высказалъ предположеніе, что существуетъ еще общество, «подобное обществу Бѣлецкаго, потому, что Бѣлецкій, говоря объ одномъ пробномъ экзаменѣ, между прочимъ сказалъ, что явился на экзаменъ совершенно

¹⁾ 24 декабря 1848 г. было утверждено государемъ «Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній», составленное начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній Я. Ростовцевымъ.

²⁾ Въ письмѣ къ Кузмину Бѣлецкій выражаетъ свое неудовольствіе частью своихъ учениковъ: «Со вторымъ корпусомъ дѣлается бѣда: воспитанники не имѣютъ ни получеловѣческихъ, ни скотскихъ понятій. Да и мудро имѣть ихъ, когда безъ экзамена переводятъ изъ второго класса въ 4-й... Въ первомъ корпусѣ любознательнѣе, зато охотнѣе читаешь редметъ».

разсерженный, потому что долженъ былъ быть въ это время въ обществѣ людей, подобныхъ тѣмъ, которые его окружаютъ».

Видимо замѣтивъ несочувственное отношеніе къ себѣ П. А. Кузмина, а вѣроятно, также и Бѣлецкаго, Антонелли, выдавая свое личное раздраженіе, дописался въ своемъ доносѣ до слѣдующей выходки: «Бѣлецкій—это такое существо, которое такъ и напрашивается на оплеуху или петлю».

Во время слѣдствія Бѣлецкому было тридцать лѣтъ; онъ былъ родомъ изъ дворянъ Конотопскаго уѣзда Черниговской губ., учился въ Черниговской гимназій, а затѣмъ въ петербургскомъ университетѣ и окончилъ курсъ въ 1843 г. ¹⁾ со званіемъ дѣйствительнаго студента. Родители его умерли, и у него было на родинѣ какое то общеродовое имѣніе; однако существовалъ онъ не на доходы съ него, а на жалованье, служа учителемъ исторіи во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ съ 1848 г.; былъ онъ преподавателемъ и въ 1-мъ корпусѣ. Матеріальное положеніе учителя онъ считалъ очень тяжелымъ: «тяжело, писалъ онъ Кузмину, носить бремя учительское, пренебрегаемое обществомъ цѣлой Россіи; да и по справедливости: учитель военно-учебныхъ заведеній есть плебей. Поступая въ эту службу, онъ добровольно лишаетъ себя всяческихъ правъ; безъ суда и расправы у него отнимается, уменьшается, увеличивается жалованье. Онъ каждый день долженъ трепетать за свое благосостояніе, а апелляціи нѣтъ никакой. Кто же станетъ уважать того, кто добровольно сдѣлался рабомъ, кого даже не охраняетъ право службы».

При обыскѣ у Бѣлецкаго найдена была «программа для чтенія или разбора различныхъ философскихъ и политическихъ вопросовъ, согласная», по мнѣнію комиссіи князя Голицына, съ «изложеніями сихъ же вопросовъ, найденными между бумагами Петрашевскаго». Такъ, на примѣръ, въ одномъ вопросѣ («историческое развитіе нравственнаго значенія Европы») было, между прочимъ, сказано: «въ Европѣ существуетъ наука во всей полнотѣ и самостоятельности; тамъ, гдѣ книга вѣрованій служить предѣломъ всякаго мышленія, нельзя ожидать свободнаго развитія духа» ²⁾.

Среди бумагъ Бѣлецкаго были найдены также отрывки изъ литографированныхъ записокъ по Всеобщей Исторіи, въ которыхъ, по отзыву слѣдственной комиссіи кн. Голицына (т.-е. въ сущности Липранди), найдены были «отрывки изъ составленныхъ для чтенія историческихъ лекцій записокъ, въ которыхъ

¹⁾ Дебу 2-й былъ его товарищемъ по университету.

²⁾ Написано рукою Бѣлецкаго.

заканчуются разсужденія о французской революціи 1789 г. и о развитіи нравственнаго значенія Европы, весьма вредныя для воспитывающагося юношества, какъ противныя духу нашего правленія и ослабляющія уваженіе къ самой вѣрѣ». На вопросъ во время слѣдствія объ этихъ отрывкахъ Бѣлецкій отвѣчалъ, что они составлены по лекціямъ проф. Куторги въ 1842 и 1843 г.г., когда онъ былъ его слушателемъ въ петербургскомъ университетѣ. Кромѣ того въ бумагахъ Бѣлецкаго были найдены литографированныя записки всеобщей исторіи. Липранди, который въ комиссіи кн. Голицына занимался розыскиваніемъ неблагонамѣренныхъ мѣстъ въ бумагахъ, взятыхъ при обыскахъ у арестованныхъ, нашелъ, что въ этихъ запискахъ «виденъ тотъ же самый духъ и направленіе, какъ и въ другихъ учебныхъ руководствахъ найденныхъ у Бѣлецкаго и другихъ лицъ». Въ видѣ примѣра онъ привелъ, между прочимъ, такое мѣсто, которое, по его словамъ, рѣзко поражаетъ cadaго: «Иудеевъ занимали религіозныя начала, а греки довели до совершенства республиканское устройство государства во всѣхъ формахъ, къ какимъ только оно способно. При всѣхъ своихъ недостаткахъ и несовершенствахъ республика имѣетъ то особенное свойство, что, несмотря на отсутствіе силы, управляющей въ одномъ недѣлимомъ лицѣ, она обладаетъ великою нравственною силою, потому что въ ней всякій гражданинъ имѣетъ право участвовать въ государственномъ правленіи и, слѣдовательно, долженъ получить образованіе, достойное этого участія ¹⁾. Оттого республиканское правленіе, въ особенности пробуждаетъ страсть къ дѣламъ политическимъ и къ ораторству; здѣсь каждый желаетъ быть первымъ и стремится отличиться чѣмъ-нибудь. Самыя даже непрерывныя возмущенія и междоусобныя войны, неразлучныя съ этимъ образомъ правленія, споспѣшествуютъ быстрому развитію духа. Это объясняетъ, какимъ образомъ въ небольшихъ греческихъ республикахъ искусства и науки могли достигнуть столь высокой степени совершенства, какъ мы ихъ получили.

«Въ подобномъ же духѣ написано», по словамъ Липранди, «и все сочиненіе; оно рѣзко проявляется въ описаніи устройства греческихъ (особенно Аѳинской) и Римской республикъ, образу правленія которыхъ всегда отдается преимущество предъ всѣми другими формами правительства, о которыхъ авторъ не дѣлаетъ никакихъ заключеній, оставляя оныя исключительно только для республикъ».

¹⁾ «Здѣсь авторъ явно обнаруживаетъ свое стремленіе образовывать гражданъ къ республиканскому правленію, чтобы каждый былъ достоинъ участвовать въ ономъ» (примѣчаніе комиссіи кн. Голицына, т. е. Липранди).

На вопросъ во время слѣдствія объ этихъ запискахъ Бѣлецкій отвѣчалъ, что купилъ ихъ въ 1843 г. у студента въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, что составлены онѣ проф. Лоренцомъ, и онъ, Бѣлецкій, полагаетъ, что по нимъ въ 1843 г. велось преподаваніе въ этомъ институтѣ ¹⁾.

По поводу взведеннаго на него въ доносѣ Антонелли обвиненія Бѣлецкій показалъ, что, «излагая воспитанникамъ 4-го класса общаго курса, 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ, древнюю русскую исторію, Бѣлецкій ²⁾ считалъ своей обязанностью жизнь народа и различныя явленія древней Руси объяснять не только по сочиненіямъ общепринятымъ, но и по вновь выходящимъ, особенно если послѣднія основаны авторами на основательномъ изученіи отечественныхъ источниковъ и сближаютъ тотъ или другой вопросъ, особенно спорный, въ нашей древней, не вполне обработанной исторіи съ истиной.—Такое изложеніе Бѣлецкаго нисколько не противорѣчитъ «Наставленіямъ» для учителей—правиламъ, утвержденнымъ Государемъ Императоромъ, хотя эта книга роздана около первой половины апрѣля мѣсяца нынѣшняго года.—Главнымъ пособіемъ кромѣ сочиненій Карамзина, Погодина, Устрялова, Полевого, Бѣлецкому служила извѣстная диссертация проф. московскаго университета Соловьева: «Родовыя отношенія князей Рюрикова дома» (1848 г.), отчасти и свои незначительныя извлеченія изъ источниковъ...

«Изъ отвѣтовъ воспитанниковъ на экзаменѣ можно было видѣть не только несправедливость взводимого на меня обвиненія», продолжаетъ Бѣлецкій, «но и желаніе мое сообщить имъ изъ отечественной исторіи все, что только могло быть доступнымъ юному разсудку ихъ; не забыто было и главное въ предметѣ—нормальное развитіе разсудка юношей. Полагаю, впрочемъ, что экзаменъ былъ далеко не блестящій, по крайней мѣрѣ, не таковъ, какого ожидали ближайшіе начальники отъ воспитанниковъ трудолюбивыхъ съ прекрасными способностями. Но здѣсь недоставало имъ главнаго подспорья—самаго учителя, нынѣшнее положеніе котораго» (т.-е. арестъ его) «безъ сомнѣнія, для нихъ небезызвѣстно, слѣдовательно могло вселить въ нихъ робость и повредило ... отвѣтамъ».

Защищаясь, Бѣлецкій переходилъ даже до нѣкоторой степени (по методѣ Петрашевскаго) въ наступленіе. Подвергнувъ основательному разному «невѣжество обвинителя, скудость его

¹⁾ Въ 1841 г. вышла въ свѣтъ книга Фридриха Лоренца «Руководство къ всеобщей исторіи». Спб. ч. I. О ней Бѣлинскій далъ хвалебный отзывъ въ «Отечеств. Запискахъ» 1842 г. т. XXI, отд. V, стр. 35—45. Ср. *Ивановъ-Разумникъ*. «Сочиненія» т. V, Петроградъ 1916 г., стр. 236—245.

²⁾ Здѣсь онъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

ума и злость натуры», слѣдствіемъ которыхъ было то, что онъ не понялъ разговора и перетолковалъ его въ дурную сторону, Бѣлецкій продолжаетъ: «впрочемъ, гдѣ дѣло идетъ о заподозрѣніи совѣсти и нравственности, этихъ двухъ тайниковъ души,—тамъ оправданіе если и не невозможно, зато очень трудно, особенно въ подобномъ случаѣ и въ нынѣшнее время. Тутъ уже клевета вступаетъ во всѣ незаконныя свои права: двусмысленное выраженіе, безъ умысла оброненное въ письмѣ отца, матери, брата, сестры, университетскаго товарища, сомнительная строка въ собственныхъ бумагахъ, запрещенная книга, пріобрѣтенная и прочтенная изъ одной любознательности,—всѣ эти обстоятельства, на которыя при благопріятныхъ «условіяхъ» самая строгая цензура не обратила бы вниманія, въ настоящемъ моемъ бѣдствіи послужать поводомъ къ увеличенію причинъ для моего обвиненія».

П. А. Кузминъ, сожитель одно время и хорошій знакомый Бѣлецкаго, далъ о немъ такой отзывъ: «Бѣлецкій, по моему мнѣнію, воспользовался ученіемъ, но не имѣлъ случая пріобрѣсти образованности свѣтской; живой, энергическій характеръ и рѣзкость въ выраженіяхъ часто заставляютъ дѣлать невыгодное о немъ заключеніе. Особо примѣчательнаго соціальнаго направленія не нахожу въ немъ... Полагаю, что онъ преподавалъ по программѣ, но въ духѣ своихъ убѣжденій».

Слѣдственная комиссія въ засѣданіи 25 мая 1849 г. постановила передать ея члену, начальнику штаба всѣхъ военныхъ заведеній ген.-ад. Ростовцеву копію съ обвиненій противъ Бѣлецкаго для секретнаго разслѣдованія, насколько онѣ справедливы. Ростовцевъ немедленно послалъ запросы о Бѣleckомъ директору 1-го корпуса полковнику Лихонину и директору 2-го корпуса ген.-лейт. Бибикову; Бибикова онъ просилъ сообщать откровенно свое мнѣніе, какъ о классахъ, въ которыхъ училъ Бѣлецкій, такъ и о немъ самомъ. Такъ какъ въ препровожденномъ къ нему доносѣ упоминалось о покровительствѣ, будто бы оказанномъ Лихонинымъ Бѣleckому, когда дьяконъ донесъ ему о превратномъ толкованіи Бѣleckимъ исторіи Авраама, то Лихонинъ предписалъ учителю закона Божьяго, дьякону Надѣину, сообщить ему письменно «о вольномысліи учителя Бѣлецкаго». Въ отвѣтъ на это требованіе Надѣинъ написалъ: «въ исходѣ прошлаго 1848 г... въ первомъ классѣ общаго курса, 2-мъ отдѣленіи... кадетъ, помнится Елагинъ, спрашивалъ меня: «Правда ли, батюшка, что Авраама не было?». На вопросъ мой, почему пришло на мысль ему спросить объ этомъ, отвѣчалъ, что имъ преподаватель исторіи, г. Бѣлецкій, говорилъ объ этомъ въ классѣ, что будто бы и вся исторія Авраама есть не болѣе, какъ поэзія

или аллегорія; это подтвердили и нѣкоторые другіе кадеты. «Вмѣсто всякаго объясненія я предложилъ тотчасъ... вопросъ: ежели бы о г-нѣ Бѣлецкомъ послѣ стали говорить, что онъ никогда не существовалъ,—правду будутъ говорить или нѣтъ. Отакимъ вольномысліи г. Бѣлецкаго я немедленно втайнѣ передалъ его высокоблагородію, главному наблюдателю надъ преподаваніемъ закона Божія въ военноучебныхъ заведеніяхъ, протоіерею Н. О. Раевскому, и сообщилъ тоже втайнѣ помощнику инспектора классовъ, г. капитану Даниловскому».

Препровождая Ростовцеву эту записку діакона Надѣина, Лихонинъ писалъ: «Учитель Бѣлецкій преподавалъ во ввѣренномъ мнѣ корпусѣ въ трехъ классахъ, а именно: древнюю исторію азіатскихъ и африканскихъ народовъ въ 1-мъ классѣ общаго курса во 2-мъ отдѣленіи, гдѣ находились воспитанники отъ 10 до 12 лѣтъ, и русскую исторію въ двухъ отдѣленіяхъ 4-го класса общаго курса, гдѣ состояли кадеты отъ 15 до 18 ти лѣтъ. Во всѣхъ этихъ классахъ Бѣлецкій исторію преподавалъ по программѣ, давно уже утвержденной; новой же программы, которая должна быть составлена на основаніи инструкции, начертанной вашимъ прев—ствомъ и удостоенной Высочайшаго утвержденія, еще не получено въ корпусѣ къ руководству, а потому и неизвѣстно, что разумѣлъ составитель записокъ, говоря, что Бѣлецкій приготовилъ по программѣ вашего пр—ва классъ, изъ котораго выйдутъ люди, могущіе двинуть Россію впередъ». При этомъ онъ замѣтилъ, что никакого покровительства Бѣлецкому онъ, Лихонинъ, не оказывалъ; напротивъ, когда діаконъ довелъ до свѣдѣнія инспектора (а не его) о словахъ Бѣлецкаго объ Авраамѣ, то онъ тотчасъ приказалъ инспектору Кушакевичу разобратъ это дѣло возможно подробнѣе, но розысканіе не подтвердило сообщенія діакона. Самъ Бѣлецкій на вопросъ инспектора классовъ отрицалъ приписываемыя ему слова; въ запискахъ, по которымъ онъ преподавалъ, объ Авраамѣ говорится согласно со Священною Исторіей. Священникъ же корпуса, протоіерей Раевскій, на вопросъ Лихонина, отчего онъ не довелъ этого обстоятельства тотчасъ до его свѣдѣнія, отвѣчалъ, что, «замѣчая нѣсколько разъ преувеличенныя извѣщенія діакона, онъ и въ настоящемъ случаѣ не могъ вполне положиться на справедливость его донесенія, тѣмъ болѣе, что оно основано на словахъ 11-ти-лѣтняго ребенка». Въ заключеніе директоръ 1-го корпуса пояснилъ, что Бѣлецкій приглашенъ былъ съ небольшимъ годъ тому назадъ, какъ частный преподаватель, для замѣны опасно заболѣвшаго учителя русской исторіи Касторскаго. Директоръ, посѣщая классы, не

находилъ въ преподаваніи Бѣлецкаго ничего предосудительнаго. Произведенная провѣрка «духа» его преподаванія, по отвѣтамъ воспитанниковъ, подтвердила это, такъ же, какъ и годовой экзаменъ, на которомъ наиболѣе способный воспитанникъ отвѣчалъ объ Авраамѣ согласно съ записками и Священною Исторіею. Но изъ разсказа Венюкова объ Ястржембскомъ мы видѣли, какъ умѣли ученики не выдать учителя.

Директоръ 2-го корпуса Бибииковъ донесъ Ростовцеву, что утвержденное государемъ наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній было получено 11 марта, когда курсъ былъ уже почти законченъ, и не могло быть еще примѣнено. Бѣлецкій преподавалъ исторію въ 4-мъ классѣ общаго курса воспитанникамъ 15-ти лѣтъ и въ двухъ отдѣленіяхъ 1-го класса дѣтямъ 10-ти—11-ти лѣтъ, и «при бдительномъ наблюденіи начальства не могъ говорить кадетамъ ничего вреднаго», причѣмъ на воспитанниковъ 4-го класса не могъ имѣть вліянія, такъ какъ вслѣдствіе своего раздражительнаго характера не былъ ими любимъ¹⁾, а потому они, по мнѣнію директора, разсказали бы, если бы онъ сталъ внушать имъ что-либо непозволительное. Затѣмъ директоръ, вѣроятно, чтобы объяснить слова, приписанныя Бѣлецкому въ доносѣ Антонелли, сообщалъ, что Бѣлецкій любилъ прихвастнуть, спорить, сдѣлать въ запальчивости для подтвержденія имъ сказаннаго какую-нибудь ложную ссылку на сочиненіе, въ которомъ не оказалось того, что онъ подтверждалъ.

Напротивъ, братъ П. А. Кузмина, А. А. Кузминъ 2-й, показывалъ, что онъ, кажется, слышалъ отъ Бѣлецкаго, что онъ, какъ учитель, «имѣетъ вліяніе на кадетъ своего класса и, пользуясь этимъ, заставилъ ихъ полюбить свой предметъ, и они очень старательно учатся у него».

Воспитатель 1-го корпуса Кропотовъ, человѣкъ довольно антипатичный, далъ о Бѣлецкомъ неблагопріятный отзывъ. Оговорившись, что имѣетъ съ нимъ лишь «шапочное знакомство» онъ все же нашелъ возможнымъ сказать слѣдующее: «знаю его, какъ чудака, человѣка страннаго, своеобразнаго и несмягченнаго образованіемъ. Какъ воспитателю, я не поручилъ бы ему дѣтей своихъ.—Въ воспитателѣ непремѣнно должна быть кротость и снисхожденіе къ чужимъ мнѣніямъ. Я, бывши дежурнымъ, разъ видѣлъ, какъ онъ подошелъ къ одному учителю, разсказывавшему о чемъ-то, и ни съ того ни съ сего сталъ съ нимъ спорить

¹⁾ Это несправедливо: одинъ ученикъ Бѣлецкаго свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ какъ разъ обратное: «кадеты его любили». «Воспоминанія Н. И. Воронова по западному краю». Владиміръ 1907 г., стр. 184

и разстался не въ добрыхъ отношеніяхъ. Человѣкъ, который не уважаетъ чужихъ мнѣній и самъ ссорится съ другими, не можетъ дать и другимъ добраго направленія». Всѣ старанія Кропотова говорить на вопросахъ въ духѣ, пріятномъ слѣдователямъ, не спасли и его самого, подобно Бѣлецкому, отъ лишенія по волѣ начальства званія воспитателя (онъ былъ дежурнымъ офицеромъ въ корпусѣ).

Слѣдственная комиссія не оставила безъ вниманія и тѣхъ выписокъ изъ литографированныхъ записокъ по исторіи, найденныхъ у Бѣлецкаго и студента Филиппова, которыя были доставлены ей комиссіей кн. Голицына, и сообщила ихъ военному министру, кн. Чернышеву, для доклада государю. Императоръ Николай приказалъ, какъ эти выписки, такъ и самыя литографированныя записки препроводить «предсѣдателю секретнаго цензурнаго комитета» дѣйст. тайн. сов. Бутурлину «для подробнаго разбора и удостовѣренія, преподаются ли по онымъ лекціи въ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства» и для этого дать Бутурлину право требовать отъ министра народнаго просвѣщенія и отъ секретной слѣдственной комиссіи по дѣлу петрашевцевъ «всѣ нужныя свѣдѣнія для разсмотрѣнія и представленія заключенія по сему важному дѣлу» ¹⁾.

Относительно самого Бѣлецкаго слѣдственная комиссія, въ засѣданіи 7-го іюля 1849 г., нашла, что собраній Петрашевскаго онъ не посѣщалъ, «никѣмъ и ни въ чемъ не только не оговаривается, но даже почти ни съ кѣмъ изъ гостей Петрашевскаго не былъ знакомъ, кромѣ брата бывшаго помощника инспектора классовъ 2-го кадетскаго корпуса шт.-кап. генеральнаго штаба Кузмина, который останавливался у него на квартирѣ по пріѣздѣ изъ Тамбова; въ бумагахъ его ничего особенно предосудительнаго не найдено, кромѣ литографированныхъ записокъ всеобщей исторіи профессора Педагогическаго Института Лоренца и отрывковъ изъ записокъ, составленныхъ по историческимъ лекціямъ проф. Куторги въ 1842 и 1843 г.г. въ петербургскомъ университетѣ, когда Бѣлецкій былъ студентомъ, въ которыхъ мѣстами замѣчаются разсужденія въ социальномъ смыслѣ. Виновенъ въ томъ, что однажды у себя на квартирѣ хвасталъ предъ своими гостями, что будто онъ преподаетъ дѣтямъ исторію либерально; но, чтобы

¹⁾ 31 августа слѣдственная комиссія, прочитавъ объясненія главнаго наблюдателя по преподаванію политическихъ наукъ военно-учебныхъ заведеній Шульгина по поводу мнѣній Липранди о рукописныхъ запискахъ законовѣдѣнія, отысканныхъ въ бумагахъ Пальма (см. «Голосъ Минувшаго» 1915 г. № 11, обр. 13—16), постановила войти съ представленіемъ къ военному министру о томъ, чтобы и эти записки законовѣдѣнія были отправлены Бутурлину.

онъ дѣйствительно преподавалъ... въ такомъ видѣ, то по изслѣдованію не подтвердилось». Комиссія постановила признать его мало виновнымъ и зачтя ему двухмѣсячное предварительное заключеніе въ наказаніе, ходатайствовать объ освобожденіи его изъ-подъ ареста съ тѣмъ, чтобы этотъ арестъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій для его будущей службы. Но, несмотря на признаніе его преподаванія вполне благонадежнымъ, Ростовцевъ объявилъ Комиссiи, что онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ оставаться учителемъ въ корпусахъ, очевидно, вслѣдствіе рѣзкаго отзыва Бѣлецкаго о программѣ, выработанной подъ наблюдениемъ Ростовцева, о самомъ Ростовцевѣ и о директорѣ корпуса, и комиссія согласилась съ этимъ мнѣніемъ своего вліятельнаго члена. Государь разрѣшилъ освободить Бѣлецкаго, но съ тѣмъ, чтобы онъ не былъ болѣе учителемъ не только въ военныхъ, но и въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ него была взята подписка о невыѣздѣ изъ Петербурга безъ разрѣшенія слѣдственной комиссіи. Но дѣло не ограничилось этимъ; судьба Бѣлецкаго была весьма печальна.

Въ засѣданіи слѣдственной комиссіи 23-го іюля было получено письмо управляющаго 3-мъ отдѣленіемъ Дубельта къ председателю комиссіи Набокову, которымъ онъ извѣщалъ, что «бывшій учитель 1-го кадетскаго корпуса Петръ Бѣлецкій за извѣстный вашему пр—ству поступокъ противъ чиновника Антонелли, доказывающій, что онъ, Бѣлецкій, не восчувствовалъ сдѣланнаго ему взысканія и не смягчилъ своего строптиваго характера, по приказанію г. военного министра отправленъ на жительство въ Вологду подъ строжайшій надзоръ полиціи». Дѣло было въ томъ, что Бѣлецкій, по освобожденіи изъ крѣпости встрѣтился съ агентомъ Антонелли и, какъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ П. А. Кузминъ, «этотъ негодай осмѣлился обратиться къ Бѣлецкому, какъ знакомый. Бѣлецкій, видѣвшій Антонелли всего одинъ разъ, когда тотъ навязался на вечеръ къ Кузмину 16 апрѣля, «извиняется, что не знаетъ, кто онъ такой, и Антонелли имѣетъ нахальство назвать свою фамилію, напомнивъ, что былъ въ его квартирѣ. Бѣлецкаго это взорвало, и онъ воскликнулъ: «Какъ! вы, гнусный, подлый чловѣкъ, осмѣливаетесь подходить ко мнѣ,—прочь, негодай!» По словамъ Ахшарумова, Бѣлецкій ударилъ Антонелли по лицу и указалъ на него прохожимъ, какъ на доносчика. Кузминъ слышалъ, что Бѣлецкому позволили возвратиться въ Петербургъ въ 1853 г. ¹⁾, но едва ли это вѣрно, такъ какъ ученикъ Бѣлецкаго

¹⁾ «Русская Стар.» 1895 . № 4, стр. 77—78; Ахшарумовъ. «Изъ моихъ Воспоминаній», Спб. 1905, стр. 7—8.

по 2-му корпусу Вороновъ говорить, что въ 1857 г. онъ встрѣтилъ Бѣлецкаго въ Вологдѣ рядовымъ мѣстнаго гарнизоннаго баталіона. Или во время пребыванія его въ административной ссылкѣ съ нимъ случилась какая-нибудь новая бѣда, или онъ прямо былъ отправленъ въ Вологду солдатомъ.

Не прочь были повліять на своихъ учениковъ въ извѣстномъ направленіи преподаватель химіи Э. Н. Львовъ и учитель словесности А. П. Милуковъ. Львова на допросѣ спросили: «есть показанія, что на собраніяхъ у Дурова въ числѣ прочихъ говорили и вы, что учителя въ учебныхъ заведеніяхъ должны стараться читать сколько возможно въ либеральномъ духѣ». Львовъ отвѣчалъ: «Я никогда не говорилъ, что учителя должны читать въ либеральномъ духѣ. Я только на вопросъ Дурова: «Вы что проповѣдуете тамъ съ вашею химіею», отвѣчалъ: случается и въ ней что-нибудь замѣтить. Вотъ когда разнесся было слухъ, что хотятъ закрыть университеты, то, сожигая фосфоръ, когда воспитанники замѣтили, что послѣ ослѣпительнаго свѣта, который онъ издавалъ при своемъ горѣніи, свѣтъ отъ лампъ казался темнымъ, я замѣтилъ мимоходомъ, что мы только тогда понимаемъ всю яркость свѣта, когда его лишаемся. Такъ точно и съ просвѣщеніемъ: мы только тогда чувствуемъ всю цѣну ему, когда лишаемся средствъ получать его, и прибавилъ: вотъ поговариваютъ, что закроютъ университеты, теперь не учатся, а послѣ будутъ жалѣть объ этомъ. Это дѣйствительно я сказалъ въ специальномъ классѣ... Что касается до другихъ, то... слышалъ только, что Милуковъ сказалъ одинъ разъ, что онъ, замѣчая, какъ «воспитанники, видя проходящаго мимо ихъ класса священника, выбѣгали цѣловать у него руки, прибавилъ, читая описаніе характера Чичикова..., что онъ въ училищѣ выбѣгалъ всегда изъ класса, видя проходящаго законоучителя, подъ благословеніе, и что послѣ этого уже изъ класса его никто не выбѣгалъ подъ благословеніе».

Въ связи съ арестомъ Бѣлецкаго явились подозрѣнія и относительно нѣкоторыхъ другихъ преподавателей военно-учебныхъ заведеній. 2-го мая Ростовцевъ сообщилъ ген.-маіору Грессеру, директору Дворянскаго полка, «что по дошедшимъ слухамъ учителей нѣмецкаго языка Бальца и Бари и учителя русскаго языка Введенскаго подозрѣваютъ въ безчестномъ намѣреніи развивать въ воспитанникахъ во время классовъ мысли вредныя и возмутительныя противъ правительства». Имѣя въ виду, что Бальцъ, Бари и Введенскій «состоятъ на службѣ и въ числѣ преподавателей Дворянскаго Полка», Ростовцевъ просилъ Грессера доставить «подъ его ручательствомъ» точныя свѣдѣнія «о по-

веденіи и поступкахъ» этихъ трехъ учителей, которые могутъ «подтвердить или отклонить» это подозрѣніе, а также о нравственномъ и умственномъ направленіи ихъ, какъ преподавателей. Относительно Бари Ростовцевъ обратился съ запросомъ и къ директору 1-го корпуса Бибикову, а о Бальцѣ секретно запросилъ еще бар. Ник. Ив. Корфа, который рекомендовалъ Бальца, бывшаго учителемъ его дѣтей. При этомъ Ростовцевъ прибавилъ, что Бальцъ «также подозрѣваемъ тайной полиціей въ веденіи корреспонденціи съ заграничными демагогами и въ выпискѣ изъ-за границы возмутительныхъ сочиненій».

Относительно Бальца и Бари дальнѣйшихъ свѣдѣній я не имѣю, что же касается Иринарха Ив. Введенскаго, извѣстнаго переводчика Диккенса, доносъ на котораго былъ сдѣланъ Вигелемъ, то на его замѣчательной личности я считаю необходимымъ остановиться, какъ потому, что его дѣло, хотя и внѣшнимъ образомъ, связывалось съ дѣломъ Бѣлецкаго, такъ и потому, что у Введенскаго бывалъ одинъ изъ видныхъ петрашевцевъ—Ханыковъ.

Приведенный выше запросъ Ростовцева относительно Введенскаго былъ вызванъ безъ сомнѣнія письмомъ Ф. Ф. Вигеля, извѣстнаго автора записокъ, директору департамента иностранныхъ исповѣданій, Н. С. Алексѣеву: «не увидите ли Вы», писалъ Вигель, «съ почтеннѣйшимъ Иваномъ Петровичемъ Липранди, единственнымъ человѣкомъ, который съ желаніемъ истребленія зла соединяетъ тонкій умъ, къ тому способствующій. Не скажете ли ему хоть отъ меня, что несчастный случай далъ мнѣ по заочности узнать объ одномъ Введенскомъ, поповичѣ, говорить съ чрезвычайнымъ умомъ и съ изумительными правилами безнравственности и безбожія, и *se qui s'en suit*. Онъ задушевный другъ Петрушевскаго (*sic*), но такъ благоразуменъ, что не принадлежитъ ни къ какому обществу. Привлечь его къ отвѣтственности была бы совершенная несправедливость. Но онъ преподаетъ науки въ Павловскомъ и другихъ кадетскихъ корпусахъ; не жалко ли будетъ оставить такую отраву среди возрастающаго юношества? и какъ про это не знаетъ ген. Ростовцевъ? Мы съ Вами не доносчики и не наше бы дѣло, если бъ мы не были знакомы съ Ив. Петр. Что-то совѣстно не указать на то, среди благонамѣренныхъ видовъ добраго знакомаго ¹⁾». Алексѣевъ довелъ до свѣдѣнія Липранди это письмо, написанное 28 апрѣля 1849 г., т.-е. черезъ нѣсколько дней послѣ ареста петрашевцевъ, а Липранди, очевидно, о содержаніи письма довелъ до свѣдѣнія

¹⁾ «Русская Старина» 1871 г. т. IV, 697.

Ростовцева, впоследствии же передалъ его для напечатанія въ «Русскую Старину», какъ сдѣлалъ это и съ своею извѣстною запискою противъ петрашевцевъ.

Письмо Вигеля, переданное Липранди, было не первымъ доносомъ на Введенскаго; уже 5 апрѣля 1849 г. Введенскій написалъ письмо Ростовцеву противъ какого-то «обвиненія или подозрѣнія», видимо формулированнаго весьма неопредѣленно, такъ какъ Введенскій въ началѣ своего оправданія говорить: «кажется обвиняють или подозрѣвають меня въ какомъ-то либерализмѣ или злонамѣренномъ распространеніи мнѣній, противныхъ существующему ходу вещей». Введенскій энергически отрицалъ это обвиненіе. Онъ объяснялъ также, что, преподавая русскую словесность, сообщилъ своей наукѣ «историческое направленіе». Видимо очень напуганный доносомъ, Введенскій указывалъ на то, что, за исключеніемъ времени, проводимаго имъ въ классахъ Дворянскаго Полка, гдѣ онъ преподавалъ съ 1842 г.» и Артиллерійскаго училища ¹⁾, онъ ведетъ жизнь «затворника въ полномъ и совершеннѣйшемъ смыслѣ этого слова», что написалъ «десятка два оригинальныхъ критическихъ статей» по англійской и русской литературѣ, что въ 1847 г., уже 32-хъ лѣтъ отъ роду, принялся изучать англійскій языкъ и затѣмъ напечаталъ переводы романа Диккенса «Домби и Сынъ» ²⁾, романа Купера «Дирслэйеръ» и еще одной повѣсти Диккенса. Вѣроятно первое обвиненіе предъявлено было Введенскому на словахъ, и возможно, что оправдательное письмо его не было доведено до свѣдѣнія Ростовцева. Я заключаю это, во-первыхъ, изъ того, что кромѣ черновика, сохранившагося въ семейныхъ бумагахъ Введенскаго, другой экземпляръ письма найденъ въ бумагахъ тогдашняго инспектора Дворянскаго Полка Д. М. Павловскаго ³⁾, а, во-вторыхъ изъ того, что если бы Ростовцевымъ было получено это оправданіе, датированное 5-мъ апрѣлемъ 1849 г., то едва ли бы ему понадобилось въ маѣ того же года наводить официальную справку о Введенскомъ.

Введенскій былъ болѣе основательно образованнымъ преподавателемъ, чѣмъ Ястржембскій; его ученикъ Венюковъ свидѣ-

¹⁾ Мѣсто въ артиллерійскомъ училищѣ Введенскій получилъ осенью 1847 г. и преподавалъ тамъ исторію русской литературы офицерамъ. «Русск. Арх.» 1901 г. № 5, стр. 114.

²⁾ Окончаніе романа едва-едва было пропущено цензурою. Въ январѣ 1848 г. Введенскій писалъ сестрѣ: «у насъ со времени Петра Великаго еще не было такой наглої, безсовѣстной и безстыдной цензуры, какъ въ настоящее время. Если такъ продолжится еще нѣсколько времени, въ русской литературѣ произойдетъ совершенный застой». См. тамъ же, стр. 117.

³⁾ «Колося» 1884 г. № 11, стр. 259—262; «Русск. Стар.» 1879 г. № 8, стр. 741—744.

тельствуетъ объ его умѣ, знаніи и преподавательскомъ талантѣ», но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говоритъ, что по вліянію на кадетъ Дворянскаго Полка онъ занималъ не первое мѣсто. Однако онъ имѣлъ большое значеніе для воспитанниковъ высшихъ классовъ Дворянскаго Полка даже и тогда, когда уже прекратилъ преподаваніе и былъ замѣненъ Г. Е. Благосвѣтловымъ, такъ какъ въ качествѣ наставника-наблюдателя по преподаванію русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ пріѣзжалъ въ Дворянскій Полкъ и бесѣдовалъ съ воспитанниками. (Введенскій прекратилъ преподаваніе потому, что ослѣпъ; умеръ онъ въ іюлѣ 1855 г.). Такъ мой братъ, М. И. Семевскій, впоследствии редакторъ «Русской Старины», считалъ себя обязаннымъ въ своемъ развитіи И. И. Введенскому, который направилъ его на изученіе исторіи русскаго языка и русской исторіи вообще ¹⁾.

Венюковъ такъ характеризуетъ Введенскаго, какъ преподавателя въ Дворянскомъ полку: «его главное достоинство состояло въ томъ, что онъ не обращался съ нами, какъ со школьниками, которыхъ нужно авторитетно поучать, а какъ съ молодыми людьми, которымъ, какъ существамъ умственно и нравственно равнымъ со взрослыми, нужно только передать известную массу недостающихъ имъ свѣдѣній. При этомъ подразумевалось, что свѣдѣнія эти будутъ подобраны и изложены такъ, чтобы мы отъ усвоенія ихъ становились людьми современными, знакомыми съ успѣхами человѣческаго ума и съ поставленными на очередь общими теоретическими вопросами. Въ официальной программѣ у Введенскаго былъ, напримѣръ, коротенькій параграфъ: «энциклопедисты XVIII вѣка и ихъ вліяніе на русскую литературу». Онъ изъ этого параграфа умѣлъ сдѣлать нѣсколько лекцій большой занимательности и поучительности. Вольтеръ, Дидро, Даламберъ, Руссо, Гельвецій, Гольбахъ и пр. являлись официально «разрушителями», какъ у Смараглова; но *privatim* разрушительныя ихъ теоріи были изложены такъ, что было ясно, что они—возстановители человѣческихъ правъ, люди, которыхъ чтили сами великіе государи, Фридрихъ II, Екатерина II, а сажали въ Бастилію только ничтожности, въ родѣ Людовика XV. Вольтеръ официально порицался, а Державинъ, пѣвецъ Фелицы и славныхъ русскихъ вельможъ, былъ похваляемъ, но такъ, что всякій чувствовалъ, что авторъ Водопада, Видѣнія, Мурзы и пр.—жарликъ по сравненію съ авторомъ Философскаго Словаря и Кандида. Вольтера цари боялись и уважали, а Державина

¹⁾ В. Тимошукъ. «М. И. Семевскій, съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера» С.-Пб. 1895 г., стр. 18—19; «Голосъ» 1884 г. № 11, стр. 269—270.

только награждали. Любопытство къ изученію Руссо, Вольтера, энциклопедистовъ было подстрекнуто какъ нельзя лучше, хотя и неудовлетворено, такъ какъ этого не допускала программа. Говоря о Пушкинѣ и Лермонтовѣ, Введенскій не умалчивалъ о Байронѣ, о его мрачномъ отрицаніи преданій, предразсудковъ и всего гнуснаго строя современнаго ему общества, и напоминалъ, что подобные поэты являются только у народовъ, идущихъ впередъ, а не у тѣхъ, которые погрязаютъ въ азіатской косности. «Жалки люди, которые вѣчно удовлетворяются готовыми догматами, казенной моралью, и не проходятъ черезъ горнило отрицанія, котораго Байронъ одинъ изъ высшихъ представителей»... Изъ насъ, конечно, никто не зналъ по-англійски и въ подлинникѣ Байрона читать не могъ; но мы всѣ знали лермонтовскаго Демона безъ цензурныхъ сокращеній, его Думу и пр., и Введенскій пояснилъ, что это какъ бы отрывки изъ байроновскихъ поэмъ, въ родѣ Каина, Манфреда и др., что Онѣгинъ Пушкина есть тоже потомокъ Чайльдъ-Гарольда, что Мазепа воспѣтъ Байрономъ прежде Пушкина и т. д. Дорога была указана, отношеніе русскаго духовнаго развитія къ европейскому намѣчено, хотя въ краткихъ, но твердыхъ чертахъ. Отсюда—уваженіе въ насъ къ европеизму и нѣкоторое презрѣніе къ узкимъ теоріямъ славянофильства, тогда очень громко проповѣданнымъ. И успѣхъ лекцій Введенскаго былъ тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ былъ преподаватель вполне серьезный, не позволявшій себѣ остроты, игривыхъ фразъ и т. п.»¹⁾

Еще болѣе значенія придаетъ Введенскому въ своихъ воспоминаніяхъ А. М. Миклашевскій: «И. И. Введенскому мы обязаны нашимъ литературнымъ развитіемъ. Это былъ человѣкъ съ огромными научными свѣдѣніями, но главное его достоинство и заслуга заключались въ томъ, что онъ умѣлъ увлечь молодежь своимъ предметомъ. Въ его классѣ всѣ мы были—вниманіе и слухъ; тишина была необыкновенная, мы чувствовали и сознавали, что этотъ человѣкъ идетъ самъ и насъ ведетъ по совершенно новому пути... Введенскій не придавалъ никакого значенія балламу, и его предметъ изучался съ наслажденіемъ. Этотъ преподаватель былъ нашъ идеалъ; мы не только изучали основательно его предметъ, но многіе старались говорить его языкомъ, перенимали его манеры, употребляли его поговорки... Введенскій, читая исторію русской литературы, познакомилъ насъ и съ литературой всей Западной Европы.

«Обширные записки русской литературы его каждый взялъ

¹⁾ По словамъ г. А., «нельзя было не восхищаться великолѣпнымъ даромъ слова Введенскаго». См. «Русскій», 1868 г., № 129.

съ собою по выходѣ въ офицеры.—Помню, что намъ пришла въ голову мысль издавать журналъ, и вотъ, въ одну изъ лекцій Введенскаго, мы поднесли ему довольно объемистую тетрадь, величиною въ листъ писчей бумаги: на верхнемъ листѣ перомъ была нарисована хорошенькая виньетка съ крупною надписью: «Дворянскій Вѣстникъ». На первой страницѣ сіяли стихи В. С. Курочкина, потомъ какой-то разсказъ въ прозѣ Д. Д. Минаева, и, наконецъ, критическій отдѣлъ былъ мой; я же подписался «редакторомъ», «конечно, на второй уже мѣсяцъ журналъ не вышелъ за недостаткомъ матеріала... Я помню тотъ восторгъ, который выразился на лицѣ Введенскаго, при чтеніи журнала» ¹⁾.

Введенскому удалось оправдаться въ возведенныхъ на него обвиненіяхъ; въпослѣдствіи онъ даже настолько понравился Ростовцеву, что былъ назначенъ въ 1853 г. наставникомъ-наблюдателемъ по преподаванію русскаго языка и словесности и иностранныхъ языковъ во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ; но добиться каведры русской литературы въ петербургскомъ университетѣ ему такъ и не удалось, несмотря на успѣшно прочитанную имъ пробную лекцію ²⁾.

Иринархъ Ивановичъ Введенскій много натерпѣлся въ своей жизни³⁾. Онъ былъ сынъ бѣднаго сельскаго священника Саратовской губерніи, родился 21 ноября 1813 г., учился въ пензенскомъ духовномъ училищѣ и саратовской духовной семинаріи. Нужда заставила его, вмѣсто университета, о которомъ онъ мечталъ, поступить въ московскую духовную академію, но за 5 мѣсяцевъ до окончанія курса, чувствуя отвращеніе къ духовному званію, онъ бросилъ академію и поступилъ въ 1838 г. въ московскій университетъ. Крайне нуждаясь, онъ взялъ мѣсто учителя въ пансіонѣ М. П. Погодина за 600 р. асс. въ годъ и былъ такъ занятъ до поздняго вечера, что могъ лишь изрѣдка посѣщать университетъ. Весною 1840 г. Введенскій перебрался въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на филологическое отдѣленіе философскаго факультета и удивлялъ и студентовъ, и профессоровъ своими громадными знаніями, и между прочимъ говорилъ по-латыни съ профессоромъ-классикомъ Грефе. Въ слѣдующемъ году онъ сдѣлался сотрудникомъ «Библіотеки для чтенія» Сенковского, а въ августѣ 1842 г. окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ со званіемъ кандидата и немедленно получилъ мѣсто

¹⁾ «Русск. Стар.» 1891 г., № 1, стр. 116—117; ср. 1892 г., № 4, стр. VII.

²⁾ В. Б. «И. И. Введенскій по его письмамъ». «Русск. Арх.» 1901 г., № 5, стр. 123; А. Н. Пыпинъ. «Мои замѣтки», М. 1910, стр. 74—77.

³⁾ См. его біографическій очеркъ, составленный Г. Е. Благосвѣтловымъ. СПб. 1857 г.; Барсуковъ «Жизнь и труды М. П. Погодина», V, 21—30.

преподавателя русскаго языка и словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Съ 1847 г. онъ уже сотрудничалъ также въ «Современникѣ», а съ 1849 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ» ¹⁾. Введенскій прекрасно зналъ французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій языки.

По средамъ или пятницамъ ²⁾ у Введенскаго собирались его знакомые, и въ томъ числѣ Григ. Евламп. Благосвѣтловъ ³⁾, А. П. Милюковъ, посѣщавшій также кружокъ писателя петрашевца Дурова, писатель Д. И. Минаевъ и другіе. По словамъ Милюкова, «предметомъ разговоровъ были преимущественно литературныя новости, но часто затрагивались и вопросы современной политики. Въ 1847—48 г.г. событія въ Европѣ сдѣлались даже главною, почти исключительною темою бесѣдъ, какъ и въ другихъ кружкахъ тогдашней петербургской молодежи. Иностранныя газеты, хотя сильно кастрируемыя цензурой, читались съ усерднымъ любопытствомъ. Реформы Пія IX и народное движеніе въ Италіи, а затѣмъ февральская революція въ Парижѣ и отголоски ея почти по всей западной Европѣ отодвинули литературныя интересы на второй планъ и обратили общее вниманіе на современныя политическія событія. Съ этимъ связывались, конечно, и вопросы социальныя, и сочиненія Прудона, Луи-Блана, Пьера Леру нерѣдко вызывали обсужденія и споры».

Милюковъ возражаетъ противъ мнѣнія тѣхъ знакомыхъ Введенскаго, которые считали его «крайнимъ либераломъ». Тѣмъ не менѣе онъ свидѣтельствуетъ, что «у Введенскаго были убѣжденія, которыя по тому времени многимъ должны были казаться слишкомъ несогласными съ авторитетно-консервативными взглядами, а протестъ противъ рутинныхъ мнѣній въ наукѣ и литературѣ высказывался имъ смѣло и рѣзко». Относительно религіи его взгляды были также «далеко не согласны съ принятыми вѣрованіями ⁴⁾», но утверждаетъ Милюковъ, «онъ никогда не былъ пропагандистомъ своихъ личныхъ воззрѣній» и «если интересовался радикальными мнѣніями въ литературѣ и политикѣ,

¹⁾ Въ 1849 г. онъ напечаталъ статьи о Державинѣ и Тредьяковскомъ въ «Сѣверномъ Обозрѣніи».

²⁾ Упоминается разными лицами, то тотъ, то другой день; вѣроятно, Введенскій измѣнялъ день своихъ фиксовъ. Чернышевскій въ 1849 г. упоминаетъ о фиксѣ у Введенскаго во вторникъ.

³⁾ А. Н. Пыпинъ, встрѣчавшій у Введенскаго Благосвѣтлова въ началѣ 50-хъ годовъ, говоритъ, что онъ былъ уже тогда человекомъ «рѣшительныхъ мнѣній». «Мои замѣтки». М. 1910 г., стр. 74—77. Въ 1848 г. Благосвѣтловъ былъ еще студентомъ университета.

⁴⁾ Въ одномъ своемъ письмѣ (1844 г.) Введенскій такъ отзывался о Хомяковѣ: «это одинъ изъ ханжей, который своими суевѣрными взглядами подъ пару какому-нибудь «Маяку современнаго просвѣщенія», «Эпизодъ изъ жизни И. И. Введенскаго». «Истор. Вѣсти.» 1888 г. т. XXXIV. 174—175.

то далеко не раздѣлялъ ихъ» ¹⁾). Мы видѣли, однако, что въ военно-учебныхъ заведеніяхъ онъ вліялъ на своихъ учениковъ въ опредѣленно-прогрессивномъ направленіи. Миллюковъ утверждаетъ, что «горячихъ почитателей социализма» въ кружкѣ Введенскаго не было. Очевидно онъ имѣетъ при этомъ въ виду людей болѣе извѣстныхъ, такъ какъ тутъ же упоминаетъ, что вечера Введенскаго сталъ посѣщать Н. Г. Чернышевскій, тогда еще студентъ петербургскаго университета. Дневники автора «Что дѣлать» вводятъ насъ нѣсколько болѣе въ духовную атмосферу собраний у Введенскаго, но прежде чѣмъ остановиться на сообщаемыхъ имъ свѣдѣніяхъ, я укажу на вліяніе на Чернышевскаго въ духѣ социализма петрашевца Ханыкова.

Есть указанія, что на вечерахъ у Петрашевскаго возбуждался вопросъ о количествѣ фурьеристовъ въ Россіи, и число ихъ приблизительно опредѣляли въ 800 человекъ. Интересно поэтому отмѣтить, какъ велась петрашевцами пропаганда внѣ своихъ кружковъ и какъ они пріобрѣтали сторонниковъ своихъ идей.

Такимъ убѣжденнымъ фурьеристомъ и усерднымъ пропагандистомъ былъ Ханыковъ, одинъ изъ наиболѣе раннихъ посѣтителей (съ 1846 г.) пятницъ Петрашевскаго. Затѣмъ онъ былъ участникомъ фурьеристическаго кружка Кашкина и произнесъ горячую рѣчь на обѣдѣ 7-го апрѣля 1849 г. въ память Фурье. Вотъ этотъ то Ханыковъ явился однимъ изъ виновниковъ того, что идеи петрашевцевъ не были искоренены ссылкой въ Сибирь, отдачею въ арестанскія роты и въ солдаты ²⁾; онъ содѣйствовалъ завоеванію для русскаго социализма такой великой силы, какъ Н. Г. Чернышевскій, который самъ засвидѣтельствовалъ вліяніе на него Ханыкова въ своемъ дневникѣ.

¹⁾ А. Миллюковъ «Литер. встрѣчи и знакомства». СПб. 1890 г., стр. 71—74.

²⁾ Пыпинъ въ началѣ 50-хъ г.г. встрѣчалъ людей, которые лично знали петрашевцевъ или имѣли о нихъ точныя свѣдѣнія и считали большою несправедливостью и суровую кару, которой они подверглись. «То, что читали въ кружкѣ Петрашевскаго», говоритъ Пыпинъ, «продолжали читать и теперь, конечно только съ гораздо болѣею осторожностью». «Мои Замѣтки». М. 1910, стр. 67—68. Венюковъ въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ, что въ Петербургскомъ университетѣ въ 1852—54 гг. «никто почти не шелъ слушать Горлова, потому что всѣ знали, что онъ—эговластей и искажитель настоящей науки Мальтуса. Сисмонди, Прудона Лун-Блана и проч... Я видѣлъ у студентовъ сочиненія Пьера Леру, Виктора Консидерана, Лун-Блана и т. п., несмотря на строгость таможенъ и цензуръ, проникавшія въ Петербургъ... Социализмъ дѣлалъ широкія завоеванія въ русской молодежи, несмотря на то, что самое слово это было подъ такимъ запретомъ, какъ и «вольный духъ», изгонявшійся даже изъ «поварскихъ книгъ», если не изъ кухонныхъ печей и людскихъ головъ. Замѣчу однако же, что социалистическія теоріи далеко не всѣми студентами принимались и одобрялись, несмотря на то, что имѣли прелесть запрещеннаго плода». «Изъ воспоминаній М. И. Венюкова. Книга I. 1832—1867. Амстердамъ. 1895 г., стр. 147. Ср. «Рус. Стар.» 1891 г. т. 69, № 1, стр. 135.

23-го ноября 1848 г. Чернышевскій, участвовалъ на лекціи А. В. Никитенко въ литературной бесѣдѣ о Гёте. Чернышевскаго очень интересовала разгадка характера Гёте. Послѣ лекціи Ханыковъ подошелъ къ нему и обратилъ его вниманіе на то, что это уже сдѣлано въ наукѣ... у Фурье, который нашелъ гамму страстей. Заинтересованный Чернышевскій пошелъ изъ университета вмѣстѣ съ Ханыковымъ, и тотъ сталъ рассказывать ему о Фурье и о томъ, какъ онъ, познакомившись съ его ученіемъ, выработалъ свое міросозерцаніе «не черезъ отвлеченности, а черезъ то, что обратилъ вниманіе на земледѣліе, увидѣлъ, что помочь ему лучше всего чрезъ ассоціаціи». Ханыковъ рассказывалъ, что пытался примѣнить на дѣлѣ теорію Фурье объ ассоціаціяхъ, но попытки его были неудачны, такъ какъ трудно найти два-три семейства, которые могли бы ужиться вмѣстѣ. Стремленія эти показались Чернышевскому нѣсколько наивными, но онъ заинтересовался словами Ханыкова и рѣшилъ побывать у него и взять произведенія Фурье. При слѣдующемъ свиданіи Ханыковъ убѣждалъ Чернышевскаго прочесть рефератъ на лекціи Никитенко о теоріи страстей по ученію Фурье. Нѣсколько позднѣе это чтеніе состоялось ¹⁾.

Посѣтивъ Ханыкова и ближе познакомившись съ нимъ, Чернышевскій нашелъ въ немъ человѣка умнаго, образованнаго, убѣжденнаго. Ханыковъ далъ ему нѣсколько номеровъ фурьеристскаго журнала «La Phalange» и, кромѣ того «Paris révolutionnaire» 1848 г. ²⁾ Ханыковъ, по словамъ Чернышевскаго, развилъ передъ нимъ новыя идеи «не о фурьеризмѣ только, а вообще» и произвелъ на него сильное впечатлѣніе. «Дѣльный человѣкъ», отмѣтилъ онъ въ своемъ дневникѣ: «Ужасный пропагандистъ». «Кажется, я свяжусь съ нимъ; онъ нѣсколько не увлекаетъ меня, но я теперь его уважаю, какъ человѣка съ убѣжденіемъ и сердцемъ горячимъ...

¹⁾ «Н. Г. Чернышевскій и Фурье», «Совр. М.», 1909, 11, стр. 161 и сл. Нужно замѣтить впрочемъ, что и до знакомства съ Ханыковымъ Чернышевскій увлекался сочиненіями Леру и Луи-Блана и еще 28 іюля 1848 г. записалъ въ дневникѣ, что все болѣе и болѣе «утверждается въ правилахъ социалистовъ»; 12 сент. 1848 г. онъ отмѣчаетъ: «страшно, какой я сталъ человѣкъ крайней партіи», а черезъ нѣсколько дней пишетъ: «мнѣ, кажется, что я сталъ по убѣжденію въ конечной цѣли человечества рѣшительнымъ партизаномъ социалистовъ и коммунистовъ и крайнихъ республиканцевъ, монтаньяровъ». Е. А. Ляцкій «Н. Г. Чернышевскій въ 1848—50 гг.» «Соврем. Міръ» 1912 г. № 2, стр. 185, 194, 197. Такимъ образомъ проповѣдь Ханыкова нашла уже нѣсколько подготовленную почву во взглядахъ Чернышевскаго.

²⁾ Здѣсь были статьи изъ времени великой французской революціи о студентахъ во время реставраціи, о французскомъ карбонаризмѣ (Трела), о революціонной прессѣ, статья Этьена Араго о театрѣ, какъ средствѣ революціонной пропаганды, и др. Введеніе подъ заглавіемъ «Революціонная сила» было написано извѣстнымъ дѣятелемъ республиканской исторіи Годефруа Ксавеньякомъ, участникомъ революціи 1830 г., октябрьскаго возстанія 1830 г. и іюньскаго возстанія 1832.

Что-то будетъ изъ этого знакомства съ Ханыковымъ», записалъ Чернышевскій еще 23-го ноября: «заглохнуть ли оно или превратится въ обращеніе мое въ фурьериста? Что-то Богъ дастъ! Кажется, моя трусость и нерѣшительность и несмѣлость оставить понятія, которыя привились ко мнѣ, заставятъ меня остаться въ такомъ же положеніи въ этомъ отношеніи, какъ и теперѣ».

Ханыковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ петрашевцевъ, которые, въ отличіе отъ самого Петрашевскаго, цѣликомъ признавали ученіе Фурье, т.-е. и его космогонію. Поэтому онъ посовѣтовалъ Чернышевскому начать со статьи Фурье о космогоніи, (которая была напечатана въ журналѣ «La Phalange» 1845 г. въ майской—іюньской книжкѣ ¹⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ Чернышевскій знакомится съ теоріею Фурье о страстяхъ и 23-го ноября 1848 г. отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Что въ основаніи страстей должны быть законы, которые приводятъ ихъ въ движеніе,—истина, а остальное,—большею частью мечты. Особенно подозрительно, что ихъ 12, ²⁾—число, какъ бы не изъ природы найдено, а натянуто для 12 звуковъ въ музыкальной гаммѣ». Для реферата у Никитенка Чернышевскій сталъ пересказать изъ даннаго ему Ханыковымъ французскаго журнала (1846 г.) статью Фурье о страстяхъ, но его смущало, что «это противъ общепринятой системы нравственности» и какъ прочесть въ присутствіи аудиторіи столь смѣлыя сужденія. «Съ большимъ вниманіемъ отнесся Чернышевскій къ той части произведеній Фурье, которая преслѣдовала «вопросъ о преобразованіи людей въ условіяхъ общежительнаго строя, подъ вліяніемъ законовъ «страстнаго» и «промышленнаго» влеченій».

Читая посмертныя статьи Фурье въ «La Phalange», Чернышевскій 3-го декабря 1848 г. сдѣлалъ такую отмѣтку въ дневникѣ: «Великія тѣ мысли, на которыхъ основывается его міровоззрѣніе, ясно виденъ умъ, весьма самостоятельный, поэтому весьма сильный, хотя, право, я не знаю путей, которыми доходилъ онъ до различныхъ отвѣтовъ: отвѣты же эти если не очевидно справедливы,—странны» ³⁾.

¹⁾ Космогоническіе взгляды автора казались Чернышевскому странными, почти смѣшными, но онъ не рѣшился сразу осудить Фурье, не зная, какимъ путемъ пришелъ онъ къ своимъ выводамъ, но нѣкоторыя идеи его и въ этомъ отношеніи на первыхъ порахъ показались Чернышевскому справедливыми.

²⁾ Статьи Фурье о страстяхъ были напечатаны въ «La Phalange» съ января 1846 по январь 1847 г. включительно.

³⁾ Въ другомъ мѣстѣ Чернышевскій отзывался объ одномъ изъ отдѣловъ произведеній Фурье такъ: «Кажется, какъ будто читаешь мистическую книгу среднихъ вѣковъ или нашихъ раскольниковъ». Нѣкоторыя мысли Фурье казались ему разсужденіями сумасшедшаго, но другія онъ находилъ «рѣшительно разумными», какъ, напримѣръ, мысль о вредѣ торговли въ нынѣшнемъ видѣ.

Въ это время Чернышевскій часто бывалъ у Ханыкова. Однажды онъ встрѣтился тамъ съ однимъ изъ братьевъ Дебу (вѣроятно, младшимъ, Ипполитомъ Матвѣвичемъ). Бесѣда шла преимущественно о политикѣ и фурьеризмѣ, объ организаціи новаго общественнаго строя и способахъ его осуществленія. Пока говорили «о политикѣ въ радикальномъ смыслѣ», Чернышевскій «былъ рѣшительно согласенъ», но не сочувствовалъ ихъ взглядамъ на семейство. Не менѣе рѣзко отзывались собесѣдники и о религіи, съ чѣмъ Чернышевскій также не соглашался, хотя и не противорѣчилъ имъ, по его словамъ, вслѣдствіе «обыкновенной слабости или уступчивости». Но эволюція взглядовъ Чернышевскаго влѣво совершалась очень быстро: въ дневникѣ 25 сент. 1848 г. онъ рѣшительно называетъ себя христіаниномъ, вмѣстѣ съ православными вѣруетъ въ божественность Иисуса Христа, въ его чудеса и воскресеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что «христіанство должно со временемъ усовершенствоваться» и потому «нисколько не отвергаетъ неологовъ и раціоналистовъ», напримѣръ, Пьера Леру. Въ концѣ января 1849 г. Чернышевскій часто и горячо бесѣдуетъ съ Ханыковымъ о религіи и политикѣ, черезъ мѣсяцъ беретъ у него книгу Фейербаха «Das Wesen des Christenthums», а въ первой половинѣ марта такъ отмѣчаетъ въ дневникѣ свою бесѣду съ однимъ пріятелемъ: «У него говорилъ въ болѣе революціонномъ смыслѣ; сказалъ, что (Фейербахъ) весьма умный человекъ, весьма умный, умнѣе этихъ нашихъ ученыхъ». А въ письмахъ изъ Сибири Чернышевскій свидѣтельствуется, что въ молодости помнилъ изъ Фейербаха «цѣлыя страницы наизусть» ¹⁾.

Революція 1848 г. на западѣ произвела на Чернышевскаго сильное впечатлѣніе. Онъ былъ потрясенъ словами Каба: «Убейте меня и покажите мой трупъ реакціонерамъ, чтобы народъ возсталъ противъ нихъ». Допуская возможность появленія новой религіи, народненія новаго устройства міра, Чернышевскій пришелъ къ такому убѣжденію относительно себя: «увидѣлъ, что въ сущности я нисколько не дорожу жизнью для торжества своихъ убѣжденій, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтоженія нищеты и пороковъ. Если бы только былъ убѣжденъ, что мои убѣжденія справедливы и

¹⁾ Въ предисловіи къ 3-му изданію «Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности» (1888) Чернышевскій указываетъ на пристальное изученіе имъ Фейербаха, но предисловіе это не было пропущено цензурою, и потому 3 изд. этой книги рѣшено было не печатать. См. «Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевскаго». Спб. 1906 г. т. X, ч. 2, стр. 191—192, ср. отзывъ о Фейербахѣ, стр. 195—196. Анализъ вліянія Фейербаха на Чернышевскаго см. въ книгѣ Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевскій». Спб. 1910 г.

восторжествуютъ и если бы увѣренъ былъ, что восторжествуютъ онѣ, то даже не пожалѣлъ бы, что не увижу для торжества и царства ихъ. И сладко будетъ умереть..., если только я буду въ этомъ убѣжденъ» ¹⁾).

Познакомился Чернышевскій съ Введенскимъ, повидимому, въ теченіе учебнаго 1847—48 г.г., т.-е. когда былъ на второмъ курсѣ. Онъ посѣщалъ его среды и относительно одной изъ нихъ (въ январѣ 1849 г.) отмѣчаетъ въ дневникѣ, что «Милуковъ говорилъ въ социалистическомъ духѣ, какъ говорю я, но мнѣ кажется, что это у него не убѣжденіе, какъ у Иринарха Ивановича, или у меня, что у него не ворочается сердце, когда онъ говоритъ объ этомъ, а такъ говоритъ это только Иринархъ Ивановичъ». Но ни изъ чего не видно, чтобы Введенскій былъ сторонникомъ социалистическихъ идей ²⁾, и, вѣроятно, послѣднія слова Чернышевскаго нужно относить къ высказыванію Введенскимъ его убѣжденій въ области литературы. Напротивъ Введенскій, какъ видно даже возражалъ противъ горячихъ рѣчей увлеченнаго социализмомъ Чернышевскаго: по крайней мѣрѣ, по свидѣтельству нѣкоего А., когда Чернышевскій на вечерахъ Введенскаго «защищалъ фантазіи коммунистовъ и социалистовъ», то «хозяинъ дома..., не раздѣляя мнѣній отуманеннаго ученіемъ Фурье и Прудона, ... ³⁾ какимъ-нибудь, по обыкновенію, рѣзкимъ замѣчаніемъ», обрывалъ «безконечные періоды оратора» ⁴⁾.

27 декабря 1849 г. у Введенскаго толковали о недавнемъ объявленіи приговора надъ петрашевцами. Присутствовали, кромѣ Чернышевскаго, пріятель Введенскаго Билярскій (впослѣдствіи академикъ) и педагогъ Чумиковъ, впослѣдствіи (1860—63 г.г.) редакторъ журнала «Воспитаніе». Чернышевскій нашелъ, что Чумиковъ «умнѣе всѣхъ остальныхъ», говорилъ о заговорщикахъ

¹⁾ Е. А. Мясній. «Н. Г. Чернышевскій и Ш. Фурье» «Совр. Міръ» 1909 г. № 11, стр. 161—162, 173—177, 180—181; *его же* «Н. Г. Чернышевскій и учителя его мысли» «Совр. Міръ» 1910 г. № 11, стр. 146—148, 152.

²⁾ Впрочемъ ниже мы приведемъ указаніе Чернышевскаго, что Введенскій на вечерѣ у себя говорилъ однажды въ духѣ Ламенна. А. Н. Пыпинъ, знакомый съ Введенскимъ въ началѣ 50-хъ годовъ, говоритъ, что у него былъ «довольно опредѣленный общественный взглядъ, который можно было бы назвать демократическимъ, или, по позднѣйшему народническому». Пыпинъ «Мои замѣтки», стр. 76.

³⁾ Нужно замѣтить, что Чернышевскій въ своемъ дневникѣ рѣзко осуждалъ Прудона за его выходки противъ Фурье: «Прудонъ—ужасный ругатель: кого ни встрѣтитъ, на того набросится и начнетъ ругать».

⁴⁾ Газета «Русскій» 1868 г. № 129. Статья, подписанная буквой А.: «За И. И. Введенскаго». По мнѣнію автора этой статьи, Введенскій «былъ либераль въ лучшемъ значеніи этого слова», негодовавшій на цензоровъ. «осторожность которыхъ часто доходила до идиотизма». Особенно возмущался Введенскій, когда цензора начинали примѣнять свое усердіе даже къ сочиненіямъ Диккенса. Впослѣдствіи нѣкоторые считали Введенскаго родоначальникомъ нигилистовъ. См. «Русскій» 1868 г. №№ 68 и 75, 1869 г. № 129.

и рѣшительно отвергалъ всѣ планы, которые приписываются имъ... О нихъ говорили такъ, что они не получаютъ прощенія, а докончатъ свой срокъ. О возможности возстанія, которое освободило бы ихъ, и не думаютъ... Послѣ говорили и о социализмѣ и т. д. Чумиковъ, рѣшительный приверженецъ новыхъ ученій, и меня радуетъ», прибавляетъ Чернышевскій, «что есть такіе люди и болѣе, чѣмъ можно предполагать. Иринархъ Ивановичъ говорилъ въ духѣ, напр. Siècle или чего-нибудь въ этомъ родѣ, или, пожалуй, Ламеннэ, что это деспотизмъ и проч., и что права на вознагражденіе за умственный и тѣлесный трудъ не равны».

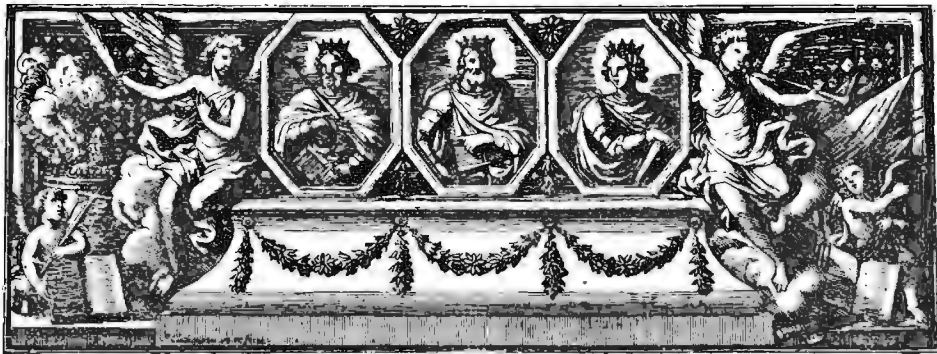
Ужасный приговоръ надъ петрашевцами нисколько не отпугнулъ Чернышевскаго отъ его радикальныхъ убѣжденій. Въ своемъ дневникѣ 20 января 1850 г. онъ говоритъ: «Вотъ мой образъ мыслей о Россіи... Занимаетъ ожиданіе близкой революціи и моя надежда на нее, хотя я и знаю, что долго, можетъ быть весьма долго изъ этого ничего не выйдетъ, такъ что можетъ быть надолго только увеличатся угнетенія». Въ маѣ того же года ему приходитъ мысль о «тайномъ печатномъ станкѣ», т.-е. о томъ, что подготовляли годомъ ранѣе петрашевцы—студентъ Филипповъ и Спѣшневъ, и окончательно рѣшается быть пропагандистомъ тѣхъ идей, которыя, по его убѣжденію, ведутъ къ свободѣ и благополучію народа ¹⁾.

Мы видѣли, что чтеніе Чернышевскаго, еще до его знакомства съ Ханыковымъ, подготовляло его къ воспріятію социализма, но все же пропаганда фурьеризма этимъ петрашевцемъ сыграла весьма не малую роль въ его развитіи.

В. И. Семевскій.

¹⁾ Ляцкій «Н. Г. Чернышевскій въ 1848—50 гг.» «Совр. Міръ» 1912 г. № 3, стр. 174, 176, 178.

«Вильямъ Шекспиръ» псевдонимъ гр. Р. Рутлэнда.

Въ настоящее время можно считать почти установленнымъ, что не В. Шекспиръ изъ Стрэтфорда—авторъ извѣстныхъ подъ его именемъ произведеній. Если стать на точку зрѣнія ортодоксальнаго направленія въ шекспировской критикѣ, то въ самомъ дѣлѣ намъ придется на каждомъ шагу недоумѣвать.

1) Стрэтфордецъ В. Шекспиръ, актеръ театра «Глобусъ», относился къ своимъ произведеніямъ и рукописямъ до странности равнодушно. По мнѣнію ортодоксальныхъ критиковъ онъ не принималъ никакого участія въ изданіи своихъ произведеній. Исключеніе дѣлается только для его поэмъ ¹⁾. Его драмы появлялись на книжномъ рынкѣ «воровскимъ» путемъ, на основаніи стенографическихъ записей, сдѣланныхъ въ театрѣ по порученію издателей. Его сонеты были изданы по общему мнѣнію безъ его вѣдома, даже противъ его желанія. Полное собраніе его драматическихъ произведеній вышло лишь семь лѣтъ спустя послѣ его смерти. Въ своемъ завѣщаніи онъ ни словомъ не упоминаетъ о какихъ бы то ни было рукописяхъ.

Какъ объяснить такое равнодушное отношеніе стрэтфордца В. Шекспира къ своимъ произведеніямъ и рукописямъ? Можетъ быть, не онъ вовсе и былъ собственникомъ этихъ рукописей. Не онъ—авторъ этихъ произведеній?

2) До насъ дошло шесть вполне достовѣрныхъ подписей стрэтфордца Шекспира, двѣ на актахъ, касающихся покупки дома, одна на недавно открытыхъ актахъ процесса, три на завѣщаніи, написанномъ на трехъ листкахъ. Изъ этихъ документовъ видно,

¹⁾ Ортодоксы ссылаются главнымъ образомъ на то, что поэмы были изданы Р. Фильдомъ, который былъ землякомъ актера Шекспира, но почему послѣдній потомъ не обращался къ своему земляку съ предложеніемъ издать и другія его произведенія?

что стрэтфордецъ Шекспиръ писалъ свое имя въ лучшемъ случаѣ Shakspeare ¹⁾. А имя поэта Шекспира какъ имъ самимъ, такъ и другими всегда пишется Shakespeare.

Почему актеръ Шекспиръ писалъ свое имя иначе, чѣмъ поэтъ Шекспиръ? Можетъ быть, потому, что это вовсе не одно и тоже лицо?

3) Когда актеръ Шекспиръ умеръ въ 1616 г., его похоронили въ Стрэтфордѣ въ церкви св. Троицы, а не въ Лондонѣ; не въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ. Въ англійскомъ пантеонѣ покоится прахъ такихъ современныхъ Шекспиру поэтовъ, какъ Э. Спенсеръ, какъ Бенъ-Джонсонъ, какъ Бьюмонтъ, но не прахъ величайшаго поэта Англіи.

Не потому ли, что актеръ Шекспиръ, стрэтфордецъ Шекспиръ, не-поэтъ «Шекспиръ», а поэтъ Шекспиръ остался неизвѣстенъ.

Бюстъ Шекспира, нынѣ находящійся въ стрэтфордской церкви.

Бюстъ Шекспира, находившійся въ стрэтфордской церкви въ XVII в.

4) Въ стрэтфордской церкви Шекспиру воздвигли памятникъ, можетъ быть, еще до 1623 г. Въ настоящее время тамъ стоитъ бюстъ, изображающій человѣка съ нѣсколькими выпученными глазами, съ вверху закрученными усами, съ лицомъ настолько банальнымъ, что даже нѣкоторые ортодоксы настаиваютъ на томъ, чтобы этотъ бюстъ былъ удаленъ ²⁾: такъ мало соотвѣт-

¹⁾ Бэконіанцы доказываютъ, что подписи эти принадлежатъ не Шекспиру, а клеркамъ, т.-е., актеръ Шекспиръ изъ Стрэтфорда былъ безграмотенъ. *Durning-Lawrence: Bacon is Shakespeare. Baxter: The greatest literary Problem.

²⁾ См. напр. статью Krüger въ Jahrbuch. XLI.

ствуешь онъ нашимъ представленіямъ о поэтѣ Шекспирѣ. Въ правой рукѣ онъ держитъ перо, а лѣвую положилъ на листъ бумаги. Какъ-ни-какъ, передъ нами все же писатель, поэтъ. Однако первоначально въ стрэтфордской церкви находился совсѣмъ другой бюстъ. Снимокъ съ него помѣщенъ въ книгѣ Дэгдэля «Достопримѣчательности Уоррикшира», вышедшей въ 1656 г., а также въ первой болѣе обстоятельной біографіи Шекспира, написанной Роу въ 1709 г. Этотъ бюстъ изображаетъ человѣка съ еще болѣе грубоватымъ, мужиковатымъ лицомъ, съ внизъ опущенными усами. Здѣсь нѣтъ никакихъ писательскихъ эмблемъ. Обѣими руками онъ прижимаетъ къ груди мѣшокъ съ шерстью (?). Это бюстъ не поэта, а торговца, дѣльца (какимъ и былъ стрэтфордецъ Шекспиръ, актеръ театра «Глобусъ», какъ намъ извѣстно по цѣлому ряду документовъ).

Итакъ: до середины XVIII в., въ стрэтфордской церкви находился бюстъ не поэта Шекспира, а дѣльца Шекспира ¹⁾.

5) Семь лѣтъ послѣ смерти поэта было издано полное собраніе его драматическихъ произведеній. Кто бы ни были издатели, они, несомнѣнно, хорошо знали автора. Нужно думать, если *они* приложить портретъ, то этотъ послѣдній будетъ болѣе или менѣе удачнымъ и точнымъ изображеніемъ автора. А на самомъ дѣлѣ именно этотъ портретъ по меньшей мѣрѣ странный. Художникъ—голландецъ, которому было всего 15 лѣтъ, когда умеръ В. Шекспиръ (котораго, онъ слѣдовательно, едва ли видѣлъ), а манера письма—итальянская. Костюмъ, въ который одѣтъ поэтъ, не то мужской, не то дамскій. Оба рукава, повидимому, относятся къ лѣвой рукѣ. Лицо непомѣрно велико по сравненію съ туловищемъ и неподвижно—безжизненно, какъ маска. Если внимательно присмотрѣться къ портрету, то видно, какъ отъ лѣваго уха внизъ къ подбородку тянутся двѣ линіи—одна концы щечи, другая—начало наложенной на лицо маски ²⁾.

Словно авторъ скрылъ свой ликъ подъ—маской!

Итакъ: если стать на точку зрѣнія ортодоксальной критики, считающей авторомъ этихъ произведеній стрэтфордца актера В. Шекспира, то безъ отвѣта останется рядъ вопросовъ, а именно:

- 1) почему авторъ относился такъ равнодушно къ своимъ произведеніямъ и рукописямъ?
- 2) почему, какъ обыватель, онъ писалъ свое имя иначе, чѣмъ какъ поэтъ?
- 3) почему его не похоронили въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ?
- 4) почему въ стрэтфордской церкви до второй половины

¹⁾ Нынѣшній бюстъ поставленъ во второй половинѣ XVIII в.

²⁾ Darnley-Lawrence: Bacon is Shakespeare.

XVIII в. стоялъ бюстъ не поэта Шекспира, а дѣльца Шекспира? и 5) почему къ посмертному изданію его драмъ, къ infolio 1623 г., приложенъ такой странный портретъ, наводящій на мысль, что авторъ скрылъ свой ликъ—подъ маской?

Если мы теперь обратимся къ драмамъ поэта, то и въ нихъ есть рядъ подробностей, совершенно необъяснимыхъ съ ортодоксальной точки зрѣнія.

1) Такъ какъ въ трилогіи «Генрихъ VI» главнымъ героемъ является гр. Уоррикъ, «создатель королей», причемъ авторъ сочувствуетъ Йоркамъ до тѣхъ поръ, какъ гр. Уоррикъ на ихъ сторонѣ, а когда послѣдній переходитъ на сторону Ланкастеровъ, то и онъ переноситъ на нихъ свои симпатіи, то критика—и въ томъ числѣ ортодоксальная ¹⁾—дѣлаетъ отсюда выводъ, что предки автора, очевидно, были васалами гр. Уоррика, сражались подъ его знаменемъ.

Портретъ Шекспира, приложенный къ infolio 1623 г.

Итакъ: мы должны предположить, что въ домѣ безграмотнаго стрѣтфордскаго перчаточника Джона Шекспира

свято хранился культъ предковъ, имена которыхъ ни въ одной старинной хроникѣ не встрѣчаются.

2) Есть основаніе думать, что комедія Плавта «Menecmi», которую поэтъ использовалъ для своей «Комедіи ошибокъ», онъ не только читалъ въ латинскомъ оригиналѣ, но и видѣлъ въ постановкѣ на латинскомъ языкѣ, а это могло имѣть мѣсто только въ университетѣ ²⁾.

Итакъ:—стрѣтфордецъ В. Шекспиръ учился въ университетѣ, хотя имя его не значится въ спискахъ ни кэмбриджскаго ни оксфордскаго университетовъ.

3) Какъ видно изъ произведеній поэта онъ—обладавшій вообще большими знаніями во всѣхъ областяхъ—особенно интересовался юриспруденціей. Къ юридическимъ вопросамъ особенно лежало его сердце. Онъ не только уснащаетъ охотно свою

¹⁾ Sarrazin: Shakespeares Lehrjahre.

²⁾ См. предисловіе проф. Зелинскаго къ «Комедіи ошибокъ» въ изд. Брокгаузъ-Эфронъ. На то, что поэтъ Шекспиръ былъ «академикомъ», указываютъ, быть можетъ, и два современныхъ литературныхъ памятника «Polymantheia», и «The Return from Parnassus».

рѣчь юридическими терминами, но и мыслить часто юридическими формулами ¹⁾. Особенно грандіозно обнаружился этотъ его интересъ къ юридическимъ проблемамъ въ «Венеціанскомъ купцѣ», представляющемъ нѣчто въ родѣ юридической диссертациі, облеченной въ художественные символы. Пьеса была напечатана въ 1600 г. Но уже въ 1598 г. Миресь упоминаетъ о ней въ своей книгѣ *Palladis Tamiae*. Она возникла, слѣдовательно, въ 1597—98 годахъ. Авторъ не только былъ, какъ дома, въ области юриспруденціи, но и состоялъ, повидимому, членомъ юридическаго института *Gray Inn*. Въ первой части «Генриха VI» тамъ, гдѣ повѣствуется о происхожденіи партіи бѣлой и алой розы, поэтъ совершенно нестати упоминаетъ объ одномъ обычаѣ, практиковавшемся членами *Gray Inn* и по всѣмъ вѣроятіямъ извѣстномъ только имъ (II, 4).

Итакъ: актеръ Шекспиръ былъ юристомъ по образованію, по своей «спеціальности»?

4) Въ первой части «Генриха VI» Жанна д'Аркъ обращается между прочимъ къ бургундскому герцогу съ рѣчью, умоляя его порвать съ англичанами и перейти на сторону французовъ (III, 3). Этой рѣчи нѣтъ ни въ одной изъ тѣхъ двухъ хроникъ, которыми авторъ воспользовался для своей пьесы. Въ 1780 г. было найдено письмо Жанны д'Аркъ къ бургундскому герцогу совершенно аналогичнаго содержанія. Гдѣ, какъ не на мѣстѣ, на родинѣ Жанны, почерпнулъ поэтъ эти свѣдѣнія? Въ той же пьесѣ (IV, 7) англичане требуютъ выдачи трупа павшаго на полѣ битвы гр. Талбота, причемъ перечисляются его титулы такъ подробно, какъ это сдѣлано только на памятникѣ Талботу, а памятникъ этотъ находится въ—Руанѣ!

Итакъ: актеръ Шекспиръ былъ во Франціи!

5) Въ настоящее время очень многіе видные ортодоксальные критики считаютъ доказаннымъ, что поэтъ Шекспиръ былъ въ Италіи. Слишкомъ много объ этомъ свидѣлствуетъ фактовъ ²⁾. Посѣтилъ онъ однако только сѣверную Италію—Венецію, Миланъ, Мантую, Падую и т. д. Южную Италію онъ, какъ видно по его произведеніямъ, явно не зналъ. Есть основаніе полагать, что онъ поѣхалъ въ Италію завершить свое юридическое образованіе. Такой выводъ можно сдѣлать на основаніи «Угрошенія строптивой». На эту тему существовала уже въ 1594 г. комедія. Является ли она первой редакціей дошедшей до насъ шекспиров-

¹⁾ О юридическихъ познаніяхъ Шекспира много писали Бэконіанцы.

²⁾ См. Morsier: *Shakespeare a-t-il été en Italie* (Bibl. univers. 1903, № 51) и въ особенности Sarrasin *Shakespeares Leh jahre* и *Aus Shakespeares Meisterwerkstatt*. а также его этюды *Italienische Skizzen zu S* въ *Shakespeare-Jahrbücher*.

ской пьесы или же авторомъ ея былъ кто-нибудь другой, какъ бы тамъ ни было, въ ней дѣйствіе происходитъ въ Аѳинахъ, а у Шекспира въ Падуѣ, причемъ у послѣдняго кромѣ главнаго героя выступаетъ еще отсутствующій въ первой пьесѣ молодой человѣкъ, Люченціо, пріѣхавшій издалика учиться въ Падую, эту «колыбель науки». А Падую славилась тогда именно своимъ юридическимъ факультетомъ. Итакъ: приступая къ переработкѣ своей ли юношеской или чьей-то чужой пьесы, поэтъ почему-то нашелъ нужнымъ перенести дѣйствіе изъ Греціи въ Италію, изъ Аѳинъ въ Падую и ввести еще сверхъ того молодого издалика пріѣхавшаго «падуанскаго студента». Не потому ли, что самъ онъ недавно былъ въ Падуѣ, гдѣ слушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ?

Итакъ: актеръ Шекспиръ не только учился въ одномъ изъ англійскихъ университетовъ, но и поѣхалъ черезъ Францію въ сѣверную Италію, гдѣ учился въ падуанскомъ университетѣ!

6) Новѣйшіе изслѣдователи ортодоксальнаго направленія все больше склоняются теперь къ тому предположенію, что поэтъ стоялъ очень близко къ кружку гр. Эссекса и обычно срисовывалъ своихъ героев и героинь съ лицъ этого кружка. Такъ, Г. Конрадъ показалъ довольно убѣдительно, что прототипомъ (или однимъ изъ прототиповъ) Гамлета былъ никто иной, какъ самъ гр. Эссексъ, напоминающій датскаго принца въ самомъ дѣлѣ, какъ своимъ положеніемъ (отца его отравилъ гр. Лейстеръ, женившійся потомъ на вдовѣ отравленнаго), такъ и всѣмъ своимъ духовнымъ обликомъ: какъ видно изъ его писемъ, графъ, какъ и Гамлетъ, былъ весьма склоненъ къ пессимизму. Другой изслѣдователь, Sarrazin, очень хорошо показалъ, что цѣлый рядъ комедій Шекспира, канва которыхъ, правда, заимствована изъ новеллъ и романовъ, возникъ, какъ откликъ на событія въ кружкѣ гр. Эссекса. Ограничимся комедіей «Много шума изъ ничего». Здѣсь два придворныхъ короля Арагонскаго, гр. Клавдіо и Бенедиктъ, связанные узами дружбы, только что вернулись изъ похода. Гр. Клавдіо ухаживаетъ за Герой, но вслѣдствіе сплетни, пущенной на ея счетъ донъ Жуаномъ, порываетъ съ ней, повергая ее въ глубокую печаль. Параллельно развивается флиртъ между отъявленнымъ холостякомъ Бенедиктомъ и остроумной Беатриче. Въ концѣ-концовъ обѣ парочки вѣнчаются. А вотъ—что произошло послѣ 1597 г. въ кружкѣ гр. Эссекса. Послѣдній только-что вернулся изъ своего похода на Азорскіе острова. Подъ его начальствомъ сражались два друга, гр. Соутемптонъ и гр. Р. Рутлэндъ. Первый ухаживалъ зимой 1598 г. за придворной фрейлиной королевы, за Елизаветой Вернонъ, но бросилъ ее вслѣдствіе сплетни, винов-

никомъ которой былъ капитанъ лейбгвардіи Уилломи. Тронутый ея горемъ онъ потомъ вернулся изъ Парижа, куда поѣхалъ послѣ разрыва съ ней, и женился на ней ¹⁾. Зимой же 1598 г. родственники гр. Р. Рутланда очень хлопотали о томъ, чтобы женить его на дочери покойнаго поэта Ф. Сиднея, на Елизаветѣ Сидней, но безуспѣшно, ибо молодой человѣкъ не чувствовалъ склонности къ браку, однако въ 1600 г. онъ все-таки на ней женился.

И не только своихъ главныхъ героевъ и героинь списывалъ поэтъ съ лицъ этого кружка, но и свои второстепенные персонажи. Уже въ XVIII в. существовало передававшееся традиціей изъ поколѣнія въ поколѣніе убѣжденіе, что педантъ Олофернъ въ «Потерянныхъ усиліяхъ любви» списанъ съ близко стоявшаго къ Эссексу и Соутемптону учителя итальянскаго языка Джона Флоріо, а выступающій въ той же комедіи испанецъ донъ Армадо является по мнѣнію и современныхъ ортодоксальныхъ критиковъ (каррикатурной) копіей съ испанца Антоніо Переса, проживавшаго въ Лондонѣ,—нѣкоторыя фразы донъ Армадо буквально совпадаютъ съ выраженіями въ письмахъ Антоніо Переса къ гр. Эссексу. Другихъ своихъ героевъ и героинь поэтъ, по мнѣнію опять-таки ортодоксальныхъ же критиковъ, срисовалъ съ лорда Вильяма Генри Пемброка и его возлюбленной Мэри Фиттонъ, напр. герцога Орсино и Віолу въ «Двѣнадцатой ночи». Возможно, что кромѣ гр. Эссекса прототипомъ Гамлета послужилъ—какъ пытается доказать одинъ новѣйшій изслѣдователь—лордъ В. Г. Пемброкъ.

Итакъ: поэтъ зналъ очевидно лично гр. Эссекса и лорда Пемброка, хотя по мнѣнію Sarrazin'a, одного изъ поборниковъ только-что изложеннаго взгляда, актеръ Шекспиръ едва-ли могъ знать гр. Эссекса, а Сидней Ли, одинъ изъ видѣйшихъ нынѣ ортодоксовъ—категорически утверждаетъ, что лорда Пемброка актеръ Шекспиръ не зналъ ²⁾.

7) Поэтъ Шекспиръ не только стоялъ близко къ кружку гр. Эссекса, но и былъ поэтомъ-публицистомъ партіи гр. Эссекса. Такія его пьесы, какъ «Генрихъ V» какъ Юлій Цезарь», преслѣдуютъ явную тенденцію прославить гр. Эссекса, на котораго въ «Генрихѣ V» имѣется и извѣстный намекъ. Это были драмы агитаціонныя. Если принять во вниманіе, что пьесы Шекспира проникнуты воинственнымъ духомъ, преклоненіемъ передъ воинственными героями ³⁾, что далѣе такая пьеса, какъ «Генрихъ V»

¹⁾ Гр. Клавдіо снова выступаетъ въ «Мѣрѣ за мѣру», гдѣ онъ брошенъ ханжей-пуританиномъ Анжели въ тюрьму за то, что вступилъ въ связь съ любимой дѣвушкой. Когда королева Елизавета узнала о тайномъ бракѣ гр. Соутемптона съ Елизаветой Вермонтъ, она отправила его за это въ тюрьму.

²⁾ S. Lee: A life of W. Shakespeare.

³⁾ См. нашу статью въ «Вѣстникъ Воспитанія» 1616, № 4.

наводитъ на мысль, что авторъ своими глазами видѣлъ лагерную жизнь и списалъ выступающихъ тамъ военачальниковъ, напр. валлійца Флюэлленъ и ирландца Макъ-Мориса, непременно съ живыхъ оригиналовъ, то вѣроятнымъ становится предположеніе, что поэтъ участвовалъ въ ирландскомъ походѣ гр. Эссекса. Съ этимъ предположеніемъ, какъ нельзя лучше, гармонируютъ все учащающіяся за послѣднее время попытки доказать, что Шекспиръ былъ и въ Ирландіи, что видно изъ «Генриха V» и комедіи «Какъ вамъ это нравится», двухъ пьесъ, возникшихъ именно въ періодъ 1599—1600 г. А Эссексъ былъ въ Ирландіи въ 1599 г. Какъ поэтъ партіи гр. Эссекса, Шекспиръ, естественно, изображалъ въ своихъ пьесахъ въ отрицательныхъ образахъ враговъ графа. Главными соперниками графа при дворѣ были оба Бёрлей, отецъ и сынъ, а критика давно обратила вниманіе на сходство между старикомъ Бёрлей и—Полоніемъ. Полоній—каррикатурный портретъ канцлера королевы ¹⁾. Между тѣмъ, какъ до 1601 г. Шекспиръ охотно дѣлаетъ комплименты по адресу Елизаветы («Потерянные усилія любви», «Сонъ въ Иванову ночь»), послѣ 1601 г., послѣ казни гр. Эссекса, онъ изображаетъ ее уже отрицательно въ видѣ тирана Цезаря и ханжи Анжело ²⁾.

8) Напротивъ, къ преемнику Елизаветы, къ королю Якову I, поэтъ съ самаго начала отнесся весьма благосклонно, изобразивъ его въ образѣ идеальнаго государя Винченціо въ «Мѣрѣ за мѣру», и остался ему вѣренъ до конца, вставивъ въ «Макбетъ», извѣстный апофеозъ Якова I, быть можетъ, его имѣя отчасти и въ виду, творя фигуру волшебника Просперо.

Какія могли быть у актера Шекспира мотивы относиться къ Якову I съ такой теплотой, кромѣ—лести!

9) Въ царствованіе Якова I поэтъ еще разъ превратился въ путешественника и посѣтилъ—Данію. Если сравнить первое изданіе «Гамлета» отъ 1602 г. съ вторымъ изданіемъ отъ 1604 г., то—какъ показалъ Стефансонъ ³⁾—въ глаза бросается цѣлый рядъ подробностей, указывающихъ на то, что послѣ 1602 г. и до 1604 г. авторъ видѣлъ Данію, видѣлъ кронеборгскій замокъ, познакомился съ датскими обычаями и т. д.

Итакъ: актеръ Шекспиръ былъ въ Даніи и притомъ въ 1603 г., хотя о такой поѣздкѣ его никакихъ документовъ не существуетъ.

Если исходить изъ драматическихъ произведеній поэта, то мы получимъ, какъ видно, такую его біографію, которая не имѣетъ

¹⁾ Furness. Var. I, 66.

²⁾ Рѣчь епископа Кранмера въ «Генрихѣ VIII», завершающаяся прославленіемъ Елизаветы, не принадлежитъ по общему мнѣнію ортодоксальныхъ критиковъ Шекспиру.

³⁾ Contemporary Review. 1896. № 1.

ничего общаго съ біографіей актера Шекспира, какъ она изложена писателями XVII—XVIII в.в. (Обри, Роу, Уордъ, и др.) и санкціонирована ортодоксальной критикой, а именно придется предположить, что актеръ Шекспиръ

1) зналъ, что его предки сражались подъ знаменемъ гр. Уоррика въ дни распри бѣлой и алой розы;

2) что онъ учился въ университетѣ въ Кэмбриджѣ или въ Оксфордѣ,

3) что онъ поѣхалъ черезъ Францію въ сѣверную Италію, гдѣ учился въ падуанскомъ университетѣ,

4) что онъ былъ своимъ человѣкомъ въ кружкѣ гр. Эссекса-Соутемптона—Рутлэнда—Пемброка,

5) что онъ имѣлъ какія-то особыя причины разочароваться въ Елизаветѣ и быть очень высокаго мнѣнія о Яковѣ

и 6) что онъ посѣтилъ въ 1603 г. Данію.

Произведенія поэта позволяютъ далѣе установить, когда онъ началъ и когда онъ кончилъ свою литературную дѣятельность.

Онъ дебютировалъ, повидимому, первой (?) частью «Генриха VI». Если это та самая пьеса, о которой упоминаетъ антрепренеръ Генсло въ своемъ дневникѣ, то она возникла въ 1591 г. Пьеса слабая. Нужно думать, что поэтъ былъ еще очень молодъ. Только молодостью можно объяснить многочисленныя ея недочеты. А актеру Шекспиру въ 1591 г. было—27 лѣтъ.

Послѣднія пьесы поэта («Зимняя сказка», «Цимбелинъ») относятся всѣми изслѣдователями единодушно къ 1610—1611 г. Можетъ быть, «Буря» написана въ 1612 г. Въ 1613 г. на сценѣ «Глобусъ» была представлена драма «Генрихъ VIII»—во время представленія театръ сгорѣлъ. Однако въ этой пьесѣ Шекспиру принадлежать по общему мнѣнію развѣ только нѣкоторыя сцены. Очевидно, пьеса была имъ начата, но не кончена.

Итакъ: литературная дѣятельность поэта обрывается какъ-то насильственно въ 1612 г.

Актеръ Шекспиръ прожилъ еще четыре года. За все это время онъ для театра ничего не писалъ. Почему? Изсякъ его талантъ? На такой выводъ не уполномачиваютъ его послѣднія пьесы. Ортодоксальные критики и объясняютъ иначе его молчаніе. Онъ—по ихъ мнѣнію—творившій всегда ради денегъ—сколотилъ себѣ такой значительный капиталъ, что больше не нуждался. Послѣдніе дни жизни онъ хотѣлъ прожить, какъ рантье. Брандесъ и посвящаетъ заключительную главу своей книги изображенію идиллической картины жизни вернушагося изъ Лондона стрѣтфордскаго рантье. Но въ самомъ ли дѣлѣ творилъ нашъ поэтъ только ради денегъ? Прежде всего многія изъ его пьесъ

даже и не предназначались для публичной сцены, а затѣмъ почему онъ въ такомъ случаѣ не написалъ ни одной буржуазно-уголовной трагедіи ¹⁾, которыя были тогда страшно въ ходу и за которыя антрепренеры платили больше, чѣмъ за какія-угодно другія пьесы ²⁾.

Но вотъ документъ, сравнительно недавно найденный, вообще опровергающій точку зрѣнія ортодоксальной критики. Это отрывокъ изъ расходной книжки, найденной въ архивахъ замка Belvoir-Castle, родового замка Рутлэндовъ. Изъ него явствуетъ, что въ 1613 г. тогдашній представитель семьи, гр. Фрэнсисъ Рутлэндъ, заказалъ актеру Шекспиру стихи для *impres*'ы (герба). Чтобы написать такіе стихи, для этого не надо было, разумѣется, быть первокласснымъ поэтомъ, надо было только умѣть слагать стихи. За эту работу актеръ Шекспиръ получилъ сумму денегъ, которая и внесена въ расходную книгу.

Итакъ: въ 1613 г. актеръ Шекспиръ еще работаетъ ради денегъ. Почему же не писалъ онъ больше пьесъ? Можетъ быть, потому, что онъ и вообще пьесъ не писалъ, а если послѣ 1612 г. не появляется больше «шекспировскихъ» драмъ, то не потому ли, что поэтъ Шекспиръ—умеръ?

Все до сихъ поръ сказанное наводитъ на мысль, что актеръ Шекспиръ и поэтъ Шекспиръ не одно и то же лицо ³⁾.

Или иначе: поэтъ «Шекспиръ» воспользовался, какъ псевдонимомъ, именемъ актера Шекспира..

Въ самомъ дѣлѣ: имя поэта обычно пишется не Shakespeare, Shake—speare (т.-е. потрясатель копья) ⁴⁾.

Итакъ: воспользовавшись именемъ актера Шекспира, поэтъ (а вслѣдъ за нимъ и другіе) писалъ это имя такъ, чтобы для публики было ясно, что то—псевдонимъ.

Остается только отвѣтить на вопросъ, кто скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ «Шекспиръ».

Можетъ быть, намъ удастся отвѣтить на этотъ вопросъ, если отвѣтимъ на другой, а именно: гдѣ хранились рукописи поэта?

¹⁾ «Уоррикширская трагедія» принадлежитъ не Шекспиру. См. Сто-роженко: «Опыты по изученію Ш.».

²⁾ Singer: Das bürgerliche Trauerspiel in England.

³⁾ Всѣ такъ называемыя свидѣтельства въ пользу тождества актера и поэта Шекспира не выдерживаютъ критики, какъ мы покажемъ въ другомъ мѣстѣ. Свидѣтельство Четтля, которымъ ортодоксы такъ дорожатъ, нынѣ опровергнуто Sarrazin, однимъ изъ видныхъ представителей ортодоксальной критики. Jahrb. L.I. Четтль говорить вовсе не о Шекспирѣ, а о Пилѣ.

⁴⁾ Такъ пишется это имя напр. въ поэмѣ Willoby his Avis (1594), въ предисловіи къ пьесѣ Вебстера «Бѣлый дьяволъ», въ двухъ стихотвореніяхъ въ in folio 1623 г. и т. д.

Актеръ Шекспиръ въ своемъ завѣщаніи ни о какихъ рукописяхъ не упоминаетъ и въ домѣ его никакихъ рукописей найдено не было... Значитъ, они хранились въ другомъ мѣстѣ. Естественнѣе всего предположить, что ими завѣдовала труппа театра «Глобусъ», къ которой онъ принадлежалъ. Но такъ ли это? Сонеты Шекспира были изданы въ 1609 г. издателемъ Торпомъ съ загадочнымъ посвященіемъ «мистеру W. H. единственному begetter этихъ стиховъ». Слово «begetter» можетъ быть истолковано, какъ «авторъ», какъ «вдохновитель» и какъ «доставитель»... Наиболѣе пріемлемымъ кажется послѣднее толкованіе. По мнѣнію С. Ли Торпъ посвятилъ сонеты тому, кто ему принесъ рукопись, а принесъ ее —по его догадкѣ—Вильямъ Холль (W. H.), то же книгоиздатель ¹⁾. Мы знаемъ изъ книги Миреса, что сонеты Шекспира ходили до 1598 г. по рукамъ друзей поэта, т.-е. очевидно друзей-аристократовъ, ибо и воспѣваютъ они аристократа, и былъ самый этотъ поэтический жанръ въ модѣ въ великосвѣтской и придворной средѣ. Какъ могъ Холль, «скромный издатель религіозно-богословскихъ книгъ», достать эту рукопись, бывшую, очевидно, собственностью какого-нибудь лорда? Вѣроятно же поэтому предположеніе Флея, что подъ инициалами W. H. скрывается Вильямъ Харвей, вотчимъ гр. Соутемптона ²⁾. Какъ видно, рукопись сонетовъ хранилась не у актеровъ театра «Глобусъ», которые и не протестовали, когда она явилась въ печати, а, быть можетъ, въ кружкѣ гр. Эссекса—Соутемптона.

Обратимся къ отдѣльнымъ изданіямъ драмъ, къ такъ называемымъ in-quarto. Хотя обычное мнѣніе гласитъ, что это все «воровскія» изданія, однако нѣкоторые изслѣдователи и въ томъ числѣ такой авторитетъ, какъ Крейценахъ, полагаютъ, что изъ 15 пьесъ, явившихся до 1603 г., 9 сдѣланы на основаніи рукописи, причемъ въ 1600 г.—цѣлыхъ четыре ³⁾. Предполагаютъ, что произошло массовое хищеніе шекспировскихъ рукописей, послѣ чего труппа удвоила свою бдительность, чѣмъ и объясняется будто бы, что послѣ 1603 г. на книжномъ рынкѣ появилось сравнительно мало шекспировскихъ пьесъ. Пусть такъ. Но пьесы все-таки появлялись, и среди нихъ (въ 1609 г.) трагикомедія «Троилъ и Крессида». Ей предпослано вступленіе, гдѣ говорится о «собственникахъ» (possessors) пьесъ. Кто они? По мнѣнію С. Ли—труппа «Глобуса». Но допустимо ли, что она пуститъ на рынокъ пьесу, еще ни разу не поставленную на сценѣ (какъ подчеркнуто

¹⁾ S. Lee: A life of W. Shakespeare (новое расширенное юбилейное изданіе).

²⁾ Fleay: Biogr. Chron. of the English Drama.

³⁾ Creizenach: Das englische Drama.

въ предисловіи къ ней)? А съ другой стороны, мы только что слышали отъ Крейценаха, что послѣ 1603 г. труппа принимала всѣ мѣры къ тому, чтобы драмы автора не появлялись въ печати. Очевидно, «собственниками» этой и другихъ пьесъ были—не актеры театра «Глобусъ». А если не они, то кто?

Въ 1867 г. былъ найденъ очень любопытный памятникъ «нортумберлендскій манускриптъ». Это собраніе рукописей, не всѣ изъ которыхъ до насъ дошли, но сохранился заглавный листъ, гдѣ онѣ всѣ перечисляются ¹⁾. Здѣсь имѣлись рукописи нѣсколькихъ сочиненій Ф. Бэкона, двухъ сочиненій неизвѣстныхъ авторовъ, одной (до насъ не дошедшей) пьесы Т. Нэша и двухъ хроникъ Шекспира, «Ричарда II» и «Ричарда III». Доусъ, внимательно изучившій этотъ памятникъ, пришелъ къ тому выводу—а выводъ его одобренъ такимъ авторитетомъ, какъ Брандль—что всѣ четко и красиво написанныя на заглавномъ листѣ слова принадлежатъ Джону Дэвису изъ Хирфорда, лучшему каллиграфу эпохи, а хуже написанныя слова—перу его учениковъ ²⁾. Передъ нами, другими словами, нѣсколько рукописей, приготовленныхъ къ печати подъ контролемъ лучшаго каллиграфа своего времени. Что это именно такъ, видно и изъ того, что «Ричардъ II» и «Ричардъ III», возникшіе въ разное время, въ печати появились одновременно, а именно въ 1597 г., и притомъ—какъ полагалъ Крейценахъ—на основаніи именно рукописи, какъ въ 1597 г. появились въ печати и «Опыты» Бэкона, рукопись которыхъ также имѣется въ «нортумберлендскомъ манускриптѣ». Остается только опредѣлить тотъ кружокъ, гдѣ хранились и переписывались рукописи Шекспира. Ф. Бэконъ былъ секретаремъ гр. Эссекса, Т. Нэшъ—писатель изъ его кружка, близко стоявшій къ гр. Соутемптону (можетъ быть, прообразъ Моли въ «Потерянныхъ усиліяхъ любви»), Джонъ Дэвисъ былъ также однимъ изъ поэтовъ, группировавшихся вокругъ гр. Соутемптона, наконецъ, самый манускриптъ былъ найденъ въ замкѣ герцога нортумберлендскаго, а въ шекспировскую эпоху герцогъ Нортумберлендскій былъ женатъ на сестрѣ гр. Эссекса.

Итакъ: мы находимся явно въ кружкѣ гр. Эссекса—Соутемптона. На заглавномъ листѣ манускрипта нѣсколько разъ написано и имя Невилль (т.- е. Вестморлэндъ) и ихъ девизъ: *ne vile velis*. А Вестморлэнды были въ родствѣ съ Гревиллями. Фокъ Гревилль, въ послѣдствіи лордъ Брукъ, авторъ сонетовъ и драмъ, ничѣмъ

¹⁾ Заглавный листъ воспроизведенъ напр. у Baxter: *The greatest of literary Problems*.

²⁾ Douce: *Examination of an old manuscript preserved in the library of the Duke of Northumberland*.—Brandl: *Jahrb.* XL.

такъ не гордился, какъ тѣмъ, что онъ былъ въ области поэзіи учителемъ В. Шекспира, фактъ, неизвѣстный ни одному изъ лицъ, писавшихъ объ актерѣ Шекспирѣ въ XVII и въ XVIII в.в., фактъ, однако чрезвычайно любопытный. А Гревилли былъ въ свою очередь въ родствѣ съ Рутлэндами.

Полное собраніе драматическихъ сочиненій Шекспира вышло въ свѣтъ уже послѣ его смерти, въ 1623 г. Издателями-редакторами были актеры театра «Глобуса» Конделль и Юминджъ. Не говорить ли это въ пользу того, что рукописи Шекспира все-таки хранились труппой «Глобуса»? Если принять во вниманіе, что—какъ показало уже въ XVIII в. Стивенсъ—стиль посвященія, подписаннаго упомянутыми актерами, это стиль Бенъ-Джонсона, что этому послѣднему принадлежать и стихи, приложенные къ портрету, и еще большое панегирическое стихотвореніе, то вѣроятнымъ становится предположеніе, что редакторомъ infolio 1623 г. и былъ Бенъ-Джонсонъ, а актеры были только подставными лицами, какъ актеръ В. Шекспиръ былъ подставнымъ лицомъ для поэта «Шекспира». Такія подставныя лица назывались тогда *deputy* ¹⁾. А если актеры театра «Глобусъ» были только подставными лицами, то и самая мысль объ изданіи infolio принадлежала кому-то другому. Если принять во вниманіе, что это было «роскошное» изданіе, напечатанное въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, стоившее въ продажѣ довольно дорого, украшенное портретомъ и стихотвореніями въ честь покойнаго поэта, за которыя авторамъ было уплачено, то нужно думать, изданіе и было предпринято по мысли тѣхъ, кому оно посвящено. А посвящено оно братьямъ Пемброкъ, потому—какъ сказано въ посвященіи—что они при жизни оказывали автору и его произведеніямъ милостивое вниманіе. Въ 1623 г. гр. Эссекса давно не было въ живыхъ, гр. Соутемптонъ находился въ Нидерландахъ и умеръ въ слѣдующемъ году. А Пемброки состояли въ родствѣ во-первыхъ съ гр. Эссексомъ—послѣдній былъ женатъ на вдовѣ поэта Сиднея, а сестра поэта была знаменитая лэди Пемброкъ, мать тѣхъ двухъ братьевъ, которымъ посвящено infolio 1623 г.—и во-вторыхъ съ Рутлэндами, ибо гр. Рутлэндъ женился въ 1600 г. на дочери поэта Сиднея, падчерицѣ гр. Эссекса и племянницѣ лэди Пемброкъ.

Итакъ, какъ рукопись сонетовъ, такъ и рукописи драмъ (а, слѣдовательно, и поэмъ, посвященныхъ гр. Соутемптону) хранились въ томъ самомъ кружкѣ Эссексъ—Соутемптонъ—Рутлэндъ—Пемброкъ, къ которому такъ близко стоялъ поэтъ, какъ видно и изъ его пьесъ.

¹⁾ Alvor: A. Bacon.

Въ шекспировскомъ театрѣ встрѣчается цѣлый рядъ фигуръ, носящихъ—по господствующему мнѣнію ортодоксовъ—субъективно-автобіографическій характеръ. Это—Валентинъ въ «Двухъ веронцахъ», Биронъ въ «Потерянныхъ усиліяхъ любви», Бенедиктъ въ «Много шума изъ ничего», Жакъ въ «Какъ вамъ это нравится» и мн. друг.

Это всегда и неизмѣнно молодой аристократъ, въ превосходствѣ усвоившій себѣ манеры и языкъ свѣтскаго общества, но тяготящійся свѣтскимъ этикетомъ, чувствующій себя не по себѣ въ дамскомъ обществѣ, хотя и легко воспламеняющійся при видѣ остроумной и изящной дѣвушки изъ аристократіи, молодой человекъ, знакомый съ военной жизнью, какъ Бенедиктъ, и много путешествовавшій, какъ Жакъ...

Вспомнимъ, что ортодоксальный критикъ Sarrazin полагаетъ, что поэтъ списалъ Бенедикта съ гр. Рутлэнда, примемъ далѣе во вниманіе, что Бенедиктъ—образъ субъективно-автобіографическій, по увѣреніямъ той же ортодоксальной критики—и не должны ли мы тогда сдѣлать выводъ, что поэтъ, скрывшій свое имя подъ псевдонимомъ «В. Шекспиръ», былъ аристократъ, другъ гр. Соутемптона и родственникъ гр. Эссекса—гр. Роджеръ Мэннерасъ Рутлэндъ.

Гипотеза о гр. Рутлэндѣ, какъ авторѣ шекспировскихъ произведеній, была впервые высказана нѣмецкимъ писателемъ П. Альворъ, доказывавшимъ въ брошюрѣ *Das neue Shakespeare Evangelium*, что трагедіи Шекспира написаны гр. Соутемптономъ, а комедіи и нѣкоторыя трагедіи, въ томъ числѣ «Гамлетъ»—гр. Р. Рутлэндомъ. Другой нѣмецкій писатель, К. Блейбтрей, известный беллетристъ и знатокъ англійской литературы, внесъ въ гипотезу своего предшественника поправку въ томъ смыслѣ, что единственнымъ авторомъ этихъ произведеній былъ гр. Р. Рутлэндъ. По его стопамъ пошелъ американецъ Бостельмэнъ, а затѣмъ бельгіецъ Демблонъ, посвятившій этому вопросу двѣ книги ²⁾).

Ортодоксальная критика охотно замалчиваетъ эту гипотезу. С. Ли, посвятившій въ своемъ извѣстномъ трудѣ о Шекспирѣ небольшое приложеніе бэконовой теоріи, объ этой гипотезѣ упоминаетъ только въ примѣчаніи, спутавъ при этомъ двухъ Рут-

¹⁾ Bleibtreu: *Der wahre Shakespeare*. Demblon: *Lord Rutland est Shakespeare*.—Demblon: *L'auteur d'Hamlet et son monde*.—Альворъ потомъ отказался отъ своей гипотезы и недавно выпустилъ книгу, гдѣ доказываетъ, что авторомъ шекспировскихъ произведеній является Антони Бэконъ, который умеръ въ 1601 г. (A. Bacon. *Die Loesung des Shakespeare-Problems*).

лэндовъ—не Фрэнсисъ, заказавшій актеру Шекспиру стихи для *impres'ы*, является по этой теоріи авторомъ, а его старшій братъ Роджеръ.

Если стать на эту точку зрѣнія, то многое въ произведеніяхъ Шекспира получаетъ вполне удовлетворительное освѣщеніе.

Гр. Роджеръ происходилъ изъ стараго знатнаго рода Мэннерсъ. Одинъ изъ его предковъ, Джильбертъ, участвовалъ въ войнѣ алой и бѣлой розы именно, какъ вассалъ гр. Уоррика. О его подвигахъ память, вѣроятно, передавалась въ старомъ знатномъ родѣ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, о нихъ могъ читать мальчикъ и въ старыхъ хроникахъ, имѣвшихъ въ богатой библіотекѣ замка. Вотъ почему впоследствии поэтъ «Шекспиръ» сложилъ въ своей трилогіи «Генрихъ VI» такой восторженный гимнъ гр. Уоррику. Другой предокъ графа, Томасъ Мэннерсъ, получилъ въ 1525 г. титулъ графа Рутлэнда. Этотъ титулъ принадлежалъ собственно одной изъ вѣтвей дома Йорковъ. Послѣдній Рутлэндъ королевской крови былъ убитъ послѣ битвы при Вэкфильдъ лордомъ Клиффордомъ. Вотъ почему поэтъ «Шекспиръ» потомъ такъ интересовался судьбою и этихъ Рутлэндовъ, вотъ почему во второй части «Генриха VI» онъ изобразилъ убійство послѣдняго юнаго Рутлэнда королевской крови и имя Рутлэндъ вообще часто встрѣчается въ его произведеніяхъ.

Родовой замокъ фамиліи Belvoir Castle лежитъ въ Лейстерширѣ, гдѣ протекаетъ рѣка Эвонъ, прежде чѣмъ появится въ Йоррикиширѣ, около Стрэтфорда. Эпитетъ «сладкій лебедь Эвона», данный Шекспиру Бенъ-Джонсономъ, приложимъ такимъ образомъ вполне и къ гр. Рутлэнду. Въ замкѣ имѣлась богатая библіотека и, какъ видно изъ расходныхъ книжекъ, книги часто покупались на значительныя суммы. Такъ, еще задолго до рожденія Роджера былъ приобрѣтенъ тотъ двухтомный французскій трудъ Белфорэ, гдѣ разсказана исторія датскаго принца. Образъ Гамлета могъ быть такимъ образомъ близокъ уже мальчику. Въ замкѣ находилась и богатая картинная галлерей, гдѣ были представлены итальянскіе художники Корреджіо и Бассано (отсюда, можетъ быть, Бассаніо въ «Венеціанскомъ купцѣ»). Невольно вспоминается лордъ изъ пролога къ «Укрощенію строптивой», въ усадьбѣ котораго тоже имѣется богатая картинная галлерей съ картинами о Дафнѣ, Іо, Адонисѣ, т.-е. въ духѣ Корреджіо. Замокъ Belvoir Castle расположенъ недалеко отъ большого шервудскаго лѣса, гдѣ въ средніе вѣка по преданію жилъ Робинъ Худъ и его разбойники. Вотъ почему живущій въ Арденскомъ лѣсу съ своими придворными герцогъ въ комедіи «Какъ вамъ это нравится» сравниваются съ Робинѣмъ Худомъ и его товарищами.

Такъ легко представить себѣ молодого поэта гуляющимъ подъ тѣнью шервудскаго лѣса: среди кустовъ и деревьевъ онъ видѣлъ здѣсь и Титанію и Оберона и маленькаго шаловливаго Пѣка. Только поэтъ, рано освоившійся съ поэзіей лѣса, могъ написать такія пьесы, какъ «Сонъ въ Иванову ночь» и «Какъ вамъ это нравится», насквозь пропитанныя лѣснымъ ароматомъ. Выросшій въ лѣсномъ помѣстьѣ, на лонѣ природы, не любившій ни города, ни двора, гр. Роджеръ, естественно, прекрасно зналъ жизнь растений и цвѣтовъ—ботаническія свѣдѣнія поэта «Шекспира», какъ извѣстно, весьма внушительны,—а какъ помѣщикъ, владѣлецъ усадьбы, расположенной около лѣса, онъ, конечно, былъ и охотникомъ, какъ лордъ въ прологѣ къ «Укрошенію строптивой», какъ Тезей въ «Снѣ въ Иванову ночь» и др.—а поэтъ «Шекспиръ», какъ видно изъ его произведеній—зналъ въ превосходствѣ все, что касается псовой и соколиной охоты.

Мальчикомъ Роджера отправили въ Кэмбриджъ учиться, здѣсь же онъ кончилъ университетъ (1594), послѣ чего еще слушалъ лекціи въ Оксфордѣ. Въ спискахъ послѣдняго онъ названъ «путешественникомъ», какъ Розалинда называетъ Жака (а Жакъ—субъективно-автобіографическій образъ). Въ 1596 г. гр. Роджеръ, по совѣту родственника своего лорда Берлея, отправился путешествовать, сначала во Францію, потомъ черезъ Швейцарію въ Италію, гдѣ онъ посѣтилъ именно тѣ самые города, которые видѣлъ и поэтъ «Шекспиръ», а именно Венецію, Мантую, Верону, Миланъ. Поѣхалъ онъ въ Италію завершить свое образованіе и поступилъ въ падуанскій университетъ. За нимъ навсегда и осталось прозвище «падуанскій студентъ». Невольно вспоминается Люченціо изъ «Укрошенія строптивой». Вернувшись домой, онъ въ 1598 г. записался въ члены Gray Inn. Вотъ почему поэтъ «Шекспиръ» знаетъ обычаи этого учрежденія, вотъ почему онъ такъ интересуется юридическими вопросами, вотъ почему онъ именно въ 1597—98 г. пишетъ свою юридическую «диссертацию» «Венеціанскій купецъ», вотъ почему ему — юристу и адвокату по склонностямъ и дарованію, хотя и не практиковавшему — удалось потомъ написать такой шедевръ ораторскаго искусства, какъ рѣчь Марка Антонія надъ трупомъ Цезаря.

Въ спискахъ оксфордскаго университета онъ названъ не только путешественникомъ, но и хорошимъ солдатомъ,—а good soldier. Въ 1597 г. гр. Роджеръ въ самомъ дѣлѣ участвуетъ въ походѣ гр. Эссекса на Азоры, а въ 1599 г. въ его походѣ въ Ирландію. Отсюда и воинственный духъ, проникающій произведеніе Шекспира, и его знакомство съ Ирландіей. Королева была, впрочемъ, недовольна его отъѣздомъ въ Ирландію, велѣла ему

вернуться, но назначила его (1599) интендантомъ шервудскаго лѣса; именно въ 1599—1600 г.г. и была написана комедія «Какъ вамъ это нравится», этотъ апофеозъ лѣсной поэзіи. Рано,—вѣроятно, уже въ 1591 г.—сошелся онъ съ гр. Соутемптономъ, которому въ 1593 и 1594 г.г. поэтъ «Шекспиръ» и посвятилъ свои поэмы въ тонѣ скорѣе дружескаго расположенія, чѣмъ обычнаго тогда со стороны писателей холопства. Одно время, когда гр. Соутемптонъ былъ въ немилости, оба друга при дворѣ не появлялись, а каждый день посѣщали театры Лондона. Въ 1600 г. гр. Роджеръ женился на Елизаветѣ Сидней, обладавшей, по словамъ Бенъ Джонсона, большимъ поэтическимъ талантомъ: ее и изобразилъ поэтъ «Шекспиръ» (по мнѣнію ортодокса Sarrazin'a) въ лицѣ Беатриче въ «Много шума изъ ничего» и Розалинды въ комедіи «Какъ вамъ это нравится». Породнившись (бракомъ на Елизаветѣ Сидней) съ гр. Эссексомъ, онъ участвуетъ въ 1601 г. въ его заговорѣ противъ королевы, идетъ впереди бунтовщиковъ съ шпагой наголо; какъ остальныхъ его привлекли, но помиловали и сослали на жительство въ помѣстье дяди. Казнь Эссекса, заключеніе Соутемптона въ тюрьму, крушеніе партіи, завоеваніе двора ихъ врагами—все это располагало гр. Роджера, естественно, къ пессимизму, который и проявился такъ ярко въ «Гамлетѣ», гдѣ такъ рѣзко звучитъ критика елизаветинскаго двора и гдѣ въ лицѣ Полонія, «старога шута», пригвожденъ къ позорному столбу лордъ Берлей. Когда на престолъ вступилъ Яковъ, онъ освободилъ всѣхъ сторонниковъ Эссекса, вернулъ имъ ихъ конфискованныя имѣнія и осыпалъ ихъ милостями, въ томъ числѣ и гр. Роджера. Сочувственное отношеніе поэта «Шекспира» къ Якову—это, стало быть, не лесть, а проявленіе чувства благодарности. Въ 1603 г. Яковъ послалъ его своимъ замѣстителемъ въ Данію на крестины датскаго наслѣдника. Гр. Рутлэндъ близко видѣлъ нравы двора Христіана, говорившаго съ нимъ по-итальянски, (а поэтъ «Шекспиръ» зналъ этотъ языкъ), пришелъ—какъ видно изъ отчета о его поѣздкѣ—въ ужасъ отъ пьянства датчанъ, какъ и Гамлетъ, слышалъ, какъ тостамъ вторили пушечные выстрѣлы и былъ въ кронеборгскомъ замкѣ, гдѣ имѣлась комната, раздѣленная ковромъ, затканнымъ изображеніями датскихъ королей. Отсюда вообще датскій *couleur locale*, отличающій вторую редакцію «Гамлета» (1604 г.) отъ первой (1602). Хотя король и относился милостиво къ нему, онъ предпочиталъ жить вдаль отъ двора—отдавшись весь творческому процессу.

Онъ умеръ въ 1612 г.—вотъ почему послѣ этого года уже не появляется больше «шекспировскихъ» произведеній.

Что можно возразить противъ этой гипотезы?

Гр. Роджеръ Рутлэндъ родился въ 1576 г., ему, слѣдовательно, было всего 15 лѣтъ, когда онъ написалъ первую часть «Генриха VI». Но во-первыхъ, точно все таки неизвѣстно, та ли эта пьеса, о которой въ 1591 г. упоминаетъ Генсло, а во-вторыхъ развѣ его современникъ Т. Тассо не напечаталъ своихъ первыхъ драматическихъ произведеній, когда ему было 15 лѣтъ, развѣ В. Гюго не написалъ первую редакцію «Бюгъ-Жаргалья», когда ему тоже было только 15 лѣтъ, развѣ Лермонтовъ не написалъ «Черкесовъ» въ 14 лѣтъ и т. д.

Знакомство съ Франціей, ея исторіей и топографіей и съ обычаями Gray Inn поэтъ обнаруживаетъ именно въ первой части «Генриха VI», написанной, можетъ быть, въ 1591 г., а гр. Рутлэндъ былъ во Франціи только въ 1596 г. Но есть полное основаніе предполагать, что дошедшая до насъ версія есть вторая редакція драмы. И вотъ почему. Вторая и третья часть трилогіи вышли первымъ изданіемъ въ 1594 и 1595 г.г., помѣщенные же въ infolio 1623 г. версіи представляютъ ихъ вторую редакцію. А если поэтъ переработалъ вторую и третью часть трилогіи, то тѣмъ болѣе—первую, свое первое и слабѣйшее произведеніе. А эта передѣлка можетъ быть отнесена только ко времени послѣ 1595 г., не ранѣе 1596 г., а въ этомъ году гр. Рутлэндъ былъ во Франціи, а два года спустя онъ былъ и членомъ Gray Inn'a. Указанныя подробности могли быть внесены именно во вторую редакцію первой части «Генриха VI».

Что же могло побудить гр. Рутлэнда скрыть свое имя подъ псевдонимомъ? До насъ дошелъ очень любопытный документъ, написанный въ 1589 г. Это—«Петтенгэмова англійская поэтика» Авторъ—неизвѣстенъ. Онъ тоже скрылъ свое лицо подъ маской. Но онъ, несомнѣнно, стоялъ близко къ придворно-аристократическимъ кругамъ. Его трактатъ—жалоба на упадокъ англійской поэзіи, въ которомъ по его мнѣнію виноваты государи, интересующіеся больше государственными дѣлами, чѣмъ наукой и искусствомъ. Такъ какъ государи не желаютъ больше быть меценатами, то и знать отказывается отдавать свой досугъ творчеству... Въ итогѣ—имя «поэтъ» стало синонимомъ «глупца». Правда—оговаривается авторъ—многіе представители nobility и gentry обнаружили свое дарованіе въ области науки и въ особенности въ области поэзіи, но, продолжаетъ онъ, часто бываетъ такъ, что «у нихъ не хватаетъ мужества писать, а если у нихъ и найдется это мужество, то у нихъ нѣтъ желанія, чтобы о ихъ талантѣ узнали». «Такъ я лично знаю многихъ лицъ изъ придворно-аристократической среды, которые написали прекрасныя

произведенія, но или совсѣмъ ихъ не издали или же издали безъ своего имени».

Итакъ: современникъ свидѣтельствуеть, что среди англійской аристократіи XVI—XVII в.в. было не мало видныхъ поэтовъ, имена же ихъ остались *неизвѣстны*: свои произведенія они—если издали въ свѣтъ—то анонимно или подъ псевдонимомъ.

Не всѣ виды словеснаго творчества были, разумѣется, окружены одинаковымъ презрѣніемъ. Рѣчь идетъ здѣсь о драматургіи. Правда, авторъ «Англійской поэтики» приводитъ два примѣра, а именно гр. Оксфордскаго и гр. Дерби, которые не стѣснялись писать для публичной сцены. Но это исключенія. Если аристократы писали пьесы, то, какъ лордъ Брукъ или лэди Пемброкъ, не для постановки, а для чтенія. Вообще говоря, знать стояла въ этомъ вопросѣ на той же точкѣ зрѣнія, какъ лордъ Бодлей, основатель знаменитой Bodleiana, постановившій еще въ 1612 г., въ годъ смерти гр. Рутлэнда, чтобы въ его библіотекѣ не было мѣста такой рухляди, какъ пьесы. Еще враждебнѣе относились къ театру пуритане. Поэтому немудрено, что также смотрѣли на дѣло даже и профессиональные писатели. Такъ Т. Нэшъ искренно сожалѣлъ, что Шекспиръ пересталъ писать въ «итальянскомъ» духѣ, т. е. писать сонеты и поэмы, а сталъ работать для театра и, повидимому, на той же точкѣ зрѣнія стоялъ и самъ В. Шекспиръ, какъ видно изъ 72-го сонета. Въ высшей степени характерно, что и издатели посмертнаго изданія шекспировскихъ драмъ, посвящая ихъ лордамъ Пемброкъ, называютъ ихъ пренебрежительно—«пустяками»—trifles. Особенно зазорнымъ считалось писать пьесы ради заработка. Въ предисловіи къ одной изъ своихъ драмъ Фордъ порицаетъ современныхъ драматурговъ за то, что они превратили поэзію въ предметъ торга, гордясь тѣмъ, что онъ творить, какъ баринъ, не для денегъ.

Итакъ: гр. Рутлэндъ могъ скрыть свое имя подъ псевдонимомъ, слѣдуя обычаю, установившемуся среди англійской знати, боясь прослыть за профессиональнаго playwright, playmaker (драматурга) ¹⁾.

Къ этому основному мотиву у него потомъ могло присоеди- ниться еще одно соображеніе.

Въ 1597 г. вышла въ свѣтъ его драма «Ричардъ II». Въ ней встрѣчается извѣстная сцена низложенія короля (IV д.). Этой сцены нѣтъ ни въ первомъ ни во второмъ изданіи; появляется

¹⁾ Извѣстные сонеты (110, 111), которые ортодоксальной критикой истолковываются, какъ жалобы поэта на свою актерскую профессію, на самомъ дѣлѣ—недовольство поэтомъ своимъ положеніемъ драматурга, готѣшника толпы.

она только въ третьемъ (1608), послѣ смерти Елизаветы. Очевидно, цензура эту сцену не пропустила. Дѣло въ томъ, что королева страшно боялась всякаго намека на это событіе, ибо въ лицѣ Ричарда II она видѣла себя, въ лицѣ низложившаго его Генриха Болинброка—гр. Эссекса.

Когда одинъ писатель издалъ въ свѣтъ исторію Генриха IV, гдѣ повѣствовалъ и о низложеніи Ричарда II, посвятивъ къ тому же книгу гр. Эссексу, то королева пришла въ ярость и велѣла Ф. Бэкону начать слѣдствіе противъ автора. «Я—Ричардъ II, развѣ вы этого не знали!»—сказала она историку Ломбарду. Пьеса о Ричардѣ II должна была ей казаться неблагонадежной, опасной. Вспомнимъ, что когда гр. Эссексъ потомъ задумалъ свое возстаніе противъ королевы, то его сторонники пришли въ театръ «Глобусъ» и предложили актерамъ за плату разыграть пьесу о Ричардѣ II, надѣясь, что она подниметъ и лондонскихъ горожанъ ¹⁾.

Послѣ 1597 г. положеніе поэта стало такимъ образомъ ненадежнымъ. О пьесѣ говорили. Намекали, быть-можетъ, и на автора. Надо было себя обезопасить.

И вотъ мы видимъ: если до 1597 г. отдѣльныя изданія шекспировскихъ пьесъ появлялись всѣ анонимно, то въ 1598 г.—послѣ «Ричарда II»—выходятъ вдругъ двѣ пьесы съ именемъ В. Шекспира, а именно «Потерянные усилія любви» и второе изданіе «Ричарда II». Мало того. Въ 1598 г. появляется и книга Ф. Миреса Palladis Tamiae, гдѣ—впервые—перечисляются всѣ шекспировскія произведенія тогда имѣвшіяся,—сонеты, поэмы и рядъ драмъ. Книга Миреса—сборникъ моральныхъ сентенцій. Мѣсто о Шекспирѣ совершенно не вяжется съ текстомъ. Даже С. Ли готовъ признать, что это—вставка. А если это вставка, то она, очевидно, преслѣдовала какую-то особую цѣль. Словно, послѣ 1597 г. явилась настоящая потребность подчеркнуть, что авторомъ «Ричарда II» и вообще всѣхъ этихъ произведеній является именно «Вильямъ Шекспиръ». Кому это было нужно? Книга Миреса—часть серіи аналогичныхъ книгъ, подъ редакціей Боденгэма (кто это, неизвѣстно; тоже, очевидно, псевдонимъ), вышла—какъ видно изъ цѣлаго ряда данныхъ—именно изъ кружка гр. Эссекса. Словно именно этому кружку было важно указать, что авторъ этихъ произведеній, въ томъ числѣ и «Ричарда II», не въ его рядахъ, что этимъ авторомъ является нѣкто «Вильямъ Шекспиръ», Shake-speare.

Послѣ 1596 г. происходитъ значительная перемѣна и въ жизни

¹⁾ Рѣчь идетъ именно о шекспировско мъ «Ричардѣ II». Знаменательно, что сторонники Эссекса обратились не къ актеру Шекспиру, а къ актеру Филиппсу.

актера В. Шекспира изъ Стрэтфорда, подставного лица, deputy поэта «Шекспира». Въ 1596 г. онъ еще нуждается, а въ 1597 г. онъ покупаетъ себѣ домъ въ Стрэтфордѣ. Невольно приходитъ на память сообщеніе перваго біографа Шекспира, Роу, будто гр. Соутемптонъ подарилъ однажды ему на какую-то покупку 1000 ф. Мало того. Съ 1596 г. актеръ Шекспиръ, который былъ не только большимъ дѣльцомъ, но и человѣкомъ весьма честолюбивымъ, хлопочетъ о полученіи дворянскаго патента. Но только въ 1599 г. онъ добивается своей цѣли. Никакого права на дворянство онъ не имѣлъ, какъ видно хотя бы изъ памфлета одного изъ членовъ герольдіи, Ральфа Брука, обвинявшаго цѣлый рядъ лицъ, въ томъ числѣ и актера Шекспира, въ незаконномъ присвоеніи себѣ дворянства. А съ 1597 г. въ главѣ герольдіи стоялъ гр. Эссексъ. Не потребовалъ ли послѣ появленія въ свѣтъ «Ричарда II» актеръ В. Шекспиръ за свое имя не только денегъ, но и дворянства? Своимъ девизомъ онъ избралъ слова Non sanz droict! Если принять во вниманіе, что никакого права на дворянство онъ не имѣлъ, то это звучитъ—довольно дерзко. А потомъ почему именно французскій девизъ? Словно онъ потомокъ норманскихъ рыцарей, пришедшихъ въ Англію вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Завоевателемъ! Не сквозитъ ли во всемъ этомъ—иронія? Быть можетъ, кружокъ гр. Эссекса, вынужденный выполнить требованіе актера, рѣшилъ вмѣстѣ съ тѣмъ надъ нимъ посмѣяться? И вотъ ему выбрали французскій девизъ,—какъ будто онъ потомокъ норманскихъ рыцарей, девизъ, жало котораго онъ, быть можетъ, и не замѣтилъ.

Литературные круги Лондона во всякомъ случаѣ сейчасъ же подняли на смѣхъ новаго дворянина.

Въ 1599 г., когда актеръ Шекспиръ получилъ дворянство, была поставлена одна комедія Бенъ Джонсона (Every Man ont in his humour), гдѣ выступаетъ между прочимъ нѣкто Сольярдо, клоунъ, фигура потѣшная, человѣкъ, довольно невѣжественный, говорящій на уоррикширскомъ діалектѣ (какъ въ Стрэтфордѣ), повидимому стяжатель земли, какъ указываетъ его имя, братъ ростовщика, купившій себѣ дворянскій гербъ съ девизомъ: Not without mustard—«Не безъ горчицы»—явная пародія на шекспировское «не безъ права» ¹⁾.

А поэтъ Шекспиръ? Не отвелъ ли и онъ въ своемъ театрѣ мѣсто актеру Шекспиру? Въ прологѣ къ «Укрощенію строптивой» выступаетъ между прочимъ лордъ, владѣлецъ усадьбы съ богатой картинной галлереей (какъ въ замкѣ Belvoir Castle), любитель охоты и театра (какъ и гр. Рутлэндъ). На дорогѣ лежитъ заснув-

¹⁾ Durning Lawrence: Bacon is Shakespeare

шій мертвецкимъ сномъ пьяный мѣдникъ Сляй. Хозяйка таверны выставила его, такъ какъ онъ не платилъ. «Мошенникъ»—бранить она его. Сляй возмущенъ. Пусть она заглянетъ въ герольдіи! Его предки пришли въ Англію вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Завоевателемъ. Недостаетъ только девиза: Non sanz droict! Мѣдникъ—родомъ изъ Уоррикшира, гдѣ лежитъ Стрэтфордъ, а пьянствуетъ онъ въ уинкотской тавернѣ. Вспомнимъ, что писатель XVIII в. Кэпелль приводитъ въ своемъ комментарий къ «Укрощенію строптивой» устное мѣстное преданіе, гласящее, что въ молодости Шекспиръ, будущій актеръ, любилъ бывать въ уинкотской тавернѣ, гдѣ проводилъ время съ дурачкомъ съ сосѣдней мельницы. Вспомнимъ, что другой писатель XVIII в. (Ireland) сообщаетъ, тоже со словъ устной мѣстной традиціи, что когда стрэтфордцы устраивали съ сосѣдними бидфорцами состязаніе въ пьянствѣ, то главную роль въ этихъ попойкахъ игралъ—В. Шекспиръ. Не напоминаетъ ли мѣдникъ Сляй, завсегдатай уинкотской таверны, гордящійся своимъ мнимымъ происхожденіемъ отъ норманскихъ рыцарей, актера В. Шекспира, уроженца Уоррикшира, который любилъ проводить время въ уинкотской тавернѣ и выбралъ себѣ девизъ Non sanz droict? Мѣдникъ Сляй—первый эскизъ Фолстафа.

Сэръ Джонъ Фолстафъ тоже гордится своимъ дворянствомъ, точно онъ «сродни королямъ», по ироническому выраженію Пойнса, и онъ такой же любитель выпить и не только выпить, но и поухаживать за какой-нибудь миссъ Квикли или Долл Тиршитъ, за содержательницей трактира, за трактирной феей.

Въ замкѣ Хэтфильдъ было найдено какъ-то письмо графини Соутемптонъ къ мужу. Въ немъ она сообщаетъ ему новость, которая должна привести его въ веселое расположеніе духа, а именно, что сэръ Джонъ Фолстафъ сдѣлался отцомъ, а отцомъ его сдѣлала Dame Pint-pot. Dame Pint-pot это, очевидно, какая-нибудь трактирная фея, такъ какъ Фолстафъ называетъ миссъ Квикли именно а good pintpot (добрая полулитровая кружка пива). Затѣмъ слѣдуетъ описаніе родившагося мальчика. «Но это секретъ»—кончаетъ графиня. Итакъ: кто-то изъ лицъ, извѣстныхъ графу, носилъ шутовское прозвище «сэръ Джонъ Фолстафъ». Кто это? До насъ дошло еще и письмо сэра Тоби Мэтью, гдѣ онъ, цитируя одно изреченіе Фолстафа, поясняетъ: «какъ говорить этотъ превосходный авторъ сэръ Джонъ Фолстафъ». Сэръ Мэтью называетъ, какъ видно, Фолстафомъ поэта Шекспира. Очевидно, о немъ говоритъ и графиня Соутемптонъ? Таково даже мнѣніе С. Ли. Но если здѣсь рѣчь идетъ о поэтѣ Шекспирѣ—что, какъ мы сейчасъ увидимъ—сомнительно—то поэтъ «Шекспиръ» не былъ актеромъ Шекспиромъ. Графиня проситъ держать всю эту исто-

рію въ тайнѣ, очевидно, какъ нѣчто компрометирующее. Но какое дѣло было аристократіи до того, какъ себя ведетъ и какъ себя компрометируетъ какой-то актеръ изъ театра «Глобусъ». Если же поэтъ принадлежалъ къ аристократіи, то становится понятнымъ, что этотъ фактъ надлежало держать въ секретѣ, Но въ самомъ ли дѣлѣ здѣсь идетъ рѣчь о поэтѣ Шекспирѣ? Въ такомъ случаѣ онъ, стало быть, самого себя изобразилъ и—высмѣялъ въ лицѣ «безпутнаго толстяка»?! Письмо графини Соутемптонъ относится къ 1599 г., когда гр. Эссексъ усмирять мятежъ въ Ирландіи. А въ 1599 г. поэтъ «Шекспиръ» написалъ, какъ намъ завѣдомо извѣстно, «Генриха V». Возможно ли допустить, что этотъ блестящій апофеозъ имперіалистской Великобританіи былъ написанъ поэтомъ въ то самое время, когда онъ проводилъ время въ тавернѣ и ухаживалъ за Dame Pint-pot, подарившей ему незаконнаго сына? Возможно ли вообще допустить, чтобы авторомъ «Гамлета» и «Лира» былъ человѣкъ, который велъ образъ жизни сэра Джона Фолстафа? Очевидно, рѣчь идетъ не о поэтѣ Шекспирѣ, а объ актерѣ Шекспирѣ. Но такъ какъ многіе считали поэтомъ Шекспиромъ актера Шекспира, то сэръ Тоби Метью и называетъ «Фолстафомъ»—поэта. Но это было недоразумѣніе. Во избѣжаніе подобнаго недоразумѣнія графиня Соутемптонъ, вѣроятно, и просила мужа держать все это въ тайнѣ, дабы поступокъ, совершенный актеромъ, не былъ приписанъ поэту.

А если въ кружкѣ гр. Эссекса актеръ Шекспиръ—подставное лицо поэта «Шекспира»—носилъ шутливую кличку сэръ Джонъ Фолстафъ, то не списалъ ли поэтъ Шекспиръ своего Фолстафа, какъ и своего Слая—съ актера Шекспира?

Двѣ причины могли побудить такимъ образомъ гр. Роджера Рутлэнда скрыть свое имя подъ псевдонимомъ, съ одной стороны боязнъ прослыть за профессиональнаго драматурга, потѣшника толпы, за playwright'a, а съ другой—желаніе обезопасить себя—послѣ «Ричарда II»—отъ возможныхъ непріятныхъ послѣдствій.

Но почему послѣ 1612 г. его родственники продолжали хранить тайну, почему и посмертное изданіе его драмъ вышло безъ его имени—на эти вопросы гипотеза не даетъ отвѣта.

Въ серединѣ XVII в. англійскій театръ пришелъ въ упадокъ, разыгралась пуританская революція, разразилась гражданская война—въ эти бурные годы кому было до театра, до поэзіи, до—В. Шекспира? А когда въ XVIII в. англійская жизнь снова вошла въ спокойную колею, никто уже не сомнѣвался, что авторомъ шекспировскихъ произведеній былъ актеръ В. Шекспиръ изъ Стрэтфорда.

А родственники графа Р. Рутлэнда продолжали молчать!

Почему?

Мы не знаемъ.

Но вспомнимъ слова автора «Англійской поэтики», а именно, что среди англійской знати елизаветинской эпохи было не мало видныхъ поэтовъ, имена же ихъ остались потомству неизвѣстны. Вспомнимъ далѣе, что жена гр. Р. Рутлэнда была по словамъ Бенъ Джонсона талантливѣйшей поэтессой и однако ни одно изъ ея произведеній до насъ не дошло? Можетъ быть, она была сотрудницей мужа?

На всемъ этомъ вопросъ лежитъ печать тайны!

И, можетъ быть, мы никогда ее не разгадаемъ!

Но не подчеркнуть ли самъ поэтъ, что свою тайну онъ намѣренъ ревниво оберегать и отъ далекаго потомства.

Прощаясь навсегда съ поэзіей, съ жизнью, не онъ ли вложить въ уста волшебника Просперо, творца красивыхъ миражей, слова:

Я раздроблю свой жезлъ волшебный
И въ глубь земли его я схороню,
А книгу такъ глубоко потоплю,
Что до нея никто не достигнетъ.

В. Фриче.

Воспоминанія М. К. Арнольда.

(1819—1833).

Мои родители. Жизнь помѣщиковъ 20 гг. С. И. Вязьмитиновъ. Въ Екатеринославской гимназіи 20 гг. Военная служба въ Осташковѣ. Школа подпрапорщиковъ. Корпусныя шалости. Въ помѣщицкѣй семьѣ въ Козловѣ. Жизнь военныхъ въ Польшѣ послѣ возстанія. Солдатская муштровка. Бунтъ поселенцевъ въ Старой Руссѣ 1831 г.

Отецъ мой, уроженецъ, кажется, г. Эльбинга въ Пруссіи, во время всеобщаго броженія умовъ въ 1794 г. переселился въ Литву, а оттуда въ Россію. Служилъ онъ въ прусскихъ войскахъ, имѣлъ какую-то ссору съ товарищемъ и потомъ дуэль, за что ему грозило заключеніе въ крѣпости, и потому онъ счелъ лучшимъ удалиться въ болѣе гостепріимный край, захвативъ свои документы, прибылъ въ Литву и поселился въ домѣ какого-то польскаго магната въ должности гувернера. Тамъ онъ встрѣтилъ дѣвушку, эмигрантку изъ Франціи, переселившуюся вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ въ Берлинъ и служившую у помѣщика гувернанткой. Будучи одинаково бѣдны, они полюбили другъ друга и, рѣшившись общими силами добывать себѣ хлѣбъ, вступили въ 1799 г. въ бракъ и потомъ они, какъ мужъ и жена, заняли опять свои должности. Отъ брака этого родилось 5 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ я былъ младшій.

До революціи семейство моей матери имѣло независимое состояніе во Франціи, которое въ революціонные годы было конфисковано, и они едва спасли свою жизнь, удалившись въ Пруссію.

Въ 1802 г. отецъ и мать мои поселились въ Россіи и прибыли въ Могилевъ на Днѣпрѣ, гдѣ мать моя открыла пансіонъ для дѣвицъ.

Пансіонъ этотъ пользовался извѣстностью. Довольство и изобиліе не покидало нашъ домъ. Но вотъ насталъ 1812 годъ. Маршалъ Даву, прозѣвавъ соединеніе арміи Багратіона и Барклай-де-Толли, занялъ Могилевъ. Французскіе мародеры грабили мирныхъ жителей, и бѣдняки лишились всего своего имущества. Тогдашній русскій губернаторъ не дозволилъ никому изъ жителей выѣзжать изъ Могилева, когда же, послѣ трехдневной

битвы генерала Раевского съ французами, маршалъ Даву занялъ Могилевъ, тогда только нѣкоторые изъ жителей спаслись отъ разгрома.

Въ числѣ этихъ счастливицевъ не былъ мой отецъ. Все имущество, добытое годами труда и лишеній, погибло, домъ разграбленъ начисто, и не только серебряной ложки не осталось, но даже и хлѣба. При пяти малолѣтнихъ дѣтяхъ, что оставалось дѣлать моему отцу? Онъ принялся вставлять стекла въ карманные часы и, зная немного механику, рѣшился починять и столовые и разныхъ калибровъ часы и на эти скудные заработки пропитывалъ свое многочисленное семейство. Кое-какъ прожило семейство наше въ Могилевѣ еще два года; потомъ въ 1814 г. мать приняла предложеніе открыть пансіонъ въ г. Сѣвскѣ Орловской губерніи. Здѣсь расходы превышали доходы, но все-таки пансіонъ просуществовалъ до 1817 г.; въ этомъ году отецъ поступилъ гувернеромъ къ богатому помѣщику Харьковской губерніи, Сумскаго уѣзда, и здѣсь прожило наше семейство въ довольствѣи дружескихъ отношеніяхъ съ помѣщикомъ до 1821 года.

Съ 1819 г. начинаются мои собственные воспоминанія; воспоминанія дѣтства до того живо рисуются въ моемъ воображеніи, что я, какъ будто, все вижу наяву, и ни малѣйшая подробность не исчезаетъ изъ моей памяти.

Владѣлица значительнаго имѣнія, въ которомъ поселилась наша семья, была несовершеннолѣтняя дѣвица по имени Марья Михайловна К. Опекуномъ былъ дядя ея, тоже богатый помѣщикъ, отставной подполковникъ Степанъ Ивановичъ Вязмитиновъ. Женатъ онъ былъ на весьма невзрачной женщинѣ, часто любившей выпить. Двое дѣтей С. И., Аркадій и Любовь, были воспитанниками моихъ родителей. Сама наследница имѣнія, Марья Михайловна, 20-ти лѣтъ, красавица, милая и добрая, не имѣла ни малѣйшаго вліянія въ домѣ, и въ имѣніи всѣмъ распоряжался опекунъ ея и, надо сказать, распоряжался на славу. Заботы о будущемъ не входили въ его расчеты, лишь бы пожить весело и ничѣмъ не стѣсняться. Огромное имѣніе было прожито—осталось только не больше 600 душъ, и то въ разныхъ деревняхъ, отстоящихъ одна отъ другой на разстояніи болѣе чѣмъ 150 верстъ. На дорогѣ къ этимъ двумъ усадьбамъ лежало богатое село Вири, гдѣ поселился С. И. со своимъ семействомъ.

Домъ старый, построенный еще дѣдомъ тогдашней владѣлицы, деревянный съ разными вычурами, въ одинъ этажъ, замѣчательнъ былъ по множеству покоевъ, не имѣющихъ особаго назначенія. Огромная передняя, гдѣ толпилась куча дворовой прислуги,

огромная дѣвичья, плотно обставленная пѣльцами, гдѣ съ утра до поздней ночи работало болѣе 30-ти бѣлошвеекъ и кружевницъ, казались мнѣ въ то время главнымъ центромъ дѣятельности въ домѣ. Къ дому этому пристроено было каменное огромное строеніе, большую часть котораго занимала огромная зала въ два свѣта, и по всѣмъ четыремъ стѣнамъ этой храмины тянулись огромныя хоры. Въ пристройкѣ этой было нѣсколько комнатъ, но въ нихъ никто не жилъ, а служили онѣ классными комнатами и помѣщеніями для прїѣзжихъ гостей. Дворъ обстроенъ былъ службами, и на заднемъ дворѣ помѣщалась псарня, гдѣ въ счастливомъ довольствѣ жила огромная стая гончихъ и борзыхъ собакъ. Конюшня охотничьихъ лошадей отличалась чистотой и пользовалась особеннымъ вниманіемъ опекуна. Хоръ охотничьей музыки, помнится человѣкъ до 20-ти, былъ одѣтъ въ особые охотничьи мундиры. Доѣзжачіе и охотники съ борзыми тоже въ охотничьихъ мундирахъ составляли почетную свиту владѣльца. Хоръ роговой музыки въ 73 человѣка составлялъ особую касту. Хоръ инструментальной музыки, подъ надзоромъ особаго капельмейстера, былъ лучший, какъ тогда говорили, въ губерніи. Кромѣ этихъ трехъ хоровъ были также пѣсенники, и во время парадныхъ обѣдовъ всѣ эти четыре хора размѣщались въ залѣ на хорахъ и въ продолженіе всего обѣда попеременно услаждали слухъ гостей.

Обѣды и праздники бывали часто. Со всего уѣзда съѣзжались знакомые, и всѣ эти гости прїѣзжали не на день, не на два, а должны были гостить по крайней мѣрѣ цѣлую недѣлю. Подъ строгимъ отвѣтомъ, никто изъ гостей не смѣлъ распорядиться самъ по себѣ и приказывать запрягать своихъ лошадей. Экипажи, лошади и вся прислуга гостей находились во все время праздника въ полномъ распоряженіи владѣльца, кормилась на счетъ экономіи, и только съ согласія владѣльца гость могъ возвратиться домой.

Охота на волковъ, лисицъ и зайцевъ была одна изъ прихотей С. И. Гости, охотники—верхомъ, не охотники—въ линейкахъ и экипажахъ, сопровождая дамъ, безусловно всѣ должны были выѣзжать на охоту. Травили зайцевъ, загоняли волковъ въ тенета, лисицъ захватывали живьемъ и связанныхъ привозили въ село для отдѣльной травли. Избави Богъ, если доѣзжачій прозѣваетъ и дастъ русаку уйти изъ острова и не выгонитъ его въ поле, гдѣ ждутъ его охотники. Тутъ же и на мѣстѣ расправа. Арапники исполосуютъ его спину такъ, что до новыхъ вѣшниковъ не забудеть. Но если объѣдутъ въ островѣ стаю волковъ и заставятъ всѣ выходы тенетами, а волки прорвутъ ихъ, тогда святыхъ выноси вонъ, всѣмъ охотникамъ достанется, и никому пощады не будетъ. Ли-

сицы тѣ всегда были жертвами многочисленной стаи гончихъ: до тѣхъ поръ гонять ихъ по острову, докуда лисица потеряетъ возможность бѣжать, и, какъ только покажется въ полѣ, ловкіе стремянные арапниками вгоняють ихъ въ островъ, и бѣдное животное, спасаясь отъ пасти огромной стаи гончихъ, присмирѣетъ и дастся взять ее руками. Не проходило поля, чтобы 5—6 лисицъ не было загнано и болѣе 60—70 зайцевъ затравлено...

Утро. Чуть свѣтаетъ. Часа 3 ночи. На дворъ въѣзжаетъ охотничій хоръ. Конь въ посеребренной сбруѣ. Аргаки сѣдель обиты посеребренными гвоздями, на манеръ казацкихъ. Всѣ охотники въ одинаковыхъ охотничьихъ казакинахъ, съ трубами на цвѣтныхъ шнуркахъ, съ шелковыми кнутами. Чинно, по два справа, подъѣзжаютъ они къ крыльцу, выстраиваются и играютъ.

Все въ домѣ просыпается: хозяинъ, жена его, племянница и всѣ гости выходятъ одѣтые по-полевому и размѣщаются по заранѣе опредѣленному расписанію. Кому подводятъ коня со сворами борзыхъ, кто садится на линейки, а кто въ экипажи. Самому хозяину подводятъ борзаго черкеса, любимыя его борзые прыгаютъ къ сѣдлу и радуются приближающейся потѣхѣ. Весь дворъ вмигъ покрывается экипажами, верховыми лошадьми и собаками. Выѣзжаютъ за село, а тамъ выстроена вся охота: гончія на смычкахъ раздѣляются на двѣ смѣны, и въ одинъ разъ пускають въ островъ до 200 собакъ.

Заранѣе съ полночи отправляются впередъ телѣги съ хоромъ роговой музыки, обозъ съ сѣстнымъ, палатки и стулья.

Пускають стаю въ островъ, и тутъ пошла потѣха. Но все это стройно, все правильно, никто не смѣетъ произвольно сойти со своего мѣста, все видитъ глазъ отвѣтнаго охотника. Часамъ къ 10-ти, когда сдѣлается довольно жарко, и затравлено уже большое количество зайцевъ, по сигналу, данному стремяннымъ владѣльца, доѣзжачіе съ гончими выѣзжаютъ изъ острова, владѣлецъ подъѣзжаетъ къ охотѣ, дѣлаетъ свои замѣчанія, хвалитъ, если все дѣлалось хорошо, а если недоволенъ, то тутъ же велитъ влупить виновному порядочное количество арапниковъ въ спину, и послѣ этакого инспекторскаго смотра вся охота отправляется далѣе къ мѣсту, назначенному для отдыха. Палатки разбиты, кушанья и вина приготовлены,—начинается охотничій завтракъ, а тутъ, гдѣ-нибудь изъ лѣску, никѣмъ невидимый хоръ роговой музыки заиграетъ веселые мотивы и задушевные русскія пѣсни. Послѣ завтрака отдыхъ; все ложится спать. Кто на травѣ, положивъ голову на кочку, а дамы въ экипажахъ, а болѣе почетные въ палаткахъ. Отдыхъ необходимъ: рѣдко кто изъ охотниковъ и не охотниковъ—гостей остается послѣ завтрака трезвымъ. Пить

по предложенію хозяина необходимо нужно, иначе вражда, и вражда вѣчная. «Со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходи», говаривалъ С. И., и всѣ повиновались—кто по-охотѣ, а кто по-неволѣ. Къ вечеру та же продѣлка: другая стая на очереди, а часамъ къ 9-ти возвращаются всѣ домой.

Вечеромъ балъ. Чинно разряженные сидятъ рядкомъ дамы и дѣвицы на особомъ возвышеніи, покрытомъ бархатомъ, и всѣ входящіе кавалеры по очереди идутъ и цѣлуютъ ручки каждой изъ сидящихъ на возвышеніи. Огромная зала освѣщена люстрами съ восковыми свѣчами. На хорахъ два хора инструментальной и духовой музыки. Балъ начинается польскимъ, потомъ экосезы, матродуры, русскія кадрили и, наконецъ, въ 4 пары мазурка.

Весело танцуетъ молодежь, и танцуетъ не такъ, какъ нынче, для разговоровъ, а танцуетъ до упаду и съ полнымъ желаніемъ провести вечеръ въ удовольствіи. На другой день парадный обѣдъ. Столъ накрытъ покоемъ во всю гигантскую залу. Человѣкъ 200 гостей. На хорахъ инструментальные музыканты настраиваютъ инструменты. Огромные рога роговой музыки выглядываютъ изъ-за баллюстрады хора, 73 музыканта—каждый производящій одинъ только звукъ—готовы. Духовые инструменты лежатъ на пюпитрахъ, и хоръ пѣсенниковъ и пѣвицъ собрались на 4-е хоры. Все ждетъ выхода къ столу. Подъ окнами въ саду стоитъ 12 полутора-фунтовыхъ орудій съ назначенными къ тому домашними артиллеристами. Но это секретъ для гостей, объ этой потѣхѣ никто—даже домашніе—не знаютъ. Это С. И. придумалъ удивить своихъ дорогихъ гостей и ждетъ съ нетерпѣніемъ перваго тоста за здоровье.

Завтракъ для возбужденія аппетита разставленъ и въ старомъ домѣ, и въ комнатахъ, прилегающихъ къ залѣ. Всѣ гости по примѣру хозяина подходятъ къ водкѣ, къ наливкамъ, ликерамъ и прочимъ напиткамъ и снуютъ изъ комнаты въ комнату.

По знаку хозяина раздаются торжественные звуки польскаго «Славься, славься симъ, Екатерина» или «Громъ побѣды раздавайся»; въ первой парѣ идутъ хозяинъ съ хозяйкой, за ними всѣ почетные гости попарно, но разсаживаются не такъ, какъ шли, а дамы и дѣвицы на одной сторонѣ, а мужчины противъ нихъ, и усаживаются по чинамъ. Обѣды изобиловали количествомъ кушаньевъ. Жаркое состояло по большей части изъ дичи и нерѣдко подавались фазаны и лебеди. Отдѣлъ пирожныхъ былъ особенно щеголеватъ; подавали цѣлыя сахарныя кондитерскія башни съ фигурами, изображающими разныхъ птицъ, раковъ и рыбъ. Противъ каждого гостя стояли бутылки венгерскаго, наливки всевозможныхъ сортовъ и столовое вино. Пить слѣдовало всѣмъ,

никто изъ обѣдающихъ не смѣлъ отказываться отъ вина, разливаемого ловкими официантами, и за каждымъ стуломъ стоялъ лакей, живо и ловко перемѣняющій посуду. Столъ сервированъ роскошно, старое дѣдовское серебро выставлялось наружу.

Но вотъ оканчивается обѣдъ, ждутъ шампанское. Пробки въ потолокъ, всѣ съ налитыми бокалами встаютъ привѣтствовать хозяина, громъ музыки играетъ тушь. Встаютъ хозяинъ съ хозяйкой и съ словомъ «за здоровье хозяина», батарея, поставленная подъ окнами, дѣлаетъ залпъ. Окна вдребезги. Дамы вскрикиваютъ отъ неожиданнаго грома, сама хозяйка, уже привыкшая ко многимъ нечаяностямъ, пугается и чуть не падаетъ въ обморокъ, а хозяинъ, самодовольно улыбаясь, благодаритъ общество за честь и слова тоста, снова батарейные залпы, громы музыки и, наконецъ, пѣніе пѣсенниковъ и пѣвицъ.

Обѣдъ кончился, все общество возвращается въ гостиныя, подаютъ кофе и чай.

Послѣ обѣда, который кончается не позже 3-хъ или 4-хъ часовъ, всѣ отправляются на отдыхъ,—таковъ обычай, и никто не смѣетъ нарушить уставовъ дома, при томъ къ вечеру готовится блистательный маскарадъ, и всѣ стараются приготовить себѣ костюмы. Въ смежныхъ съ залой комнатахъ приготовлены маски, домино и всевозможные волшебные костюмы: всякій выбирай по вкусу, ничѣмъ не стѣсняйся. Часамъ къ 8-ми вечера начинается сборъ масокъ, и чего здѣсь не было?

Балъ опять начинался польскимъ, отъ котораго никто не могъ отказаться. Старики, старухи вмѣстѣ съ молодыми выдѣлывали разныя па, и польскій продолжался по крайней мѣрѣ часъ, проходили по всѣмъ комнатамъ, какъ новаго, такъ и стараго дома. Потомъ составлялись кадрили, всѣ танцовали, въ маскахъ, не дозволено было любопытствовать и снимать маски. Веселость неподдѣльная сіяла на всѣхъ лицахъ. Веселились до упаду.

Часовъ около 11-ти хозяинъ и хозяйка снимали маски, и все общество слѣдовало ихъ примѣру; тутъ много встрѣчалось забавнаго, меня очень занимала маска сахарной головы и большого пѣтуха. Какъ только маски снимались, снялась и голова пѣтуха, а сахарную голову должны были положить на бокъ, чтобы помочь выйти изъ нея тому, кто ее носилъ на своихъ плечахъ. Пѣтухъ былъ какой-то офицеръ, молодецъ собой, а сахарную голову носилъ сосѣдъ хозяина. Смѣхъ, пискъ, визгъ раздались по залѣ, и все закружилось въ новыхъ русскихъ кадриляхъ или мотрадурахъ.

Въ 12 часовъ ночи начинали накрывать къ ужину, и когда все было готово, изъ буфета 4 официанта на огромномъ серебряномъ

подносѣ выносятъ строй бутылокъ разныхъ водокъ, за подносомъ слѣдуютъ 12 красивыхъ дѣвушекъ изъ пѣвицъ, хозяинъ и хозяйка подходятъ сами и просятъ выпить рюмочку, и сами съ каждымъ гостемъ пробуютъ, а дѣвушки звучными голосами поютъ извѣстную пѣсню:

Чарочка, чаперушечка
Я тебя выпью, а не вылью.

Такъ торжественно обходить подносъ по всей залѣ, и всѣ потомъ идутъ ужинать попарно, какъ къ обѣду, и такимъ же порядкомъ усаживаются. Ужинъ хотя не такъ многочисленъ блюдами, но все-таки продолжается около 2-хъ часовъ.

На третій день предположена охота на утокъ и перелетныхъ птицъ.

Подаются линейки, все общество, кромѣ дамъ, усаживается и, хочешь, не хочешь, а бери ружье и участвуй въ общей потѣхѣ. Мѣста изобилуютъ дичью. Озера наполнены утками, огромное количество убивалось въ эти поѣздки, и все также оканчивалось добрымъ полевымъ завтракомъ, послѣ котораго необходимо было отдыхъ.

Дамы и дѣвицы во время отъѣзда мужчинъ на утиную охоту занимались игрою въ фанты и бѣганьемъ въ саду. Къ обѣду все общество возвращалось, и опять то же: опять музыка, тосты, залпы орудій, а вечеромъ танцы, чепурочка и ужинъ.

Итакъ нерѣдко проживали гости у С. И. по недѣлямъ; кто же ему особенно понравится или тѣмъ, что мастеръ стрѣлять по ласточкамъ или бекасамъ, или тянуть водку, какъ воду, и не становиться пьянымъ, тотъ гостилъ по мѣсяцу и дѣлался другомъ дома.

Воспоминанія мои представляютъ мнѣ огромный садъ и паркъ, окружающій усадьбу. Въ саду былъ прудъ и на пруду купальня въ видѣ дома со многими комнатами, а въ особыхъ резервуарахъ плавали стадами дикія утки разныхъ породъ и цвѣтовъ. Не малой забавой была травля и стрѣльба по лисицамъ, которыхъ всегда много держали для этихъ потѣхъ въ запасѣ.

Волчья травля, пойманныхъ въ тенета волковъ, нерѣдко дѣлалась на самомъ дворѣ, а иногда выводили на травлю двухъ медвѣдей и травили ихъ мордашками и бульдогами, и все общество должно было присутствовать при этой травлѣ. Медвѣдей, какъ только ихъ повалить, брали опять на цѣпи и сажали до новой травли.

Къ С. И. пріѣзжали часто квартирующие въ уѣздѣ офицеры кирасирскаго полка. Я помню, какъ командиръ какого-то полка, молодой полковникъ, впослѣдствіи генераль фонъ-Остенъ-Сакенъ, былъ на балахъ однимъ изъ первыхъ кавалеровъ, и тогда шелъ

слухъ, что онъ сдѣлалъ предложеніе молодой наслѣдницѣ имѣнія, но опекуны ея не разсчитывалъ такъ скоро выпустить изъ рукъ управленіе столь богатымъ имѣніемъ. Предложеніе отвергнуто, хотя и наслѣдница была равнодушна къ красавцу полковнику.

Прошелъ годъ или болѣе; въ Сумахъ стояла конно-артиллерійская батарея. Командиръ этой батареи, подполковникъ Дубовицкій, влюбился въ наслѣдницу, но, зная гордость С. И. и нежеланіе выдавать наслѣдницу, не рѣшался сдѣлать предложеніе; бѣдная наслѣдница, видя, что симпатія ея не уважается, и воля ея не ставится ни во что, поощряла Дубовицкаго, и онъ уговорилъ ее бѣжать. Все было приготовлено. Дубовицкій обѣщался подъѣхать ночью и подвести другую лошадь, а наслѣдница должна была потихоньку вылѣзть изъ окошка, сѣсть на лошадь и ускакать изъ собственнаго своего наслѣдственнаго имѣнія. Чтобы вѣрнѣе исполнить этотъ планъ и чтобы имѣть въ случаѣ погони защиту, Дубовицкій взялъ съ собой почти всю свою артиллерійскую прислугу.

Темною осеннею ночью подъѣхалъ Дубовицкій счастливо подъ окошко, артиллерійская прислуга дожидалась за паркомъ. М. М. встаетъ съ постели уже одѣтая и тихо становится на окошко, чтобы оттуда сѣсть на лошадь и ускакать, но спавшая въ этой же комнатѣ тетка ея, жена С. И., вдругъ спросила: «Куда это ты Маша?» и та, какъ безжизненная, упала на окошко, и тетка отвела ее назадъ на постель. Тѣмъ предпріятіе и окончилось. Дубовицкій не являлся, и С. И. назвалъ его дуракомъ, сказавъ: «Эхъ вздумалъ съ цѣлой батареей пожаловать, у него ихъ было 30 человекъ, а у меня вокругъ сада стояло пѣшихъ и конныхъ человекъ 500, и я самъ съ ними; не далеко бы ускакалъ». Племянницѣ же онъ сказалъ: «не дури, Маша, я самъ тебѣ выберу мужа по сердцу, будешь вѣчно благодарить».

Помню еще пріѣздъ новаго гостя. Молодой гвардейскій адъютантъ, артиллерійскій капитанъ, увѣшанный орденами, явился познакомиться; въ домѣ звали его Николаемъ Николаевичемъ Зборомирскимъ. Онъ имѣлъ какое-то порученіе и поклонъ отъ знакомыхъ изъ Петербурга. Пріемъ былъ радушенъ. Н. Н. понравился хозяину. Ловкій танцоръ, стрѣлокъ, собутыльникъ лихой, онъ не отставалъ ни въ бражничаньѣ, ни въ охотѣ, ни въ удовольствіяхъ. Всегда веселый, всегда услужливый, понравился онъ С. И., который такъ привязался къ нему, что уговорилъ его жениться на Марьѣ Михайловнѣ.

— Ну, Маша, объявляю тебѣ, что вотъ дорогой гость мой, Н. Н. Зборомирскій, — дѣлаетъ намъ честь и сватается за тебя. Я далъ за тебя согласіе и потому прошу тебя, племянница, безъ

всякихъ споровъ принять это предложеніе, а васъ Н. Н., прошу поцѣловать свою невѣсту. Эй, дайте шампанскаго!

— Дядюшка, что это такое, вы забываете, во-первыхъ, что я не ваша подданная, которою вы можете распоряжаться по произволу и выдавать за любого служителя вашего, а во-вторыхъ, забыли, что я уже совершеннолѣтняя, и если изъ деликатности не прошу, чтобы меня ввели во владѣніе, то это не даетъ вамъ еще права издѣваться надо мною. Если вы не выдали меня за того, за котораго я сама хотѣла, то предоставьте же мнѣ по крайней мѣрѣ вольно распоряжаться собою и впередъ. Вашей же, Н. Н., дерзости я очень удивляюсь. Кто далъ вамъ право думать, что вы меня купите у дяди; ни вашему уму, ни вашему воспитанію неприличенъ такой поступокъ.

Слезы градомъ полились у обиженно дѣвушки.

— Ну, сударыня,—сказалъ опекунъ,—вы все сказали, я далъ вамъ время высказаться, а теперь слушайте мою волю: Н. Н., я далъ тебѣ честное слово, что она будетъ твоя жена, и она ею будетъ. А вы, сударыня, тоже знаете, что коли Ст. Ив. далъ слово, такъ онъ его сдержитъ, и васъ, хоть связанную, повѣнчаю съ Н. Н.—прощайте, шампанское будемъ пить послѣ.

Прошло нѣсколько недѣль, и ничего не измѣнилось въ отношеніи наслѣдницы съ Н. Н. Онъ по-прежнему ѣздилъ на охоту съ хозяиномъ, по-прежнему былъ веселъ, а Марья Михайловна по-прежнему не хотѣла не только говорить, но и видѣть избраннаго ей опекуномъ жениха.

Въ одно утро разнесся слухъ, что Ст. Ив. со всѣмъ семействомъ ѣдетъ въ Петербургъ. Сборы были большіе. Экипажи, прислуга и разные запасы приготовлены, и поѣздъ тронулся въ путь. Мѣсяца три объ нихъ не было никакого слуха.

Какъ и что было въ Петербургѣ и какъ уговорили наслѣдницу выйти за Зборомирскаго, не знаю. Но вотъ владѣлецъ возвращается, и молодые съ нимъ. Дается великолѣпный балъ, весь уѣздъ поздравляетъ молодыхъ, но молодая, принимая поздравленія, была всегда грустна, и не только при всѣхъ, но даже наединѣ, какъ говорила прислуга, не разговаривала съ мужемъ.

Прошелъ годъ,—родился ребенокъ, молодые поняли другъ друга, подружились и зажили счастливо. Зборомирскій вышелъ въ отставку и потребовалъ передачи управленія имѣніемъ изъ рукъ опекуна.

Какъ громомъ пораженный, смотритъ Ст. Ив. на Зборомирскаго и не находитъ словъ въ отвѣтъ. Наконецъ, со злобой, посмотрѣвъ прямо въ глаза Зборомирскому, сказалъ: «Такъ такъ-то вы, м. г., поступаете со мною, и я, значить, на груди своей отогрѣлъ змѣю. Живите себѣ счастливо, нога моя не будетъ больше у васъ».

— Эй, крикнулъ онъ,—запрягать, сейчасъ ѣду!

И на другой день Ст. Ив. со всѣмъ семействомъ уѣхалъ въ свое собственное имѣніе, бывшее въ 60 верстахъ отъ села, гдѣ онъ много лѣтъ бражничалъ на счетъ малолѣтней и совершеннолѣтней племянницы. Отъѣздъ его измѣнилъ всю обстановку жизни села Вири.

Отецъ мой долженъ былъ лишиться мѣста, такъ какъ Ст. Ив. рѣшилъ, что сынъ его довольно уже ученъ, а дочь невѣста. Еще нѣсколько мѣсяцевъ прожили мы въ нашемъ домѣ до самой смерти Ст. Ив., который простудился на охотѣ, и мѣсяца черезъ 4, послѣ ссоры съ Зборомирскимъ, умеръ послѣ кратковременной болѣзни.

Не перенесъ гордый человѣкъ этотъ униженіе — смириться передъ тѣмъ, кому онъ благодѣтельствовалъ и которому онъ доставилъ богатство и довольство.

Это было уже въ 1821 г., и отецъ мой поѣхалъ въ Харьковъ и тамъ, выдержавъ экзаменъ на учителя гимназіи, поступилъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Екатеринославскую гимназію.

Во время жизни нашей въ с. Вири случилось происшествіе, которое подѣйствовало сильно на мой дѣтскій умъ.

Въ сорока верстахъ отъ нашего села жилъ богатый помѣщикъ, кн. Щербатовъ. Это былъ баринъ стариннаго вѣка, гордый, самовластный, но очень любившій свое многочисленное семейство. Въ домѣ этомъ мнѣ случалось бывать съ отцомъ моимъ, и меня въ особенности ласкала старшая дочь князя, Марія, дѣвушка чрезвычайно красивая, добрая и милая. Князь въ особенности гордился этой дочерью, надѣясь выдать за равнаго ей по рожденію, и, кажется, уже далъ слово какому-то важному лицу. Но княжна не раздѣляла мнѣнія своего отца. Ей понравился молодой отставной поручикъ, нѣкто Савичъ, богатый человѣкъ, но не графъ и не князь. Молодой человѣкъ былъ влюбленъ серьезно и полагалъ, что съ одобренія княжны, любимицы отца, онъ, сдѣлавъ предложеніе, не встрѣтитъ отказа. Князь, хладнокровно выслушавъ молодого человѣка, отвѣчалъ:—«М. Г. я вамъ очень благодаренъ за честь, но долженъ вамъ сказать, что дочь моя не можетъ выйти за васъ, потому что я рѣшился выдать моихъ дочерей только за равныхъ мнѣ по рожденію, и, несмотря на богатство ваше и ваши личныя достоинства, я рѣшительно вамъ отказываю, и прошу васъ оставить мой домъ».

Что оставалось дѣлать влюбленнымъ? Княжна рѣшилась бѣжать, но бѣжать изъ дома отца, бдительно наблюдавшаго за каждымъ взглядомъ и дѣйствіемъ дочери, было чрезвычайно трудно. Домъ окруженъ садомъ и въ немъ вездѣ стояли карауль-

щики; старый князь и княгиня не оставляли дочь одну. Переписка не могла достигнуть; письма подъ страхомъ строжайшаго наказанія не иначе попадались княжнѣ, какъ черезъ руки хозяина, и, повидимому, не было возможности исполнить задуманнаго предпріятія. Княжна, твердая въ своемъ намѣреніи соединиться съ любимымъ человѣкомъ, была такъ умна, что мало-по-малу усыпила бдительность родителей и, несмотря на любовь къ отцу, который въ ней души не чаялъ, съ тяжелымъ сердцемъ, но не оставляла своего намѣренія.

Такъ дѣло протянулось до темныхъ сентябрьскихъ ночей. Любовь хитра на выдумки, и молодой человѣкъ подкупомъ и лаской умѣлъ добиться тайнаго свиданія, и дѣло порѣшено исполнить въ ту же осень.

Разъ вечеромъ княжна, прощаясь послѣ ужина съ отцомъ, была какъ-то особенно нѣжна къ нему, просила отца простить ее за несогласный съ его видами выборъ, плакала на груди его и до того разжалобила старика, что ему и въ голову не приходило, что дочь, его любимица, въ эту же ночь оставитъ отеческій кровъ и соединится съ любимымъ ею человѣкомъ. Часу во 2-мъ ночи княжна тихо вышла изъ своей комнаты, въ блузѣ, какъ готовилась лечь спать, и незамѣтно пробралась въ садъ. Тамъ ждалъ ее женихъ, и въ минуту были они за оградой сада. Карета приняла ихъ, и четверка рьяныхъ коней помчала ихъ по направленію къ имѣнію жениха. Въ 20-ти верстахъ ждала ихъ другая карета, тамъ еще третья и четвертая привезла ихъ часу въ 10-мъ утра въ имѣніе жениха. 80 верстъ проскакала молодая чета въ страхѣ быть пойманными посланными князя, но этого не случилось, дѣло окончилось благопріятно.

Священникъ и приглашенные женихомъ свидѣтели были готовы, и тайный бракъ совершился благополучно.

На другой день утромъ князь, выйдя къ утреннему чаю и не видя старшей дочери, спросилъ: «Гдѣ же Маша?» Ему отвѣчали, что, вѣроятно, по обыкновенію она встала рано и пошла гулять въ садъ. Послали искать, но въ саду не нашли; тогда обратились къ горничной, и та отвѣчала: барышни нѣтъ и, вѣроятно, она не ночевала, такъ какъ постель ея не смята.

Говорятъ съ княземъ чуть не сдѣлался ударъ. Все понялъ онъ, и тутъ пробудилась вся его гордость; тотчасъ приказано было всѣмъ охотникамъ сѣдлатъ коней и скакать въ погоню по двумъ дорогамъ, съ строгимъ наказомъ, гдѣ бы ни настигли бѣглецовъ, схватить княжну и живую или мертвую привезти назадъ. Помчались молодцы. Мы спокойно обѣдали дома, какъ вдругъ человѣкъ 15 верховыхъ окружили нашъ домъ. Входить стремянный князя

и вѣжливо спрашиваетъ, не у васъ ли княжна Щербатова? позовьте сдѣлать обыскъ.—Смотрите—отвѣчалъ отецъ мой,—съ какой стати княжна будетъ у насъ?

— Здѣсь село; можетъ, здѣсь вѣнчались.—Савичъ увезъ княжну.—Такъ ищите у Савича, отсюда до его усадьбы 40 верстъ, и вѣнчанья здѣсь не было.

Посланные вышли, вскочили на коней и помчались далѣе. Обѣ партіи прискакали почти въ одно время въ усадьбу Савича, но вѣнчаніе уже совершилось. Савичъ на требованіе возврата княжны спокойно отвѣчалъ: доложите князю, что здѣсь княжны Щербатовой нѣтъ, здѣсь моя законная жена, а на мою жену князь правъ не имѣетъ. Посланные награждены каждый 2-мя рублями и, какъ изъ числа охотничьихъ лошадей князя отъ бѣшеной скачки три или четыре пали, то Савичъ далъ имъ изъ своей конюшни лошадей и отправилъ назадъ.

Похищеніе это надѣлало тогда много шума между сосѣдями, хвалили ловкость Савича и мастерское исполненіе. А князь бѣсновался и отъ срама уѣхалъ въ Москву. Три года не прощалъ онъ молодымъ. Бѣдная Савичъ, цѣня высоко благословеніе родителей, долго добивалась прощенья, но всѣ заботы родныхъ, всѣ просьбы знакомыхъ были тщетны, наконецъ какъ-то въ Москвѣ съѣхались князь и молодые, и прощенье испрошено. Дальнѣйшая судьба этой четы мнѣ неизвѣстна.

Пріѣхавъ въ Екатеринославль осенью 1821 г., отецъ мой вступилъ въ должность учителя нѣмецкаго языка въ гимназію. А мать подала прошеніе и объявленіе, что открываетъ дѣвичій пансіонъ. Учебное начальство, имѣя въ виду одобрительныя свидѣтельства объ отличномъ содержаніи пансіоновъ въ Могилевѣ и Сѣвскѣ, тотчасъ дозволило открыть пансіонъ и для поощренія дало помѣщеніе въ большомъ домѣ, принадлежащемъ гимназій, не въ дальнемъ разстояніи отъ гимназическаго зданія. Здѣсь помѣстились мы, и вскорѣ многіе изъ родителей Екатеринославской, Херсонской и Полтавской губерній помѣстили своихъ дочерей въ ученіе. Въ первый же годъ блестящій результатъ на экзаменѣ удовлетворилъ родителей, слава пансіона возросла, и на второй годъ было въ заведеніи болѣе 30 воспитанницъ. На третій годъ выпускной экзаменъ утвердилъ славу заведенія, и на 4-й годъ въ заведеніи было до 60 ученицъ.

Матери моей помогали двѣ уже взрослые мои сестры. Учителя гимназій всѣ были приглашены въ преподаватели; танцамъ и рукодѣліямъ учили мои сестры.

Такъ шло дѣло. Пансіонъ былъ въ славѣ, и матеріальное довольство нашего семейства видимо поправлялось.

Екатеринославская гимназія, тогда еще 4-хклассная, была одна изъ лучшихъ гимназій. Учителя были люди знающіе, и всѣ молодые, кончившіе въ разныхъ университетахъ курсы наукъ со степенями кандидатовъ. Учитель словесности, Н. Н. Лобачевскій, былъ даже докторъ философіи. Учитель латинскаго языка, К. И. Гернъ, иностранный докторъ права и изящныхъ наукъ. Учитель богословія, тамошній протоіерей, докторъ богословія Максимъ Моторный.

При гимназій былъ благородный пансіонъ, содержимый болѣе 15 лѣтъ учителемъ латинскаго языка К. И. Гернъ.

К. И. Гернъ прибылъ изъ Геттингена въ Екатеринославль и опредѣлился переводчикомъ въ контору нѣмецкихъ колонистовъ. Обладая необыкновенной научной подготовкой, онъ скоро основательно усвоилъ русскій языкъ, принялъ должность учителя латинскаго языка въ гимназій и, не оставляя должности переводчика въ конторѣ колонистовъ, открылъ мужской пансіонъ. Во время поступленія моего пансіонъ существовалъ уже лѣтъ 15, и былъ въ огромной славѣ. Большая часть профессоровъ Харьковскаго университета были изъ его учениковъ.

Опишу наружность этой замѣчательной личности. Старичокъ лѣтъ 60-ти маленькаго роста. Лысина во всю голову и остатки волосъ на затылкѣ зачесывались на лбу, придерживаясь крутымъ гребешкомъ. Одѣтъ вѣчно въ коричневомъ фракѣ, въ нанковыхъ палевыхъ панталонахъ, вложенныхъ въ небольшіе поверхъ панталонъ безъ каблуковъ сапожки; жилетъ коричневый, съ манжетами, вѣчно покрытыми табачными пятнами и табаномъ. Голосъ рѣзкій. Движенія быстры. Всегда почти на бѣгу. Лицо красное, съ такимъ же носомъ, показывающимъ, что онъ нерѣдко попивалъ потихоньку, но мы никогда не видали его пьянымъ.

Познанія этого человѣка были огромны: онъ основательно зналъ греческій, санскритскій, латинскій, англійскій и нѣмецкій языки и чрезвычайно основательно усвоилъ знаніе русскаго языка, такъ что часто за болѣзнь учителя словесности читалъ за него лекцію и гораздо болѣе толково передавалъ, чѣмъ самъ учитель. Математику, исторію, физику, естественную исторію зналъ онъ основательно. Былъ замѣчательный піанистъ, зналъ основательно генераль-басъ, и право трудно сказать, чего онъ не зналъ вполне основательно.

Замѣчательными способностями своими онъ обратилъ на себя общее вниманіе всего учебнаго округа; долговременное же содержаніе пансіона доставило ему порядочное состояніе.

Учитель словесности, докторъ философіи Иванъ Ивановичъ Лобачевскій, занимался своимъ предметомъ такъ, что если бы въ пансіонѣ не было у насъ другого учителя словесности, молодого кандидата Харьковскаго университета Петра Матвѣевича, то мы окончили бы курсъ, едва имѣя понятіе о русской словесности и вѣрно не знали бы даже орѳографіи.

Вотъ образчикъ лекціи Лобачевского (замѣчу, что онъ написалъ въ свой вѣкъ много книгъ и считался весьма ученымъ и при томъ знатокомъ своего предмета). Входитъ Лобачевскій всегда въ шапкѣ и шинели. Дойдя до каѳедры, онъ грязную шапку свою кладетъ на столъ, шинель кладетъ на окно и медленно взбирается на ступеньки каѳедры. Садится, молчитъ, иногда, если ученики шепчутся, скажетъ: «тише» и опять молчитъ. Такъ продолжаетъ минутъ пять, потомъ вынимаетъ клѣтчатый платокъ, посмотритъ на ладонь, плюнетъ на нее и платкомъ разотретъ. Эту операцію онъ продолжаетъ минутъ 10, и опять молчаніе. Потомъ говоритъ, какъ бы себѣ: «книгу». Если словъ его не разслышать сейчасъ, то онъ подождетъ, подумаетъ, подумаетъ еще и опять повторитъ немного громче «книгу», и если и тогда никто не принесетъ ему книги, то онъ еще громче, и уже съ досадою скажетъ: «Донецъ, (последній ученикъ въ гимназіи) книгу». И вотъ Донецъ несетъ книгу, и начинается чтеніе лекціи. Читаетъ онъ быстро, невнятно и во весь годъ никого не спроситъ, понялъ ли, что читано; экзаменовъ полугодовыхъ не было и на годовомъ рѣшалось дѣло, кто какъ учился.

Латинскому языку училъ насъ К. И. Гернъ. Этотъ предметъ въ концѣ курса дозволено было проходить или вмѣсто него, кто желалъ итти въ военную службу, могъ заниматься въ 4 классѣ военными науками, т.-е. фортификаціей, артиллеріей, атакою и обороною крѣпостей. Для этого предмета опредѣленъ былъ особый учитель, Ар. М. Черкасовъ. Я воспользовался этимъ дозволеніемъ, и какъ не имѣлъ вообще охоты къ латинскому языку, то въ 4-мъ классѣ рѣшительно отказался учиться по-латыни, а всѣ классы, для этого языка опредѣленные, употреблялъ на тщательное изученіе военныхъ наукъ и черченіе фортификаціонныхъ и артиллерійскихъ чертежей.

Не предвидѣлъ я, что это обстоятельство помѣшаетъ мнѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ поступить въ университетъ, и тогда карьера моя была бы совсѣмъ другая.

Физику и естественную исторію преподавалъ у насъ нѣкто Ушковъ. Этотъ, какъ говорится,—ни швецъ, ни жнецъ, ни въ дуду игрецъ. Занимался онъ, какъ умѣлъ, и кто имѣлъ охоту дѣлать опыты, имѣлъ страсть къ ботаникѣ, тотъ могъ самъ до-

ходить, какъ равно и по физикѣ, въ весьма богатомъ физическомъ гимназическомъ кабинетѣ и по минералогіи по образцамъ того же кабинета. Отъ Ушкова же мало толку было.

Исторію, географію и статистику преподавалъ весьма дѣльный учитель Петръ Черкасовъ, который тоже занимался повтореніемъ словесности, непонятой нами у Лобачевского, и мы предметы Черкасова знали отчетливо и учились не по тогдашней методѣ въ зубряшку, а сознательно.

Французскій учитель былъ парижанинъ изъ плѣнныхъ французскихъ барабанщиковъ; говорилъ онъ парижскимъ лучшимъ акцентомъ, но едва умѣлъ самъ правильно писать, а о грамматикѣ и синтаксисѣ и понятія не имѣлъ. Нѣкоторые изъ насъ, знающіе уже дома хорошо языкъ, должны были быть репетиторами и помогали ему. Но все-таки наши познанія во-французскомъ языкѣ ограничились болтаніемъ.

Онъ выдавалъ себя долго плѣннымъ гвардейскимъ капитаномъ—*Capitaine de la Garde Impériale de Sa Majesté Napoléon I*—и на этомъ основаніи принятъ былъ въ русскую службу и произведенъ за выслугу лѣтъ въ титулярные совѣтники. Но вдругъ пензенское губернское правленіе пишетъ къ директору: дошло до свѣдѣнія губернскаго правленія, что въ екатеринославской гимназіи зачисленъ учителемъ французскаго языка французскій подданный Де-Висто, то губернское правленіе, предполагая, что этотъ иностранецъ не кто другой, какъ скрывшійся изъ Пензы французскій плѣнный барабанщикъ этого имени, покорнѣйше проситъ сдѣлать подробное объ этомъ дознаніе, и если это тотъ самый, то прислать его въ Пензу по этапу за конвоемъ.

Гимназическое начальство, получивъ такую грозную бумагу и не желая поставить директора въ невыгодное положеніе, такъ какъ онъ принялъ Де-Висто за одно бойкое знаніе французскаго языка, сначала гувернеромъ къ своему сыну, а потомъ утвердилъ его учителемъ гимназіи, отвѣчало, что этотъ Де-Вистъ не тотъ, который былъ въ Пензѣ, а другой его однофамилецъ, а г. Де-Висту посовѣтовали принять православіе и просить переимѣнить фамилію, что онъ и сдѣлалъ, и ему дали фамилію Безногова, а потомъ онъ былъ переведенъ въ Воронежскую гимназію тѣмъ же званіемъ.

Пенза успокоилась, и имя Де-Виста исчезло изъ списковъ. Въ іюнѣ 27 года выпущенъ я изъ гимназіи съ весьма порядочнымъ аттестатомъ, въ одномъ латинскомъ языкѣ значилось посредственно.

Несмотря на неудовлетворительную отмѣтку въ латинскомъ языкѣ, я по совѣту отца рѣшился вступить въ университетъ и для

того отправился съ отцомъ въ Харьковъ, но такъ какъ познанія мои въ латинскомъ языкѣ были ниже посредственныхъ, то меня до вступительнаго экзамена помѣстили къ профессору Экебладту. Я занялся и много уже успѣлъ, но въ ноябрѣ мѣсяцѣ этого же года заболѣлъ горячкою и оспой, пролежавъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ постели. Тутъ открылась война съ Турціей, и я вскипѣлъ воинственнымъ духомъ помѣряться съ турками. Письмо къ отцу полетѣло съ убѣдительною просьбою опредѣлить меня въ военную службу. Въ Екатеринославѣ стояли тогда два егерскіе полка 13-й и 14-й. Отецъ обратился къ командиру 14-го полка, и тотъ далъ слово опредѣлить меня. Поэтому, оставивъ Харьковъ и милое семейство моего профессора, прибылъ въ началѣ 1828 года обратно къ отцу.

Въ концѣ февраля пріѣхалъ братъ моего зятя, артиллеристъ литовскаго корпуса, Павелъ Матвѣевичъ Черкасовъ, и, узнавъ о ревностномъ желаніи драться съ турками, онъ предложилъ мнѣ опредѣлиться въ артиллерію, въ батарею его брата, который только что получилъ назначеніе въ гренадерскомъ корпусѣ, добавивъ къ тому, что батарея его брата тоже назначено выступленіе.

«Въ артиллерію, такъ въ артиллерію», сказалъ я, и вотъ мы отправились въ Кіевъ, гдѣ я пересѣлъ изъ саней въ сани къ брату Черкасова, Ивану Матвѣвичу, и поѣхали въ Смоленскъ для свиданія съ его родителями, а оттуда въ штабъ бригады въ городъ Осташковъ, Тверской губерніи.

Тогдашніе командиры бригадъ старались увеселять общество, гдѣ имъ назначена стоянка. Музыка, фейерверки, балы безпрестанно смѣнялись одинъ другой. Мѣстность Осташкова представляла всѣ удобства къ увеселеніямъ. Острова по озеру Селигеру попеременно служили увеселительными мѣстами. На одномъ изъ острововъ устраивалась охота на зайцевъ съ загонщиками. Загонщики были музыканты и барабанщики. Охотники избирали середину острова и составляли цѣпь стрѣлковъ. Загонщики съ музыкой и барабаннымъ боемъ вразсыпную, но на дистанцію, поднимали оглушительный шумъ, и бѣдные звѣрки стремглавъ неслись навстрѣчу выстрѣламъ. Была настоящая бойня. Прогнавши въ одну сторону острова, загонщики опять заходили съ другого берега и опять гнали ихъ на середину. Опять выстрѣлы, опять жертвы. И это повторялось разъ пять до самаго вечера. Вечеромъ подъѣзжали лодки съ дамами. Музыка размѣшалась, и съ торжествомъ возвращались мы домой.

Въ другой разъ изберется другой островъ пить чай. Нѣсколько десятковъ лодокъ съѣдутся съ кавалерами и дамами, и въ пре-

красный июньскій или июльскій день гуляютъ по острову, играютъ въ горѣлки, бѣгаютъ, ловятъ другъ друга, играютъ въ серсо, въ воланъ, и вся молодежь веселится,—тамъ чай подъ звуки прекраснаго хора музыкантовъ, и вечеромъ возвращаемся домой на иллюминированныхъ различными фонариками лодкахъ. То бригадный командиръ, въ день именинъ своей жены, сдѣлаетъ блистательный фейерверкъ на островѣ, и весь городъ тамъ. Прекрасныя мѣшаночки добраго града Осташкова въ дорогахъ, но странной формы кокошникахъ, съ любопытствомъ смотрятъ на забавы баръ и группируются въ восхитительной при освѣщеніи фейерверка гирляндѣ.

Все лѣто 1828 года прошло для меня въ одномъ сплошномъ удовольствіи.

Въ концѣ 29 года опредѣлился я въ карабинерный Баркляе-де-Толли полкъ, и какъ тогда всѣ юнкера были собраны въ штабѣ поселеннаго короля Прусскаго полка, въ нѣкоторыхъ верстахъ отъ Новгорода, то я отправился туда, и въ числѣ около 120 человекъ составляли школу, раздѣленную по степенямъ познаній на три класса, низшій, средній и верхній.

Описывать жизнь въ школѣ прапорщиковъ слишкомъ подробно не стану, потому что это все было уже описано другими. Все шло первый годъ для меня прекрасно, но не такъ было вообще. Расскажу одинъ важный въ школѣ случай, который имѣлъ вліяніе на участь многихъ изъ моихъ товарищей.

Командиръ школы, человекъ въ душѣ злой, но подъ маской вѣжливости пыталъ терпѣніе своихъ подчиненныхъ. Разныя мелкія придирки, обидныя наказанія истощили терпѣніе многихъ. Всѣ негодовали, но жаловаться было некому, да и не за что; онъ умѣлъ придратъ ко всякому случаю, къ волосамъ ли, къ разстегнутому-ли воротнику, къ нечищенной пуговицѣ, къ перчаткамъ, къ складкамъ на колѣняхъ, однимъ словомъ ко всему. Карцеръ наполнялъ безпрестанно, на дежурство не въ очередь наряжалось безпрерывно, и все было такъ натянуто, что только тогдашняя субординація могла выдержать глупыя придирки командира,—но все это было дѣлано вѣжливо, съ выраженіями отнюдь не дерзкими, а какъ бы по обязанности службы.

Наконецъ, кто-то изъ юнкеровъ не выдержалъ: безымяннымъ письмомъ объявилъ онъ, что если подполковникъ Есауловъ не перемѣнитъ своего обращенія, то онъ всадитъ ему пулю въ лобъ. Это письмо представлено было начальнику штаба военныхъ поселеній и доведено объ этомъ до Высочайшаго свѣдѣнія.

Повелѣно было отыскать виновнаго, началось строжайшее слѣдствіе. Какъ ни искали, какъ ни бились, но ничего не нашли.

Пало впрочемъ подозрѣніе на юнкера Бекетова, молодого человека, окончившаго курсъ въ Казанскомъ университетѣ, юношу 22-хъ лѣтъ. Собраны были сильныя противъ него факты, но онъ не сознавался и утвердительно и энергически доказывалъ, что ничего не писалъ и ничего не знаетъ.

По докладу государю произведеннаго слѣдствія и дѣйствій по этому дѣлу начальника штаба корпуса генерала Гурко, послѣдовала высочайшая собственноручная резолюція въ слѣдующихъ выраженіяхъ: оставить Бекетова безъ всякаго подозрѣнія, слово благороднаго человека должно быть свято.

Не прошло мѣсяца, какъ окончилось слѣдствіе по поводу письма, какъ полученъ былъ отъ начальника штаба военныхъ поселеній приказъ, чтобы начальникъ школы представилъ о тѣхъ юнкерахъ, которые ненадежны поведеніемъ и не дѣлаютъ успѣховъ въ наукахъ. И вотъ въ угоду приказа начальника Есауловъ представилъ о 17-ти юнкерахъ, и всѣ они были разжалованы, и въ томъ числѣ Бекетовъ.

Есауловъ торжествовалъ, но духъ у юнкеровъ не поникъ. Выискался во время самаго слѣдствія о Бекетовѣ смѣлый юноша, мальчикъ замѣчательныхъ способностей, и, не боясь грозы, въ прекрасно написанномъ письмѣ выразилъ всю безнадежность положенія подпрапорщиковъ подъ гнетомъ изверговъ-начальниковъ, смѣло подписалъ свое имя, и его несчастнаго разжаловали въ солдаты и послали на Аландскіе острова въ линейный баталіонъ. Погибъ смѣлый юноша за высказанную правду, погибли и 17 человекъ. Ни о комъ изъ нихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, мы, товарищи не слыхали.

Это все было въ 29 году. Въ августѣ же этого года я поступилъ въ высшій классъ.

Я въ числѣ другихъ прилежно занимался своимъ дѣломъ и у насъ настало болѣе тишины. Звѣрь Есауловъ удовольствовался жертвами, и вѣрно ему было приказано поостерегаться въ своихъ поступкахъ.

Разъ только лѣтомъ 30 года опять случился казусъ, который грозилъ другой партіи человекъ до 30-ти потерять галуны. Но, къ счастью, дѣло это было домашнее, и Есауловъ долженъ былъ докладывать объ этомъ нашему инспектору школы—корпусному оберъ-квартирмейстеру полковнику барону Зеделлеру, а тотъ генералу Гурко.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой исторіи былъ я. Дѣло простое. Одного изъ товарищей нашихъ за корпусныя шалости, отчего могъ поселиться между юношами развратъ, и въ особенности потому, что товарищъ этотъ нашъ успѣлъ уже

соблазнить одного 16-ти лѣтняго юношу и тотъ чуть не впалъ въ чахотку, мы за эту продѣлку вздумали проучить, т.-е. порядочно выпоротъ.

Избранъ былъ день свободный, когда намъ разрѣшено было идти съ офицеромъ, гулять въ лѣсъ.

Человѣкъ 30 самыхъ лучшихъ юнкеровъ были въ заговорѣ, мы отдѣлились отъ общей партіи и поймали барина на мѣстѣ преступленія. Тутъ всыпали ему свѣжими лозами ударовъ 50, а можетъ быть и болѣе. По окончаніи экзекуціи мы чинно ему доложили, чтобы онъ сохранилъ нашъ подарокъ въ секретѣ, а то, пожалуй, и повторить можно, да чтобъ о своей пакости—соблазнять мальчишекъ—онъ бы совершенно забылъ, а то еще хуже будетъ. Не знаю, понялъ ли нравственную причину, за что онъ былъ наказанъ, но боль заставила его клятвенно обѣщать все, чего мы бы ни пожелали. Гуляніе кончилось благополучно, никто казалось не зналъ о нашей продѣлкѣ, но вышло не такъ. Дежурный офицеръ, бывшій съ нами, не гулялъ и вечеромъ въ тотъ же день прислалъ за мною и съ испуганнымъ лицомъ спросилъ: правда ли, что вы высѣкли такого-то?

— Если вы уже знаете, такъ не стану скрывать, да, высѣкли, что жъ изъ этого?

— Помилуйте, что вы сдѣлали, вѣдь я долженъ буду доложить объ этомъ начальнику школы.

— А если должны, то докладывайте, фактъ совершился и сдѣланнаго не воротишь.

— Да, вѣдь васъ всѣхъ разжалуютъ. Вѣдь сѣченый въ лазаретъ отправленъ,—будетъ ли еще живъ?

— Не беспокойтесь: живъ будетъ, рубцы только не скоро заживутъ.

— Да за что же вы его наказали?

— А вотъ за что: не вводи товарищей въ чахотку. Вы знаете вѣдь какъ боленъ З., а попробовалъ предложить другому, и вышло ему не по нраву.

Офицеръ мой улыбнулся. Онъ выпущенъ былъ тогда изъ кадетскаго корпуса, гдѣ въ то время язва эта сильно дѣйствовала. При вечернемъ рапортѣ командиръ зналъ обо всемъ. Зарадовалось его злое сердце: еще разъ потѣшиться и стереть галуны по крайней мѣрѣ съ зачинщиковъ. На утро потребовалъ онъ меня. Вхожу. Ласково-змѣинымъ взглядомъ окинулъ меня съ головы до ногъ и, не найдя въ одеждѣ ничего, къ чему бы могъ придраться, началъ такъ:

— Ась, батенька, что вы надѣлали? за что до полусмерти высѣкли М.,—вѣдь вы знаете, что за это будете солдатомъ. Какъ вы это смѣли сдѣлать, опять заговоръ? А, что же не отвѣчаете?

— Виновать, В. В., высѣкли.

— Только-то. Да это я безъ васъ знаю. Извольте отвѣчать: какъ вы смѣли это сдѣлать?

— Виновать, былъ одинъ мой отвѣтъ.

Сколько онъ ни бѣсился, сколько ни старался добиться отъ меня вспылчиваго отвѣта, я далъ себѣ слово отнюдь не говорить ничего, кромѣ заученнаго слова: виновать. Наконецъ, онъ вышелъ изъ себя: да что вы все говорите виновать да виновать, а больше ничего, говорите же, кто были ваши товарищи, которыми вы, какъ атаманъ разбойниковъ, командовали.

— Прикажете дать вамъ списокъ?

— Да, да напишите сейчасъ, вотъ здѣсь на столѣ, вотъ перо и бумага.

И вотъ 30 именъ самыхъ лучшихъ юнкеровъ прописаны моей рукой. «Ну», думалъ я писавши, «здѣсь уже нѣтъ лѣнтяевъ. Весь высшій классъ, и нѣтъ людей ненадежнаго поведенія». Схватилъ мой исписанный листъ, велѣлъ запрячь лошадей и явился доложить о происшествіи инспектору классовъ.

— Полковникъ, началъ онъ, у меня опять неблагополучно.

— Что, развѣ опять письма?

— Нѣтъ, полковникъ, но юнкера высѣкли своего товарища до полусмерти и онъ отправленъ въ лазаретъ.

— А?..

— Да, полковникъ, эти молодцы не знаютъ мѣръ въ своей дерзости, ихъ примѣрно надобно наказать.

— Да, да...

— Богъ знаетъ, будетъ ли живъ наказанный, вѣдь ужасно, розогъ 300 ему дали...

— Не меньше ли? А позвольте, впрочемъ, узнать, за что же? Вѣдь не такъ же, безъ всякой причины; кто же эти молодцы—вѣрно, мошенники, шалуны.

— Нѣтъ, нельзя сказать, чтобъ шалуны, вотъ списокъ, который написалъ самъ атаманъ.

— Кто же это?

— Арнольдъ.

— А съ нимъ кто же были?

— Да, вотъ всѣ, которые въ списокѣ означены.

— Позвольте му... му... (читаетъ про себя).

— Да это самый лучший народъ у васъ въ школѣ, видно какая-нибудь важная причина заставила ихъ такъ дѣйствовать, что, сѣченный замѣченъ въ воровствѣ, что ли?

— Нѣтъ, полковникъ, не то,—а вотъ видите-ли, какъ это

вамъ доможить... извольте видѣть—корпусная шалость,—ну однимъ словомъ шалость... и за что такъ наказывать...

— Мм... мм, такъ вотъ оно что! А что подполковникъ, такъ кстати спросить, и вы воспитывались тоже въ корпусѣ?

— Да, я тоже выпущенъ изъ корпуса.

— М... м... г. подполковникъ, я вотъ вамъ что скажу на это: вы совершенно напрасно беспокоились пріѣзжать докладывать о такихъ пустякахъ. Прошу васъ, возвратитесь въ школу и отъ имени моего и начальника штаба, которому я сегодня же доложу о такомъ похвальномъ поступкѣ вашихъ молодцовъ, скажите имъ особенную благодарность за то, что они въ средѣ своей не терпятъ мерзавцевъ. Поѣзжайте съ Богомъ. А я лично буду у васъ и поблагодарю молодцовъ.

Не солоно хлѣбавши, возвратился нашъ грозный бичъ домой и не летитъ объявлять немилость начальства. Наконецъ на другой день входитъ въ классъ и, обратившись ко мнѣ, съ своей змѣиной улыбкой сказалъ: «ну, Арнольдъ, дѣло ваше лучше, чѣмъ я думалъ, полковникъ Зеделлеръ прощаетъ Вамъ и всѣмъ вашимъ товарищамъ на первый разъ, находя, что причина этого поступка была благородна. Но впередъ будьте, господа, осторожны,—не всегда такъ сойдесть».

Пѣна показалась на его губахъ, онъ едва сдерживалъ свою злость и поспѣшилъ выйти. 30 языковъ и носовъ провожали его,—а по выходѣ въ одинъ голосъ сказали: что, получилъ?

Недѣли черезъ двѣ пріѣхалъ Зеделлеръ и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ насъ за недопущеніе мерзостей въ нашемъ кругу и добавилъ: «Ну, господа, а теперь отъ васъ зависитъ, что сдѣлать съ этимъ мерзавцемъ».

— Съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ,—былъ нашъ отвѣтъ.

— Благодарю и за это.

Не кончилось это дѣло одною благодарностью, и Гурко въ свой пріѣздъ лично отъ души благодарилъ насъ. Посѣченный выздоровѣлъ скоро, и боялся, какъ огня, попасть къ намъ въ руки. Дѣло было забыто, и никто уже не рѣшался наслаждаться въ родѣ М.

Пришло, наконецъ, время и мнѣ ждать производства въ офицеры, какъ вдругъ получена бумага изъ Герольдіи, которая увѣдомила, что я, хотя и представилъ документы о дворянскомъ своемъ происхожденіи, но Герольдія, разсмотрѣвъ документы, нашла, что, такъ какъ отецъ мой занимался въ гор. Могилевѣ часовымъ мастерствомъ, то опредѣленнаго въ военную службу сына его, т.-е. меня, Михаила, считать изъ дворянъ не слѣдуетъ.

Вотъ какъ въ то время дворянинъ не смѣлъ заниматься мастерствомъ, хотя бы умиралъ съ семьей съ голоду. Дивное правило, врядь ли законное и человѣчное, но тогда не было на это апелляціи, и я долженъ былъ, вмѣсто того, чтобы черезъ мѣсяць надѣть эполеты, остаться 12 лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи, т.-е. на общихъ правахъ.

Благодаря какому-то особенному счастливому случаю, мнѣ было предложено на выборъ или поступить въ резервные батальоны армейскихъ войскъ (въ гренадерскомъ корпусѣ вольноопредѣляющимся тогда не дозволялось служить), или выйти въ отставку. Я избралъ послѣднее и уволенъ былъ унтеръ-офицеромъ въ 1830 году.

Насталъ 1831 годъ. Войска гренадерскаго корпуса отправились въ царство польское усмирять возмущившихся поляковъ.

Одинъ изъ хорошихъ моихъ знакомыхъ, казначей 3 гренадерской бригады, предложилъ мнѣ вступить на службу въ артиллерию, но, какъ я уже говорилъ, въ гренадерскомъ корпусѣ вольноопредѣляющихся не дозволено было принимать, поэтому онъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Вильно, гдѣ хотѣлъ представить меня знакомому своему бригадному командиру, и тотъ, вѣроятно приметъ меня, и я поступлю въ составъ войскъ, ѣдущихъ противъ мятежниковъ. Мы прибыли въ Вильно въ январѣ 1831 года. Въ февралѣ назначено было артиллерійской бригадѣ, расположенной тогда въ Вильнѣ, идти на Гродно, и въ эту-то бригаду намѣревался меня помѣстить мой пріятель-казначей.

Являюсь къ бригадному командиру, полковнику Плещееву,—принятъ ласково. Обмундированъ и отправляюсь съ бригадою въ Гродно. Пришли въ Гродно. Дневка. Требуютъ къ полковнику.

— Ну что, батюшка, дѣлать мнѣ съ вами, говоритъ бригадиръ. Вѣдь бумаги ваши возвращены, вы не утверждены въ дворянствѣ, такъ велѣно вамъ возвратить документы, ищите доказательства вашего дворянства...

Пріѣхавъ вновь въ Екатеринославъ, я тотчасъ по почтѣ послалъ просьбу въ главный штабъ объ опредѣленіи меня въ конную артиллерию.

Польское возстаніе усмирено. Опредѣленія же моего нѣтъ, какъ нѣтъ. Я живу праздно по большей части въ имѣніи тестя моего брата въ 25 верстахъ отъ Козлова. Что занимаетъ насъ въ деревнѣ?

Отецъ жены моего брата, старикъ 70 лѣтъ, 20 лѣтъ не встающій съ постели—не потому собственно, что не могъ по болѣзни, нѣтъ,

такъ привыкъ: утромъ переходитъ часу въ девятомъ изъ спальни въ гостиную, ложится на другую постель и такъ лежитъ до 12-ти часовъ. Въ 12 подаютъ обѣдать, онъ идетъ въ столовую, ѣсть исправно. Послѣ обѣда отправляется отдохнуть въ спальню, къ 6-ти часамъ вечера просыпается, пьетъ чай, сидя на другой кровати, призываетъ шута Василю, заставить его врать глупости, посмѣется, а потомъ прикажетъ своимъ экономамъ поиграть съ нимъ въ дурачки. Тѣ дразнятъ его,—тотъ ругается. Помѣщикъ смѣется. Время ужинать,—поужинаетъ и на боковую; опять отправляется старикъ въ спальню. Такъ проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы, годы. Я прожилъ въ деревнѣ этой съ сентября 1831 г. по декабрь 1832 г. и не замѣтилъ перемѣнъ ни въ одномъ днѣ: все какъ я записалъ, такъ и было. Дѣти его говорили, что такъ они его съ дѣтства помнятъ. Было у него дома три сына. Младшій былъ почти мой ровесникъ, другіе старше. Всѣ они трое считались на службѣ въ козловскомъ уѣздномъ судѣ, но никогда въ судѣ не были, а взамѣнъ этого высылались чиновникамъ, которые служили за нихъ—крупя, мука и все прочее, и деньгами малая толика. По окончаніи 12 лѣтъ такой усердной службы они произведены въ коллежскіе регистраторы и вышли въ отставку. И вотъ въ барскомъ этомъ домѣ живутъ 4 молодца, ничего не дѣлающіе, ни о чемъ не заботящіеся, да еще сестра ихъ, дѣвушка лѣтъ 16-ти. Царная охота въ порядкѣ (старикъ былъ когда-то записной охотникъ), штукъ 20 своръ гончихъ и штукъ 15 борзыхъ, лошади донскія—охотниковъ человѣкъ 8. Все какъ слѣдуетъ въ барскомъ домѣ прежнихъ помѣщиковъ. Нѣтъ недостатка и въ горничныхъ. Ихъ штукъ 8 сидятъ въ дѣвичьей, вышиваютъ на пяльцахъ и все прочее. Не прочь и молодые баричи посидѣть и поболтать съ кружевницами и пяльщицами, пѣсни попѣть вмѣстѣ и все прочее, какъ быть должно.

Тестъ моего брата никогда въ жизнь свою не выѣзжалъ изъ деревни, кромѣ необходимыхъ поѣздокъ въ Козловъ и то на одинъ какой-либо день. Въ пеленкахъ онъ зачисленъ былъ сержантомъ гвардіи и потомъ уволенъ въ отставку съ чиномъ арміи-маіора,—и тѣмъ, разумѣется, удовольствовался. Грамоту онъ не любилъ,—подписывался на документахъ подъ диктовку буквъ, и диктовка эта продолжалась часа 2 или иногда и 3, покуда онъ напишетъ: маіоръ такой-то руку приложилъ. Тоже не любилъ онъ, чтобы сыновья читали книжки и, благодаря такой заботливости о первоначальномъ воспитаніи, его сынки были хотя не безграмотны, но съ большимъ грѣхомъ пополамъ—и дошли сами собою до того, что о грамотѣ не заботились и, конечно, сами могли подписать свои фамиліи безъ диктовки и даже написать записки,

но куда какъ хромала орѳографія, а ужъ о грамматикѣ говорить нечего.

Такъ прошелъ весь 32-й годъ и только къ концу года я получилъ разрѣшеніе отправиться въ Варшаву и явиться въ 3-ю конно-артиллерійскую батарею, куда я опредѣленъ фейерверкеромъ 4 класса.

Получивъ, наконецъ, желаемое опредѣленіе, вострепнулся я и съ ревностью поспѣшилъ на службу. Въ началѣ 1833 года прибылъ въ Варшаву и былъ отправленъ въ м. Скерневицы, гдѣ расположена была конно-артиллерійская батарея.

При подачѣ прошенія я имѣлъ въ виду, что, согласно высочайшему велѣнію, объявленному въ приказѣ по гренадерскому корпусу, всѣ вольноопредѣляющіеся имѣютъ право, по выслугѣ въ унтеръ-офицерскомъ званіи 4-хъ лѣтъ, быть произведены въ офицеры, если будутъ того достойны по экзамену. Съ этой надеждой прибылъ я въ батарею.

Офицеры батареи приняли меня почти дружески, ввели меня въ свой кругъ, и мы начали жить, какъ тогда жили офицеры въ своемъ кружкѣ, весело и безъ всякихъ ссоръ.

Карты, вечеринки, дружескія попойки безъ излишества; все это смѣнялось постоянно то у одного, то у другого офицера.

М. Скерневицы наполнено евреями и польской шляхтой. Послѣ возстанія шляхта смотрѣла на русскія войска съ ненавистью и конечно сочувствія намъ вовсе не оказывала. Взрослые, конечно, держали себя сдержанно, но уличные мальчишки не стѣснялись: идешь бывало по улицѣ, мальчикъ или даже дѣвочка схватить камешекъ, бросить его къ тебѣ въ ноги, и самъ убѣжить къ воротамъ и дразнить: у, гицель, москаль—значить вѣжливо сказать «собака русскій». Сосѣдніе помѣщики избѣгали знакомства съ русскими офицерами, а служащіе бургомистръ и члены думы ихъ только терпѣли, хотя были скромны въ своихъ выраженіяхъ.

Такъ какъ развлеченій постороннихъ у насъ вовсе не было, мы ограничивались только своей компаніей. Каждый вечеръ сходились то у того, то у другого изъ нашихъ товарищей. Сначала садились играть въ вистъ, сыгрывали робберовъ 12, подавали въ это время чай, иногда съ ромомъ, потомъ слѣдовала закуска, состоящая изъ стряпни деншиковъ, битокъ ли съ картофелемъ, или что другое. Потомъ иногда посылали за виномъ, которое у насъ имѣло названіе по формѣ бутылокъ. Если требовалось рейнское или шато-лафитъ, то говорили: не послать ли за нѣмочками?

а если шампанское, то говорили: пошлите за парой французенокъ. Если было не поздно, то послѣ ужина принимались пѣть или даже поплясывать. Пѣсни наши были большею частью туземнаго напѣва,—совсѣмъ польскія, такъ что если бъ кто услышалъ, какъ мы громогласно распѣвали: «еще Польша не сгинѣла», такъ подумалъ бы что тутъ собрались польскіе заговорщики и завзятые враги русскихъ.

Пѣсни наши и то обстоятельство, что мы ежедневно сходились всѣ вмѣстѣ, обратило такое вниманіе тайной полиціи, что посланъ былъ въ главную квартиру доносъ, и неожиданно явился въ наше мирное собраніе адъютантъ начальника артиллеріи Шеншинъ съ тайнымъ порученіемъ узнать образъ мыслей офицеровъ и донести, въ какой мѣрѣ мы вредны. Избранъ былъ Шеншинымъ какой-то благовидный предлогъ, по части хозяйственной или другой какой, а потомъ за обѣдомъ у полковника онъ сталъ разспрашивать, какъ мы проводимъ время. Отвѣтъ былъ: «да что скука страшная, живемъ между собой, играемъ въ карты, пьемъ, ужинаемъ и прочее, какъ всѣ».

Былъ у насъ въ батареѣ шт.-кап. Саврасовъ, служившій прежде въ гвардіи, человѣкъ образованный, хорошій віолончелистъ и человѣкъ довольно богатый. У него, кромѣ денщика, были еще поваръ и лакей. Въ этотъ день была очередь проводить у него вечеръ. Онъ пригласилъ Шеншина. Полковникъ не бывалъ на нашихъ пирушкахъ, боясь уронить свое достоинство, и при томъ онъ въ карты не игралъ и вовсе ничего не пилъ.

Сѣли играть въ винтъ. Шеншинъ тоже сѣлъ и сыгралъ 6 робберовъ, потомъ Саврасовъ вынулъ віолончель, разставилъ пюпитръ съ нотами и сыгралъ нѣсколько весьма хорошихъ пьесъ изъ лучшихъ композиторовъ. Мы душевно наслаждались задушевными звуками віолончели и забыли о картахъ. Поданъ былъ прекрасный ужинъ, не только битки съ картофелемъ, но нѣсколько блюдъ и пирожное, потомъ послали за французенками, кажется за 6-ю. Вино заискрилось въ бокалахъ, или, виновать, бокаловъ у насъ не было, а просто въ стаканахъ. Компанія развеселилась, и пошла плясовая; я игралъ на гитарѣ какую-то дичь, а офицерство кружилось то въ вальсѣ, то танцовало карикатурную мазурку на манеръ мазуровъ (Скернавицы наполнены мазурами) и наконецъ и трепака, и казачка; Шеншинъ до упаду хохоталъ; наконецъ, запѣли пѣсню: «еще Польша не сгинѣла», «нашъ воякъ» и другія пѣсни, вовсе не-русскія.

Намъ и въ голову не приходило, что эти-то пѣсни обратили на себя вниманіе высшаго начальства, и что Шеншинъ прибылъ собственно за тѣмъ, чтобы провѣрить, дѣйствительно ли мы такіе опасные люди, какъ описала тайная полиція.

На другой день очередь была у другого офицера. Шеншину понравилась наша компанія, и другой вечеръ проведенъ былъ также, за исключеніемъ количества вина и качества, тутъ ужъ были на сценѣ нѣмочки. Еще дня два пробылъ Шеншинъ у насъ и уѣхалъ въ полномъ убѣжденіи въ нашей добросовѣстности, отличной нравственности и преданности службѣ и отечеству.

Приближалась Святая недѣля. Бригадный командиръ получилъ секретное предписаніе быть осторожнѣе. Ходятъ слухи, что поляки намѣрены въ ночь на Пасху. перерѣзать всѣ отдѣльныя части войскъ. Осторожно было это объявлено намъ, и усилены караулы.

Паркъ артиллеріи нашей стоялъ за мѣстечкомъ. Вблизи были комнаты прислуги. Лошади осѣдланы. Сбруя въ порядкѣ при каждомъ орудіи. Въ палаткѣ возлѣ парка находилось до 20 человекъ солдатъ, составляющихъ усиленный караулъ на случай опасности. Часовые удвоены.

Въ то время батареи были въ 12 орудій при 3 зарядныхъ ящикахъ, значить пожива для поляковъ была бы значительная, а перерѣзать насъ было такъ легко, что намъ и защищаться не было возможности. Что могли сдѣлать ночью 20 солдатъ, вооруженныхъ тупыми саблями и до нетерпимости дурными пистолетами. Захватить паркъ, пока еще мы не успѣли бѣ опомниться, могло быть дѣломъ одного часа. Надобно замѣтить, что въ день предполагаемаго нападенія былъ проливной дождь съ страшной грозой.

Я былъ въ тотъ день дежурнымъ по карауламъ. Въ полночь пошелъ я съ тремя другими фейерверкерами осмотрѣть исправность караула. Прихожу—все исправно, караульные на своихъ мѣстахъ, остальная прислуга спитъ, убаюкиваемая грозой. Подхожу къ парку. Темень была такая, что въ двухъ шагахъ ничего не видать,—даже палатка не бѣлѣетъ. Натыкаюсь на орудіе, ищу часового, нѣтъ на своемъ мѣстѣ, иду къ другому, и того нѣтъ, а между тѣмъ ливень не перестаетъ, громъ и молніи непрерывная.

Страхъ меня взялъ, думаю, ну бѣда, часовые или сняты или убиты. Иду къ палаткѣ, подымаю пологъ и вижу, что весь караулъ спитъ мертвымъ сномъ. Бужу ефрейтора, онъ вскакиваетъ. Спрашиваю: гдѣ часовые, и ихъ находятъ сладко спящими подъ ящиками. Такъ русскій солдатъ спитъ сладко и никакъ не вѣритъ, что опасность близка.

Офицеры наши вовсе не вѣрили молвѣ: они вполнѣ были убѣждены, что полякамъ нѣтъ возможности собраться, чтобы нападать на войска, и мирно спали или молились въ костелахъ, встрѣчая, хотя 12 днями ранѣе противъ нашего стиля, Воскресеніе Христово.

На утро я доложилъ полковнику, что все благополучно, и онъ прехладнокровно сказалъ: «ну, конечно, вздоръ, гдѣ имъ насъ рѣзать, это только пустыя сплетни».

Объ оплошности караула я не осмѣлился ему докладывать,— и потомъ все пошло мирно и тихо, какъ прежде.

Получено было распоряженіе о нашемъ новомъ передвиженіи. Корпусъ нашъ отправлялся въ Гродненскую губернію, а бригада наша въ Слонимскій уѣздъ въ мм. Дузенѣны и Дергочинѣ.

Безъ всякаго особаго приключенія пришли въ Брестъ-Литовскъ. Тутъ обозъ нашъ былъ осмтрѣнъ въ таможднѣ, и, къ крайнему огорченію моему, полиція конфисковала единственное достояніе мое охотничье ружье, имѣя, какъ намъ объяснили, строгое предписаніе не пропускать оружія въ предѣлы Россіи. Что было поводомъ къ такому распоряженію, осталось для насъ тайной, но вѣрно для меня было то, что отъ меня, бѣдняка, отнимали единственную дорожную для меня вещь. Я просилъ, умолялъ чиновниковъ тамождни не конфисковать моего ружья (впрочемъ, намъ объявили, что ружья будутъ впослѣдствіи возвращены ихъ владѣльцамъ, но пропустить ихъ строго запрещено). Видно просьба моя была черезчуръ убѣдительна—нашелся сострадателный чиновникъ, который посовѣтовалъ мнѣ достать какое-нибудь другое ружье и положить его въ ящикъ вмѣсто моего—для нихъ-де нуженъ счетъ, а какое тамъ ружье—для нихъ дѣла нѣтъ.

Я такъ и сдѣлалъ. Купилъ за 75 коп. какой-то дрянненькій стволъ съ разбитымъ ложемъ и съ признаками замка, вложилъ въ ящикъ, сдалъ въ тамождню, а свое потащилъ съ восторгомъ на квартиру. Ружья же, оставленныя въ таможднѣ, никогда не были возвращены своимъ владѣльцамъ.

Въ Брестѣ тогда ходилъ анекдотъ о продѣлкѣ одной барыни при водвореніи контрабанды.

Она жила въ крѣпости и, такъ какъ въ Царство Польское нужно было проходить черезъ мостъ на р. Наровѣ, а на другой сторонѣ была возлѣ самаго мѣста тамождня, то она, имѣя по ея словамъ знакомыхъ въ мѣстечкѣ, уже находящемся въ Царствѣ Польскомъ, почти ежедневно проходила мимо тамождни. Когда шла она утромъ изъ Бреста, маленькая собака изъ породы болонокъ съ кудрявой красивой шерстью весело прыгала и бѣжала у ея ногъ. Вечеромъ, возвращаясь домой въ Брестъ, собачку эту несла на рукахъ, являлась въ тамождню, предъявляла свой видъ, и такъ какъ ее очень хорошо всѣ знали, то и не обращали на нее никакого вниманія.

Однажды ей не посчастливилось: какой-то любитель, должно

быть, маленьких собачекъ, когда она возвращалась съ собачкой на рукахъ, подошелъ къ ней и говорить, ахъ какая у васъ маленькая собачка, позвольте погладить. И что же оказалось къ изумленію чиновника? онъ погладилъ искусно сдѣланное чучело, во всемъ похожее на ту собачку, которая утромъ всегда сопровождала барыню. Результатъ вышелъ плачевный. Во внутренности чучела найдены дорогія кружева, и барыня арестована, а какъ у ней не оказалось достаточно денегъ, чтобы заплатить штрафъ, то рабу Божию отправили въ острогъ...

Обмундированіе тогдашнихъ нижнихъ чиновъ конной артиллеріи состояло изъ колета и рейтузъ, подложенныхъ съ внутренней стороны толстой кожей. Сапоги смазные съ короткими голенищами. Вооруженіе: сабля въ желѣзныхъ ножнахъ съ тяжелымъ мѣднымъ эфесомъ на бѣлой портупѣ, за поясомъ огромный съ кремневымъ замкомъ пистолетъ въ кобурѣ, а черезъ лѣвое плечо на широкой же перевязи пристегнуть патронташъ съ 24-мя, кажется, патронами. Вообразите же, какъ удобно вскакивать въ этомъ вооруженіи на лошадь, въ особенности, когда лошадь осѣдлана военной амуниціей. Сѣдла кавалерійскія съ высокими луками, съ обѣихъ сторонъ сѣдла пристегнуты выюки, на которыхъ на одной сторонѣ кошелекъ, а другой торба съ 6 гарницами овса. За задней лукой пристегнута туго свернутая по походному шинель. Во время маневрированія кромѣ того у прислуги: у одного банникъ въ рукахъ, у другого пальникъ, а у третьяго ящикъ съ трубками.

Походомъ, какъ сядешь въ сѣдло, тебя такъ стиснетъ, какъ клещами, и дотога это сидѣніе утомляетъ, въ особенности въ жаркій день, что радъ ужасно, когда скомандуютъ: слѣзай,—едва расправишь утомленные члены и съ наслажденіемъ пройдешь версты двѣ или три.

Конно-артиллерійскій солдатъ вѣчно занятъ службою. Придетъ съ ученья, долженъ сейчасъ заняться чисткою орудій, потомъ разсѣдлатъ своего коня, обтереть ноги соломой, вычистить амуницію, т.-е. выбѣлить ее мѣломъ подъ глянецъ, вычистить эфесъ сабли и ложу пистолета, потомъ задать лошади сѣно и ждать выводки для чистки къ коновязи, гдѣ уже во время самой чистки даютъ лошадямъ овесъ. Самая чистка лошади часто не обходилась безъ наказанія солдатъ. Чуть только фельдфебель или дежурный фейерверкеръ замѣтитъ, что лошадь не чиста, или солдатъ лѣниво ведетъ скребницей или щеткой, такъ, не долго разговаривая, даетъ ему такой подзатыльникъ, что это долго помнится, а то и хлестнетъ его нагайкой.

Въ нашей батарее, впрочемъ, я не замѣтилъ большой жесто-

кости; не безъ того, что по зубамъ частенько доставалось лѣнтяямъ, но такого тиранства, какъ мнѣ приходилось видѣть и прежде въ гренадерскомъ корпусѣ, и послѣ въ кавалеріи, у насъ и въ поминѣ не было. Одному фельдфебелю, который ежедневно два раза утромъ и вечеромъ приходилъ съ рапортомъ къ полковнику—нерѣдко доставалось по зубамъ за каждое его неаккуратное исполненіе распоряженій и приказаній начальника.

Кстати теперь припоминаю одну изъ тысячъ часто повторяющихся экзекуцій, которой мы, юнкера гренадерскаго корпуса, были свидѣтелями, смотря изъ окошекъ коридора, гдѣ помѣщалась наша юнкерская школа. Въ манежъ вошли полковникъ гренадерскаго короля прусскаго полка, какъ теперь помню, Чевакинскій, а изъ боковыхъ дверей привели солдата, въ чемъ-то на ученьи провинившагося или сдѣлавшаго грубость кому-то. Ему спустили нижнее платье и положили на полъ; два унтеръ-офицера сѣли ему одинъ на голову, а другой на ноги, а два унтеръ-офицера стали по бокамъ наказываемаго. Розогъ было привезено чуть ли не цѣлый возъ. Бѣднягу стали сѣчь,—и ужъ сколько ему дали счетомъ розогъ, нельзя было не только считать, но страшно было видѣть это варварство: экзекуція продолжалась болѣе часу, и бѣднягу, который ужъ не могъ кричать, замертво отнесли въ лазаретъ, и онъ на другой день умеръ, не оставивъ и слѣда послѣ себя.

Тутъ же досталось и одному унтеръ-офицеру, который, по мнѣнію Чевакинскаго, мирволилъ при наказаніи: ему тоже отпустили розогъ сто, чтобы другіе знали, что не исполнять приказанія начальства строго наказывается.

И этотъ полковникъ былъ однимъ изъ исправнѣйшихъ полковыхъ командировъ и очень уважаемъ начальствомъ.

Вспомнивъ о звѣрствѣ Чевакинскаго, я вспомнилъ тоже о страшномъ бунтѣ поселенцевъ, бывшемъ по случаю холеры въ 1831 году.

Разскажу то, что относится до моихъ старыхъ знакомыхъ.

Когда дѣйствующіе полки гренадерскаго корпуса пошли въ Царство Польское и остались однѣ поселенныя роты и артиллерійская бригада, то въ самый разгаръ возмущенія поселяне истерзали старо-русскаго полицеймейстера Манджоса и тирански умертвили бригаднаго командира генерала Леонтьева.

Въ Старой-Руссѣ оставалась жена начальника артиллерійской дивизіи Гербея. Она устроила въ своемъ домѣ больницу и принимала въ эту больницу всѣхъ раненыхъ и избитыхъ, несмотря на то, къ какой партіи они принадлежать.

Ворвавшіеся въ Старую-Руссу мятежники, узнавъ, что генеральша Гербель живетъ въ своей квартирѣ, бросились къ дому и хотѣли ворваться, чтобы ее тоже растерзать, какъ жену офицера, но тутъ жители города и другая часть поселянъ начали защищать домъ, говоря, что генеральша мать всѣхъ угнетенныхъ и что она помогаетъ больнымъ и раненымъ. Свирѣпая толпа уступила, и домъ генеральши Гербель, подъ охраною благомыслящихъ гражданъ и нѣкоторыхъ поселенцевъ, остался не разграбленъ, и генеральша могла свободно ходить по городу и отыскивать раненыхъ и больныхъ.

Но не то было съ женой командира поселенной артиллерійской бригады.

Она жила въ домѣ штаба бригады въ небольшой деревнѣ. Мужа она при первой тревогѣ куда-то спрятала, а сама съ храбростью ожидала поселянъ. Ворвалась толпа.—Гдѣ мужъ твой? давай его сюда,—кричатъ разбойники, а не дашь такъ и тебѣ не жить.

— Мужъ уѣхалъ въ Руссу,—говоритъ она,—я совсѣмъ не знаю, гдѣ онъ теперь, можетъ быть давно убитъ, ради самого Бога, не мучьте меня, лучше сразу убейте.

— Врешь, знаешь: спрятала небось, ты хитра. Найдемъ сами, если не укажешь, и тогда при тебѣ съ него сдеремъ кожу, да потомъ и съ тебя. Искали по всему дому, перерыли, переломали все, но не нашли полковника.

— Ну, говори же, куда дѣвала мужа? начали опять допрашивать бѣдную полумертвую страдалицу.

— Не знаю, хоть сейчасъ убейте.

— Ну ребята, мужа не нашли, такъ съ нея шкуру долой. Вѣшайте ее за ноги, какъ того офицера, что намъ попался сегодня—знатно съ него содрали шкуру, чай до сихъ поръ вертится на осинѣ.

И бѣдную полковницу бьютъ и тащатъ къ дереву. Вдругъ прибѣгаютъ еще человѣкъ 10 поселенцевъ и говорятъ прежнимъ: «бросьте, за что женщину вѣшать, не она насъ мучила и командовала, ей достаточно другимъ чѣмъ наказать, да косу остричь».

И вотъ потащили ее въ какую-то избу, натѣшились злодѣи и полумертвую бросили съ остриженной косой.

Сколько времени бѣдная женщина была между жизнью и смертью мнѣ не говорили, но фактъ этотъ совершенно вѣренъ. Мужъ ея спасся, былъ назначенъ впослѣдствіи плацъ-маіоромъ въ Новгородъ, былъ произведенъ въ генералы.

Офицеръ, о которомъ хвастались поселяне, былъ мой хорошій знакомый, нѣкто Цыско, бригадный адъютантъ 3-й гр. ар. бригады, незадолго до бунта переведенный въ поселенную бригаду.

Ужасныя дѣла совершались тогда, да и терпѣніе поселянъ было долго. Разразилась гроза, и многіе невинные пали подъ этой ужасной грозой.

Вотъ если бѣ Чевакинскій имъ попался! Но тотъ былъ такъ догадливъ, что и съ полкомъ, кажется, не пошелъ, его бы свои солдаты при первомъ дѣлѣ подняли бы на штыки. А сколько было тогда Чевакинскихъ.

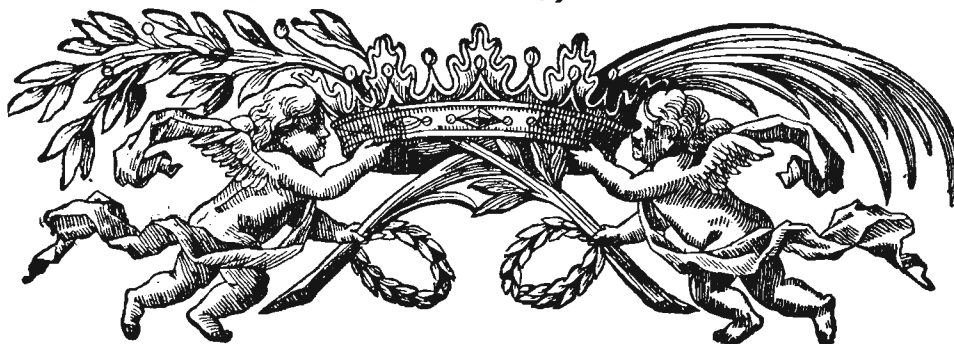
И все терпѣли наши солдатики и, что даже странно, многіе любили больше строгихъ начальниковъ, чѣмъ слабыхъ, тѣхъ они ни въ грошъ не ставили ¹⁾.

М. К. Арнольдъ.

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 г. см. въ двухъ книгахъ: изд. ред. «Русской Старины»: 1) «бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году» С.-Пб. 1870 г. и 2) «Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія» С.-Пб. 1871 г. и въ книгѣ Слезкинскаго «Бунтъ военныхъ поселянъ». Новгородъ. 1894 г.

Ред.

Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ.

«Впередъ, безъ страха и сомнѣнья!»—
Когда-то голосъ молодой
Такъ звалъ младое поколѣнье
На мирный подвигъ, въ честный бой.
Промчались годы—и какъ прежде
Звучитъ чарующій призывъ,
Призывъ къ борьбѣ, призывъ къ на-
деждѣ,

И надвигается разрывъ
Съ тяжелымъ прошлымъ. Но кто же
Зовутъ тѣ вѣщія слова?
Къ одной ли пылкой молодежи
Они взываютъ, какъ тогда?

Въ застоѣ мрачномъ нѣтъ спасенья!
Такъ пусть девизъ давнишній тотъ
Соединитъ всѣ поколѣнья
Въ одномъ стремленіи: впередъ!

И предъ раскрытою могилой,
На склонѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ,
Пусть раздается съ новой силой
Свободѣ будущей привѣтъ!

К. Арсеньевъ.

Рѣдкій праздникъ—привѣтствовать русскаго общественнаго дѣятеля въ *восьмидесятую* годовщину его жизни и справлять *шестидесятилѣтній* юбилей непрерывнаго блестящаго служенія его родинѣ. Наша жизнь быстро изнашивается. Бодрая и свѣтлая восьмидесятилѣтняя старость, полная участія къ окружающему и вѣры въ лучшее будущее, отзывчивая и дѣйственная—въ Западной Европѣ встрѣчается нерѣдко, въ Россіи—почитается почти-что чудомъ. Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ, о которомъ идетъ рѣчь, недаромъ всегда былъ *западникомъ*: онъ перенесъ на русскую почву и ту повадку общественной работы, ту гигиену душевной жизни, которыя позволяютъ англійскому государственному дѣятелю, и въ годы маститой старости, отстаивать давно занятыя позиціи съ упорствомъ испытаннаго

борца, нападать на вражескія силы со сдержаннымъ огнемъ и непреклонной энергіей, которымъ позавидуетъ молодость.

Возьмите, въ самомъ дѣлѣ, любую статью К. К., напечатанную 45—50 лѣтъ назадъ, и сравните съ тѣмъ, что написано имъ для *Вѣстника Европы* въ декабрѣ 1916 года: все тѣ же ясность мысли, сила убѣжденія, богатство аргументаціи. Правда, по словамъ самого юбиляра, —

Ни безграничныхъ упованій,
Ни увлеченія мечтой
Не знаетъ старость...

Но *этихъ* особенностей, часто присущихъ русскому національному характеру и темпераменту, кажется, не знала и *молодость* К. К. Арсеньева: съ раннихъ лѣтъ своей публицистической дѣятельности онъ привыкъ подходить къ дѣйствительности съ такимъ пристальнымъ вниманіемъ, съ такимъ строгимъ анализомъ, что для безграничныхъ упованій или мечтательныхъ увлеченій, повидимому, не оставалось и мѣста. Однако же, ни усталости, ни «мозговой лѣни», ни сомнѣній въ конечномъ торжествѣ русской общественности—читатель не найдетъ на страницахъ, подписанныхъ именемъ К. К. Арсеньева. Кому, казалось бы, какъ не этому тонкому, одаренному, умному наблюдателю—придти въ отчаяніе отъ нашей нудной жизни? И тѣмъ не менѣе, въ апрѣлѣ 1915 года онъ писалъ въ предисловіи къ своей послѣдней книгѣ: «Мало отраднаго мнѣ приходилось отмѣчать въ той лѣтописи текущихъ событій, которую я велъ въ продолженіе многихъ десятилѣтій; но все же я могу сказать, словами Некрасова, что «завершая свой жизненный путь, я къ лучшему шагъ замѣчаю». Чѣмъ поддерживается и питается его вѣра? Мнѣ кажется вѣру эту творять два фактора: глубокое знаніе политической исторіи Запада и упорная активность натуры.

Скучно и нудно долгіе годы, изо-дня въ день, переживать неразбериху нашей политической и общественной дѣйствительности. Но что такое эти «долгіе годы» въ непредѣльности историческаго процесса? А вѣдь все прошлое Запада съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ объ одномъ: побѣда общественности—лишь вопросъ времени. «Такъ было—такъ будетъ!»—изъ правила этого—нѣтъ исключеній. Хорошее знаніе исторіи своей страны даетъ англичанину общую директиву поведенія: усиливать энергію и упорство борьбы по мѣрѣ роста препятствій. Эта *упорная активность* стала національною чертою англійскаго характера. И въ ней не только залогъ политическихъ и соціальныхъ достижений: она поднимаетъ тонъ индивидуальной жизни и спасаетъ отъ обывательской усталости и безнадёжности.

К. К. Арсеньевъ.

Если я вѣрно понимаю К. К. Арсеньева, эта именно «англійская складка», дала ему возможность безтрепетно и бодро пройти долгій жизненный путь и вынести изъ него тотъ оптимизмъ, съ которымъ почтенный юбиляръ, съ высоты свосй маститой старости, посылаетъ «свободѣ будущей привѣтъ».

К. К. Арсеньевъ окончилъ курсъ Училища Правовѣдѣнія въ маѣ 1855 г., восемнадцати лѣтъ отъ роду. О себѣ и своихъ товарищахъ въ ту достопамятную пору—онъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Наше душевное состояніе, въ моментъ выпуска, походило всего больше на листъ бѣлой бумаги; исписать его тѣмъ или другимъ должна была уже дальнѣйшая жизнь»¹⁾.

Эту жизнь К. К. Арсеньевъ началъ на службѣ въ министерствѣ юстиціи. Время развертывалось либеральное—«эпоха великихъ реформъ». И, тѣмъ не менѣе, русская дѣйствительность поторопилась занести на «листъ бѣлой бумаги» свои обычные письма. Въ 1861 году, за подписаніе ходатайства о смягченіи участи студентовъ, привлеченныхъ за демонстрацію, К. К. потерпѣлъ серьезныя взысканія по службѣ; ему угрожало даже увольненіе по 3 пункту. И тогда, въ эпоху реформъ—«оставались старые бюрократическіе навыки, старые полицейскіе приемы: ничѣмъ не регулируемая подозрительность, наклонность сначала хватать, потомъ разслѣдовать, нетерпимость къ самымъ невиннымъ проявленіямъ общественной самодѣятельности»²⁾. Отчасти въ связи съ этой исторіей, К. К. оставилъ въ 1862 году службу. Съ введеніемъ (въ апрѣлѣ 1866 г.) новыхъ судебныхъ уставовъ въ Петербургѣ, К. К. вступилъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, быстро занялъ въ немъ видное положеніе и почти 6 лѣтъ состоялъ председателемъ Совѣта. Не остался К. К. въ сторонѣ отъ жизни земской и городской Россіи: съ 1880 г. его многократно избирали въ уѣздные (по Лужскому уѣзду) и губернскіе гласные петербургскаго земства. Съ 1903 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ преобразованной петербургской городской думы. Во время конституціонныхъ сѣздовъ 1904—1905 г.г. К. К., конечно, не остался чуждъ движенію и, со свойственной ему твердостью и открытой манерой, отстаивалъ въ сѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей свою программу.

Въ перечисленныхъ областяхъ государственной и общественной дѣятельности К. К. Арсеньевъ сдѣлалъ чрезвычайно

¹⁾ К. К. Арсеньевъ. Воспоминанія объ Училищѣ Правовѣдѣнія. Русская Старина, 1886 г., апрѣль, 220.

²⁾ К. К. Арсеньевъ. Изъ далекихъ воспоминаній, «Голосъ Минувшаго», 1913, I, 165.

много. Но главнымъ подвигомъ его жизни оставалась всегда литература. Онъ началъ рано (20-ти лѣтъ) замѣтною въ «Экономическомъ Указателѣ» и затѣмъ почти непрерывно работалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ. Съ 1 марта 1880 г., вступивъ въ завѣдываніе «Внутреннимъ Обзорѣніемъ», а съ 1882 г. «Общественной Хроникой» Вѣстника Европы, онъ окончательно связалъ свою дѣятельность съ этимъ журналомъ.

Перу К. К. Арсеньева принадлежитъ рядъ книгъ, представляющихъ частью сборники его статей, частью отдѣльные произведенія. Въ теченіе 16-ти лѣтъ жизни онъ работалъ, вмѣстѣ съ проф. Петрушевскимъ, надъ редактированіемъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и закончилъ это грандіозное предпріятіе изданіемъ въ 1907 г. 86-го полутома.

Совокупность публицистическихъ статей почтеннаго юбиляра представляетъ большую историческую цѣнность: это—лѣтопись русской жизни за долгіе и весьма важные годы, лѣтопись, составленная, по горячимъ слѣдамъ, справедливымъ и тонкимъ наблюдателемъ. Но не слѣдуетъ думать, конечно, что авторъ этой лѣтописи —

«Спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно...»

К. К. Арсеньевъ прежде всего—публицистъ, и въ писаніяхъ его, за точнымъ изложеніемъ фактовъ, всегда слѣдуетъ очень опредѣленная оцѣнка ихъ съ точки зрѣнія символа вѣры, исповѣдуемой авторомъ. Этотъ символъ вѣры онъ сумѣлъ формулировать еще 25 лѣтъ назадъ, не взирая на грозу скорпіоновъ цензуры.

Во время жестокой реакціи, когда политическіе противники «наивно» утверждали, что въ сущности у русскихъ либераловъ нѣтъ никакой реальной политической программы, К. К. Арсеньевъ принялъ вызовъ и, хотя съ «неизбѣжными недомолвками», которыя «едва оставляли мѣсто для откровенной рѣчи»,—отвѣчалъ вопрошателямъ на страницахъ *Вѣстника Европы* нѣсколькими статьями, совокупность которыхъ впослѣдствіи онъ озаглавилъ въ своемъ сборникѣ «Программа русскихъ либераловъ» ¹⁾.

«Русская либеральная партія, какъ цѣлое,—писалъ онъ,—не только не имѣетъ своего органа—она вовсе не существуетъ: группы, соединяемыя обыкновенно подъ этимъ именемъ, едино-

¹⁾ К. К. Арсеньевъ. «За четверть вѣка», Петр. 1915, 84—109.

душны по нѣкоторымъ вопросамъ, но во многомъ другомъ далеко и рѣзко расходятся между собою».

Первыми пунктами «либеральной программы» считаетъ онъ—*свободу печати и свободу совѣсти*. «Свобода печати, читаемъ далѣе, какъ и всякая другая, имѣетъ свои неудобства, допускаетъ злоупотребленія; чтобы отнестись къ ней съ довѣріемъ и безъ страха, необходимо убѣжденіе въ томъ, что хорошими ея сторонами не только уравниваются, но далеко перевѣшиваются дурныя. Уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ, признаніе за ними права на существованіе, умѣнье различать теоретическое отрицаніе отъ реальной борьбы, разногласіе—отъ вражды или измѣны, оспариваніе—отъ оплеванія: вотъ условія, безъ которыхъ нельзя не только защищать, но и понимать свободу печати».

Указывая затѣмъ на ограниченія, которыми обставлены у насъ инославныя исповѣданія, онъ пишетъ: «признавать русскими однихъ православныхъ—значитъ допускать свободу совѣсти только на словахъ, отвергая ея возможность на самомъ дѣлѣ».

Свобода и неприкосновенность личности, выдвигаемая «либеральной программой», заставляютъ автора возставать противъ административнаго произвола и узаконяющихъ его исключительныхъ положеній. Онъ отстаиваетъ далѣе *общедоступность народнаго образованія* (высшаго, средняго и низшаго), а также *демократизацію и расширеніе самостоятельности мѣстнаго самоуправленія*. «Либералы» предлагаютъ,—говоритъ онъ,—всеобщую волость, какъ самостоятельное цѣлое, управляемое свободно избранными уполномоченными и чуждое всякаго искусственнаго сосредоточенія власти въ рукахъ одного класса или одной общественной группы... Переходя отъ волости къ другимъ, высшимъ ступенямъ управленія, «либеральная» программа... стоитъ вездѣ и всегда за значительное пониженіе имущественнаго ценза, за совершенное уничтоженіе его для лицъ, получившихъ извѣстное образованіе, за устраненіе всѣхъ тѣхъ условій, въ силу которыхъ земское и городское самоуправленіе слишкомъ часто остается теперь мертвою буквою или служить интересамъ немногихъ, въ ущербъ большинству».

«Существенно важными пунктами» «либеральной» программы авторъ считаетъ далѣе рядъ возбуждаемыхъ ею экономическихъ вопросовъ—въ постановкѣ, чуждой интересамъ однихъ правящихъ классовъ:

«Либеральныя» программы,—говоритъ онъ,—и въ этомъ заключается характеристическая черта русскаго либерализма, не ограничиваются, болѣею частью, вопросами политическаго и

административнаго свойства; онѣ обнимаютъ собою и экономическіе вопросы, безъ правильнаго разрѣшенія которыхъ невозможно достигнуть послѣдней цѣли государственнаго управленія—народнаго блага... Поддержаніе общиннаго владѣнія, какъ главной гарантіи противъ обезземеленія массы; правительственное и земское содѣйствіе къ переходу земель во владѣніе крестьянъ, въ особенности тамъ, гдѣ они наиболѣе страдаютъ отъ мало-земелья; организація переселеній и мелкаго поземельнаго кредита; освобожденіе крестьянъ отъ стѣсненій, налагаемыхъ на нихъ паспортной системой и круговою порукою; дальнѣйшее пониженіе выкупныхъ платежей тамъ, гдѣ они превышаютъ доходъ съ надѣльной земли; отмѣна подушной подати; увеличеніе налоговъ, платимыхъ болѣе достаточными классами, съ соотвѣствующимъ уменьшеніемъ податнаго бремени, тяготящаго надъ народомъ; значительное сокращеніе непроизводительныхъ государственныхъ расходовъ—таковы, между прочимъ, существенно важные пункты «либеральной» программы, тщательно игнорируемые ея противниками, когда идетъ рѣчь о содержательности или безсодержательности ея требованій...».

Фундаментомъ зданія почитается, конечно, то, что въ тѣ времена, по независимымъ обстоятельствамъ, называлось «правовымъ порядкомъ», т.-е. конституціонный строй государства, каковой, по мнѣнію автора, можетъ и долженъ быть осуществленъ лишь при участіи народа:

«Для насъ, какъ и для большинства русскихъ «либераловъ», понятіе о народѣ совпадаетъ съ понятіемъ о Россіи; работа, предстоящая Россіи, должна быть предпринята не только для народа, но и съ участіемъ народа».

Таковъ этотъ символъ вѣры. К. К. Арсеньевъ стоитъ въ сторонѣ отъ крайнихъ теченій нашей политической мысли и неизбежныхъ изъ нихъ выводовъ. Но онъ не мѣнялъ своихъ умѣренно-прогрессивныхъ убѣжденій—ни въ эпохи величайшаго застоя и реакціи, ни въ годы революціоннаго подъема и всю жизнь оставался вѣрнымъ и безкорыстнымъ рыцаремъ демократическаго либерализма. Изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ стоитъ онъ на стражѣ законности и порядка. И слѣдуетъ особенно отмѣтить, что онъ зорко вглядывается въ своекорыстные поползновенія класса, къ которому самъ принадлежитъ, и не щадитъ усилій для защиты отъ этихъ поползновеній интересовъ «народныхъ массъ». Анализируя въ теченіе 50 лѣтъ русскую дѣйствительность съ точки зрѣнія началъ государственнаго права, К. К. Арсеньевъ создалъ единственный въ своемъ родѣ практическій курсъ этой дисциплины и, конечно, правъ былъ.

юридическій факультетъ петербургскаго университета, поднеся ему дипломъ доктора государственнаго права *honoris causa*.

Съ 1878 года К. К. начинаетъ помѣщать въ *Вѣстникъ Европы* критическія статьи объ иностранной и русской литературѣ. Часть этихъ статей, касающаяся *русской* литературы, издана авторомъ позднѣе въ двухъ томахъ ¹⁾. Здѣсь идетъ рѣчь о Салтыковѣ, Хвощинской, Некрасовѣ, Майковѣ, Полонскомъ, Плещеевѣ, Аксаковѣ, Маркевичѣ, русскихъ поэтахъ новѣйшаго времени, молодыхъ русскихъ беллетристахъ. Особнякомъ стоятъ статьи о теоріи экспериментальнаго романа, о пейзажѣ въ русскомъ романѣ и о рано угасшемъ критикѣ Валеріанѣ Майковѣ. Каждый изъ этихъ этюдовъ, независимо отъ размѣровъ, представляетъ цѣлое изслѣдованіе, спокойно и объективно написанное. Вкусъ и безпристрастіе автора внѣ подозрѣній. Но, со свойственной ему добросовѣстностью, онъ и здѣсь тщательно и чрезвычайно обильно приводитъ многочисленныя выписки изъ разбираемаго писателя, сопоставляетъ ихъ и объединяетъ теоретическими соображеніями и постепенно, на глазахъ у читателя, создаетъ мозаичную картину, которая исключаетъ возможность дальнѣйшихъ споровъ. Онъ не только устраняетъ изъ своихъ статей всякую *личную* полемику съ инако мыслящими критиками, но тщательно избѣгаетъ здѣсь и *идейной* полемики съ разбираемымъ авторомъ: его интересуетъ лишь выясненіе идеи произведенія и соотвѣтствіе замысла съ исполненіемъ, т.-е. прямые вопросы искусства. Въ связи съ этимъ его отношеніе къ тенденціознымъ произведеніямъ совершенно опредѣленно. Такъ, разбирая ультра-реакціонныя, «велико-свѣтскіе» романы Маркевича, г. Арсеньевъ пишетъ между прочимъ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что Маркевичъ былъ писателемъ тенденціознымъ; это признаютъ и литературные его союзники. Въ нашихъ глазахъ тенденціозность, сама по себѣ—отнюдь не недостатокъ; мы высказывали это много разъ и конечно не отступимъ теперь отъ нашего взгляда только потому, что имѣемъ дѣло съ тенденціей намъ несимпатичной. Законность тенденции въ мірѣ искусства зависитъ не отъ ея окраски, а отъ другихъ условій, о которыхъ мы также не разъ говорили: отъ глубины идеи, лежащей въ основаніи тенденціи, отъ степени ея власти надъ писателемъ, отъ большаго или меньшаго сліянія ея съ самымъ процессомъ творчества, отъ формъ и способовъ ея выраженія...».

Осторожность сужденій нисколько не мѣшаетъ К. К. Арсеньеву имѣть свое твердое мнѣніе о каждомъ фактѣ литературной жизни, къ которому онъ подходитъ. Руководясь чутьемъ

¹⁾ К. К. Арсеньевъ. Критическіе этюды по русской литературѣ. С.-Пб., 1888, томы 1 и 2.

и вкусомъ, онъ смѣло анализируетъ творенія писателей, о которыхъ еще выжидательно молчитъ «большая» критика, и не боится отмѣтить талантъ тамъ, гдѣ его видятъ. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнна серьезная статья его о Чеховѣ, написанная въ 1887 году, когда Антонъ Павловичъ не только не пользовался серьезнымъ вниманіемъ критики, но самъ говорилъ про себя въ одномъ частномъ письмѣ: «Изъ всѣхъ нынѣ благополучно пишущихъ россіянъ я самый легкомысленный и не серьезный; я на замѣчаніи, выражаясь языкомъ поэтовъ, свою чистую музу я любилъ, но не уважалъ, измѣнялъ ей и не разъ водилъ ее туда, гдѣ ей не подобаешь быть» ¹⁾).

За свои критическія статьи К. К. Арсеньевъ избранъ въ 1901 году почетнымъ академикомъ Академіи Наукъ.

Въ лучшемъ этюдѣ о К. К. Арсеньевѣ, принадлежащемъ перу А. О. Кони, такъ охарактеризовано судебное краснорѣчіе почтеннаго юбиляра: «Я могъ бы вспомнить ту безукоризненность пріемовъ и то высокое дарованіе, которое онъ (К. К. Арсеньевъ) вносилъ въ веденіе судебного дѣла, когда его рѣчь лилась, какъ многоводная рѣка, неотразимо, но безъ шума размывая и сокрушая преграды на своемъ пути, и когда въ ея чистыхъ струяхъ безчисленными яркими огоньками отражался свѣтъ искренняго убѣжденія». Эта глубоко продуманная и облеченная въ художественную форму характеристика можетъ быть смѣло распространена и на все то, что вышло изъ-подъ пера К. К. Арсеньева. Въ его многочисленныхъ работахъ нѣтъ особенной индивидуальной яркости, нѣтъ полемическаго задора, нѣтъ фельетоннаго острословія. Но для тѣхъ, кто, не гоняясь за наркотиками, ищетъ въ литературѣ и публицистикѣ искренняго, убѣжденнаго и обоснованнаго слова,—творенія К. К. Арсеньева останутся надолго неоцѣненнымъ источникомъ знанія.

Въ воспоминаніяхъ, которыми К. К. Арсеньевъ украсилъ страницы перваго номера «Голоса Минувшаго» за 1913 г., авторъ обмолвился о существованіи у него *дневника*, изъ котораго онъ черпалъ сообщаемыя свѣдѣнія о далекомъ прошломъ. Въ интересахъ читателей нашего журнала, не можемъ не пожелать, чтобы дневникъ этотъ и въ дальнѣйшемъ послужилъ матеріаломъ для освѣщенія на страницахъ «Голоса Минувшаго» тѣхъ многихъ лѣтъ и крупныхъ историческихъ событій, свидѣтелемъ которыхъ поставила судьба нашего маститаго публициста.

Тихонъ Полнеръ.

¹⁾ Письма А. П. Чехова, т. I, 336.

Изъ театральныхъ воспоминаній.

Въ одной изъ интересныхъ статей И. Н. Игнатова о театрѣ, напечатанныхъ недавно въ «Голосѣ Минувшаго» ¹⁾, идетъ рѣчь, между прочимъ, о бытности въ Россіи, въ 1853—54 гг., знаменитой французской актрисы Рашели. Основываясь на нѣсколькихъ журнальных отзывахъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что успѣхъ Рашели, особенно въ Москвѣ, былъ болѣе внѣшній; ея игра, несвободная отъ неестественности, не могла увлечь русскую публику, начинавшую уже тогда цѣнить по достоинству правдивость, задушевность, простоту какъ въ литературѣ, такъ и на сценѣ.—Немного теперь осталось свидѣтелей этого далекаго времени. Какъ одинъ изъ нихъ—мнѣ шелъ тогда семнадцатый годъ, и впечатлѣнія удивительной игры глубоко врѣзались мнѣ въ память,—я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ не столько въ опроверженіе, сколько въ дополненіе прочитаннаго мною въ статьѣ И. Н. Игнатова.

Я видѣлъ Рашель только въ Петербургѣ, куда она пріѣхала въ ноябрѣ 1853-го г. Въ это время о войнѣ съ Франціей не было еще и рѣчи; не были даже прерваны дипломатическія сношенія, хотя благопріятной для Россіи политика Наполеона III уже тогда не была. Ничто не мѣшало, такимъ образомъ, петербургской публикѣ восторгаться французской актрисой. Въ Москвѣ, гдѣ спектакли Рашели начались во второй половинѣ января или началѣ февраля 1854-го г., приближеніе грозы чувствовалось гораздо больше, и это отразилось, по всей вѣроятности, на настроеніи москвичей. Отсюда, быть можетъ, нѣсколько большая ихъ сдержанность по отношенію къ Рашели. Въ литературномъ кружкѣ, образовавшемся около «молодой редакціи» «Москвитянина», къ тому же результату могло привести поклоненіе Островскому и славной плеядѣ актеровъ, украшавшей сцену Малаго театра,—но въ сферахъ болѣе широкихъ оно едва ли отражалось настолько, чтобы существенно повредить успѣху пріѣзжей знаменитости.

¹⁾ Ноябрь, стр. 102—104.

Вѣдь и по цитированнымъ у г. Игнатова словамъ московскаго корреспондента «Петербургскихъ Вѣдомостей», находившаго игру Рашели холодной и искусственной, «счетъ вызововъ послѣ прощальнаго ея спектакля былъ утраченъ».

Въ репертуаръ Рашели входили двѣ категоріи пьесъ: трагедіи Корнеля и Расина («Les Horaces», «Polyeucte», «Andromaque», «Phèdre») и драмы или комедіи современныхъ писателей («Adrienne Lecouvreur», «La Comédienne de Venise», «Lady Tartufe» и др.). Мнѣ удалось видѣть только двѣ изъ числа первыхъ («Andromaque» и «Polyeucte») и одну изъ числа послѣднихъ («Adrienne Lecouvreur») — но этого было достаточно, чтобы освѣтить главныя особенности таланта Рашели. Живо помню первое появленіе ея (для меня оно вообще было первымъ) во второмъ актѣ «Адриенны». Она выходитъ съ ролью въ рукахъ, вся погруженная въ ея изученіе (кажется — роль Роксаны въ Расиновскомъ «Баязетѣ»). Къ ней подходитъ одинъ изъ ея поклонниковъ и спрашиваетъ, что она такъ усердно ищетъ въ своихъ роляхъ? «La vérité» — отвѣчаетъ она. И среди зрителей мгновенно пробѣгаетъ какой-то трепетъ. Чувствуется, что именно къ правдѣ стремится не только на сценѣ, но и въ дѣйствительности, неустанно ищущая и работающая надъ собою актриса. Это впечатлѣніе усиливается, когда Адриенна, по чьей-то просьбѣ, читаетъ чудесную басню Лафонтена: «Les deux pigeons». Дышащая простотою, эта басня не выдержала бы чтенія манернаго и дѣланнаго. И ничего подобнаго не было въ интонаціяхъ Рашели... Такъ развивается ея игра и дальше, достигая апогея въ двухъ сценахъ: когда Адриенна, еще не зная, кто — ея соперница, грозящая ей гибелью («je vous perdrai!»), отвѣчаетъ на угрозу, съ гордымъ спокойствіемъ: «et moi, je vous protège», — и затѣмъ, когда она, въ порывѣ неудержимой страсти, обращаетъ противъ герцогини Бульонской пламенныя слова Федры: «je ne suis pas de ces femmes hardies, qui, goûtant dans le crime une honteuse paix, ont su se faire un front qui ne rougit jamais!» Прекрасна была Рашель и въ сценѣ смерти, хотя едва ли она знакомилась въ больницахъ, — какъ это дѣлали позднѣе Сара Бернаръ и другія извѣстныя актрисы, — со страданіями умирающихъ отъ яда. Поразительному успѣху Рашели въ роли Адриенны не способствовали ни литературныя достоинства пьесы Скриба и Легуве, не возвышающейся надъ уровнемъ посредственности, ни игра другихъ исполнителей. Въ труппѣ, сопровождавшей Рашель, выдающихся артистовъ не было вовсе (сносно, и то не всегда, играли только Шери старшій и братъ Рашели, Рафаель Феликсъ); изъ труппы нашего Михайловскаго театра, тогда очень хорошей, въ спектакляхъ Рашели участвовала иногда, если не

ошибаюсь, одна Вольнисъ, актриса опытная, искусная, но не увлекавшаяся и не увлекавшая. Триумфъ Рашели принадлежалъ, такимъ образомъ, всецѣло ей одной.

Въ еще большей степени это можно сказать о пьесахъ классическаго репертуара. Съ ординарнымъ исполненіемъ новѣйшихъ произведеній драматическаго искусства мириться все же легче, чѣмъ съ такимъ же исполненіемъ корнелевскихъ и расиновскихъ трагедій. Въ самой Франціи, гдѣ онѣ окружены ореоломъ какъ часть національнаго достоянія, національной славы, онѣ выдвигаются изъ почетнаго забвенія помимо торжественныхъ случаевъ—только при появленіи артиста, умѣющаго вдохнуть въ нихъ новую жизнь. Уже по этому одному въ такой театральной карьерѣ, какую сдѣлала Рашель (завоевавшая парижскую публику именно въ классическихъ трагедіяхъ), не можетъ играть рѣшающую роль рутина: необходимо что-нибудь новое, свѣжее, сильное, что-нибудь гораздо большее чѣмъ декламація, хотя бы и доведенная до совершенства. И какое бы мѣсто ни занималъ у Корнеля и Расина элементъ искусственный, условный, рядомъ съ нимъ у нихъ есть и глубокое проникновеніе въ міръ чувствъ и страстей, могущее вдохновить артиста. Герміона, въ безуміи ревности уговаривающая Ореста убить Пирра и потомъ проклинающая убійцу; Федра, изнывающая въ любовной тоскѣ и въ запоздаломъ раскаяніи; Камилла, въ спасителѣ родины видящая только виновника смерти любимаго человѣка; Полина, внезапно озаренная новою для нея вѣрою—все это живыя лица, и перевоплотиться въ нихъ—задача, достойная великаго таланта. Такимъ перевоплощеніемъ и была игра Рашели. Въ промежутки между кульминаціонными пунктами ея ролей она могла казаться, могла даже быть холодною—но это забывалось, и въ памяти зрителей оставался одинъ цѣльный, чудный образъ. Пока на сценѣ чередовались длинные діалоги, только подготовлявшіе развязку, нѣчто похожее на декламацію могло слышаться русскому уху, въ непривычномъ для него однообразіи александрійскаго стиха; но это забывалось, когда съ высшей точкой дѣйствія совпадало высшее напряженіе удивительнаго таланта. Лѣтъ десять спустя я видѣлъ на сценѣ французской комедіи «*Athalie*» Расина, разыгранную лучшими артистами лучшей парижской труппы; но у меня не осталось въ памяти даже имя актрисы, исполнявшей заглавную роль—такъ велико было разстояніе между нею и Рашелью. Сколько нибудь къ той высотѣ, которой достигла Рашель, приближался только Мобанъ, игравшій роль первосвященника.

Что гастроли Рашели въ Петербургѣ и Москвѣ могли состояться и имѣть успѣхъ за нѣсколько мѣсяцевъ до разрыва

между Россіей и Франціей—это перестаетъ быть удивительнымъ, если вспомнить, что спектакли французской труппы въ Михайловскомъ театрѣ не прекращались въ сезоны 1854—55 и 1855—56 гг., т.-е. въ самый разгаръ войны между обѣими державами. Дѣло въ томъ, что самый способъ веденія военныхъ дѣйствій англо-французскими войсками имѣлъ мало общаго съ приемами, господствующими въ нынѣшней практикѣ континентальныхъ имперій; да и жертвы, которыхъ требовала тогдашняя война, не могутъ, несмотря на ея продолжительность, итти ни въ какое сравненіе съ тѣми, которыя теперь несетъ Россія. И раньше, во время наполеоновскихъ войнъ, между французами и русскими, внѣ поля битвы, долго не существовало никакого озлобленія; оно появилось только въ 1812 г., особенно послѣ занятія французами Москвы, и опять улеглось, когда театромъ войны перестала быть Россія. Въ 1854—56 гг. непосредственно отъ войны пострадали только немногіе уголки Россіи, и подъ Севастополемъ ненависть къ врагу была одинаково чужда обѣимъ сражавшимся сторонамъ. Неудивительно, что въ Петербургѣ безпрепятственно продолжались и охотно посѣщались французскіе спектакли.

Вторая половина пятидесятихъ годовъ была временемъ подъема русской сцены. Въ Москвѣ онъ начался гораздо раньше; въ Петербургѣ онъ сталъ особенно замѣтенъ вслѣдъ за окончаніемъ войны. Именно тогда расцвѣлъ во всемъ блескѣ талантъ Мартынова; прекрасный водевильный актеръ преобразовался въ перво-степеннаго драматическаго артиста. Полной зрѣлости достигло тогда же дарованіе Самойлова. Еще не состарился Сосницкій, несравненный Репетиловъ, въ роли Городничаго выдерживавшій соперничество со Щепкинымъ. Превосходнымъ Чацкимъ былъ Максимовъ; съ меньшимъ успѣхомъ, но все же не безъ искусства онъ исполнялъ роль Гамлета (какъ Самойловъ—короля Лира). Между актрисами, послѣ ухода сестеръ Самойловыхъ, не было талантовъ первой величины; но въ пьесахъ Островскаго замѣтно выдвинулась Линская и въ «Грозѣ» промелькнула мимолетной звѣздой симпатичная Снѣткова 3-я. Выше всѣхъ, однако, стоялъ Мартыновъ, точно торопившійся, въ предчувствіи близкой смерти, создать себѣ неувядаемую славу. Его игра, глубоко продуманная, полная искренняго чувства, поражала и увлекала не только въ произведеніяхъ Тургенева («Холостякъ») и Островскаго («Гроза»), но и въ давно забытыхъ пьесахъ Чернышева, гдѣ онъ изъ скуднаго матеріала создавалъ типичные образы (деспота—въ «Отцѣ Семейства», скупца—въ «Не въ деньгахъ счастье»).

Французская сцена во многомъ могла тогда итти рука объ руку съ русскою. Лемениль, не поднимаясь до уровня Марты-

нова, былъ, какъ и онъ, большимъ мастеромъ и въ водевиляхъ, и въ серьезныхъ комедіяхъ; главную роль въ пьесѣ «Барьера: *«Les faux bonhommes»*, которую я потомъ видѣлъ въ Парижѣ, на поставившемъ ее впервые *théâtre du Vaudeville*, онъ исполнялъ лучше, чѣмъ создавшій ее актеръ. Остроумными, изящными комическими актерами были Верне и Дешанъ; послѣдній съ успѣхомъ выступалъ и въ роляхъ *jeune premier*, но первое мѣсто въ этой области безспорно принадлежало Бертону. Оставивъ Петербургъ въ началѣ 50-хъ годовъ, онъ вернулся туда въ концѣ 1856-го г.—и возвращеніе его было настоящимъ праздникомъ для любителей французскаго театра. И теперь, по прошествіи 60 лѣтъ, я живо помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидался его первый выходъ въ эффектной, благодарной для актера пьесѣ «*Sullivan*»... Въ первый же годъ по окончаніи войны къ намъ пріѣхала одна изъ лучшихъ актрисъ французской комедіи, Мадлена Броданъ, по тонкости игры не уступавшая прежней любимицѣ петербургской публики, незадолго передъ тѣмъ уѣхавшей изъ Россіи—Арну-Плесси. Броданъ пробыла у насъ только одинъ сезонъ; ее замѣнила и долго оставалась на сценѣ Михайловскаго театра также очень даровитая Напталъ-Арно. Въ репертуаръ французской сцены входили въ то время, вмѣстѣ со множествомъ заурядныхъ мелодрамъ и водевилей, первыя комедіи Дюма-сына, Ожье, Сарду, къ которымъ иногда присоединялись старыя пьесы Дюма-отца («*Mademoiselle de Belle-Isle*») и Альфреда Виньи («*Chatterton*»).

Во второй половинѣ 50-хъ годовъ театръ продолжалъ играть, въ широкихъ кругахъ Петербурга и Москвы, ту особенную роль, которую онъ пріобрѣлъ на рубежѣ столѣтій. За отсутствіемъ политической, за слабымъ развитіемъ общественной жизни, онъ давалъ матеріалъ для разговоровъ, для споровъ, для появленія своеобразныхъ партій, обнимавшихъ иной разъ чуть не цѣлые города; въ сороковыхъ годахъ, напримѣръ, москвичи ставили выше всего Мочалова, петербуржцы—Каратыгина. Борьба между приверженцами соперничающихъ балеринъ доходила, по временамъ, до нарушенія уличнаго порядка и вызывала вмѣшательство полиціи. Оживленіе литературы и журналистики, совпавшее съ первыми годами царствованія Александра II, начинало отвлекать вниманіе общества въ другую сторону, но оставляло немало мѣста и для прежнихъ, привычныхъ интересовъ.

Наряду съ драматическими сценами—русской и французской—страстныхъ поклонниковъ имѣла итальянская опера (въ балетѣ никто въ то время не пользовался не забытою еще популярностью Фанни Эльслеръ и Карлотты Гризи). Составъ оперной труппы былъ

замѣчательно хорошъ; такихъ теноровъ, какъ Тамберликъ и Кальцолари, такихъ баритоновъ, какъ Дебассини, Эверарди, Граціани, такихъ сопрано, какъ Бозио, Лотти, Фіоретти, такихъ контральто, какъ Де-Мерикъ и Нантье-Дидье, и прежде, и послѣ было не много. Иногда, однако, новый духъ сказывался и во время оперныхъ спектаклей. Какъ ни старалась театральная цензура удалять политику изъ музыки, какъ тщательно она ни передѣлывала названія оперъ (вмѣсто «Вильгельма Телля» — «Карлъ Смѣлый», вмѣсто «Гугенотовъ» — «Гвельфы и Гибелины», вмѣсто «Пророка» — «Осада Гента»), публика вслушивалась въ слова пѣвцовъ и демонстративно аплодировала имъ, когда рѣчь заходила о свободѣ. Я помню, какой восторгъ возбуждалъ Тамберликъ, когда во второмъ актѣ «Вильгельма Телля» провозглашалъ свое намѣреніе «*sul campò del onor cercar la liberta*». Когда опера Россини, вопреки тогдашнему обыкновенію, сравнительно долго — кажется, въ 1859 или 1860 г. — не появлялась на сценѣ, многіе расположены были объяснять это именно оваціями, неизмѣнно въ данномъ мѣстѣ достававшимися на долю Тамберлика.

Русская опера была тогда еще въ загонѣ. «Русалка», на первыхъ порахъ, не имѣла успѣха; «Русланъ и Людмила» почти вовсе не появлялась на сценѣ. Всего чаще шли давно забытыя теперь произведенія Флотова («Индра», «Страделла» и въ особенности «Марта»); иногда къ нимъ присоединялись оперы Обера (всего чаще «Фенелла», рѣже «Бронзовый конь» и «Влюбленная баядерка»). Событіемъ была постановка «Жидовки», Галеви. Тремя выдающимися артистами русская опера располагала, однако, уже тогда. Ослабѣлъ голосъ Петрова, создавшаго, двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, роль Сусанина въ «Жизни за Царя», но онъ оставался выдающимся актеромъ и превосходнымъ пѣвцомъ. Тѣми же качествами отличался Сетовъ, теноръ котораго никогда не блисталъ звучностью и силой. Леонова (контральто) была очень хороша въ «Жизни за Царя». Благодаря имъ русская опера имѣла уже въ то время свой кругъ почитателей, къ числу которыхъ принадлежалъ и я; изъ-за Петрова и Сетова мы мирились и съ небольшими голосами Булоховой и Латышевой, и съ однообразной игрой Булохова. Не забыть мною до сихъ поръ вечеръ 6-го мая 1858-го г., когда дебютировали, въ «Цыганкѣ» Бальфа, ученики и ученицы Риччи — тенора Васильевъ 2-й и Дюжиковъ, сопрано Кохъ и Фиданца, баритонъ Мео, басъ Васильевъ 1-й. Не всѣ возбужденныя тогда ожиданія оправдались: Кохъ и Мео скоро оставили сцену, Фиданца и Дюжиковъ какъ-то стушевались, Васильевъ 2-й оказался только полезностью, но Васильевъ 1-й,

съ его чудеснымъ голосомъ, долго занималъ почетное мѣсто на оперной сценѣ. Къ нему перешла отъ Петрова роль Суеанина въ «Жизни за Царя», въ «Жидовкѣ» онъ былъ такимъ же превосходнымъ кардиналомъ, какъ Сетовъ—превосходнымъ Элеозаромъ.

Увлеченіе мое театромъ продолжалось недолго; съ начала шестидесятыхъ годовъ онъ не играетъ въ моей жизни замѣтной роли.

К. Арсеньевъ.

Изъ прошлаго.

Миѣаилъ Николаевичъ Лопатинъ.

Наше судебное вѣдомство, основаніе которому положили уставы Императора Александра II, за время полувѣкового своего существованія дало не мало получившихъ общую извѣстность дѣятелей не только на судебномъ, но и на болѣе широкомъ поприщѣ. Муравьевъ, Плеве, Акимовъ, Горемыкинъ вышли изъ судейскихъ рядовъ... Но въ настоящемъ очеркѣ я буду говорить не о нихъ, а о лицѣ, менѣе извѣстномъ, дѣятельность котораго не выходила за предѣлы судебной сферы, но который зато далъ намъ обликъ настоящаго судьи, такого, какой въ видѣ идеала былъ очерченъ судебными уставами. Я еще и потому посвящаю ему эти нѣсколько страницъ, что хорошо зналъ его не только какъ судью, но какъ прекраснѣйшаго, рѣдкаго по нравственнымъ качествамъ, человѣка. Таковымъ былъ дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ Михаилъ Николаевичъ Лопатинъ.

20 ноября 1814 года наступило пятидесятилѣтіе судебныхъ уставовъ 1864 года и въ близкую юбилею дату умѣстно вспомнить человѣка, который привѣтствовалъ этотъ кодексъ еще до законодательнаго его утвержденія, еще въ видѣ проекта, а затѣмъ участвовалъ во введеніи его въ дѣйствіе, въ правильномъ, съ первыхъ шаговъ, примѣненіи на дѣлѣ его положеній и статутовъ и надлежащемъ толкованіи какъ общихъ принциповъ новаго Суда, такъ и отдѣльныхъ процессуальныхъ нормъ. Михаилъ Николаевичъ былъ одинъ изъ тѣхъ судебныхъ дѣятелей, которые сразу сроднились съ судебными уставами, полюбили ихъ за ихъ духовное содержаніе и за тѣ новые пути, которые они открыли, и въ нихъ же черпали силы и разумѣніе для отстаиванія, казавшихся въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія многимъ вольнодумными и опасными, такихъ положеній какъ дѣйствительное равенство всѣхъ передъ закономъ, уваженіе къ личности человѣка, хотя бы состоящаго подъ судомъ, судейская независимость, корпоративное устройство адвокатуры и участіе народа въ лицѣ присяжныхъ въ отправленіи правосудія.

М. Н. Лопатинъ.

Всѣ эти положенія, не только не знакомыя прежнему нашему дореформенному судебному укладу, но даже противорѣчившія ему въ его многовѣковой практикѣ, быстро вошли, однако, въ русскую жизнь и привились къ ней, благодаря первымъ судебскимъ работникамъ и тому увлеченію и глубокому вліянію, которое произвелъ новый законодательный актъ на общество. Дѣйствительно творцы Уставовъ сумѣли создать выдающійся кодексъ,—книгу прямо вдохновенную; они вложили въ сухія, строгія, казалось бы, требованія положительнаго закона столько мягкости, гуманности, идеальной справедливости, что оживили статьи и даже «примѣчанія». Книга эта стала откровеніемъ для большинства лицъ, призванныхъ въ 1866 году творить судъ по ея велѣніямъ, и тѣхъ, которые прониклись искренно ея духомъ, повѣрили ей, признали ее настольной, она вывела на надлежащій путь.

Судебные Уставы во многомъ уже не тѣ, какими они были обнародованы въ 1866 году; они подверглись многочисленнымъ измѣненіямъ и даже искаженіямъ, творцы ихъ почилы всѣ и уже не много осталось между нами лицъ, участвовавшихъ въ открытіи новыхъ судовъ, а между тѣмъ русское правосудіе, стоявшее, по признанію всѣхъ безпристрастныхъ людей, высоко до тѣхъ поръ пока внутренняя «политика» не проникала въ судебную среду и дѣятели ея не подводились усиленно подъ одинъ общій служебный ранжиръ и не считали себя чиновниками, обязано главнымъ образомъ именно имъ—судебнымъ піонерамъ—этимъ положеніемъ. Судебные люди перваго призыва не только сами прониклись великими принципами, положенными въ основаніе Судебныхъ Уставовъ, но воспитали тотъ же духъ, то же пониманіе судебныхъ обязанностей въ своихъ младшихъ товарищахъ и послѣдователяхъ, создали классическій типъ судьи, прокурора, защитника, типъ, который уже не можетъ утратиться, хотя бы временно онъ и игнорировался. Уже въ силу этого имени наиболѣе выдающихся изъ нихъ не должны быть забыты нашей благодарною памятью; о нихъ надлежитъ напоминать обществу. Многое въ этомъ отношеніи сдѣлано А. Ф. Кони; по тѣмъ же побужденіямъ я останавливаю на нѣкоторое время вниманіе читателя на личности М. Н. Лопатина.

М. Н., сошедшій въ могилу 24 ноября 1900 года 77 лѣтъ, прослужилъ по судебному вѣдомству сорокъ девять лѣтъ,—съ 1850 по май 1899 г., выйдя въ отставку всего за годъ съ небольшимъ до своей смерти. Внѣшняя его біографія коротка и проста: происходя изъ старинной, но небогатой, дворянской семьи, М. Н. окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по юриди-

ческому факультету со степенью кандидата въ 1847 году; въ слѣдующемъ году онъ поступилъ на государственную службу, которая вся для него протекла въ Москвѣ, въ контору Государственнаго коммерческаго банка, гдѣ, какъ то видно изъ его формуляра, онъ въ 1849 году былъ награжденъ выдачею ему 10 руб. Въ 1850 году М. Н. перешелъ канцелярскимъ чиновникомъ въ Московскій Сенатъ, и занималъ тамъ послѣдовательно разныя канцелярскія должности до важнаго поста оберъ-секретаря VII Департамента включительно; въ 1866 году онъ получилъ назначеніе Товарищемъ Предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда, въ 1870 году членомъ Московской Судебной палаты и въ 1883 году Предсѣдателемъ Департамента той же Палаты. При выходѣ въ отставку съ этой должности М. Н. имѣлъ чинъ тайнаго совѣтника и знаки орденовъ Св. Станислава, Анны I степени и Владиміра второй степени.

Но не этими внѣшними отличіями, которымъ самъ М. Н. придавалъ лишь то значеніе, которое они дѣйствительно имѣютъ, возвысилась личность его и приобрѣла въ свое время то вліяніе и значеніе въ судебной средѣ, которое поставило М. Н. въ положеніе учителя и толкователя основныхъ положеній Суда. Многолѣтняя судейская дѣятельность его, протекавшая гласно, на глазахъ сослуживцевъ, сторонъ (М. Н. былъ цивилистомъ) и заинтересованныхъ лицъ, лучше рѣчей, статей и лекцій указывала, какъ онъ понималъ и выполнялъ принятыя на себя обязанности. Неизмѣнная объективность, спокойствіе и обдуманность, недопустимость посторонняго вліянія, откуда бы оно ни исходило, благодушіе, терпѣніе, знаніе и тонкое пониманіе закона и задачъ суда, добросовѣстное изученіе каждаго подлежаващаго разрѣшенію дѣла,—вотъ тѣ выдающіяся качества, которыя выдѣляли М. Н. какъ судью. Не разъ М. Н. въ противоположность юристамъ, считающимъ наиболѣе существеннымъ въ гражданскомъ процессѣ соблюденіе формальной стороны, подстрочное примѣненіе статей закона и разъясненій Сената, признавалъ наиболѣе важнымъ внутреннюю справедливость рѣшенія, этическую его сторону, иногда нѣсколько расходящуюся съ буквой, но не духомъ, закона. Но не только добросовѣстнымъ исполненіемъ прямыхъ профессиональныхъ обязанностей объяснялось обаяніе М. Н. и благотворное вліяніе его, а удивительной чистотой и благородствомъ всей его личности. Судью отъ человѣка не отдѣлишь: такое положеніе вѣрно на каждомъ поприщѣ, но оно особенно рельефно чувствуется въ судейской сферѣ. Истинный судья, уважающій свое званіе, долженъ быть чистъ не только въ отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей, но и въ частной жизни. Судебную дѣя-

тельность нельзя приравнивать къ какой-либо другой; судья приходится разрѣшать споры гражданскаго и уголовнаго характера, отъ рѣшенія которыхъ часто зависитъ честь и благосостояніе стоящихъ предъ судомъ, а потому судья долженъ внушать уваженіе и довѣріе не только своими юридическими познаніями, умомъ и опытомъ, но и духовной стороною, самой жизнью своей. Подобно тому какъ въ служительѣ алтаря вѣрующій желаетъ видѣть нравственнаго человѣка, правдиваго, а не притворяющагося благочестивымъ, такъ и въ судѣ общество жаждетъ видѣть мужа добра и честна. И такого судью общество имѣло въ лицѣ М. Н., жизнь котораго, прошедшая на глазахъ москвичей, была чиста и свѣтла какъ кристалль.

Исторія нашего реформированнаго въ 1866 году суда и судебныхъ уставовъ полна за всѣ пятьдесятъ лѣтъ ея существованія борьбы за основные принципы судоустройства и судопроизводства. Почти съ первыхъ же дней функціонированія судебныхъ органовъ въ реакціонной части общества и печати и въ правительственныхъ сферахъ, отнесшихся съ недоувѣріемъ къ суду и его дѣятельности, начались выпады противъ него, возникли обвиненія въ потрясеніи основъ, въ колебаніи значенія власти, чуть ли не въ поощреніи преступленій. Наличнымъ судебнымъ дѣтелямъ, горячо въ первое время отстаивавшимъ неприкосновенность уставовъ, приходилось все время быть на стражѣ и бороться съ указанными вѣяніями, далеко не всегда побѣдоносно, при чемъ борьба эта лично бывала тяжела. Съ теченіемъ времени уже не только извнѣ, но и въ самомъ вѣдомствѣ стали возникать теченія, если не прямо враждебныя духу уставовъ, то все-таки признававшія ихъ кое-въ чемъ ошибочными и подлежащими реформѣ, теченія, допускавшія въ видѣ компромисса умаленіе судейской независимости, сокращеніе компетенціи народнаго суда и тому подобныя мѣропріятія. Многіе могли совершенно искренно колебаться и вотъ при встрѣчѣ съ такими явленіями и взглядами авторитетный голосъ М. Н. Лопатина былъ особенно дорогъ; онъ доказывалъ неосновательность новыхъ теченій, останавливалъ отъ вступленія на опасный путь компромиссовъ, предостерегалъ отъ соблазна службы ради карьеры, а не ради самаго дѣла, и выводилъ тѣхъ, кто могъ и хотѣлъ понять его, на настоящую дорогу. М. Н. слушали, вѣрили ему, зная, что онъ непосредственно участвовалъ въ возведеніи судебного зданія, и зная его лично. М. Н. не могъ не вліять на непредубѣжденнаго человѣка,—такъ ясна, проста и убѣдительна была его рѣчь и такую искренностью и умомъ вѣяло отъ нея.

М. Н. выступалъ не только на судебномъ поприщѣ; ему была

не чужда и литературная дѣятельность. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ напечаталъ рядъ статей по общественнымъ вопросамъ подъ псевдонимомъ «М. Юрьинъ». Статьи его печатались отдѣльными брошюрами и появлялись въ тогдашнихъ журналахъ ¹⁾. Онъ интересенъ вдвойнѣ—и какъ памятники публичныхъ теченій и воззрѣній общества половины прошлаго столѣтія и какъ духовный автопортретъ самого М. Н., откровенно высказывавшаго свои взгляды въ этихъ статьяхъ.

Въ одной изъ монографій, озаглавленной «Споръ объ общинномъ владѣніи земель» ²⁾, М. Н. останавливается на опредѣленіи понятія «соціализма» и, отвергая господствовавшее пониманіе его, какъ явленія беспочвеннаго и опаснаго, признаетъ социализмъ политико-экономической наукой о трудѣ, собственности и богатствѣ. По мнѣнію М. Н. страхъ передъ социалистическими теоріями у насъ въ Россіи, напрасенъ:... «тѣ начала,—говоритъ онъ,—соціализма, которыя грозятъ гибелью и разрушеніемъ Европѣ, давнымъ давно присущи нашему народу» и не только безвредны, но зиждательны. Такое положеніе авторъ объясняетъ инымъ, чѣмъ въ Европѣ, происхожденіемъ у насъ собственности и особымъ взглядомъ на землю, которая нераздѣльна съ трудомъ и, составляя достояніе каждаго, уже привела къ образованію земельной общины, являющейся у насъ оплотомъ консерватизма, обеспечивающимъ Россію отъ безземельнаго пролетаріата, сосредоточенія богатствъ въ однихъ рукахъ и пауперизма. Въ концѣ статьи говорится: «Мы не можемъ не чувствовать всѣмъ сердцемъ, какъ неудержимо должна воспрянуть личность русскаго крестьянина при первомъ пробужденіи его духа свободою, образованіемъ и развитіемъ потребностей, какое могучее начало внесетъ оно въ общину и какая просторная и роскошная почва готовится въ сельскомъ быту для свободной экономической ассоціаціи не капиталовъ только, на что и западный человѣкъ способенъ, но ассоціаціи производительнаго труда и дѣйствительной работы».

Уже по этой статьѣ мы видимъ, кто ея авторъ: это человѣкъ образованный, раздѣляющій взгляды славянофиловъ, поборникъ освобожденія крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землей, идеалистъ въ общественномъ и консерваторъ въ политическомъ отношеніи, жаждущій однако прогресса. Въ такомъ же общемъ направленіи составлена статья «О государственныхъ идеалахъ Западной Европы»; ³⁾ въ ней М. Н., говоря объ Англійской конституціи и признавая блага ея, обеспечивающія каждому политическую

¹⁾ «Атеней». 1856 г. № 44.

²⁾ Напр., въ «Отечеств. Зап.» 1959 г. № 5 въ защиту общины. *Ред.*

³⁾ «День». 1862 г. № 50.

и индивидуальную свободу, выражаетъ мысль, что такой строй могъ развиваться исключительно въ Англіи подъ вліяніемъ ея совершенно особыхъ историческихъ условій и національнаго духа, что, перенесенная на другую почву такая конституція не при- вьется. Недостатки англійскаго государственнаго строя авторъ видитъ въ томъ, что онъ не обезпечилъ населеніе отъ безземелія, пауперизма, экономическаго рабства и привилегированнаго положенія цѣлыхъ сословныхъ группъ.

Наибольшій интересъ представляютъ статьи М. Н., въ которыхъ онъ говоритъ объ ожидавшемся новомъ судѣ, основныя положенія котораго были уже опубликованы, а затѣмъ еще до введенія ихъ, обнародованы и подлинныя уставы. Статьи эти, печатавшіяся въ газетѣ «День», относятся къ 1863—1865 годамъ и знаменательны тѣмъ, что написаны лицомъ, служившимъ въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ онъ занималъ достаточно выдающуюся должность оберъ-секретаря Сената. Остановли- ваясь въ одной изъ статей на столь развитомъ у насъ въ прежнее время сутяжничествѣ, авторъ пишетъ: «Цѣлые поѣзда просите- лей тянулись въ наши столицы и города хлопотать о своихъ про- цессахъ, бросая семьи и хозяйства. Тамъ, наполняя каждое буд- ничное утро непривѣтливыхъ прихожія нашихъ присутственныхъ мѣстъ, проводили они цѣлые дни, недѣли и мѣсяцы въ тоскли- вомъ ожиданіи окончанія и рѣшенія безтолковыхъ своихъ дѣлъ... Цѣлыя крестьянскія деревни разорялись исками, которые, будучи безусловно справедливы, велись такимъ безграмотнымъ и уродли- вымъ образомъ, что не было никакой возможности ихъ выиграть»... Авторъ видѣлъ спасеніе отъ такого положенія дѣла, отъ несвѣ- душихъ безнравственныхъ стряпчихъ и ходатаевъ въ созданіи и правильной организаціи адвокатуры. Въ представителяхъ ея М. Н. хотѣлъ видѣть лицъ, обладающихъ такимъ же юридиче- скимъ и нравственнымъ цензомъ, какъ у судей, юридическими по- мощниками которыхъ должны стать адвокаты, задающіеся лишь тѣмъ, «чтобы въ уголовномъ дѣлѣ оправдать дѣйствительно невиннаго и не допустить дѣйствительно виновнаго понести не- заслуженное наказаніе, въ гражданскомъ же дѣлѣ—искать только того, что слѣдуетъ по закону». Въ ихъ же задачу, по мнѣ- нію автора, должна была войти забота о томъ, чтобы «оживить, какъ можно скорѣе, чувство законности, которое почти одереве- нѣло въ насъ, возстановить смыслъ юридической нравственности и возродить наконецъ хоть юридическое уваженіе къ личности». Далѣе авторъ доказывалъ необходимость ближайшей связи адво- катуры съ судомъ.

Столь же вѣрный взглядъ высказывалъ М. Н. и по вопросу

о размѣрахъ судейскаго жалованья, считая большіе оклады, наподобіе существующихъ въ Англіи, не по средствамъ Россіи и вообще нежелательными. Скромное обезпеченіе—вотъ то, что необходимо судѣ, и при томъ почти одинаковое на разныхъ ступеняхъ судебной іерархіи, такъ какъ для судьи «къ какой бы инстанціи онъ ни принадлежалъ, требуются одни и тѣ же качества и достоинства»... «Если бы однѣ только матеріальныя выгоды служили побужденіемъ къ общественной дѣятельности, то отъ общественной нравственности осталось бы очень немного, а отъ юридической честности не осталось бы пожалуй ничего». Попутно М. Н. возражалъ и противъ привлеченія къ новой судебной службѣ чрезмѣрнымъ повышеніемъ ранга судей. Въ статьѣ, озаглавленной «Наше безлюдье и наша дѣйствительность» М. Н. доказывалъ, что общепризнанное положеніе, что «у насъ нѣтъ людей», совершенно невѣрно. «Люди у насъ есть и явятся къ дѣлу по первому призыву, лишь бы дѣло было настоящее, достойное, а призывъ искренній».

М. Н. провелъ всю свою жизнь въ Москвѣ, даже и на лѣто поселяясь съ семьей гдѣ-нибудь поблизости въ дачной мѣстности, за послѣднее время въ Царицынѣ. Онъ былъ типичнымъ Москвичемъ, сохранившимъ во многомъ,—даже въ возрѣніяхъ, окрашенныхъ Московскимъ славянофильствомъ,—въ привычкахъ, въ домашней семейной обстановкѣ, старый Московскій укладъ. Домъ его, оставшійся и теперь еще въ прежнемъ своемъ состояніи, стоящій въ самомъ центрѣ бывлой Московской интеллигентной обывательщины, въ Гагаринскомъ переулкѣ, близъ «Сивцеваго Вражка», «Мертваго переулка» и «Успенья на могилцахъ», могъ бы быть цѣликомъ поставленъ въ музей Московской старины, если бы таковой существовалъ, такъ онъ соотвѣтствуетъ прежнимъ Московскимъ жилымъ постройкамъ. Деревянный, съ бѣлыми колоннами, съ параднымъ крыльцомъ, мезониномъ, неуклюжими воротами, садомъ, обнесеннымъ деревяннымъ заборомъ, флигелемъ, онъ видомъ своимъ до сихъ поръ радуется любителя нашей старины. И внутренняя его обстановка и расположеніе комнатъ даютъ точное представленіе о прежнемъ обиходѣ: небольшой съ низкимъ потолкомъ кабинетъ съ каминомъ, коридоръ, чрезвычайно крутая съ колѣнцемъ и темная лѣстница наверхъ и тамъ совсѣмъ низкія маленькія комнаты—дѣтскія. Да всего 15 лѣтъ тому назадъ можно было ежедневно встрѣтить на Пречистенскомъ бульварѣ трогательную пару, старика и старушку, аккуратно, немного по старомодному одѣтыхъ, медленно, съ видимой заботой другъ о другѣ, идущихъ подъ руку и серьезно, но въ то же время ласково смотрящихъ на встрѣчныхъ. Это были

М. Н. съ женою, внѣшностью совершенно подходившіе къ своимъ воззрѣніямъ, къ ихъ тихой, скромной, достойной жизни и всей ея обстановкѣ. Даже посторонніе, не знавшіе, съ кѣмъ они встрѣтились, радовались въ душѣ, глядя на Лопатиныхъ, и ласково улыбались.

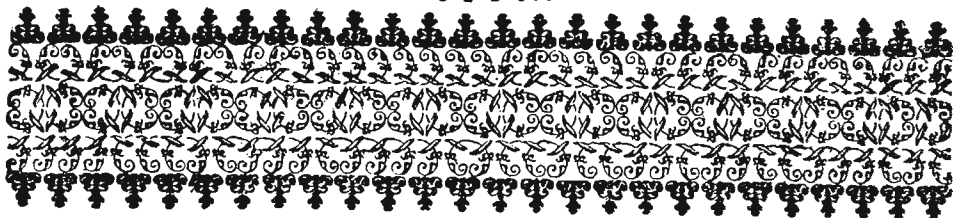
М. Н. и въ частной жизни своей, помимо литературныхъ работъ, не оставался безъ значенія для интеллигентнаго общества Москвы. Онъ былъ близокъ съ лицами, выдающимися на томъ или другомъ поприщѣ общественной дѣятельности, литературы и науки. Около него издавна ютился кружокъ Москвичей этого лагеря. Кружокъ, носившій совершенно частный характеръ, мѣнялся съ теченіемъ времени въ своемъ составѣ,—старики уходили, замѣняя себя болѣе молодыми, новыя вѣянія проникали въ Лопатинскій кружокъ, въ немъ обсуждались новыя задачи общественныя и научныя, но общее прогрессивное направленіе, не становившееся однако никогда радикальнымъ и зависѣвшее отъ неизмѣнявшейся духовно личности М. Н., оставалось все то же. Въ сороковыхъ, пятидесятихъ, шестидесятихъ и даже еще семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія такіе частныя кружки были въ Москвѣ нерѣдки; они оживляли общественную мысль, становились свѣточами, около которыхъ собирались для обмѣна взглядами лучшіе люди той эпохи. Но со временемъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, при сильно измѣнившемся темпѣ и тонѣ Московской жизни, кружки эти стали разстраиваться и замирать. Но кружокъ лицъ, собиравшихся въ гостепріимномъ домѣ Лопатиныхъ, не распался; думается, что онъ былъ единственнымъ въ Москвѣ, сохранившимъ прежній характеръ за послѣднія десятилѣтія. У М. Н. до болѣзни, положившей конецъ его жизни, собирались профессора Московскаго университета, литераторы, судебные и другіе общественные дѣятели,—и пожилые и совсѣмъ еще молодые люди. Въ давно прошедшемъ времени въ его кабинетѣ встрѣчались И. С. Аксаковъ, С. М. Соловьевъ, Д. Θ. Самаринъ, И. Ф. Тютчевъ, А. Ф. Писемскій, А. И. Иванцовъ-Платоновъ, С. А. Юрьевъ, С. А. Усовъ, Л. И. Поливановъ, Гиляровъ-Платоновъ, Л. Н. Толстой, А. А. Фетъ, А. И. Кошелевъ, М. Г. Черняевъ, а позднѣе В. С. Соловьевъ, Ф. Е. Коршъ, Н. Я. Гротъ, В. О. Ключевскій, князь С. Н. Трубецкой и многіе другіе. Въ кабинетѣ велись серьезные разговоры, возникали горячіе споры, а въ залыцѣ, служившей и столовой; налаживалось пѣніе, организованное молодежью, и становилось непринужденно весело. Я увѣренъ, что у каждаго, посѣщавшаго «среды» М. Н., остались наилучшія о нихъ воспоминанія. Хозяинъ дома, полный жизни, дѣйствительнаго интереса ко всему,

выходящему изъ круга мелкой повседневной жизни, умѣлъ вызывать серьезный интересный разговоръ и дать каждому высказаться. Ласковый, привѣтливый, всегда ровный М. Н. однимъ видомъ своимъ подбодрялъ настроеніе гостей своихъ и оживлялъ ихъ. А молодежь, особенно горячо любившая и уважавшая М. Н., прислушивалась къ его словамъ, вѣрила имъ и многое доброе заимствовала изъ слышаннаго отъ него по средамъ.

Какъ свѣтлы и благородны принципы, составляющіе сущность судебныхъ уставовъ Императора Александра II, такъ свѣтла и прекрасна была личность одного изъ проводившихъ въ жизнь эти принципы—М. Н. Лопатина, ни разу во всю свою долгую жизнь не отступившаго отъ нихъ ни въ чемъ. Объ этомъ въ полу-вѣковую годовщину уставовъ, мнѣ, хорошо знавшему М. Н., хотѣлось напомнить теперешнему обществу.

Н. Давыдовъ.

Материалы для исторіи русской журна- листики ¹⁾).

(Изъ архива В. А. Гольцева)

II. Письма Д. Григоровича.

Глубокоуважаемый

Господинъ Гольцевъ.

(Простите мнѣ великодушно; обычай нашъ называть лицъ по имени и отчеству ставить всѣхъ насъ, болѣе или менѣе, въ затруднительное положеніе).

Привѣтливое письмо Ваше растревожило то чувство неудовольствія противъ самого себя, которое мѣсяцъ цѣлый не даетъ мнѣ покоя вслѣдствіе того, что не могъ исполнить даннаго Вамъ обѣщанія. При свиданіи съ Вами я былъ увѣренъ, что въ состояніи буду окончить и обдѣлать, какъ слѣдуетъ, рассказъ для Русской Мысли. Но тогда я былъ здоровъ. Съ того самаго времени у меня возобновилась прежняя моя бозѣнь—та самая, отъ которой на-дняхъ скончался С. П. Боткинъ. Худшее съ ней,—нравственно тягостный гнетъ, при которомъ, не только невозможно писать, но и спокойно думать. Рассказъ мой не подвинулся ни на одну строчку.

Въ томъ, что написано, нѣтъ той отдѣлки, того чекана, къ которымъ я привыкъ и безъ которыхъ, по-моему,—беллетристическое произведеніе не приноситъ успѣха ни журналу, ни автору. Если буду живъ и поправлюсь,—будьте увѣрены,—сдержу обѣщаніе: оконченный рассказъ пришлю въ Русскую Мысль, къ которой у меня всегда лежало сердце.

Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи и совершенной преданности.

Д. Григоровичъ.

18 дек. 1889 г.

¹⁾ См. «Гол. Мин.» 1916 г.: № 7—8.

Глубокоуважаемый

Викторъ Александровичъ!

По справкамъ оказалось,—что не Вы причиной гоненія на журналъ, а его направленіе. Объ этомъ мнѣ говорили еще въ прошломъ году, когда я ѣздилъ по порученію журнала. Предупредите редактора. Лучшее доказательство гоненія въ недавней придирукѣ къ повѣсти Лѣскова ¹⁾ въ сент. книжкѣ. Повѣсть сама по себѣ такъ слаба, неинтересна и *безсмысленна* (это общее здѣсь мнѣніе), что остается удивляться, какъ могли ее напечатать. Причины гоненія—очевидно не въ ней. Я, Вы знаете, журналъ очень цѣню и былъ бы истинно огорченъ, еслибъ случилось съ нимъ что-либо неблагопріятное. Васъ же самихъ прошу успокоиться и не лишать журналъ Вашей поддержки столь для него существенной.

Истинно Васъ уважающій и преданный Вамъ
Д. Григоровичъ.

17 окт. ²⁾.

III. Письма А. Н. Плещеева.

Петербургъ, Октября 28-го ³⁾.

Благодарю Васъ, многоуважаемый Викторъ Александровичъ, что вспомнили мою просьбу.—Къ Солдатенкову я обращался съ просьбой ⁴⁾, но получилъ отказъ, считаю нѣсколько унижительнымъ для себя обращаться къ нему опять. Нашелъ же онъ возможность на подобную просьбу со стороны Венгерова, напри-
мѣръ,—изъявить свое согласіе...

Еслибъ я заручился подобной работой, которая дала бы мнѣ возможность получать ежемѣсячно листа за 4 печатныхъ, то считалъ бы себя невозможно счастливымъ. Въ О. З. столько статей оригинальныхъ, что авторы ждуть ихъ помѣщенія по нѣскольку мѣсяцевъ; компилятивныя же работы помѣщаются рѣдко; да и трудно выбрать что-нибудь такое, что бы имѣло «журнальный» характеръ; и потомъ нужно, чтобъ это было что-нибудь новое.—Мнѣ говорили, что есть еще въ Москвѣ издатель Абрикосовъ, съ которымъ въ хорошихъ отношеніяхъ проф. Ковалевскій; потому-то я и хотѣлъ въ Петербургѣ повидаться съ послѣднимъ, но всѣ эти гг. профессора какъ-то смотрятъ на нашего брата—

¹⁾ «Зимній день».

²⁾ Годъ, повидимому, 1893 г.

³⁾ Безъ даты. Повидимому 1882—1883 г.

⁴⁾ Переводной работы.

сверху вниз. Другое дѣло, еслибъ я обладалъ Боборыкинскимъ— не столько талантомъ, сколько апломбомъ писать всегда, вездѣ и обо всемъ, и закидывать всѣхъ фразами, пересыпанными ненужными терминами изъ позитивистскаго лексикона,—тогда бы я разумѣлся скоро добился желаемой работы. Просилъ я Н. П. Зернова поискать какой-нибудь работы газетной для молодого поэта Надсона, и прошу о томъ же васъ. Онъ очень въ ней нуждается, а малый весьма способный. Въ О. З. иногда бываютъ его рецензіи. Онъ человѣкъ съ большимъ эстетическимъ чутьемъ и могъ бы составлять журнальныя обзоры, писать замѣтки о новыхъ беллетристическихъ произведеніяхъ, и т. д. Посодѣйствуйте, добрейшій Викторъ Александровичъ.

Желаю вамъ всего лучшаго и остаюсь преданный вамъ
А. Плещеевъ.

Петербургъ, 16 Апрѣля 86 г.

Многоуважаемый Викторъ Александровичъ.

Салтыковъ просилъ меня освѣдомиться у васъ, можетъ ли онъ разсчитывать, что еслибъ онъ присылалъ вамъ свои работы, то Р. Мысль стала бы ихъ печатать, т.-е. иными словами не считаетъ ли Р. М. его сотрудничество опаснымъ для себя? Но онъ не желалъ бы, чтобъ его статьи проводили черезъ цензуру (здѣсь ходили слухи, что въ Р. Мысли показываютъ статьи предварительно цензору, можетъ это и вздоръ, но это говорили), а также чтобъ ихъ не разсматривалъ г. Бахметьевъ¹⁾, котораго онъ не терпитъ. (Это между нами). Въ его статьяхъ, впрочемъ, не будетъ ничего особенно нецензурнаго. Онъ кажется будутъ посвящены прошлому, и даже чуть ли не будутъ имѣть автобіографическій характеръ. Между Салтыковымъ и «В. Е.» повидимому пробѣжала какая-то черная кошка. Въ подцензурномъ изданіи писать онъ не желаетъ, и потому видѣть его въ Сѣвер. Вѣст. мы не имѣемъ надежды. Пользуйтесь же случаемъ и завербуйте его²⁾. Не откажитесь, добрейшій Викторъ Александровичъ, отвѣтить мнѣ (или прямо ему) поскорѣй; а то онъ по своей болѣзненной мнительности будетъ думать, что я не написалъ вамъ или получилъ такой отвѣтъ, котораго не желаю ему сообщить.

Пользуюсь случаемъ, чтобъ позжать вашу руку, и прошу передать мое искреннее почтеніе вашей супругѣ.

Душевно преданный вамъ
А. Плещеевъ.

¹⁾ Секретарь ред. «Р. М.».

²⁾ Сотрудничество М. Е. Салтыкова въ «Р. М.» не осуществилось. Подробно объ этомъ см. въ письмѣ Салтыкова къ Гольцеву отъ 27/IV 1886 г. («Архивъ В. А. Гольцева» стр. 218).

IV. Письма Ф. Нефедова.

С. Рождественское. 83 г., 15 июня.

Давно хотѣлось мнѣ написать Вамъ, дорогой мой Викторъ Александровичъ, но разъѣзды, бесѣды съ разными деревенскими и иными персонажами мѣшали исполнить мое желаніе.

Здравствуйте! Какъ поживаете и все ли благополучно? Давай Богъ всего лучшаго Вамъ!

О себѣ что Вамъ сказать? И много, и мало... Обрѣтаюсь я теперь въ с. Рождественскомъ. Черезъ двѣ недѣли ѣду въ объѣздъ здѣшняго уѣзда—верстъ 500; потомъ переберусь въ Варнавинскій уѣздъ къ старовѣрамъ, у которыхъ проживу до сентября. Людей, матеріала всякаго для наблюденія—изученія — непочатый уголь, не уголь, а цѣлая палестина! Здѣсь—и люди, мало отличающіеся отъ человѣка первобытныхъ временъ, и европейски образованный человѣкъ (какъ Лугининъ), и земцы, и урядникъ («выходятъ изъ моды», сказалъ недавно мнѣ о послѣднихъ одинъ крестьянинъ), и лѣсныя радѣнья, и, наконецъ, самъ Христосъ съ Богородицей (серьезно!). Богатый (въ смыслѣ изслѣдованій), но суровый и дикій край. Да чего—рукой отсюда подать Печерскій край!

На-дняхъ я былъ въ селѣ Одоевскомъ. Раскинуто село—церковь и дома церковно-служителей—по возвышенности нагорнаго берега р. Ветлуги; глядитъ обширнымъ пустыремъ. За рѣкой и кругомъ—лѣсъ и озера съ болотами безъ конца. Впечатлѣніе невообразимаго и отторгнутого отъ всего міра захолустья производитъ видъ села. Чувствуется, что это—конечный пунктъ жилого мѣста, а тамъ, за рѣкою, въ жесткихъ краскахъ и рѣзкихъ тонахъ ничего уже нѣтъ, кромѣ дикаго, нескончаемаго лѣса. И дѣйствительно: за рѣкою, чуть не сотни верстъ не встрѣтишь уже ни одной деревеньки, даже—проѣзду туда нѣтъ... И вотъ, въ этой-то забытой Богомъ и заброшенной мѣстности я наткнулся на слѣды существованія въ глубокой древности человѣка — каменнаго вѣка! Я произвелъ раскопки—и открылъ фабрику каменныхъ орудій. Сегодня я опять туда ѣду, чтобы покончить работы и черезъ недѣлю вернусь обратно въ Рождественское: отдохну, приведу матеріалъ въ порядокъ и айда въ дебри и рамена къ истоку р. Ветлуги (захвачу Вятской и Вологодской губ.). Замѣьте, что с. Одоевское находится всего въ какихъ-нибудь 40 в. отъ города Ветлуги, а глушь страшная. Вотъ еще примѣръ: при мнѣ пріѣхалъ становой и не показался, а урядникъ даже куда-то удралъ. Между тѣмъ имъ было извѣстно, что я рою древнее кладбище и разрушаю городища! Даже не полюбопытствовали, кто и почему? От-

носителю літературнихъ работъ плановъ много и хорошихъ, но *пока* ни за что не принимался, если не считать біографіи Левитова ¹⁾ (пишу). Зато какъ поосвобожусь отъ всеохватывающей страсти изученія жизни,—примусь съ новыми силами и удвоенной енергіей; въ мѣсяцъ напишу цѣлую повѣсть и по малой мѣрѣ чтыре разказа или очерка. А если дальнѣйшія изслѣдованія въ Одоевскомъ будутъ такъ же успѣшны, какъ и начало, то я вернусь къ Вамъ съ рефератомъ, если не объ открытіи Америки, то—каменнаго вѣка на сѣверо-востокѣ Россіи. Знаменитый русскій археологъ, гр. Уваровъ, отрицаетъ у насъ существованіе каменнаго періода, а каменныхъ фабрикъ до сего времени открыто, кажется, всего двѣ—въ Швеціи и еще гдѣ-то (позабылъ, Д. Н. Анучинъ это помнитъ).

Ну, будетъ: скоро подадутъ лошадей. Что у васъ? Надежды на вздышку печати etc., кажется, нельзя возлагать? Все по старому, вали черезъ пень колоду и приговаривай: «Боже! Очисти мя и помилуй мя»!

Обнимаю Васъ.

Сердечно преданный Вамъ Ф. Н.

Адресъ до 25 іюня:

Ивановская почтовая станція, Ветлужскаго уѣзда, Костромской губер., мнѣ.

Ф. Нефедовъ.

Ялта. 88 г., 18 мая.

Съ страшнымъ нетерпѣніемъ и мучительнымъ томленіемъ ждалъ я отъ Васъ вѣсточку, дорогой Викторъ Александровичъ. Этотъ мѣсяцъ ожиданія показался мнѣ чуть не за вѣчность. Сегодня получилъ Ваше коротенькое письмецо, оно произвело на меня такое впечатлѣніе, какое производитъ на больного, ожидающаго выздоровленія, приговоръ врача, что больной долженъ умереть. Семь мѣсяцевъ я лелѣялъ своего Василька—жилъ имъ и окружающими его лицами, переносилъ терпѣливо болѣзнь и всѣ лишенія, окончилъ и разстался съ своимъ мальчикомъ, ожидая со дня на день освобожденія своего отъ крымскаго плѣненія и мечталъ о поѣздкѣ на Кумысъ—и вдругъ, разомъ, все разбито и уничтожено. Что въ повѣсти ²⁾ могли встрѣтиться недомолвки, излишества въ мелочахъ и т. п.—этого я не отрицаю, я писалъ Вамъ и просилъ объ указаніяхъ; я рассчитывалъ возвратиться

¹⁾ Статья Ф. Нефедова—Александръ Ивановичъ Левитовъ—напечатана въ собр. соч. Левитова въ изд. Солдатенкова. М. 1884 г.

²⁾ Подпасокъ Василько былъ переименованъ въ повѣсть «Свѣжіе побѣги» и напечатанъ въ «Набл.» 1889 г., 1—4 кн.

въ Москву, перечестъ рукопись и сократить, что нужно, и воспользоваться указаніями редакціи; но чтобы повѣсть совсѣмъ не понравилась Вамъ, оказалась негодной для помѣщенія въ «Р. М.»,—этого я никакъ не ожидалъ: въ ней—вѣрное изображеніе быта, выведены симпатичныя лица, есть идея и правда; во всякомъ случаѣ эта вещь не хуже тѣхъ повѣстей и романовъ, которые появляются въ современной журналистикѣ, и я увѣренъ, что на читателей моя вещь произвела бы впечатлѣніе хорошее, ободряющее. У меня было одно только опасеніе: повѣсть переписана дурно, разными писцами и малограмотными, такъ что приходилось дѣлать много исправленій въ переписанномъ сообразно оригиналу, а это въ чтеніи должно было Васъ затруднять, что естественно мѣшало должному впечатлѣнію отъ повѣсти. Прочти «Василка» я самъ, и Вы не нашли бы его негоднымъ. Я помню, когда здѣсь въ февралѣ былъ покойный Андреевъ-Бурлакъ, и я кое-съ чѣмъ его познакомилъ изъ рукописи, онъ даже пришелъ въ волненіе художника и просилъ меня тутъ же, въ Ялтѣ, дать ему изъ повѣсти рассказъ пастуха Харитона: «Я поставлю его на сцену»,—сказалъ: «буду играть, и всѣ другіе артисты послѣдуютъ моему примѣру». А у Бурлака, Вы не станете отрицать, было тоже художественное чутье, и онъ понималъ литературныя вещи. Да, я придаю большое значеніе на произведеніе впечатлѣнія хорошо или дурно переписанной вещи.

Видно не судьба моя печататься въ Р. М. Такой печальный результатъ уже не въ первый разъ меня постигаетъ; мнѣ Р. М. возвратила рассказъ «На арестантскомъ пароходѣ» ¹⁾, а потомъ, когда онъ появился въ другомъ журналѣ, всѣ нашли его прекраснымъ... Да и вообще въ жизни моей и литературной судьбѣ лежить что-то непостижимое, роковое: за всю мою любовь къ людямъ, симпатію и желаніе добра я встрѣчалъ озлобленіе, вражду и брань, а литературныя мои работы никогда не оцѣнивались. По всему судьба моя сходна съ Левитовымъ.

Но что же теперь дѣлать? Я уже и не говорю о своемъ безвыходномъ положеніи, въ какое теперь поставленъ, но какъ мнѣ расплатиться съ редакціей «Р. М.»? Я долженъ двѣсти десять рублей. «Наблюдатель» напечаталъ бы «Василька» и деньги до напечатанія выслалъ бы, но сейчасъ получена телеграмма, что онъ на 6 мѣсяцевъ приостановленъ; въ Вѣс. Евр., кажется, на этотъ годъ обезпечена беллетристика... Во всякомъ случаѣ я попробую М. М. С—чу послать и, можетъ, онъ скоро вышлетъ авансъ, и тогда я уплачу Р. М. полученныя отъ конторы деньги.

¹⁾ Былъ напечатанъ въ «Набл.» 83 г., I.

Будьте добры, не откажите въ просьбѣ рукопись повѣсти запечатать въ пакетъ и послать съ разсылнымъ на Малую Молчановку, въ д. кн. Урусова, надписавъ: Александрѣ Ивановичѣ Бобровой, для передачи мнѣ—до востребованія. Цѣлесообразнѣе было бы сюда переслать, но я не знаю, что со мной черезъ недѣлю будетъ: по всей вѣроятности, меня попросятъ очистить квартиру (уже я долженъ за 4½ мѣсяца), и я, вѣдь, могу очутиться Богъ знаетъ гдѣ...

Прощайте Викторъ Александровичъ! Желаю Вамъ всего хорошаго.

Прошу передать мой привѣтъ многоуважаемой Натальѣ Алексѣевнѣ и поклониться Вуколу Михайловичу и Митрофану Николевичу.

Не поминайте лихомъ.

Преданный Вамъ Ф. Нефедовъ.

Ялта, д. Лейбовича.

Р. С. Сейчасъ изъ дома Черкесова ¹⁾ получилъ письмо; требуютъ 200 руб. за квартиру и прямо можно утопиться.

У. Письмо Н. М. Астырева.

Иркутскъ, 23 сентября 1887 г.

Многоуважаемый

Викторъ Александровичъ!

Горячо благодарю Васъ за присланную карточку. Съ понятной готовностью исполняю встрѣчную Вашу просьбу.

По одному уже тому, что я вооружился листомъ почтовой бумаги большого формата, Вы можете догадаться, что мнѣ хочется о чемъ-то поговорить болѣе или менѣе подробно. И дѣйствительно фактъ, о которомъ я поведу рѣчь, затронулъ меня за живое, но не потому только, что дѣло касается меня, а потому, что оно касается «одного изъ лучшихъ журналовъ», котор. я привыкъ уважать, именно «Р. М.»—объяснюсь.

Пять дней тому назадъ я прочелъ въ авг. кн. «Р. М.» рецензію ²⁾ о моемъ очеркѣ, помѣщенномъ въ «В. Е.» ³⁾ (указываю, когда именно прочелъ, чтобы Вы не подумали, что письмо сіе написано подъ первымъ впечатлѣніемъ). Хотя въ критическомъ отд. Вашего журнала приходилось уже встрѣчать много отзывовъ, въ

¹⁾ Домъ Черкесова на Большой Молчановкѣ въ Москвѣ, гдѣ жилъ Ф. Д. Н.—въ.

²⁾ «Р. М.» 1887 г., кн. VIII. Библиографич. отдѣлъ II «Періодическія изданія». Этотъ отдѣлъ въ журналѣ велъ М. Н. Ремезовъ.

³⁾ «Отъ колыбели до могилки». «В. Е.» 1887 г., кн. VIII.

значительной степени пристрастныхъ, но такого несправедливаго и немотивированнаго, какъ тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, я—кажется—еще не встрѣчалъ (таково мнѣніе не мое только, но и нѣкоторыхъ другихъ лицъ). Впечатлѣніе получается отъ этой «рецензіи» такое: не о статьѣ А-рева говорится тамъ, а о камнѣ, яко бы имъ несправедливо пущенномъ въ «Р. М.»; ибо нельзя же считать «отзывомъ» глубокомысленныя замѣчанія рецензента, что вотъ, молъ, авторъ задается такими-то и такими-то вопросами, но самъ на нихъ не отвѣчаетъ; и нельзя назвать приличнымъ пріемъ опошленія авторскихъ замѣтокъ... Нужно бы имѣть въ виду, что 1-е, не на всѣ вопросы можно теперь давать отвѣты, но побуждать—по крайней мѣрѣ—читателя въ подыскиванію отвѣтовъ можно и даже должно, несмотря на тяжелыя времена: и 2-е, что наивно-остроумнымъ изложеніемъ содержанія можно осмѣять всякое произведеніе, даже неизмѣримо лучшее, чѣмъ мое. Это пріемъ старый и давно уже извѣстный: стоитъ только выхватить нѣсколько фразъ, связать ихъ разными «потомъ» и «далѣе», и закончить: «а потомъ больше ничего нѣтъ...» Выходитъ смѣшно... для райка; а люди, умѣющіе читать между строчками, поймутъ, что такая статья—пристрастна. Поймутъ они и въ данномъ случаѣ, что вся эта рецензія есть не что иное, какъ въ распространенномъ видѣ возгласъ: «а, нашихъ затрогивать!? Гвалтъ!.. Бей его! Ату его!»

Поймутъ и пожалѣютъ о журналѣ, который спускается до такой травли.

Однако буду говорить по порядку предъявленныхъ мнѣ г. рецензентомъ пунктовъ обвиненія, въ той надеждѣ, что Вы не откажетесь (если найдете удобнымъ) показать ему сіе письмо. 1) Насколько мнѣ помнится, названіе «этнографическій» дано очерку не мною, а редакціей «В. Е.»¹⁾.—2) Выраженіе «точное воспроизведеніе съ натуры лѣстницы, иже св. Іаковъ видѣлъ въ сновидѣніи»²⁾ употреблено мною для того, чтобы подчеркнуть связь, существующую между симъ изображеніемъ и «кусками» лѣстницы, показываемыми, какъ реликвіи въ какомъ-то монастырѣ (какъ мнѣ говорили); думаю, что если бъ даже этой связи не было, то полушуточное замѣчаніе мое едва ли достойно такихъ глубокихъ соображеній, какія высказаны рецензентомъ.—3) Очеркъ мой писанъ въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго 1886 г., ото-

¹⁾ Рецензентъ удивляется, что очеркъ названъ «этнографическимъ»: «правильнѣе было бы назвать его воспоминаніями объ очеркахъ Левитова по поводу одной засиженной мухами лубочной картины», такъ какъ Астыревъ попутно вспоминаетъ нѣкоторые образцы суетврій, приведенныхъ Левитовымъ въ его «Степныхъ очеркахъ».

²⁾ Лубочная картина, висѣвшая въ избѣ.

сланъ въ «В. Е.» въ октябрѣ, а изъ редакціи получено въ декабрѣ увѣдомленіе, что онъ будетъ напечатанъ «въ одной изъ весеннихъ книжекъ». Не моя въ томъ вина, что онъ,—вопреки обѣщанію редакціи,—появился лишь въ іюльской книжкѣ, и что къ этому времени контора «Р. М.» прекратила продажу изданій «Посредника». Объясненія рецензента ничего не опровергають; фактъ остается фактомъ: «Р. М.» продавала и «Свѣчку», и «Двухъ братьевъ». Врядъ ли «Р. М.» заключила съ «Посредн.» контрактъ, который обязывалъ бы ее въ теченіе извѣстнаго срока продавать всякія изданія этой фирмы; если бы она захотѣла, то могла бы отказаться отъ продажи книжекъ въ любой моментъ; она этого не сдѣлала, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ конторѣ ея можно было купить тѣ самыя изданія, которыя она осуждала Вашими устами въ отдѣлѣ критики. Я бы не упомянулъ въ своемъ злосчастномъ очеркѣ объ этомъ фактѣ, если бѣ не видѣлъ въ немъ обществен. значенія: не разъ мнѣ приходилось слышать (и самому участвовать) дебаты о томъ, что можно ли (нравственно ли, похвалительно ли) распространять въ народѣ изданія, тенденціи и способу выполненія которыхъ не сочувствуешь, но которыя представляютъ нѣкоторыя достоинства въ сравненіи съ «никольскимъ» товаромъ? Такіе споры ведутся даже здѣсь, въ Киренскомъ округѣ, среди ссыльныхъ, часть коихъ вздумала распространять изданія «Поср.»—Итакъ, это вопросъ принципиальный; вотъ почему я его коснулся, а не изъ желанія «бросать камни»; очень нужно!.. 4) Къ чему это указаніе на статью Энгельгардта ¹⁾, въ которой также говорится о «царѣградѣ»? Опять не моя вина, его статья пошла раньше моей. Редакціи съ нами, скромными тружениками, поступаютъ самымъ пренебрежительнымъ образомъ, да мы же авторы,—за ихъ дѣйствія и отдувайся!.. Но не хотѣлъ ли г. рецензентъ намекнуть этимъ сопоставленіемъ статей, что я узналъ о существованіи упомянутаго праздника только изъ очерка А. Н. ²⁾. Вотъ попалъ пальцемъ въ небо!..

Въ «Земскомъ Ежегодникѣ Моск. губ.» за этотъ годъ появится (въ декабрѣ) моя отдѣльная статья «О праздникахъ въ сельскомъ быту»; изъ нея рецензентъ можетъ узнать, что «цареградіе» было мнѣ извѣстно гораздо раньше появленія статьи А. Н.; я уже и не пытаюсь убѣдить его, что лично ознакомился съ этимъ любопытнымъ повѣрьемъ еще 6 л. тому назадъ, когда жилъ въ деревнѣ, въ воронежск. уѣздѣ.

Вотъ часть того, что я хотѣлъ сказать Вамъ, многоуважаемый Викторъ Александровичъ, по поводу рецензій. Сказаль бы и

¹⁾ Въ «Вѣст. Евр.» за 1887 г. кн. V.

²⁾ Энгельгардта.

еще многое, но письмо мое и безъ того разрослось самымъ не-поэволютельнымъ образомъ: боюсь надоѣсть.

Искренно преданный Вамъ

Астыревъ.

Р. С. Виновать,—совсѣмъ забылъ упомянуть, что редакція «В. Е.» выкинула добрую половину моего очерка, по цензурнымъ соображеніямъ. Вотъ почему онъ вышелъ кургузымъ и неоконченнымъ... Опять моя вина?..

VI. Письма Н. М. Астырева ¹⁾.

(Къ Е. Н.).

Въ 1892 году 30 марта Н. М. Астыревъ былъ арестованъ и сначала заключенъ въ Московскій Губернскій Тюремный Замокъ, гдѣ просидѣвъ 7 мѣсяцевъ, былъ переведенъ въ П-бургскую Петропавловскую Крѣпость, въ которой пробылъ одинъ годъ. Слабое здоровье въ конецъ было подорвано одиночнымъ сидѣніемъ въ сыромъ казематѣ, безъ занятій и плохимъ питаніемъ. По ходатайству жены, онъ былъ переведенъ въ домъ предварительнаго заключенія, гдѣ пробылъ до окончанія слѣдствія, которое длилось около двухъ лѣтъ. Пробывъ 50 дней въ Предварилкѣ, онъ, еле живымъ былъ переведенъ въ тюремную больницу. По Высочайшему приговору отъ 15 декабря 1893 года долженъ былъ оставаться 2 года въ одиночномъ заключеніи, а затѣмъ ѣхать въ ссылку въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ уѣздовъ Вологодской губерніи.

Неизлѣчимый недугъ шагаль быстро впередъ, и изъ писемъ къ женѣ видно было, что конецъ земного скитанія Н. М. близится къ вѣчности.

На всеподданнѣйшее прошеніе отъ жены освободить умирающаго мужа и дать ему возможность умереть на волѣ, въ кругу своей семьи, послѣдовала Высочайшая милость: замѣнить 2-хъ годичное одиночное заключеніе вышепомянутой ссылкой, но судьба рѣшила иначе. Н. М. по выходѣ на волю 30 марта 94 года, на 37 году отъ рожденія—скончался 3 іюня въ страшныхъ нечеловѣческихъ страданіяхъ, но въ полной памяти, въ которой пребывалъ за все время своего земного бытія. Послѣ него остались

¹⁾ Въ 1891 г. Н. М. Астыревъ посѣтилъ Воронежскую губернію, гдѣ когда-то былъ волостнымъ писаремъ. Въ февралѣ 1892 г. онъ составилъ прокламацію подъ названіемъ «Первое письмо» (предполагался рядъ писемъ) къ голодающимъ крестьянамъ. Письмо это за подписью «мужицкіе доброты» въ 1912 г. было напечатано «группой народовольцевъ» (М. Александров. «Группа Народовольцевъ 91—94 Былое 906 кн. XI).

жена и трое малолѣтнихъ дочерей, о которыхъ онъ не переставалъ заботиться, какъ во время своего заключенія, такъ и до самой смерти, давая наставленія, какъ ихъ воспитать, чтобы онѣ вышли честными и полезными людьми для общества. Полнѣйшая матеріальная необезпеченность семьи удваивала его земныя страданія. Послѣ смерти его осталось нѣсколько сочиненій напечатанныхъ.

I.

14, XII, 93 г.

Евгенія Николаевна!

Вчерашній день былъ для меня довольно пріятнымъ днемъ: я кончилъ одинъ рассказъ, который можетъ дать въ послѣдствіи рублей 200—250. Правда онъ вялъ и блѣденъ; но вѣдь теперь, кажется,—только такой литературѣ ходъ и дается, а сильныя вещи обречены на мертвенный покой? Поэтому я смущаюсь лишь очень немного за мое худосочное дитя и дня черезъ два, отдохнувъ, примусь за № 2-й,—надо пользоваться относительно сноснымъ состояніемъ здоровья. Съ 6-го декабря я сталъ понемногу вылѣзать изъ-подъ одѣяла, и теперь хожу по комнатѣ уже довольно твердыми стопами. Креозотъ мнѣ прекратили давать; принимаю пепсинъ, потому что желудокъ все шалить. Вообще никакихъ особенныхъ перемѣнъ въ моемъ здоровьѣ нѣтъ...

Совершенно потерялъ всякое понятіе о томъ, что со мной предполагають дѣлать въ будущемъ?.. Пока я чахъ въ крѣпости, мнѣ казалась моя судьба ясной: «естественный конецъ»... Но оказывается, что до него, какъ будто бы не хотятъ меня допустить, иначе—зачѣмъ было переводить меня въ Лазар. Дома Предв. закл.?.. Но далѣе: если меня оставить здѣсь, или переведутъ въ Шлиссельб., или въ ту же Петр. Павл., или, наконецъ, въ «Кресты»,—то петербургская весна (мартъ, апрѣль) опять приблизятъ дѣло къ «естественному концу»... Итакъ, надо думать, что въ петербургскомъ климатѣ меня не оставятъ на весну, иначе—къ чему вся эта лазаретная комедія?... Куда же, въ такомъ случаѣ, меня увезутъ? Въ Москву, для дальнѣйшей отсылки, съ открытіемъ навигаціи? (Это было бы хорошо). Но куда именно отошлютъ—вотъ вопросъ.—Были факты, что завѣдомо слабогрудыхъ посылали въ страны, гдѣ ѣздятъ только на собакахъ и ѣдятъ только сырую рыбу; оттуда, разумѣется, нѣтъ возврата. Но были факты, что болѣзни принимались во вниманіе и посылали въ хорошія мѣста, какъ-то Горный Округъ Минусинскъ, Тунка, Акмолинскъ. Вообще, если поселятъ влѣво

отъ сибирскаго тракта—плохо дѣло; вправо—жить еще, пожалуй, можно. Любопытно, чѣмъ все это на дѣлѣ разрѣшится!—Денегъ у меня 12 руб. 50 коп. Пиво не пошло мнѣ въ пользу, такъ что я пью теперь вино, подъ названіемъ «крымскій портвейнъ» (1 руб. бут.), но отвратительную смѣсь, ибо поблизости хорошихъ погребовъ нѣтъ, а принести издали «Ореанды» или «Христофорова»—некому. Денегъ хватить на весь январь. Купилъ шерстяные чулки, да вино, поэтому много истратилъ за это время.

Н. Астыревъ.

I, I, 94 г.

Съ новымъ годомъ, съ *новымъ* счастьемъ!

И у меня *новое* счастье, Евгенія Николаевна! Судьба позаботилась и обо мнѣ, наградивъ меня чудеснымъ новогоднимъ подаркомъ... Пишу вамъ коротко, самую суть: не знаю, какіе порядки царствуютъ въ томъ мѣстѣ, куда я имѣю направиться, а отсюда письмо къ вамъ пойдетъ обычнымъ путемъ,—это я знаю.

Поль-часа тому назадъ мнѣ объявлено: Государь Императоръ, на представленный 15-го декабря докладъ о госуд. прест. Н. А., и т. д., утвердить соизволилъ: подвергнуть А. *одиночному тюремному заключенію на 2 года* (вѣроятно срокъ съ 15-го дек. 93 г.), а затѣмъ *сослать на 3 года* въ одинъ изъ сѣв.-вост. уѣздовъ Вологодской губ.

Вотъ сущность объявленной мнѣ бумаги.

Завтра вѣроятно ¹⁾ переѣзжаю на Выборгскую сторону, въ такъ называемый «Крестъ».

Цѣлую дѣтокъ. Всякаго всѣмъ вамъ благополучія...

Н. Астыревъ.

P. S. Разумѣется, лишь только возможно будетъ, я напишу вамъ изъ моего новаго мѣстопробыванія.

Въ моемъ здоровьѣ особыхъ перемѣнъ нѣтъ.

Н. Аст.

VII. Письма Н. Успенскаго.

16 октября, 9 ч. утра 1882 г.

Многоуважаемый

Викторъ Александровичъ!

Если на мое имя прислано пособіе изъ литературнаго фонда, то потрудитесь извѣстить меня въ возможно скоромъ времени, такъ какъ я, вслѣдствіе совершеннаго безденежья, могу прожить

¹⁾ Болѣе позднее свѣдѣніе: не завтра, а въ понедѣльникъ, 3-го янв.

въ занимаемой мною комнатѣ однѣ только сутки. Если же ничего нѣтъ изъ Петербурга на мое имя, то не берите на себя труда извѣщать меня объ этомъ.

Мой адресъ: Близъ Московско-Курскаго вокзала, Меблированные комнаты Таракановой, Н. В. Успенскому, № 4-й.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи.

Н. Успенскій.

2 ноябр. 1882 г.

Многоуважаемый.

Викторъ Александровичъ!

Былъ я у Сергѣя Андреевича Юрева, но у него никакихъ занятій для меня не оказалось. Былъ вчера у Алексан. Осип. Лютецкаго ¹⁾ —результатъ тотъ же. Упалъ я духомъ сильно, хотя вы совѣтуете не терять надежды. Сергѣй Андреевичъ обѣщаль попросить у Мамонтова мѣсто на желѣзной дорогѣ, но я боюсь, не забылъ ли онъ свое обѣщаніе.

Отъ всей души благодарю васъ за хлопоты обо мнѣ. На-дняхъ собираюсь съ дочкой лично поблагодарить васъ.

Преданный вамъ

Н. Успенскій.

Армянскій пер. д. Грачева, кв. № 7.

Р. S. Сегодня Лютецкому отправилъ маленькую сценку.

Многоуважаемый

Викторъ Александровичъ.

16 ноябр. 1882 г.

Въ «Москов. телеграфѣ» мнѣ предлагали мѣсто корректора. Занятія отъ 1 часу пополудня до 1 часу пополночи, вознагражденіе 50 руб. въ мѣсяцъ. Къ сожалѣнію мои семейныя обстоятельства не позволяютъ согласиться на предложеніе редакціи «Москов. телег.», такъ какъ въ типографіи я долженъ былъ бы работать 12 часовъ въ сутки въ сообществѣ съ моей дочкой, ²⁾ которая

¹⁾ Издатель «Будильника».

²⁾ Въ 1882 г. дочери Н. В. Успенскаго было около 6 лѣтъ; съ двухъ лѣтъ, послѣ смерти матери, она неотлучно находилась при отцѣ, раздѣляя съ нимъ жизнь, полную нищеты и лишеній; 8—10 лѣтъ она уже пѣла «хорошимъ господамъ» подъ аккомпаниментъ гармоники въ трущобахъ Москвы, Тулы и другихъ городовъ. Въ 1888 г. дѣвочка была отобрана у отца тестемъ Н. В-ча, что отчасти ускорило трагическій конецъ Н. Успенскаго.

могла бы мѣшать другимъ корректорамъ. Во всякомъ случаѣ сердечно благодарю васъ за хлопоты. Мнѣ ужасно совѣстно, что я вамъ доставилъ столько безпокойства.

Искренно уважающій васъ

Н. Успенскій.

1 января 1883 г.

Добрѣйшій Викторъ Александровичъ.

Я къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой. Не можете ли вы написать Александру Осиповичу Лютецкому, чтобы онъ поторопился выслать мнѣ гонораръ за мой разсказъ «*Коростелевъ*» или возвратить его мнѣ для отправки въ другую редакцію. Я неоднократно писалъ г. Лютецкому, но въ отвѣтъ ничего не получалъ отъ него, ни денегъ, ни разсказа. А между тѣмъ я нахожусь въ крайней нуждѣ. Вчера я получилъ отъ предсѣдателя Литератур. фонда Таганцева письмо, въ которомъ онъ проситъ меня немедленно выслать ему копію съ моего послужного списка, метрическое свидѣтельство моей дочери и свидѣтельство о привитіи ей оспы; къ величайшему моему сожалѣнію, я не только лишенъ возможности выправить и отослать помянутые документы, необходимые для опредѣленія моей дочери, но и купить ей лѣкарство, (въ настоящее время она очень больна). Простите, что не перестаю безпокоить васъ.

Душевно преданный вамъ.

Н. Успенскій.

Мой разсказъ «*Коростелевъ*» былъ принятъ въ «Руской Мысли», но тамъ мнѣ не дали денегъ до напечатанія его, и я взялъ его обратно. Теперь онъ засѣлъ въ «Будильникѣ», на который я такъ сильно разсчитывалъ.

Тула. Петровская ул. противъ гостиницы «Кандія» д. Глаголева.

VIII. Письма С. А. Юрева.

Глубокоуважаемый и дорогой.

Викторъ Александровичъ! ¹⁾ —

Сейчасъ былъ у меня Бахметевъ и передалъ мнѣ, что Вы отказываетесь совсѣмъ отъ сотрудничества въ журналѣ, что я въ этомъ смыслѣ получу отъ Васъ письмо. Не могу помириться съ этою мыслью. Я готовъ все сдѣлать, чтобъ переменить Ваше

¹⁾ Безъ даты, повидимому 1882 г.

рѣшеніе. Не знаю, какъ Вамъ написалъ письмо Бахметевъ, не дождавшись моего возвращенія изъ Петербурга. Я хотѣлъ лично переговорить съ Вами и, обсудивъ съ Вами дѣло, принять то или другое рѣшеніе. Записанные мною 2 серьезныхъ для журнала и постоянныхъ отдѣла, о которыхъ хотѣлъ еще разъ подробнѣе переговорить съ Вами и въ необходимости которыхъ я убѣдился еще въ Петербургѣ, заставили прійти къ тому плану, о которомъ сообщилъ Вамъ Бахметевъ. Кромѣ Васъ, я не знаю, кого просить о веденіи ихъ въ Петербургѣ. Безобразовъ предлагалъ мнѣ заняться обзоромъ самоуправленія Европейскихъ государствъ;—я ему отказалъ. Кромѣ Васъ, я не желаю никого просить объ нихъ. Бога ради, умоляю Васъ не отказывать мнѣ въ Вашемъ сотрудничествѣ. Сдѣлайте милость!

Бахметевъ сказывалъ, что я получу отъ Васъ письмо. Я, до полученія отъ Васъ отвѣта на это мое письмо, не буду читать Вашего письма, потому что мнѣ тяжело узнать отъ Васъ самихъ подтвержденіе того, что мнѣ передалъ Бахметевъ. Жаль, что не могу сегодня же быть у Васъ вмѣсто этого письма. Бога ради, дорогой, многоуважаемый Викторъ Александровичъ, не отказывайтесь отъ Вашего сотрудничества, не покидайте меня. Переговоримте объ этомъ. Не знаю, когда можно застать Васъ утромъ.

Искренно Васъ уважающій и Вамъ душевно преданный
Сергѣй Юрьевъ.

Отвѣтите, прошу Васъ, на это письмо. Жду отвѣта съ нетерпѣніемъ.

Вопросы о самоуправленіи Западныхъ государствъ и Западной журналистики особенно важны именно *теперь*. Я въ этомъ убѣдился теперь въ Петербургѣ, гдѣ многое узналъ и теперь-то въ этомъ направленіи мнѣ особенно важно Ваше сотрудничество. Планъ этотъ разросся у меня въ головѣ именно въ Петербургѣ, и я спѣшилъ сообщить его Вамъ. Это долженъ былъ быть одинъ изъ самыхъ важныхъ теперь отдѣловъ. Бога ради не покидайте меня. Отдѣлы, о которыхъ я просилъ, такъ важны, независимо отъ моей солидарности съ Вами; Ваше сотрудничество *теперь особенно* мнѣ дорого. Просто горько.

Многоуважаемый
Викторъ Александровичъ ¹⁾).

Съ болью въ душѣ прочиталъ я ваше письмо. Я никакъ не ожидалъ, что предложеніе ваше перемѣнить одинъ отдѣлъ на

¹⁾ Безъ даты, по видимому 1882 г.

другой, постоянный, будетъ имѣть такое прискорбное для журнала и для меня лично послѣдствіе. У Приклонскаго заготовлено много матеріаловъ для обзора многихъ внутреннихъ вопросовъ,—напр. для обзора вопроса о крестьянскомъ землевладѣніи, на который потребуется не менѣе 3 статей и др., а другого, кромѣ внутренняго обзрѣнія, онъ писать не можетъ; при нашемъ же глубоко сочувственномъ и вѣрномъ взглядѣ на вопросъ о самоуправленіи, который особенно *теперь* важенъ, въ виду предстоящихъ преобразованій, о которыхъ я много слышалъ въ Питерѣ, и на отношенія общечеловѣческаго элемента въ нихъ къ національному, не знаю, кому и могу поручить этотъ тонкій вопросъ, какъ не вамъ. Напрашивался у меня на это дѣло Б., я отказалъ ему, имѣя въ виду васъ ¹⁾. Этотъ вопросъ, выясненіе его примѣрами такъ теперь важенъ, что требуетъ талантливаго и многознающаго пера. Вотъ почему для меня было такъ желательно при необходимости имѣть одного внутренняго обзрѣвателя и въ то же время посвятить постоянный отдѣлъ вопросу о самоуправленіи, просить васъ заняться послѣднимъ исключительно. Кохановская Комиссія будетъ длиться долго и непременно приметъ широкое развитіе. Объ отдѣлѣ самоуправления я много говорилъ въ Петербургѣ съ нѣкоторыми и вами навѣрное уважаемыми лицами, и еще съ вліятельными,—всеми признано, что внести свѣтъ въ это дѣло сравнительнымъ изученіемъ фактовъ развитія самоуправления, отдѣляя національное отъ общечеловѣческаго, крайне теперь важно.—Только глубокое убѣжденіе въ талантливости вашего пера и ясномъ пониманіи вами самой сущности дѣла заставило меня рѣшиться сдѣлать вамъ предложеніе, которое изложилъ вамъ, не знаю какъ, Бахметевъ. Сожалѣю, глубоко скорблю, что не я лично высказалъ вамъ это. Умоляю васъ, Бога ради, перемѣните ваше рѣшеніе.—Не могу выразить, какъ мнѣ прискорбно ваше письмо, вашъ отказъ отъ участія въ «Русской Мысли».

Я сѣлъ писать это письмо, чтобъ увѣдомить васъ, по просьбѣ Н. А. Корфа, что онъ будетъ у васъ завтра, т.-е. въ Воскресенье въ 7 часовъ вечера, а написалъ о томъ, чѣмъ болитъ мое сердце.—Завтра вечеромъ играетъ Сара Бернаръ Фру-Фру и этотъ спектакль, на который я имѣю билетъ, помѣшаетъ мнѣ пріѣхать къ вамъ, а то бы и я былъ у васъ.—Я былъ бы у васъ завтра утромъ, но у меня въ 12 часовъ будетъ Корфъ, а во второмъ я долженъ ожидать къ себѣ Львову и Кошелева, не то я повидался бы съ

¹⁾ Въ 1882 г. В. А. Гольцевымъ былъ напечатанъ въ «Р. М.» рядъ статей подъ общ. названіемъ: Государство и самоуправленіе (Р. М. 12 ч. кн. II, IV и VII).

Вами. Очень хочу видѣться съ Вами. Меня крайне мучить Вашъ отказъ отъ участія въ «Русской Мысли». Бога ради, дорогой и многоуважаемый Викторъ Александровичъ, возьмите назадъ этотъ отказъ.

Искренно и глубоко Васъ уважаю

Сер. Юрьевъ.

Глубокоуважаемый и искренно

Викторъ Александровичъ ¹⁾

Открывается одна за другой безчисленное множество клеветъ, которыми опутывалъ меня Бахметевъ и вооружалъ противъ меня. Между прочимъ одна изъ этихъ клеветъ изъ наиболѣе для меня болѣзненныхъ касается Васъ. Мнѣ передали, что Вы полагаете, что я Васъ устранилъ отъ внутренняго обозрѣнія и Вамъ въ подтвержденіе этого показывалъ Бах. какое-то мое письмо. Это для меня положительно невыносимая ложь и клевета. Наоборотъ, я сильно боролся съ Лавровымъ и преимущественно съ Бахметевымъ, который, повинувшись Приклонскому, хотѣлъ Васъ совсѣмъ исключить изъ числа сотрудниковъ «Р. М.» и настаивалъ такъ, что я вынужденъ былъ поставить вопросъ: я и Вы должны оставить журналъ?

Я хочу, я Васъ прошу доставить мнѣ возможность видѣться съ Вами въ понедѣльникъ. Завтра вечеромъ часовъ въ 8 на одно полчасца. Позвольте къ Вамъ пріѣхать или ожидать мнѣ Васъ къ себѣ. Я еще узналъ объ одной распущенной лжи про меня и одной клеветѣ, которую я принялся только разоблачать. Мнѣ дали на это разрѣшеніе. Какъ же мнѣ больно, что я взялъ отъ этихъ безчестныхъ людей деньги и подписалъ извѣстное Вамъ письмо, ²⁾ которое должно будетъ напечатано. Что за безстыдство этихъ полу людей.

Всей душой Вашъ *Сергій Юрьевъ*.

Мнѣ больно стоять къ Вамъ въ такихъ отношеніяхъ, въ какихъ я не могу терпѣть находиться ни къ кому, не только къ Вамъ.

Многоуважаемый

Викторъ Александровичъ ³⁾.

Благодарю Васъ покорнѣйше за принятія Вами на себя хлопоты. Простите, что я васъ поставилъ въ такое непріятное положеніе. Я рѣшительно не ожидалъ, что у этого торгаша

¹⁾ Безъ даты 1885 г.

²⁾ Письмо объ оставленіи «Р. М.»

³⁾ Безъ даты; 1885 г.

хватить совѣсти прямо и въ простомъ самомъ смыслѣ, не поспѣшить избавить меня отъ убытка продажи векселя, которымъ этотъ денежный мѣшокъ ободралъ меня, не понимая, что мнѣ передалъ Салтыковъ подписчиковъ и что журналъ столько же мой, сколько и его.

Это компанія.... Какъ грустно, что столько благородныхъ, интеллигентныхъ силъ стоитъ подъ такимъ знаменемъ.

Еще разъ благодарю, извиняюсь.

Всей душою вашъ С. Юрьевъ.

Этотъ поступокъ такъ (хотя и въ правѣ), что и я щадить ихъ не стану, всюду обличу У меня въ рукахъ достаточно для того документовъ.

Многоуважаемый

Викторъ Александровичъ ¹⁾.

Очень сожалѣю, что мнѣ не пришлось прочесть письма Редакціи Р. М. по поводу моего выхода ²⁾. Меня оскорбляетъ въ немъ намекъ редакціи на то, что не было единства при моей редакціи. Если это и справедливо, принимая въ расчетъ тотъ иль, въ который по милости *настояній Бахметева* и Лаврова заполнился журналъ П. и компаніей, то нарушеніе единства произошло отъ того, что допустилъ Бахметева забрать волю въ журналѣ. Еще не могу не сказать, что статью Михайловскаго ³⁾ я печатать не хотѣлъ и не должно было печатать безъ примѣчанія. Она относительно степени вліянія Виклефа на Гуса несправедлива исторически, а во-вторыхъ оскорбить чеховъ, если они обратятъ на нее вниманіе и политически неудобное значеніе имѣть въ настоящее время.—Я говорилъ объ этомъ Бахметеву. Прочтите хоть недавно написанную и популярную теперь въ Прагѣ брошюру о Гусѣ. Увидите, какъ они понимаютъ важное для Гуса значеніе, смотря на исходный путь подвижничества этого пророка ихъ.

Я не могу забыть этого года, тиранства меня П. и компаніей, чуть не погубившей журналъ.

Искренно Васъ уважающій и искренно преданный
Сергѣй Юрьевъ.

¹⁾ Безъ даты; 1885 г.

²⁾ Въ мартовской кн. «Р. М.» за 1885 г. было помѣшено заявленіе С. Юрьева объ оставленіи имъ редакціи «Р. М.». Свой уходъ С. Юрьевъ объяснилъ разстроеннымъ здоровьемъ. Въ той же книжкѣ «Р. М.» было напечатано заявленіе новой ред. журнала; въ заявленіи между прочимъ, говорилось... «мы употребимъ всѣ усилія для того, чтобы внести въ журналъ дальнѣйшія улучшенія и придать его направленію единство, которое составляетъ необходимую принадлежность серьезнаго повременнаго изданія».

³⁾ Дж. Виклефъ и Янъ Гусъ въ Р. М. 85 г. III.

Теперь уже нельзя исправить обвиненія меня въ несохраненіи единства журнала, которое особенно теперь едва ли достигнется, гдѣ участвуете Вы съ Ремезовымъ, и сверхъ того несогласенъ съ вами въ отношеніи государства въ вопросахъ экономическихъ Полонскій. ¹⁾

Многоуважаемый

Викторъ Александровичъ ²⁾.

Очень буду радъ поговорить съ Вами и очень обяжете, если доставите возможность видѣться съ Вами. Пожалуйста исполните, если Вамъ будетъ возможно, Ваше намѣреніе заѣхать ко мнѣ въ 11 часовъ утра въ Среду. Буду Васъ ожидать до 1 полудня. Я Васъ всегда искренно уважалъ и цѣнилъ высоко и любилъ, а теперь каждый день почти узнаю, какъ опутывалъ меня лжами, клеветами Бахметевъ, какъ подкапывался подъ меня, подъ отношенія ко мнѣ людей, прикосновенныхъ къ журналу, какія мѣры принималъ разрывать мои давнишнія связи съ людьми, давно ко мнѣ дружественно близкими, съ которыми я его познакомилъ неосторожно и довѣрчиво. Къ счастью меня лучше знаютъ, чѣмъ онъ воображалъ. Богъ съ нимъ съ журналомъ. Что съ воза упало, то пропало. Не объ журналѣ рѣчь; но горько то, что онъ задумалъ обобрать меня въ томъ, что накопилъ я въ жизни моей, интригами и лжами поколебать и разрушить мои связи съ людьми, которыхъ я уважаю и ихъ мнѣнія обо мнѣ съ цѣлью отнять у меня журналъ такъ, чтобы я не могъ пикнуть ³⁾.

Очень, очень обяжете меня посѣтивъ меня.

Искренно Васъ уважающій и преданный

Сергій Юрьевъ.

¹⁾ Л. А. Полонскій; съ октября 1884 г. вѣлъ въ журналѣ «внутр. обозрѣніе».

²⁾ Безъ даты; 1885 г.

³⁾ Вынужденное оставленіе журнала и связанныя съ этимъ нервныя потрясенія въ конецъ подорвали здоровье С. А. Юрьева. Вотъ какъ характеризуетъ С. А. Юрьева его старый другъ А. Веселовскій: «Въ моихъ воспоминаніяхъ всегда останутся рядомъ два, едва схожіе между собой, образа; на одномъ лежитъ печать энергіи и жизнерадостнаго возбужденія, на другомъ—роковые слѣды разочарованій и болѣзненнаго потрясенія, предвѣщающаго смерть. Первый—это Юрьевъ послѣ пушкинскихъ празднествъ, въ медовый мѣсяцъ журнала. Второй—онъ же послѣ выхода изъ «Русс. Мысли» (Сбор. въ память С. А. Юрьева стр. 151). Въ исторіи Русс. Лит. XIX в., вып. 28 въ статьѣ, г. Чехихина говорится, что Юрьевъ «умеръ въ 1884 г. и журналъ всецѣло перешелъ тогда въ руки сотрудника Юрьева, В. А. Гольцева» это не совсѣмъ точно: Юрьевъ умеръ въ 1889; а въ 1884 г. онъ вынужденъ былъ оставить редактированіе «Р. М.».

Многоуважаемый

Викторъ Александровичъ ¹⁾.

По пути отъ Васъ я думалъ объ условіяхъ, на которыхъ Вы работаете въ Р. Мысли и рѣшилъ написать Вамъ: Вы очень мало взяли отъ Вы теперь имъ крайне нужны; потому что вы теперь замѣняете редактора, безъ Васъ они на мели. Вы вѣдь дадите направленіе, Вы оцѣниваете статьи, а главное Ваше имя въ *настоящую минуту* критическую удержитъ сотрудниковъ и поддержитъ журналъ и сохраните, такъ сказать у вора... ворованный кусокъ во рту. Требуйте той же суммы, какую получалъ я, т.-е. 300 рублей въ мѣсяцъ. Вы еще болѣе можете требовать. Вашими трудами будетъ круглый невѣжда величаться, приписывая ихъ себѣ среди того общества, которое важно для него и которое не знаетъ, кто собственно ведетъ журналъ. Если справедливо, т.-е., если дѣйствительно пользуются Вашими трудами, то Васъ выбросятъ послѣ, то потребуйте отъ нихъ формально заключенныхъ условій съ Вами на срокъ. Теперь имя Ваше для нихъ дорого очень, и на все согласятся. Вы имѣете дѣло съ скрытыми, т.-е. умѣющими маскироваться, которые умѣли отнять обманомъ мою кровную собственность. Теперь Вы очень нужны. Я сейчасъ узналъ, какъ они дорожатъ Вами и ищутъ уже другого. При свиданіи скажу кого. Повторяю теперь на все согласятся. Вы для нихъ пока орудіе приманки.

Спѣшу Васъ увѣдомить, что Евреиновой журналъ разрѣшенъ ²⁾.

Вы сказали, что Л. добрый; но прибавлю.... и не понимающій чести и потому такой же, какъ Бахметевъ. Что же иное означаетъ его укрывательство отъ меня, его заочные обманы меня, секретныя составленія актовъ. Развѣ способенъ на все это хоть сколько-нибудь человѣкъ! Я еще желаю сосчитаться съ этой жульнической компаніей... Очень обяжете, когда сообщите о пріѣздѣ—этого мѣшка-плута, хоть и добраго, пожалуй.

Повторяю, они очень дорожатъ Вами теперь. Имѣю въ этомъ подтвержденіе.

Всей душой Вашъ
Сергій Юрьевъ.

¹⁾ Безъ даты; 1885 г.

²⁾ «Сѣв. Вѣстникъ». Началъ выходить съ осени 1885 г.

Многоуважаемый

Викторъ Александровичъ ¹⁾.

Я забылъ сказать Вамъ, почему мнѣ было больно, что Вы вашимъ честнымъ именемъ освѣтили Онъ именно, при моемъ хорошемъ знакомомъ хвасталъ и говорилъ приблизительно такъ: Я теперь всероссійская сила. 7000 съ половиной подписчиковъ и всѣ либеральныя силы въ моихъ рукахъ, мнѣ передалъ подписчиковъ Салтыковъ ²⁾ и въ большой со мною дружбѣ Толстой и т. п. И... во главѣ лучшихъ силъ...

Немыслимо оставить дѣло въ такомъ положеніи!

Всей душой Вашъ.

Сергій Юрьевъ

Многоуважаемый

Викторъ Александровичъ ³⁾.

Благодарю Васъ за извѣщеніе о пріѣздѣ Лаврова. Я уже видѣлся, какъ вамъ извѣстно, съ нимъ въ театрѣ. Я рѣшилъ не вести съ нимъ никакихъ переговоровъ и забыть совершенно объ этомъ дѣлѣ. Пусть очарованъ Бахметевымъ, Лавровъ, который продолжалъ со мною въ согласіи съ нимъ шутики, на какія никто бы не рѣшился. Я хочу забыть объ нихъ обоихъ и не тревожить моего нравственнаго покоя и не тратить время на людей нравственной трущобы. Мнѣ казалось изъ вашего письма, что вы извѣщаете меня о пріѣздѣ Лаврова, хотъ было вамъ извѣстно, что я съ нимъ видѣлся, и только потому извѣщаете, что ходятъ сплетни объ отношеніяхъ вашихъ ко мнѣ: слѣдовательно надо, мнѣ кажется, добавить, что извѣщаете о пріѣздѣ Лаврова, потому, чтобъ я не обвинилъ васъ въ нежеланіи извѣститъ меня. Если я такъ долженъ понять ваше письмо, то, прошу Васъ, дорогой Викторъ Александровичъ, быть увѣреннымъ, что я искренно

¹⁾ Безъ даты; 1885 г.

²⁾ Школьный товарищъ и другъ Юрьева М. Е. Салтыковъ, какъ видно изъ письма Салтыкова къ В. А. Гольцеву, (см. Архивъ В. А. Гольцева) подписчиковъ «От. Зап.» передалъ не Лаврову, а Юрьеву. Салтыковъ не оправдывалъ поступка издателей «Р. М.» по отношенію къ Юрьеву, что подтверждается слѣдующимъ отрывкомъ изъ письма къ С. А. Юрьеву отъ 20/III 1885 г. «Всѣ описываемыя тобою обстоятельства вполне понимаю и жалѣю только объ одномъ, что они нашли себѣ разрѣшеніе не въ контрактныхъ условіяхъ, а въ славянскомъ «по душѣ».... Ты не былъ бы вынужденъ писать письмо, которое теперь красуется въ началѣ мартовскаго №. Согласись теперь, что и въ буржуазныхъ порядкахъ бываетъ недурное, напримѣръ, хотъ контрактъ: тѣмъ хорошѣе, что не затрагиваетъ чести челоуѣка. Впрочемъ, разъ это дѣло прошлое, я душевно радуюсь, что ты развязался» (Сбор. «Въ память С. А. Юрьева». М. 1891 г. стр. 291).

³⁾ Безъ даты; 1885 г.

Васъ уважаю и не подалъ повода ни къ какимъ сплетнямъ ни единымъ словомъ. Я никому изъ тѣхъ, съ кѣмъ говорилъ объ нашемъ дѣлѣ, не сказалъ ничего, чего бы не говорилъ вамъ лично, да и ничего не имѣю противъ Васъ. Повѣрьте, глубокоуважаемый Викторъ Александровичъ, что я искренно такъ уважалъ Васъ, какъ я уважаю и буду уважать.

Душевно Вамъ преданный
Сергѣй Юрьевъ.

Да немногіе, съ которыми я говорилъ о томъ, что Вы замѣняете теперь меня, узнали объ этомъ не отъ меня, а знали прежде меня. Бахметевъ, значить, это тайлъ отъ меня, а съ Вами, до послѣдняго времени разрыва съ журналомъ, не случилось мнѣ видѣться. Я не только не противъ того, что Вы меня замѣняете, но желалъ бы, чтобы взяли и разрушили плутню. Такъ и другимъ говорю, когда заведутъ рѣчь.

Глубокоуважаемый и дорогой
Викторъ Александровичъ.

Первымъ моимъ желаніемъ, проснувшись сегодня утромъ, ѣхать тотчасъ къ Вамъ и выразить мою искреннюю, глубочайшую, сердечную благодарность за живое, *дружеское участіе* ⁴⁾, которое вы приняли въ доставленіи мнѣ неожиданнаго мною счастья и неожиданной радости, испытанныхъ вчера. Испытанное мною какъ и радостное возбужденіе было такъ сильно, что я, утомленный, не могъ сомкнуть глазъ до бѣлаго, свѣтлаго утра нынѣшняго дня и не въ силахъ исполнить сегодня мое желаніе благодарить Васъ, какъ мнѣ желается. Примите это письмо въ свидѣтельство этого желанія. Я буду счастливъ, если получу возможность доказать Вамъ мое глубокое къ Вамъ уваженіе и что Вы дали мнѣ право Вашимъ заявленіемъ при нашемъ вчера прощаніи считать себя нравственно солидарнымъ съ Вами.

Глубоко Васъ уважающій и душевно Вамъ преданный
Сергѣй Юрьевъ.

Сообщить Н. Касстовъ.

⁴⁾ Юбил. обѣдъ въ честь Юрьева.

Мелочи прошлого.

I. Сатиры нач. XIX в. на реформы Сперанского.

Въ своей второй оправдательной записи, найденной Н. К. Шильдеромъ, (*Рус. Арх.* 1892 г. I, 65), Сперанскій, между прочимъ, писалъ: «его (т.-е. Сперанскаго) переиначивали, осмѣивали, писали на него эпиграммы, сатиры и карикатуры и, наконецъ, онъ удостоился во всѣхъ отношеніяхъ самой плачевной извѣстности». Ниже приводятся двѣ ходившія въ свое время по рукамъ сатиры на реформы Сперанскаго. Они были уже напечатаны въ «Кіевской Старинѣ» (1889 г. № 4). Мы печатаемъ ихъ по копіямъ, находящимся въ собраніи А. А. Титова и Н. В. Давыдова, исправляющимъ множество неисправностей въ текстѣ, помѣщенномъ въ «Кіевской Старинѣ». С. М.

I. Эпиграмма

Велики чудеса Сперанскій намъ явилъ,
Науками онъ вдругъ дворянъ всѣхъ задавилъ.
Сперанскій выдумалъ учить и стариковъ
И хочетъ дѣлать онъ изъ мухи пауковъ.
Великъ онъ сталъ теперь, хотя и сынъ поповскій;
Но къ сожалѣнію, въ немъ разумъ не отцовскій:
Громаду свѣта онъ возмнилъ перемѣнить,
Чтобъ въ хаосѣ такомъ на вѣкъ себя затмить.

II. Мысли унылаго дворянина.

Отъ Юрика по днесь дворянъ не утѣсняли;
Зато Россію всѣ владычицей считали.
Коль грамотѣ кто зналъ, доволенъ былъ и тѣмъ,
Но правда и законъ—удѣлъ былъ общій всѣмъ.
Геройство, подвигъ, трудъ—трофеи создали
И въ общемъ счастье всѣ свое тогда считали.
Летать по небесамъ и въ глубь морей ходить,
Законы римлянъ чтить, дѣла умомъ дѣлать,
Гдѣ Вѣна, гдѣ Парижъ—хотя того не знали,
Но быть отечества опорой всѣ желали;
Великіе во дняхъ владычествуя ими

Правами, первенствомъ дѣлилися своими.
 А сынъ поповскій днесъ, какъ мыльный шаръ летая
 У счастья подъ рукой, цѣны трудамъ не зная,
 Науки вводитъ онъ, невѣжей бывши самъ.
 Гдѣ гибель общая,—онъ счастья ищетъ тамъ,
 Искусственнымъ мечемъ Россію поражая;
 Худой политикъ бывъ и дѣлъ совсѣмъ не зная,
 Невѣденыя завѣсь у всѣхъ онъ хочетъ снять;
 Но какъ же можетъ онъ умы тогда унять,
 Чтобъ, выучась всему, дворянскихъ дѣлъ не зная
 И мыслей тайныхъ всѣ тогда бѣ не угадали.
 И съ тѣмъ упала бѣ съ васъ личина предъ людьми,
 Чтожъ стали бѣ вы тогда? Какъ куклы предъ дѣтьми...
 Безумецъ! Разсмотри, что хочешь ты затѣять,
 Остатню вырвавъ вѣтвь,—вражду межъ всѣхъ посѣять!
 Какая польза въ томъ, когда бѣ въ Россіи всякъ
 Въ профессорство пошелъ. Тогда бѣ сказали такъ:
 Пустое намъ съ дѣлами день и ночь возиться,
 Пойдемъ мы для чиновъ наукамъ всѣмъ учиться,
 И въ судъ ужъ не судья, а школьникъ бы пришелъ
 Затѣмъ, чтобъ побывать—и тотчасъ бы ушелъ,
 Науки съ деньгами, гдѣ вѣсить для нихъ будутъ—
 Профессора ужъ тамъ себя не позабудутъ.
 И такъ ученыхъ тѣма явилася бы намъ
 И цѣну бы себѣ всякъ видѣлъ тогда самъ,
 Пошелъ ли бы тогда на смерть умнякъ спокойно?
 Онъ тотчасъ бы сказалъ: «воломъ быть непристойно».
 Права въ природѣ всѣ равно принадлежатъ
 Всѣмъ смертнымъ на землѣ; мнѣ всякой въ мірѣ братъ,
 Безъ личныхъ своихъ пользъ лить друга кровь не въ
 силахъ
 Для глупыхъ лишь однихъ пусть счастье въ могилахъ.
 Иной, судьбою ставъ, издастъ намъ приговоръ
 Изъ многихъ силогизмъ, ученыхъ метафѳръ.
 Причины, слѣдствія покажетъ плодовито,
 Ораторскимъ перомъ и пышностью набито.
 Но что за польза въ томъ?! То только для наукъ,
 И правдѣ не даетъ къ защитѣ сильныхъ рукъ.
 Велитъ учиться всѣмъ, чтобъ знали по-французски—
 На что подъячему, когда онъ и по-русски
 Безъ нужды править всѣмъ, законъ царевъ блюдетъ,
 И весь порядокъ дѣлъ по навыку ведетъ,
 Котораго, какъ онъ, не будетъ знать ученой

Безъ опыта весь вѣкъ... по съ той только отгѣной:
 Кто тридцать лѣтъ трудясь, ставъ всѣмъ необходимъ,
 Тотъ долженъ бросить все и быть руководимъ
 Безуміемъ твоимъ за то, что онъ французской
 Не выучилъ языкъ. А съ грамотою русской
 Былъ сынъ полезной кто закону и царю,
 Остался безъ чиновъ!... Я мщеніемъ горю!
 О Богъ! дай разумъ мнѣ! съ вопросомъ ужъ дерзаю —
 Въ хаосѣ смутномъ семъ въ себѣ себя не знаю —
 Ужель въ всевѣдшихъ, намъ чуждыхъ, языкахъ
 Не можетъ никогда быть сущихъ дураковъ.
 Но что я вопрошаю? Я вижу то глазами;
 Сей вѣкъ для таковыхъ... инъ хлопъ теперь зубами.

II. Политическій гороскопъ 1854 года ¹⁾

(Неисполнившіяся предсказанія современника).

Въ первой половинѣ наступившаго 1854 года, въ Лондонѣ слѣдуетъ ожидать полученіе слѣдующихъ телеграфическихъ депешъ изъ Турціи: въ февралѣ: Русскіе одержали большую побѣду надъ турками въ Азіи. Турецкая армія уничтожена. Англіійскій посолъ Лордъ Радклифъ имѣлъ продолжительную аудіенцію у султана; можно вполне надѣяться на заключеніе мира. — Въ мартѣ: Русскіе перешли чрезъ Дунай и разбили турокъ, которыхъ погибло до 10.000 человекъ. Русскій кабинетъ требуетъ измѣненій съ предложеніемъ посредничающихъ державъ. — 1 апрѣля: Русская армія въ полномъ походѣ на Константинополь; англійскій посолъ получилъ изъ Лондона новыя инструкции, дающія ему возможность дѣйствовать настоятельно въ переговорахъ. — 10 апрѣля: Русскій флотъ вошелъ въ Босфоръ и бросаетъ якорь предъ Стамбуломъ; два легкихъ судна (одно англійское, другое французское) отправлены къ русскому адмиралу для освѣдомленія о его намѣреніяхъ; онъ далъ удовлетворительныя объясненія. — 1 мая: Русскій флотъ атаковалъ и истребилъ Турецкій; медики союзнаго флота неутомимо занимаются перевозкою раненыхъ турецкихъ матросовъ. — 10 мая: Русскій авангардъ подступилъ къ стѣнамъ Константинополя; Лордъ Радклифъ имѣлъ вновь аудіенцію у Султана, нынѣ искренно желающаго мира: мирное разрѣшеніе вопроса считаютъ несомнѣннымъ. — 20 мая: Стамбулъ осажденъ съ сухого пути, а съ моря русскій флотъ готовится къ бомбардированію этой столицы. Англіійскій посолъ

¹⁾ Этотъ гороскопъ найденъ въ бумагахъ II. В. Машиновскаго.

полчаса наблюдалъ эти приготовленія въ зрительную трубу, и потомъ отправилъ курьеръ въ Лондонъ съ требованіемъ новыхъ инструкцій.—30 мая: Стамбулъ палъ: Русскіе овладѣли горѣдомъ послѣ страшнаго кровопролитія; адмиралы союзныхъ флотовъ, по настоянію англійскаго посла, адресовали энергическія письма къ русскому главнокомандующему; нетерпѣливо ожидаютъ послѣдствій, но миръ близокъ. 5 іюля: Существованіе турецкой имперіи въ Константинополѣ прекратилось; введено русское управленіе, съ окончаніемъ войны миръ возстановленъ самъ собою. Между Лордомъ Радклифомъ и русскими военачальниками происходитъ размѣнъ вѣжливостей, и на союзномъ флотѣ данъ былъ большой обѣдъ князю Меншикову.—6 іюня: По полученіи депешъ изъ Лондона, и по приказанію Лорда Радклифа, союзный флотъ снялся съ якоря и возвращается во-свояси.

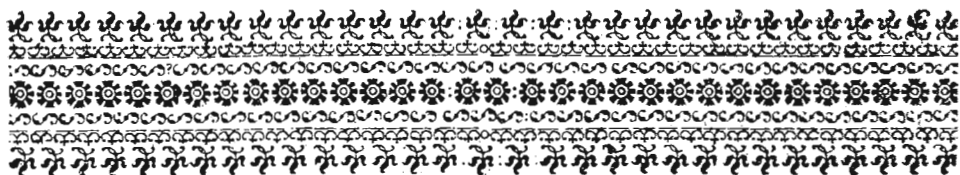
III. По поводу «Всероссійскаго Эха».

Въ «Голосѣ Минувшаго» № 5—6 за 1916 г. (стр. 376) помѣщены были сатирическіе стихотворенія «Всероссійское эхо послѣ объѣзда министровъ». По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, это только вторая половина стихотворенія. Помѣщаемъ теперь и первую.

Весь сентябрь министры
Рыщутъ очень быстро,
Съ края и до края
Все обозрѣвая.
Вышелъ для вельможей
Промыселъ отхожій:
Въ даровыхъ вагонахъ,
При большихъ прогонахъ.
Царскія имъ встрѣчи,
Съ хлѣбомъ-солью рѣчи,
Флаги—иллюминаціи,
Чуть не коронаціи.
А народу, поглядишь,
Отъ объѣзда выйдетъ шишъ.
Но чтобъ зря намъ не гадать,
А навѣрное узнать,
Ждать иль нѣтъ успѣха,
Спросимъ лучше эха.

Дальше, какъ было уже напечатано.

Ив. Р.

Дневникъ Вульфа. Дуэль Пушкина.

(Изъ новыхъ книгъ о Пушкинѣ).

Пушкинская комиссія Академіи Наукъ за послѣдній годъ (съ ноября 1915 г.) выпустила 3 книги (7 выпусковъ) своего изданія «Пушкинъ и его современники». Двойной (XXI—XXII) выпускъ весь посвященъ находкамъ М. Л. Гофмана въ архивѣ имѣнія Голубово бароновъ Вревскихъ. Центральное мѣсто среди этихъ находокъ занимаетъ дневникъ Алексѣя Николаевича Вульфа, сосѣда Пушкина по Михайловскому, одного изъ представителей той семьи Вульфовъ-Осиповыхъ, съ которыми былъ такъ друженъ поэтъ не только во время своего пребыванія въ Псковской губерніи въ 1824—26 гг.

Въ 1899 году Л. Н. Майковъ опубликовалъ выдержки изъ дневниковъ А. Н. Вульфа за 1832—42 гг., въ введеніи къ нимъ давъ крайне одностороннюю, какъ теперь оказывается, характеристику ихъ автора ¹⁾. Въ одной изъ записей дневника (отъ 8 декабря 1836 г., когда Вульфу шелъ 31-й годъ), онъ даетъ свой портретъ, гдѣ между прочимъ пишетъ: «...я сталъ еще реальнѣе прежняго и во-время почти оставилъ идеализмъ, съ котораго прежде все начиналъ. Это господствующее направленіе замѣтно и въ нравственномъ состояніи моемъ. Страсти мои вещественны: я не увлекаюсь надеждами славы, ни даже честолюбія. Я почти ограничиваюсь минутнымъ успѣхомъ. Женщины—все еще главный и почти единственный двигатель души моей, а можетъ быть и чувственности ²⁾».

На этотъ «главный и почти единственный двигатель души» Вульфа Майковъ не обратилъ вниманія и утверждалъ, что только съ перваго взгляда, на основаніи писемъ Пушкина къ Вульфу, можетъ показаться, что короткость отношеній между ними обусловилась преимущественно жаждой матеріальныхъ наслажденій и основывалась на кутежахъ, на ухаживаніи за женщинами и т. п. На самомъ дѣлѣ, по мнѣнію Майкова, все это довольно было невинно: «Вульфъ по своей крайней молодости, имѣлъ слабость, какъ говоритъ преданіе, влюблять въ себя молоденькихъ барышень и мучить ихъ» ³⁾. Теперь, послѣ опубликованія М. Л. Гофманомъ дневниковъ Вульфа не въ выдержкахъ, а полностью за 1828—1832 гг., мы убѣждаемся, какъ ошибался почтенный

¹⁾ Первоначально было напечатано въ «Рус. Ст.» 1899 г. потомъ вошло въ сборникъ статей Майкова «Пушкинъ». Спб. 1899.

²⁾ Указ. сб. стр. 211.

³⁾ Майковъ ссылается на брошюру В. Колосова «А. С. Пушкинъ въ Тверской губ. въ 1827 году». Тверь. 1888.

академикъ, повѣря этому преданію. Даже изъ напечатанныхъ самимъ Л. Н. Майковымъ выдержекъ видно, что подлинный Вульфъ былъ не совсѣмъ такимъ, какимъ его изображаетъ біографъ, а вѣдь Майковъ былъ очень щепетилень въ выборѣ извлеченій, что видно, напримѣръ, изъ того, что, характеризуя содержаніе дневника за варшавскій періодъ жизни Вульфа, изслѣдователь замѣчаетъ: «...интересъ ихъ (т.-е. записей) не великъ: Вульфъ принужденъ былъ ограничиваться отмѣтками о своихъ служебныхъ занятіяхъ и о свиданіяхъ со своими сослуживцами; польское общество оставалось совершенно чуждымъ ему, изъ польскихъ знакомыхъ онъ упоминаетъ только о нѣсколькихъ особахъ женскаго пола слишкомъ доступныхъ». Опустивъ такого рода записи и этимъ исказивъ подлинный обликъ Вульфа, Майковъ придавъ особенное значеніе замѣткамъ его о книгахъ, которыя онъ читалъ. Ученый историкъ литературы не подумалъ о томъ, что, кромѣ интересовъ его науки, можетъ быть интересъ и къ быту и нравамъ той среды, представителемъ которой является Вульфъ. Что онъ не былъ чуждъ литературныхъ интересовъ, что и у него былъ «идеалистическій» періодъ жизни, видно изъ его дневниковъ, напечатанныхъ М. Л. Гофманомъ, но не въ этомъ, конечно, главный интересъ этихъ писаній. Вопреки мнѣнію М. Л. Гофмана, на первое мѣсто выдвигающаго историко-литературное значеніе дневника Вульфа (см. III—VII стр.), мы считаемъ его прежде всего цѣннѣйшимъ матеріаломъ для характеристики любовныхъ нравовъ средняго дворянства 20-хъ и 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія¹⁾.

Наши представленія объ этомъ «добромъ, старомъ времени», о патриархальномъ бытѣ обитателей дворянскихъ гнѣздъ, въ частности объ «уѣздныхъ барышняхъ съ печальной думою въ очахъ, съ французской книжкою въ рукахъ», требуютъ весьма существенныхъ поправокъ. Какъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ дневникъ Вульфа, сентиментально-наивная чувствительность соединялась у нихъ съ чувственностью и «платоническая» любовь носила весьма своеобразный характеръ.

Первое чтеніе многихъ страницъ дневника Вульфа производитъ, признаемся, прямо ошеломляющее впечатлѣніе, и только потомъ, такъ сказать, оправившись отъ него, припомнивъ кое-что въ этомъ же родѣ изъ ранѣе опубликованнаго, перестаешь удивляться признаніямъ этого сладострастника. Натура холодная и эгоистическая, Вульфъ совершенно лишенъ чувства рыцарства, этого главнѣйшаго признака донъ-жуанства. Женщина для Вульфа только средство для чувственныхъ наслажденій; иначе онъ не можетъ смотрѣть на нее. Многочисленные его «романы» чрезвычайно однообразны по своей сущности. Получить максимумъ «наслажденій», не переступая извѣстныхъ границъ, при минимумѣ душевныхъ переживаній—вотъ программа его, какъ онъ выражается, «занятій женщинами». Влюбляя въ себя и развращая молоденькихъ барышень, этотъ ловеласъ самъ никогда не «забывался», оставаясь разсудительнымъ и осторож-

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія освѣщенъ дневникъ Вульфа въ фельетонахъ П. Е. Щеголева въ газ. «День» 1915, №№ отъ 5, 11 и 20 ноября.

нымъ въ самыхъ критическихъ положеніяхъ. «Родить къ себѣ страсть въ женщинѣ это скучно», пишетъ Вульфъ. «Я желаю только нравиться, занимать женщинъ, а не болѣе: страсти отнимаютъ только время; хорошо, ежели не имѣютъ дурныхъ послѣдствій». «Дурныя послѣдствія» страсти это, конечно, бракъ, котораго пуше огня боялся Вульфъ, до конца долгихъ дней своихъ (умеръ 75 лѣтъ въ 1881 г.), оставшись холостякомъ.

Прекрасную школу разврата Вульфъ прошелъ сначала въ дѣвичьей родного дома (см. стр. 172 сб. Майкова), а потомъ въ Горномъ корпусѣ, о которомъ онъ писалъ въ послѣдствіи (въ 1828 г.), что «нѣтъ разврата чувственности, избобрѣннаго сластолюбіемъ Катона и утонченнаго греками, подробно поименованнаго въ «Кормчей книгѣ», котораго не случалось бы тамъ, и нѣтъ казармы, гдѣ бы болѣе встрѣчалось грубости, невѣжества и буйства, какъ въ такомъ училищѣ русскаго дворянства».

Пробывъ въ корпусѣ не болѣе года, Вульфъ поступилъ въ 1822 г. въ Дерптскій университетъ, на физико-математическій факультетъ, гдѣ до конца 1826 г. изучалъ военныя науки. О Вульфѣ студентъ мы мало имѣемъ свѣдѣній (въ Дерптѣ дневника онъ не велъ), но то, что мы знаемъ, позволяетъ утверждать, что идеализмъ русскихъ буршей того времени уживался у нихъ съ самымъ грубымъ разгуломъ¹⁾.

Поэтъ этого кружка, слабохарактерный Языковъ, «пѣвецъ разгула и свободы», въ теченіе шести лѣтъ (1823—29 гг.) такъ и не смогъ кончить университета; не то было съ трезвымъ Вульфомъ: въ декабрѣ 1826 г. онъ «блистательно» сдалъ выпускныя экзамены (см. письмо Языкова въ назв. кн. стр. 286) и поѣхалъ къ роднымъ, сначала, кажется, въ имѣніе Малинники Тверской губерніи, а потомъ въ Тригорское Псковской. Здѣсь онъ очень скоро использовалъ родственную близость къ многочисленнымъ барышнямъ, его двоюроднымъ и своднымъ сестрамъ, «занявшимся полдесяткомъ красавицъ». Особенно успѣшно пошли у него дѣла въ Малинникахъ со сводной его сестрой, дѣвицей за 20 лѣтъ, Сашенькой Осиповой, той самой, которой Пушкинъ въ 1824 г. посвятилъ прелестное «Признаніе». («Я васъ люблю, хоть я бѣшусь»). Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Малинниковъ, въ Берновѣ, жила двоюродная сестра Вульфа Екатерина Ивановна Вульфъ, въ то время уже замужняя (за Гладковымъ). И съ ней молодой чело-вѣкъ занимался любовной игрой, о которой съ нескрываемымъ удовольствіемъ вспоминалъ въ послѣдствіи (см. 87—89 стр.).

Насладившись любовными утѣхами въ деревнѣ, пріѣхалъ Вульфъ 17 декабря 1827 г. въ Петербургъ, гдѣ сейчасть же по пріѣздѣ начинаетъ обольщать и развращать одну свою кузину Елизавету Петровну Полторацкую и вступаетъ въ связь съ другой, ея сестрой, извѣстной Анной Петровной Кернъ. Но это ему кажется все-таки недостаточнымъ и одновременно съ сестрами онъ начинаетъ «занятія» съ Софьей Михайловной баронессой Дельвигомъ, женой пріятеля Пушкина. Къ великому его сожалѣнію, «занятія» эти были прерваны отъѣздомъ Дельвиговъ въ февралѣ 1828 г. изъ Петербурга. Уѣхала 25 сентября

¹⁾ См. воспоминанія А. Н. Татаринова о Н. М. Языковѣ въ книгѣ «Языковскій архивъ. Письма Н. М.-Языкова къ роднымъ за дерптскій періодъ его жизни». Спб. 1913.

въ Малинники и Лиза Полторацкая, но на смѣну ей 7 октября возвратилась въ Петербургъ Дельвигъ, и занятія съ ней пошли еще успѣшнѣе прежняго. Кромѣ этого, Вульфъ ведетъ интрижку съ М. П. Лихардовой, женой генераль-майора, волочится за дочерью своего хозяина, «любезничаетъ» съ кузиной Анной Ивановной Бѣгичевой, а также производитъ при первомъ удобномъ случаѣ (впрочемъ, у него всѣ случаи удобны) «опытъ» съ «одной роскошною, хорошо сотворенною и молодою вдовою» (стр. 34). 15 декабря 1828 г. Вульфъ выѣзжаетъ въ Тверскую губернію. Сладкое чувство ожиданія предстоящихъ ему удовольствій омрачалось только мыслями о встрѣчѣ съ Лизой, поистинѣ «бѣдной Лизой», страдавшей отъ нераздѣленной любви и ревности. Лиза эта, пріѣхавъ въ Малинники, очень подружилась съ двоюродной своей сестрой Сашенькой Осиповой и, «зная, что я», пишетъ Вульфъ, «прежде волочился за Сашенькой, рассказала тотчасъ свою любовь ко мнѣ и съ такими подробностями, которыя никто бы не долженъ былъ знать, кромѣ насъ двоихъ. Я воображаю, каково Сашенькѣ было слушать повтореніе того же, что она со мною сама испытала». (Стр. 44). Невеселыя мысли о предстоящей встрѣчѣ съ Лизой не помѣшали Вульфъ по дорогѣ въ Малинники завернуть въ Берново къ третьей кузинѣ, за годъ разставшейся съ нимъ въ слезахъ. Изъ свиданія съ ней онъ заключилъ, что она «еще не совершенно равнодушна» къ нему, «но, замѣчаетъ Вульфъ, несносная ея беременность препятствовала мнѣ; когда женщина не знаетъ, куды дѣвать свое брюхо, то плохо за ней волочиться».

На праздники Вульфъ пріѣхалъ въ Старицу, къ родственникамъ Вельяшевымъ, куда съѣхалось до десяти молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ обратили на себя его вниманіе двѣ: пятнадцатилѣтняя его кузина Катенька Вельяшева и Машенька Борисова. «Первые два дня, рассказываетъ Вульфъ, я провелъ очень пріятно, то въ разговорахъ съ сестрою [родною, Анной Николаевной Вульфъ], то слегка волочившись за двумя красавицами, ибо ни одна изъ нихъ не сдѣлала сильнаго впечатлѣнія на меня, можетъ быть оттого, что недавно еще пресыщенный этой приторной пищей, желудокъ болѣе не варилъ» (стр. 46). Тѣмъ не менѣе онъ не упускаетъ случая поволочиться за дѣвицей Нат. Оед. Казнаковой, но дѣлаетъ это «слегка, зѣвая», чѣмъ и объясняетъ то, что «ничѣмъ не кончалъ». Наконецъ, «для сохраненія благорасположенія» Машеньки Вульфъ (еще двоюродная сестра) ѣздилъ къ дядѣ.

«Въ Крещенье (1829 г.) пріѣхалъ къ намъ въ Старицу Пушкинъ», записалъ въ дневникъ Вульфъ, познакомившійся съ поэтомъ еще осенью 1824 г., когда Пушкинъ пріѣхалъ изъ Одессы въ Псковскую губернію, гдѣ Вульфъ, тогда дерптскій студентъ, гостилъ въ имѣніи матери, извѣстномъ Тригорскомъ.

«Волна и камень, стихи и проза, ледъ и пламень не столь различны межъ собой», какъ были различны Вульфъ и Пушкинъ. Тѣмъ не менѣе они сошлись довольно близко. О томъ, что ихъ сближало, прекрасно говорятъ сохранившіяся письма поэта къ Вульфъ, комментариемъ къ которымъ служатъ записи о Пушкинѣ

въ дневникѣ его пріятеля. Зазывая Вульфа на Рождество въ 1824 г. въ Тригорское, поэтъ такъ рисуеъ предстоящее имъ времяпровожденіе:

«Запируемъ ужъ, молчи!
Чудо—жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуютъ стаканы,
Мы же—то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены».

Кромѣ этого посланія, есть еще у Пушкина отзывъ его о Вульфѣ; отзывъ, не столько, по нашему мнѣнію, характеризующій послѣдняго, сколько самого поэта, съ присущимъ ему благоволеніемъ къ людямъ, оцѣнившего въ своемъ пріятелѣ и то положительное, что въ немъ было. «Онъ много зналъ, записалъ Пушкинъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ матъ конемъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: «Холера morbus подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ».

Какъ видимъ, Пушкинъ нашелъ, что сказать хорошаго о своемъ пріятелѣ, онъ умѣлъ быть благодарнымъ и за то малое, что онъ получилъ отъ него. Какія же воспоминанія о Пушкинѣ оставилъ Вульфъ? Что ему дало знакомство съ великимъ поэтомъ? На основаніи всего опубликованнаго Л. Н. Майковымъ и М. Л. Гофманомъ мы теперь можемъ сказать вполне опредѣленно, что Вульфъ оказался недостойнымъ того счастья, какое ему выпало на долю, называться пріятелемъ великаго поэта. Только въ двухъ записяхъ (отъ 16 сент. 1827 г. и отъ 15 іюля 1833 г.) своего дневника говоритъ Вульфъ о Пушкинѣ-поэтѣ ¹⁾. Все же, что записалъ онъ о Пушкинѣ въ дневникахъ, опубликованныхъ Гофманомъ, за самыми малыми исключеніями, не выходитъ за предѣлы главной темы писаній Вульфа—волокичества за женщинами. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно показателна запись подъ 14 октября 1828 г., гдѣ Вульфъ между прочимъ пишетъ: «....вечеръ провелъ съ Дельвигомъ и Пушкинымъ. Говорили объ томъ и другомъ, а въ особенноти объ Баратынскомъ и Грибоѣдовъ комедіи «Горе отъ ума», въ которой баронъ, несправедливо, не находитъ никакого достоинства». Этимъ и ограничивается рассказъ о вечерѣ, проведенномъ съ Пушкинымъ, зато сейчасъ же вслѣдъ за этими скудными строками идетъ подробный рассказъ о томъ, что было, когда Пушкинъ и Дельвигъ ушли ужинать, а Вульфъ остался съ А. П. Кернъ и баронессою Дельвигъ. «Она (Дельвигъ) лежала на кровати, я легъ къ ея ногамъ и ласкалъ ихъ»... и т. д. (стр. 15—

¹⁾ Майковъ. Пушкинъ, стр. 176—178 и 199—200.

16). Тутъ Вульфъ есть что вспомнить, есть что записать. Но если 14 октября Пушкинъ только «мѣшалъ» Вульфъ, и онъ, видимо, не могъ дожидаться, когда поэтъ уйдетъ, то 18 октября онъ «почти былъ радъ» видѣть Пушкина. Вотъ какъ это было. «Были мы (т.-е. Вульфъ и та же Дельвигъ) наединѣ, исключая несносной дѣвки, пришедшей качать ребенка. Я, какъ почти всегда въ такихъ случаяхъ не зналъ, что говорить, она, кажется не менѣе моего была въ замѣшательствѣ, и видимо, мы не знали оба съ чего начать,—вдругъ явился Пушкинъ. Я почти былъ радъ такому помѣшательству. Онъ пошутилъ, поправилъ нѣсколько стиховъ, которые онъ отдаетъ въ «Сѣверные цвѣты» и уѣхалъ. Мы начали говорить объ немъ; она увѣряла, что его только издали любить, а не вблизи; я удивлялся и защищалъ его; наконецъ она, принявъ одно общее мнѣніе его объ женщинахъ за упрекъ ей, заплакала, говоря, что это ей тѣмъ больнѣе, что она его заслуживаетъ». (Стр. 16—17).

Изъ этихъ записей видно, какого рода свѣдѣній о Пушкинѣ можно ожидать отъ такого наблюдателя.

М. Л. Гофману представляются весьма цѣнными сообщенія Вульфа о процессѣ созданія «Полтавы», но собственно о «процессѣ созданія» въ краткихъ записяхъ (стр. 13—14 и 15) Вульфа ничего нѣтъ, кромѣ хронологическихъ датъ, тоже ничего новаго не дающихъ. Повторяемъ, не этими сообщениями цѣненъ Вульфъ. Цѣнность его писаній, и цѣнность исключительная, заключается въ томъ, что онъ говоритъ о такихъ вещахъ, о которыхъ обыкновенно говорить не принято. Если мы хотимъ знать Пушкина подлиннаго, а не иконописнаго, если мы хотимъ имѣть его біографію, а не житіе, то не будемъ отбрасывать и показаній Вульфа. Въ его дневникѣ передъ нами Пушкинъ, авторъ «Гавриліады», «младыхъ богинь безумный обожатель, другъ демона, повѣса и предатель», составившій (въ концѣ 1829—въ началѣ 30 гг.) свой донъ-жуанскій списокъ, списокъ далеко неполный, и тѣмъ не менѣе заключающій въ себѣ 37 женскихъ именъ, тотъ Пушкинъ, который могъ женщинамъ (намъ неизвѣстнымъ) написать письмо (№ 61 акад. изд.), «игривому» тону котораго нельзя не удивляться ¹⁾.

Вотъ что записано у Вульфа о пребываніи Пушкина въ январѣ 1829 г. въ Старицѣ. «Онъ (Пушкинъ) принесъ въ наше общество немного разнообразія. Его свѣтскій блестящій умъ очень пріятенъ въ обществѣ, особенно женскомъ. Съ нимъ я заключилъ оборонительной и наступательной союзъ противъ красавицъ, отъ чего его и прозвали сестры Мефистофелемъ, а меня Фаустомъ. Но Гретхенъ (Катенька Вельяшева), несмотря ни на совѣты Мефистофеля, ни на волокитство Фауста, осталась холодною: всѣ старанія были напрасны. Мы имѣли одно только удовольствіе бѣсить Ив. Петр. (Вульфъ, двоюродный братъ А. Н.); образъ мыслей нашихъ отъ того онъ называлъ американскимъ..... Послѣ праздниковъ поѣхали всѣ по деревнямъ; я съ Пушкинымъ, взявъ по бутылкѣ шампанскаго, котораго морозили, держа на

¹⁾ Въ академическомъ изданіи оно почему-то напечатано не полностью. См. Русск. Стар. 1884, іюнь, стр. 567.

колѣняхъ, поѣхали къ Павлу Ивановичу (Вульфу, дядѣ разсказчика).—За обѣдомъ мы напоили люнелемъ, привезеннымъ Пушкинымъ изъ Москвы, Фрицинку (гамбургскую красавицу, которую дядя привезъ изъ похода и послѣ женился на ней), нѣмку изъ Риги, полугувернантку, полу-служанку, обрученную невѣсту его управителя, и молодую, довольно смѣшную дѣвочку, дочь прежняго Берновскаго попа, тоже жившую подъ покровительствомъ Фридерики». Вульфъ вообразилъ, что «очень легко можно будетъ утѣшиться за неудачи съ другими» съ этой молоденькой поповной, сироткой, почему, пріѣхавъ черезъ нѣсколько дней опять въ Павловское, сдѣлалъ посѣщеніе ей въ родѣ графа Нулина съ такимъ же послѣдствіемъ съ той только разницей, что не получилъ пощечины. Проведя въ такого рода развлеченіяхъ праздники, Вульфъ 16 января поѣхалъ съ Пушкинымъ въ Петербургъ. «На станціяхъ, пишетъ онъ въ дневникѣ, во время перепряганія лошадей, играли мы въ шахматы, а дорогою говорили про современныя отечественныя событія, про литературу, про женщинъ, любовь и пр. Пушкинъ говоритъ очень хорошо; пылкій, проницательный умъ обнимаетъ быстро предметы; но эти же самыя сочества причиною, что его сужденія объ вещахъ иногда поверхностны и односторонни. Нравы людей, съ которыми встрѣчается, узнаетъ онъ чрезвычайно быстро; женщинъ же онъ знаетъ, какъ никто. Оттого, не пользуясь никакими наружными преимуществами, всегда имѣющими большое вліяніе на прекрасный полъ, однимъ блестящимъ своимъ умомъ онъ пріобрѣтаетъ благосклонность онаго» (стр. 52).

Въ октябрѣ этого же года Пушкинъ снова навѣстилъ своихъ старицкихъ знакомыхъ, заѣхавъ къ нимъ по дорогѣ изъ Арзерума въ Петербургъ. О своемъ заѣздѣ писалъ онъ «Ловласу Николаевичу», какъ называлъ Вульфа, который изъ остроумнаго писема поэта только и сдѣлалъ тотъ выводъ, что Пушкинъ «не перемѣняется съ лѣтами, и возвратился изъ Арзерума точно такимъ, какимъ и туда поѣхалъ—весьма циническимъ волокитою» (стр. 115). Такъ строго судилъ поэта этотъ высокоиндивидуальный господинъ, собственныя писанія котораго исключительны по своему цинизму. Узнавъ о женитьбѣ Пушкина, Вульфъ пишетъ: «Желаю ему быть счастливу, но не знаю, возможно ли надѣяться этого съ его нравами и съ его образомъ мыслей. Если круговая порука есть въ порядкѣ вещей, то сколько ему бѣдному носить роговъ,—это тѣмъ вѣроятнѣе, что первымъ его дѣломъ будетъ развратить жену. Желаю, чтобы я во всемъ ошибся». Что Вульфъ ошибся, указалъ уже П. Е. Щеголевъ (см. П. и его совр., в. XXV—XXVII, стр. 045), и мы не будемъ на этомъ останавливаться. Наконецъ, есть еще записъ у Вульфа, гдѣ Пушкинъ не названъ, но, конечно, его нужно разумѣть подъ именемъ Мефистофеля. Вотъ эта записъ: «Молодую красавицу трактира вчера началъ я знакомить съ техническими терминами любви; потомъ, по методѣ Мефистофеля, надо ея воображеніе занять сладострастными картинами; женщины, вкусивъ однажды этого соблазна, тельнаго плода, впадаютъ во власть того, который имъ питать можетъ ихъ, и теряютъ ко всему другому вкусъ: имъ кажется все пошлымъ и вялымъ послѣ языка чувственности....» (стр. 141).

У насъ нѣтъ основаній утверждать, что приведенное мѣсто—клевета на Пушкина. Да, онъ зналъ и то, что говорить о немъ его «ученикъ», но Пушкинъ зналъ и многое другое, чего и не подозревалъ этотъ «сердцемъ хладный скопецъ». Тотъ же Пушкинъ объ этой «методѣ» писалъ (въ четвертой главѣ «Евгенія Онѣгина», строфа VII):

«Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Развратъ, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ временъ:
Ловласовъ обветшала слава
Со славой красныхъ каблучковъ
И величавыхъ париковъ».

Строфа эта, какъ извѣстно, есть повтореніе того, что писалъ въ 1822 году Пушкинъ брату: «Чѣмъ меньше любятъ женщину, тѣмъ вѣрнѣе овладѣваютъ ею; но это удовольствіе достойно старой обезьяны 18-го столѣтія». Итакъ, какъ видимъ «учитель» говорилъ не совсѣмъ то, что приписываетъ ему его «ученикъ».

Дневникъ Вульфа М. Л. Гофманъ снабдилъ обстоятельнѣйшими примѣчаніями, изъ которыхъ нѣкоторыя (объ Е. Н. Вульфѣ, А. И. Осиповой-Беклешевой, Е. В. Вельяшевой, о стих. «Смуглянка») представляютъ собою небольшія изслѣдованія. Не со всѣмъ, что доказываетъ М. Л. Гофманъ, можно согласиться. Такъ, необѣдлительной намъ кажется попытка г. Гофмана датировать стих. Пушкина «Примѣты» 1829-мъ годомъ и относить его къ Е. В. Вельяшевой; односторонне характеризуются отношенія Пушкина къ А. И. Осиповой-Беклешевой: нельзя видѣть «физическаго увлеченія» ею Пушкина въ стих. «Признаніе»,—это было позднѣе, въ 30-хъ годахъ.

Кромѣ дневника Вульфа, М. Л. Гофманомъ въ архивѣ бароновъ Вревскихъ, въ разнаго рода рукописяхъ (главнымъ образомъ въ письмахъ членовъ семьи Вульфовъ-Осиповыхъ-Вревскихъ) найдено не мало мелочей о Пушкинѣ, при всей ихъ микроскопичности, интересныхъ для всѣхъ интересующихся жизнью поэта.

Осенью прошлаго года вышла, наконецъ, въ свѣтъ долгожданная книга П. Е. Щеголева о послѣдней дуэли Пушкина. Есть связь между дневникомъ Вульфа и изслѣдованіемъ Щеголева, связь не внѣшняя, потому что Вульфъ не имѣлъ никакого отношенія къ роковой дуэли, а внутренняя: исключительные по своей откровенности рассказы Вульфа освѣщаютъ намъ такія подробности любовной стороны исторіи предсмертной дуэли Пушкина, которыя до опубликованія этихъ признаній казались маловѣроятными. Такъ и оцѣнили значеніе дневника Вульфа

Н. Е. Щеголевъ (см. стр. 323—324), къ работѣ котораго мы теперь и обращаемся.

Книга Щеголева, представляющая собою тройной (XXV—XXVII) выпускъ изданія «Пушкинъ и его современники» состоитъ изъ двухъ частей: первая 170 страницъ посвящены изложенію исторіи дуэли Пушкина съ Дантесомъ, вторая часть—350 страницъ—заключаетъ въ себѣ матеріалы и документы. Въ первой части своей книги П. Е. Щеголевъ, какъ онъ говоритъ въ предисловіи, «поставилъ себѣ задачей, откинувъ въ сторону все непровѣренныя и недостоверныя сообщенія, дать построеніе фактическихъ событій. Душевное состояніе, въ которомъ находился Пушкинъ въ послѣдніе мѣсяцы жизни, было результатомъ обстоятельствъ самыхъ разнообразныхъ. Дѣла матеріальныя, литературныя, журнальныя, семейныя; отношенія къ Императору, къ правительству, къ высшему обществу и т. д. отражались тягчайшимъ образомъ на душевномъ состояніи Пушкина. Изъ длиннаго ряда этихъ обстоятельствъ мы считали необходимымъ—въ нашихъ цѣляхъ—коснуться только семейственныхъ отношеній Пушкина,—ближайшей причины рокового столкновенія». Это намѣренное суженіе заданія разсмотрѣніемъ лишь «ближайшей причины рокового столкновенія», въ сущности лишь поводовъ къ нему, оставляетъ въ сторонѣ, на нашъ взглядъ, главную причину событій, повлекшихъ за собою смерть Пушкина—взаимоотношенія поэта и высшаго общества. На мучительный вопросъ, какъ же это случилось, что

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову—
Не большой горой,
А соломенкой,

какъ случилось, что пигмеи повалили великана, на этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, книга Щеголева не даетъ отвѣта. А между тѣмъ самъ же Щеголевъ по поводу письма Пушкина къ Геккерену, послужившаго послѣднимъ поводомъ къ дуэли, говоритъ: «Пушкинъ жаждалъ именно развязки, а пока существовалъ свѣтъ и въ этомъ свѣтѣ были своими Геккерены, до той поры не могъ бы успокоиться Пушкинъ». (стр. 0147). Въ томъ-то и дѣло, что въ толпѣ свѣтской черни, съ жаднымъ любопытствомъ слѣдившей за перипетіями совершавшейся передъ ней драмы, большинство было на сторонѣ Дантеса. Вотъ что между прочимъ доносилъ своему правительству саксонскій посланникъ при Россійскомъ Дворѣ баронъ Лютцероде: «Зная низкое мнѣніе высшаго общества о гени и дѣятельности Пушкина, неудивительно, что только немногіе окружали его смертный одръ въ то время, какъ нидерландскій отель осаждался (bestürmt wird) высшимъ обществомъ, раздѣлявшимъ радость семьи Геккереновъ по поводу счастливаго спасенія молодого элегантнаго человѣка» (стр. 234)

Вскорѣ послѣ смерти Пушкина дочь Н. М. Карамзина Е. Н. Мещерская писала къ княжнѣ М. И. Мещерской о томъ, что въ раззолоченныхъ салонахъ и раздушенныхъ будуарахъ едва ли кто-нибудь думалъ или сожалѣлъ о смерти Пушкина, что слышались даже оскорбительныя эпитеты и укоризны, которыми

поносили память поэта; въ то же время раздавались похвалы рыцарскому поведенію Дантеса. Вотъ каковъ былъ «хоръ» въ трагедіи «Дуэль и смерть Пушкина», и его нѣтъ у Щеголева, ограничившагося въ разныхъ мѣстахъ своего изслѣдованія лишь отдѣльными замѣчаніями объ этомъ. Поставленную же себѣ задачу—дать связное построеніе фактическихъ событій—изслѣдователь выполнилъ прекрасно. Мастерски ведетъ нити своего разсказа Щеголевъ, осторожно и умѣло распутывая узлы; тонкая кружевная работа—его изслѣдованіе, и если въ томъ, что онъ такъ интересно рассказываетъ, есть неясное и даже загадочное, то это уже не по его винѣ, а вслѣдствіе недостаточности имѣющихся и теперь, послѣ ряда цѣнныхъ находокъ, матеріаловъ.

Исторію послѣдней дуэли Пушкина Щеголевъ начинаетъ издалека, сообщая въ первыхъ главахъ добытыя имъ свѣдѣнія о Дантесѣ до прибытія его въ Россію. Представленіе о Дантесѣ, какъ о какомъ-то проходимцѣ, безъ роду, безъ племени, теперь нужно окончательно оставить. Убійца Пушкина происходилъ изъ вполне аристократической фамиліи. Отецъ его при Наполеонѣ I получилъ баронскій титулъ, мать—графиня Гацфельдтъ. Просто объясняется теперь и то, казавшееся прежде такимъ непонятнымъ, покровительство, какое нашелъ молодой Дантесъ у Николая I. Во-первыхъ, у него были связи въ петербургскомъ обществѣ—графиня Елиз. Ѳед. Мусина-Пушкина, жена Алексѣя Семеновича Мусина-Пушкина, бывшаго нашимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, приходилась ему двоюродной бабушкой, а во-вторыхъ, онъ имѣлъ рекомендательное письмо къ русскому императору отъ принца прусскаго Вильгельма (позднѣ германскаго императора). Лучшей рекомендаціи для Николая I трудно было и найти, къ тому же Дантесъ былъ убѣжденнымъ легитимистомъ. Не такъ просто объясняются проникнутыя прямо-таки нѣжной любовью отношенія голландскаго посланника Геккерена къ Дантесу. Щеголевъ готовъ, кажется, принять объясненія, выставленные кн. А. В. Трубецкимъ, который утверждаетъ, что Геккеренъ съ Дантесомъ находились въ противоестественной связи, но и это не объясняетъ все-таки факта усыновленія (при живомъ родномъ отцѣ!) Геккереномъ Дантеса. Вообще личность Дантеса и послѣ опубликованныхъ впервые Щеголевымъ матеріаловъ не ясна; во всей дуэльной исторіи онъ въ сущности находится до извѣстной степени въ тѣни: за него много говорить, писать и дѣйствуетъ отецъ. Отъ Геккереновъ изслѣдователь переходитъ къ характеристикѣ Натальи Николаевны Пушкиной. Собравъ рядъ отзывовъ о ней современниковъ, Щеголевъ приходитъ, по нашему мнѣнію, къ совершенно вѣрному выводу, что «Н. Н. была такъ красива, что могла позволить себѣ роскошь не имѣть никакихъ другихъ достоинствъ». Также нужно принять и другое обоснованное утвержденіе Щеголева, что «любовь Пушкина не разбудила ни ея души, ни ея чувства. Можно утверждать, что кругъ, заключавшій внутреннюю жизнь Пушкина, и кругъ, заключавшій внутреннюю жизнь Натальи Николаевны, не пересѣклись и остались эксцентрическими. Наталья Николаевна дала согласіе стать женой Пушкина,—и оставалась равнодушна

и спокойна сердцемъ; она стала женой Пушкина—и сохранила сердечное спокойствіе и равнодушіе къ своему мужу» (стр. 049).

Не таковы были, по мнѣнію Щеголева, ея отношенія къ Дантесу. «Любовный пламень, охватившій Дантеса, опалилъ и ее, и она, стыдливо-холодная красавица, пребывавшая выше міра и страстей, покончившая въ сознаніи своей торжествующей красоты, потеряла свое душевное равновѣсіе и потянулась къ отвѣту на чувство Дантеса». Даже больше. «Были, вѣроятно, утверждають Щеголевъ, моменты, когда въ этомъ поединкѣ флирта доминировала она, возбуждая и вовлекая Дантеса все дальше и дальше по опасному пути». И это предположеніе, какъ оно ни расходится съ обычнымъ представленіемъ о роли Натальи Николаевны въ преддуэльной исторіи, надо считать правдоподобнымъ. Хотя у Щеголева и не имѣется для этого прямыхъ фактовъ, и онъ строитъ свое обвиненіе на косвенныхъ уликахъ. Что жена Пушкина не питала ни малѣйшаго враждебнаго чувства къ Дантесу, убійцѣ ея мужа, явствуетъ изъ письма ея брата къ сестрѣ, женѣ Дантеса. «Вы спрашиваете меня, пишетъ Д. Н. Гончаровъ за границу, по какой причинѣ Natalie вамъ (т.-е. четѣ Дантесовъ—Екатеринѣ Николаевнѣ и ея мужу, убійцѣ Пушкина) не пишетъ; честное слово, не знаю, но думаю, что нѣтъ никакихъ другихъ причинъ, кромѣ опасенія скомпрометировать перепиской съ вами свое достоинство или скорѣе свое положеніе въ свѣтѣ». (Стр. 0140—0141 и 274). Какъ видимъ, объясненіе вполне определенное!

Изложеніе самыхъ событій, предшествовавшихъ дуэли, Щеголевъ начинаетъ съ 4 ноября 1836 года, дня, когда Пушкинъ получилъ три оскорбительныхъ анонимныхъ письма. Кто былъ ихъ авторомъ? Этотъ вопросъ прежде всего задалъ себѣ Пушкинъ, которому, какъ говоритъ Щеголевъ «было важно разыскать и составителей пасквиля и подметчиковъ». По словамъ Сологуба, Пушкинъ въ день полученія пасквиля, авторомъ его назвалъ одну даму, но въ непосланномъ письмѣ отъ 21 ноября, по традиціи относимомъ къ гр. Бенкендорфу, Пушкинъ пишетъ, что въ первую же минуту по полученіи письма по бумагѣ, по слогу письма и по манерѣ изложенія онъ рѣшилъ, что оно отъ иностранца, человѣка высшаго круга, дипломата. Въ этомъ же письмѣ, послѣ изложенія хода событій до отказа своего отъ вызова Дантеса, Пушкинъ считаетъ нужнымъ еще разъ написать: «Между тѣмъ я удостовѣрился, что безымянное письмо было отъ г. Геккерена, о чемъ считаю долгомъ довести до свѣдѣнія правительства и общества». Совершенно правъ Щеголевъ, утверждая, что «задача этого письма—оглашеніе Геккерена-старшаго, составителя анонимнаго пасквиля, и такимъ образомъ сильнѣйшая компрометация посланника Европейской державы» (стр. 0119). Это, конечно, такъ, но мы не можемъ согласиться съ П. Е. Щеголевымъ, утверждающимъ тутъ же, что «у Пушкина создалось уже не покидавшее его глубокое убѣжденіе въ томъ, что главный его оскорбитель—Геккеренъ старшій, а Геккеренъ младшій—лицо второстепенное». Вѣдь если П. Е. Щеголевъ этимъ хочетъ сказать, что Пушкинъ видѣлъ въ Геккеренѣ-старшемъ своего

главнаго оскорбителя, какъ автора пасквиля, то этому противорѣчить утвержденіе того же Щеголева, (по нашему мнѣнію, совершенно вѣрное), что «полной и рѣшительной, основанной на фактахъ и могущей быть доказанной увѣренности въ авторствѣ Геккерена у Пушкина не было» (стр. 0146).

Итакъ, кто же сочинилъ и послалъ Пушкину дипломъ на званіе роконосца, со дня полученія котораго и ведетъ свой рассказъ о дуэли Щеголевъ? Отвѣта на этотъ, такъ больно волновавшій Пушкина и его друзей, вопросъ мы не только не находимъ въ книгѣ Щеголева, но онъ не считаетъ нужнымъ даже особенно и останавливаться на этомъ. Въ самомъ изслѣдованіи онъ ограничился лишь замѣчаніемъ, что «анонимныя письма, которымъ перѣдко приписываютъ гибель Пушкина, явились лишь случайнымъ возбудителемъ. Не будь ихъ—все равно, раньше или позже насталъ бы моментъ, когда Пушкинъ вышелъ бы изъ роли созерцателя любовной интриги его жены и Дантеса» (стр. 070). Очень можетъ быть, но лучше, пожалуй, не гадать о томъ, «что было бы, если бы не было бы...», ограничившись рассказомъ о томъ, что было. А было вотъ что, по словамъ Щеголева: «Анонимныя письма были толчкомъ, вытолкнувшимъ Пушкина изъ колеи созерцанія. Чести его была нанесена обида, и обидчики должны были понести наказаніе. Обидчиками были тѣ, кто подалъ поводъ къ самой мысли объ обидѣ, и тѣ, кто причинилъ ее, кто составилъ и распространилъ пасквиль». Вполнѣ естественно наше желаніе знать имена этихъ обидчиковъ великаго поэта, и авторъ спеціальнаго изслѣдованія о дуэли Пушкина прямо-таки обязанъ былъ привести всѣ данныя, имѣющіяся у него на этотъ счетъ. Щеголевъ этого не сдѣлалъ, и только въ концѣ книги, въ «дополнительномъ примѣчаніи», повторивъ свое мнѣніе, что «разслѣдованіе объ авторахъ и распространителяхъ пасквиля не имѣетъ существеннаго значенія для исторіи послѣдней дуэли», ограничился «нѣкоторыми разъясненіями» обвиненій, выдвигавшихся противъ кн. И. С. Гагарина и кн. П. Д. Долгорукова. Не «считая составителей и распространителей анонимныхъ писемъ непосредственными виновниками катастрофы, лишившей насъ Пушкина», мы тѣмъ не менѣе считаемъ, что разслѣдованіе вопроса, кто былъ таковыми, имѣетъ существенное значеніе для исторіи дуэли, вводя насъ въ тѣ круги великосвѣтскаго общества, которые вели прямо-таки травлю Пушкина. Выше было приведено свидѣтельство гр. Сологуба, что Пушкинъ подозрѣвалъ въ присылкѣ анонимнаго письма одну даму, которую и называлъ Сологубу. Есть и еще указанія такого рода. А. Θ. Воейковъ 4 февраля 1837 г. писалъ А. Я. Стороженку: «одна дама, влюбленная въ Дантеза, стала писать къ Пушкину письма anonumes, въ коихъ то предупреждала его, то насмѣхалась надъ нимъ, то увѣдомляла, что онъ принятъ въ дѣйствительные члены Общества Роконосцевъ»¹⁾.

Мы предвидимъ возраженіе, которое намъ могутъ сдѣлать. Въ своемъ изложеніи исторіи роковаго столкновенія Пушкина съ Дантесомъ Щеголевъ, по его словамъ, «исходитъ изъ достовѣр-

¹⁾ Пушкинъ и его современники, в. VI, стр. 108.

ныхъ, документальныхъ, бесспорныхъ данныхъ и совершенно не принимаетъ въ расчетъ многочисленныхъ разсказовъ и сообщеній—плодовъ досужей болтовни современниковъ» (стр. 057). Это прекрасно, но на основаніи какихъ признаковъ изслѣдователь относитъ одно показаніе къ «бесспорнымъ даннымъ», другое—къ «плодамъ досужей болтовни современниковъ»? Вѣдь часто бываетъ такъ, что то, что сначала кажется «плодомъ досужей болтовни», въ послѣдствіи оказывается и достовѣрнымъ и бесспорнымъ. Ужъ на что нелѣпѣе казался разсказъ старика кн. А. В. Трубецкого объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу. А. И. Кирпичниковъ просто словъ не находилъ, чтобы достойнымъ образомъ заклеить эти воспоминанія, какъ гнусную клевету на поэта, а вотъ П. Е. Щеголевъ относительно разсказа Трубецкого ставитъ такой вопросъ: «Должно ли, въ виду обилія анахронизмовъ и неточностей, въ виду явнаго затемнѣнія памяти разсказчика, отбросить его въ сторону и не пользоваться имъ, или же, не взирая на невѣроятность и неправильность многихъ сообщеній, слѣдуетъ попытаться извлечь отсюда зерно дѣйствительности?» (стр. 313). Изъ дальнѣйшаго оказывается, что слѣдуетъ сдѣлать второе, въ результатѣ чего «зерно дѣйствительности», и зерно немалое, извлекается. Почему бы не сдѣлать этого и съ другими, имѣющимися у насъ источниками свѣдѣній о послѣдней дуэли Пушкина, какъ бы неправдоподобны они съ перваго взгляда ни были? Какъ бы ничтожны ни были данныя, полученные въ результатѣ такого анализа, пренебрегать ими нельзя, потому что въ исторіи о томъ, какъ убили Пушкина, никакая мелочь не можетъ быть излишня. Восемьдесятъ лѣтъ прошло со дня смерти великаго поэта, но и теперь, узнавъ не мало новаго изъ изслѣдованія П. Е. Щеголева, мы въ сущности недалеко ушли отъ одного изъ ближайшихъ свидѣтелей рокового столкновенія Пушкина съ Дантесомъ, кн. П. П. Вяземскаго, который въ послѣдствіи писалъ: «Несмотря на приготовленія къ поступленію въ университетъ и увѣщанія отца уходить спать, я проводилъ ночи, прислушиваясь къ неумолкаемымъ толкамъ и сообщеніямъ, возбужденнымъ кончиной Пушкина; и, несмотря на страстное желаніе уяснить себѣ причины и поводы къ дуэли, я рѣшительно ничего понять не могъ»¹⁾.

Дѣйствительно, что было ближайшимъ поводомъ къ отправленію Пушкинымъ 26-го января оскорбительнаго письма къ старику Геккерену? Если принять объясненіе Щеголева, что письмо было послано послѣ свиданія Дантеса съ Натальей Николаевной Пушкиной у Полетики, то почему письмо Пушкинъ адресовалъ старику, а не сыну? На эти вопросы и у Щеголева мы находимъ вмѣсто прямыхъ отвѣтовъ одни предположенія.

Во второй части книги, отведенной «матеріаламъ и документамъ», открытіе которыхъ—большая заслуга Щеголева, наиболѣе интересны принадлежащія перу Жуковскаго. Это, во-первыхъ, первоначальная редакція весьма извѣстнаго письма Жуковскаго къ отцу поэта о кончинѣ Пушкина. Исправленія и измѣненія, сдѣланныя въ этой редакціи, а также сравненіе описанія Жуков-

¹⁾ Пушкинъ. Сборникъ П. И. Бартечева. Выпускъ II. М. 1885, стр. 67.

скаго съ разсказами другихъ свидѣтелей вскрываютъ передъ нами процессъ обработки Жуковскимъ имѣвшагося у него фактическаго матеріала. По мнѣнію г. Щеголева, обращаясь со своими источниками довольно свободно, Жуковскій даетъ явно тенденціозную картину послѣднихъ дней жизни Пушкина. «Можно сказать, пишетъ въ заключеніе своего анализа текста письма Жуковскаго г. Щеголевъ, что ни предсмертныя настроенія Пушкина, ни сокровенныя глубины его души не были такими, какими они явились въ изображеніи Жуковскаго». «Отвѣтить на вопросъ, какими они были въ дѣйствительности, мы сейчасъ не можемъ». замѣчаетъ изслѣдователь, но тѣмъ не менѣе, для него «ясно, что картины смерти Пушкина, набросанныя Жуковскимъ, не соответствуютъ дѣйствительности» (стр. 22—23). Намъ кажется, что къ такимъ выводамъ, къ какимъ пришелъ г. Щеголевъ въ результатъ своего анализа текста письма Жуковскаго, прійти никакъ невозможно. Для уличенія Жуковскаго въ искаженіи истины у Щеголева нѣтъ достаточнаго количества данныхъ, и вышеприведенныя утвержденія его производятъ впечатлѣніе апріорнаго мнѣнія, доказать справедливость котораго ему не удалось.

Единственное, что доказалъ Щеголевъ, это—закругленіе Жуковскимъ фразы, сказанной Пушкинымъ о Государѣ: «Скажи, государю, что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь его. Скажи, что я Ему желаю долгаго, долгаго Царствованія, что я Ему желаю счастья въ Его сынѣ, счастья въ Его Россіи».

Но вѣдь, не говоря уже о томъ, что въ приведенной фразѣ Жуковскому можно приписать только ея вторую часть (...Скажи, что я ему...), фраза эта не единственное выраженіе патріотическихъ чувствъ умирающаго Пушкина въ изложеніи Жуковскаго. Не менѣе краснорѣчиво объ этихъ чувствахъ говоритъ и убѣдительная просьба Пушкина у Арендта оставить ему записку Государя и нетерпѣливое ожиданіе царскаго слова, «чтобы умереть спокойно». Все это остается непоколебленнымъ и теперь, послѣ детальнѣйшаго изученія редакцій письма Жуковскаго и сравненія ихъ съ показаніями другихъ лицъ. Впрочемъ, эпизодъ съ запиской отъ Государя Щеголеву кажется «темнымъ и весьма недоумѣннымъ». Изслѣдователь сомнѣвается, была ли на самомъ дѣлѣ эта записка. Сомнѣнія эти представляются намъ совершенно неосновательными, какъ и вообще все, что говоритъ г. Щеголевъ объ изображеніи Жуковскимъ христіанскихъ чувствъ умирающаго Пушкина. Не имѣя возможности по недостатку мѣста въ настоящей статьѣ подробно обосновать наше мнѣніе, ограничимся нѣсколькими замѣчаніями.

Нельзя утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Щеголевъ (стр. 12), что «вопросъ о христіанскихъ чувствахъ Пушкина въ моментъ кончины поднятъ и рѣшенъ Жуковскимъ въ связи съ изложеніемъ обстоятельствъ исполненія имъ христіанскаго долга», (т.-е. приращенія). Свое общаго характера утвержденіе, что «особенно замѣчательно то, что въ эти послѣдніе часы жизни, онъ какъ будто сдѣлался иной; буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу яростною страстію, исчезла, не оставивъ на немъ никакого слѣда», это утвержденіе Жуковскій прежде всего

иллюстрируетъ фразой Пушкина о Дантесѣ, сказанной Данзасу «не мститъ за меня! Я все простилъ». Объ этомъ прощеніи Пушкинымъ своего убійцы говорятъ (подробнѣе, чѣмъ Жуковский) и кн. Вяземскій и самъ Данзасъ. Въ эпизода съ запискою Государя стоятъ и слова Жуковского о томъ, какъ Пушкинъ, прощаясь съ дѣтьми, крестилъ ихъ, и какъ просилъ Е. А. Карамзину перекрестить сго самого. Что же касается эпизода съ запиской Государя, то нужно сказать, что для доказательства своего мнѣнія, что «обращеніе къ священнику было совершенно подь въздѣйствіемъ устно черезъ Арендта или письменно выраженной воли Государя», Щеголевъ опирается на показаніе А. И. Тургенева въ письмѣ къ Нефедьевой, написанномъ въ 9 часовъ утра 28 января, какъ на «раннѣйшее». Но, во-первыхъ, не говоря уже о томъ, что «раннѣйшее» не всегда является вѣрнѣйшимъ, еще вопросъ, раннѣйшее ли это показаніе, и не является ли таковымъ запись въ дневникѣ Тургенева, говорящая не въ пользу мнѣнія Щеголева. Вообще показанія А. И. Тургенева нужно признать менѣе авторитетными, чѣмъ свидѣтельства Жуковского и кн. Вяземскаго, который писалъ Булгакову: «вижу изъ твоего нынѣшняго письма и изъ твоихъ впечатлѣній, что Тургеневъ передалъ тебѣ неполный отчетъ о послѣднихъ дняхъ Пушкина. Впрочемъ, оно и не могло быть иначе: Тургеневъ не былъ безотлучно при немъ днемъ и ночью, подобно мнѣ, Жуковскому, Вьельгорскому»¹⁾. Это подтверждаетъ дневникъ Тургенева (стр. 332—333 книги Щеголева), изъ котораго видно, что, дѣйствительно, Тургеневъ только навѣщалъ умирающаго Пушкина, и что поэтому Щеголевъ ошибается утверждая, что Тургеневъ пробылъ въ квартирѣ Пушкина всю ночь съ 27 на 28-е янв. (стр. 13 и 14)²⁾.

Нашими замѣчаніями мы не стремимся оспаривать утвержденіе г. Щеголева, что Жуковский тенденціозенъ въ своемъ разсказѣ о смерти Пушкина. Мы утверждаемъ только, что у насъ нѣтъ данныхъ (кромя фразы о Государѣ), позволяющихъ опредѣленно указать, въ чемъ эта тенденціозность выразилась. Что письмостатья Жуковского—произведеніе лирико-эпическое, это безспорно. Чего стоятъ одни лирическія отступленія на тему о томъ, что думалъ Николай I, ожидая извѣстія о Пушкинѣ (§ 24), или что думалъ Барантъ въ прихожей квартиры Пушкина (§ 51), но выдѣлить этотъ лиризмъ тамъ, гдѣ онъ находится съ эпическимъ элементомъ въ смѣшанномъ видѣ, не удалось даже Щеголеву, продолжавшему съ присущимъ ему мастерствомъ кропотливѣйшую работу сличенія редакцій письма Жуковского.

Изъ другихъ писаній Жуковского по поводу смерти Пушкина самое замѣчательное—письмо къ графу Бенкендорфу, въ которомъ тишайшій поэтъ, съ необычайной для него рѣзкостью высказывая всю накопившуюся годами обиду за Пушкина, характеризуетъ то тяжелое и оскорбительное положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ въ послѣдніе годы своей жизни опекой шефа жандармовъ.

¹⁾ «Рус. Арх. 1879 г., № 6, 243—244.

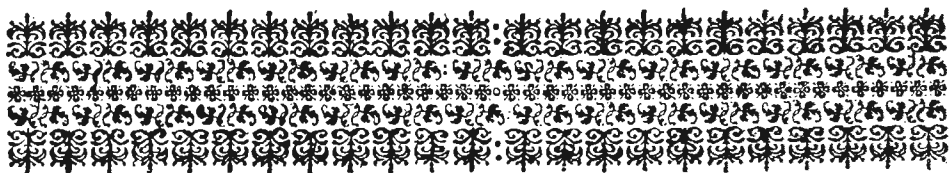
²⁾ Кромѣ этого, г. Щеголевъ допустилъ грубую опіску на стр. 14, гдѣ въ строкахъ 16-ой нужно: «28», а не «29» января.

Кромѣ этихъ писемъ Жуковскаго, въ отдѣлѣ «документы и матеріалы» помѣщены записки врачей о болѣзни и смерти Пушкина, переписка Жуковскаго по дѣламъ опеки дѣтей Пушкина, письмо кн. Вяземскаго къ В. К. Михайлу Павловичу о дуэли Пушкина, разнаго рода документы 1836—37 гг. къ исторіи дуэли, донесенія о дуэли и смерти Пушкина иностранныхъ дипломатовъ, матеріалы и документы, касающіеся Дантеса, рассказъ князя А. В. Трубецкаго объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу, извлеченія изъ дневниковъ А. И. Тургенева.

Всѣ эти матеріалы (въ огромномъ большинствѣ впервые появляющіеся въ печати) снабжены прекрасными вводными статьями, обстоятельно оцѣнивающими ихъ значеніе.

Въ общемъ, книга П. Е. Щеголева будетъ отмѣчена въ лѣтникахъ пушкиновѣднія, какъ явленіе первостепеннаго значенія.

М. Цяловскій.

Критика и библиографія.

П. О. Потаповъ. *Изъ исторіи русскаго театра. Жизнь и дѣятельность В. А. Озерова.* (Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета Историко-Филологическаго Факультета. Выпускъ XI. 1915 г. Стр. 959. Цѣна 6 р. 20 к.).

Хотя 5 сент. с. г. минуло столѣтіе дня смерти поэта, котораго К. Н. Батюшковъ прозвалъ «нашимъ Еврипидомъ», авторъ настоящаго труда имѣлъ право сказать, что «изученіе творчества Озерова у насъ еще не начато» (370). Дѣйствительно, наиболѣе вѣскія сужденія объ Озеровѣ были высказаны его современниками А. Ѳ. Мерзляковымъ и кн. П. А. Вяземскимъ, а мнѣнія ихъ, сдва исправленныя новѣйшими критиками—Галаховымъ, Селинымъ, Смирновскимъ и Буличемъ, повторялись потомъ во всѣхъ общихъ трудахъ по исторіи русской литературы и русскаго театра. Нужно отдать справедливость г. Потапову: онъ ставитъ свою задачу широко, старается изучить творчество Озерова въ связи со всѣми литературными и идейными теченіями эпохи и вскрыть его источники и иноземныя вліянія. Съ такимъ обширнымъ научнымъ аппаратомъ никто еще не подходилъ къ изученію Озерова; съ такимъ усердіемъ никто еще не пытался строчку за строчкой проанализировать его трагедіи. И все-таки этотъ обширнѣйшій трудъ еще не является окончательнымъ отзывомъ объ Озеровѣ, тѣмъ всеобъемлющимъ опредѣленіемъ его значенія, какимъ изслѣдованіе г. Потапова должно бы было стать послѣ затраченной критической энергіи. Самъ авторъ усомнился въ цѣлесообразности своихъ пріемовъ, заявивъ, что не претендуетъ «ни на полноту, ни на убѣдительность конечныхъ выводовъ». (4).

Болѣе двухъ третей книги (625 страницъ) посвящается детальному разбору пяти трагедій Озерова: «Ярополкъ и Олегъ», «Эдипъ въ Аѳинахъ», «Фингалъ», «Димитрій Донской» и «Пс-ликсена». Такъ какъ здѣсь сосредоточивается главная критическая работа автора, то мы прежде всего рассмотримъ этотъ отдѣлъ.

Какъ уже сказано, новѣйшей самостоятельно продуманной литературы объ Озеровѣ почти-что нѣтъ, и автору надлежало проложить путь по дѣвственной области. Между тѣмъ онъ избралъ другой пріемъ, отправляясь отъ отзывовъ современниковъ Озерову. Въ особенности онъ удѣляетъ много мѣста полемикѣ съ Мерзляковымъ. Отсюда постановка вопросовъ, интересующихъ г. Потапова, принадлежала не ему, а тѣмъ устарѣлымъ критикамъ, съ которыми онъ спорить. Вѣдь Мерзляковъ еще дѣлилъ поэзію на эпическую и драматическую, а лирическую считалъ разновидностью эпической, онъ же восхищался «Россіадой»

Хераскова и отказывался критически понять Пушкина, такъ неужели его схоластическій подходъ къ Озерову можетъ удовлетворить современнаго цѣнителя поэзіи? Оттого, что авторъ поставилъ свои интересы въ зависимость отъ критиковъ безусловно устарѣвшей школы, его трудъ принялъ какую-то архаичную окраску.

Такъ въ зависимости отъ Мерзлякова въ художественную оцѣнку авторомъ произведеній Озерова вкралась чисто условная моральная точка зрѣнія. Мерзляковъ въ свое время критиковалъ «злѣдѣвъ» Озерова—Креона, Старна и др.; полемизируя съ нимъ, г. Потаповъ останавливается преимущественно на нравственныхъ ихъ качествахъ, а не на художественной сторонѣ этихъ типовъ. Такъ на 353 стр. читаемъ: «Но такъ ли уже чудовищенъ Креонъ? Можно, конечно, сказать, что его чувство къ Эдипу уродливо, что мститъ ему и не за что, ибо Эдипъ, какъ оказалось, занялъ престолъ по праву и т. д. Да, я и не защищаю его»... На 779 стр. г. Потаповъ спорить съ Мерзляковымъ о благопристойности поведенія Гекубы въ «Поликсенѣ». Мы отнюдь не хотимъ утверждать, что г. Потаповъ неправъ, мы согласны съ тѣмъ, что «злѣдѣи» Озерова заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія и что Гекуба иначе себя вести и не могла, но не этими моральными качествами измѣряется художественный діапазонъ поэта.

По поводу «Димитрія Донского» г. Потаповъ поднимаетъ вопросъ: «допустимо ли вообще низведеніе общепризнанныхъ героевъ на степенъ обыкновенныхъ людей?» (679). Черезъ двѣ страницы самъ авторъ признается, что «вопросъ этотъ насъ даже не интересуетъ», но тѣмъ не менѣе начинаетъ доказывать, приплетая для аналогій Петра В. и «богочеловѣка Христа», что Димитрій и Ксенія наканунѣ Куликовской битвы могли думать о себѣ и своихъ отношеніяхъ. Вопросъ о художественности «Димитрія Донского» сводится у автора къ альтернативѣ: «что мы имѣемъ въ трагедіи Озерова—подобіе истины или же открытую ложь». Нѣсколькими строками выше г. Потаповъ выражается еще точнѣе: «завѣдомую ложь, противную нашему нравственному чувству». Ему и не приходитъ въ голову, что истина отнюдь еще не предрѣшаетъ вопроса о художественности пьесы, равно какъ ложь не является помѣхой ея эстетической цѣнности. Пусть г. Потаповъ отвѣтитъ, что такое «Божественная Комедія», «Донъ Кихоть», «Король Лиръ»—истина или ложь? (Ср. 683—684 стр.).

Если вопросъ о правдѣ касательно трагедіи, которая вращалась вокругъ историческаго событія, казался простымъ и естественнымъ, хотя и не мотивированнымъ требованіями эстетики, то авторъ нашъ былъ поставленъ въ болѣе трудное положеніе, когда ему приходилось разбирать трагедію, написанную на сюжетъ народнаго преданія. Свою задачу г. Потаповъ формулируетъ такъ: «насколько вѣрно воспроизвелъ Озеровъ характерныя черты Оссіановской поэзіи въ томъ ея видѣ, который получила она подъ перомъ Макферсона» (600). Допустимъ, что Озеровъ воспользовался бы только фабулой Оссіана, а не деталями и характерными чертами, неужели трагедія «Фингалъ» потеряла бы въ цѣнности отъ этого отступленія? А съ точки зрѣнія исто-

рической правды вопросъ въ данномъ случаѣ очень осложняется, потому-что необходимо еще рѣшить, что въ «Фингалѣ» правда— историческія ли данныя объ этой эпохѣ, установленныя наукой, подлинное ли оссіановское преданіе или версія Макферсона? Эта неопредѣленность задачи, должно быть, и привела г. Потапова къ открытію характерныхъ чертъ тамъ, гдѣ ихъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ—неужели только у Оссіана женщины «поражали своей красотой» или жены измѣняли своимъ мужьямъ? (618 и 620).

Кромѣ морали и исторической (иногда мнимо-исторической) правды, г. Потаповъ удѣляетъ еще много мѣста логической послѣдовательности душевныхъ переживаній, которая была естественной для вѣка раціонализма, но отнюдь не обязательна для современнаго человѣка, сдавашаго въ архивъ догматъ о свободѣ воли. Анализируя рѣчи и поступки дѣйствующихъ лицъ у Озерова, критикъ разбираетъ ихъ съ точки зрѣнія логики и разума, какъ будто психологическіе приемы французскихъ классиковъ обязательны и для насъ. Та пропасть, которая лежитъ между психологіей классиковъ и современнымъ пониманіемъ душевной жизни, схвачена очень мѣтко Метерлинкомъ въ слѣдующемъ отзывѣ о Расинѣ въ «Le Trésor des Humbles»: «Персонажи Расина понятны намъ лишь постольку, поскольку они сами о себѣ говорятъ; ни одно слово не открываетъ бреши въ плотинахъ душевнаго ихъ моря. Они живутъ въ душевномъ одиночествѣ на поверхности планеты, лишенной неба, въ которомъ она могла бы вращаться. Они не могутъ молчать, потому-что въ моментъ, когда бы они замолкли, они перестали бы существовать. У нихъ нѣтъ невидимаго начала—какъ будто изолирующее тѣло отдѣляетъ ихъ самихъ отъ ихъ душъ, ту жизнь, которая находится въ связи со всѣмъ одухотвореннымъ міромъ, отъ той жизни, которая вытекаетъ только изъ одной страсти, одного горя, и одного мимолетнаго желанія. Дѣйствительно, существуютъ вѣка, когда душа дремлетъ и никто о ней не заботится».

Именно въ трудѣ объ Озеровѣ необходимо было выдвинуть вопросъ о психологіи XVII—XVIII вв. и XIX—XX вв., потому-что значеніе этого поэта и заключается въ двойственности его жизнепониманія. Послѣдняя у Озерова настолько очевидна, что не могла ускользнуть и отъ вниманія изслѣдователя, пришедшаго къ выводу, что герои нашего поэта «оказались въ одно время и раціоналистами и мечтателями» (905). Недостатокъ труда г. Потапова заключается въ томъ, что эта двойственность не была поставлена въ центрѣ характеристики Озерова. Эту двойственность нужно было бы вскрыть уже въ его біографіи, такъ какъ упомянутое поэтѣйство поэта, оставшееся невыясненнымъ у г. Потапова, подготавливалось, очевидно, тяжелымъ душевнымъ разладомъ. Слѣдовало обратить вниманіе и на среду, принужденную сочетать раціоналистическую мораль съ сердечнымъ воображеніемъ сентиментальныхъ романовъ. Въ этомъ направленіи г. Потаповъ далъ хорошую характеристику корпуса, въ которомъ воспитывался Озеровъ,—этого русскаго Портъ-Рояля. Совершенно не использованъ біографическій методъ для истолкованія трагедій Озерова, хотя между любовной жизнью самого поэта и его среды (103) и изображеніями имъ любви, а также и между

сентиментальными его героями и его собственнымъ настроеніемъ (907) существуетъ явная связь. Характерный мотивъ классической поэзіи—добровольная уступка возлюбленной другому (252 и 691) замѣняется въ «Фингалѣ» и «Поликсенѣ», мотивомъ всесильной страсти, не допускающей другой жертвы, кромѣ собственной жизни,—развѣ въ этой одной линіи эволюціи не отражается тотъ интересъ, который Озеровъ представляетъ собой для современнаго изслѣдователя?

Далѣе, анализъ трагедій Озерова останавливается на вопросѣ объ ихъ зависимости отъ иностранныхъ образцовъ, и тутъ сдѣлано скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало. Такъ результатъ, полученный критикомъ по отношенію къ «Поликсенѣ», прямо поразителенъ: Озеровъ будто-бы передъ составленіемъ своей трагедіи изучалъ не только Еврипида, Сенеку и Гомера, но и трагедію Шатобриона «*Les Troyennes*», трагедію Сальбрея «*La Troade*» и пьесу Гарнье «*Troade*». Кромѣ того, г. Потаповъ находитъ въ трагедіи Озерова еще слѣды вліянія Расина. (827—855). «Эдипъ» Озерова не только сближается съ трагедіей Софокла, но и съ пьесой Дюси «*Oedipe chez Admète*», оперой Гильяра «*Oedipe à Colone*» и трагедіей Шенье «*Oedipe à Colone*». Мало того, указываются еще параллели «Эдипа» съ слѣдующими трагедіями Расина: «*Esthèr*», «*Phèdre*», «*Thébaïde*» (417 сл., 426 сл., 501—510, 519—527).

Если задуматься надъ сущностью художественнаго творчества, то предполагаемая этими вліяніями и заимствованіями мозаичность должна вызвать серьезныя сомнѣнія. Многія параллели, конечно, объясняются тѣмъ, что когда двое будутъ говорить о столѣ, то они непременно упомянутъ и четыре ножки стола. Но кромѣ того въ самомъ методѣ изслѣдованія чувствуется какой-то недочетъ. Допустимо, чтобы поэтъ вышелъ изъ сферы своего предшественника такъ, что невольно повторялъ бы и его темы, и его типы, и его стилистическія особенности, но чтобы поэтъ скраивалъ свои произведенія изъ самыхъ разнообразныхъ лоскутковъ, схваченныхъ изъ далеко отстоявшихъ (по времени и дарованію) другъ отъ друга писателей, это противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о поэтическомъ творчествѣ. Неужели послѣднее заключается въ томъ, чтобы изъ пяти старыхъ трагедій сдѣлать одну новую? Вѣдь любопытно, что г. Потаповъ и не можетъ намъ доказать, что Озеровъ дѣйствительно былъ знакомъ со всѣми произведеніями, которыя должны были служить ему образцами. Чѣмъ же тогда объяснить сходства и параллели?

Каждая литературная школа и эпоха вырабатываетъ свой стиль, который на извѣстной стадіи развитія становится общимъ достояніемъ—*res nullius*. Если стилистическій оборотъ въ духѣ эпохи встрѣчается у двухъ писателей, то это доказываетъ не зависимость ихъ другъ отъ друга, но характерность даннаго оборота. Въ книгѣ г. Потапова совершенно отсутствуетъ глава о стилѣ Озерова, но если бы онъ сталъ писать ее, то сразу выдѣлились бы трафаретные обороты классической трагедіи. Съ другой стороны, обозначилась бы и полоса новой поэзіи съ особыми, неизвѣстными классицизму словами и сентенціями. Поэтика классиковъ вообще, Озерова въ особенности,—устранила бы

недоумѣнные вопросы о заимствованіяхъ, но зато открыла бы другія перспективы, не предусмотрѣнныя до сихъ поръ критиками.

Укажу на одинъ примѣръ. Третье дѣйствіе «Фингала» происходитъ въ лѣсу у холма, подъ которымъ погребенъ Тоскаръ. Последнее дѣйствіе «Поликсены» разыгрывается на могилѣ Ахилла. Вопросъ, конечно, не въ локализациі дѣйствія, но въ томъ настроеніи, которое вызывается подобнымъ приуроченіемъ. Несомнѣнно передъ нами романтическій мотивъ, провѣряемый не только кладбищенской поэзіей, но и своеобразными обычаями даннаго времени. Въ паркахъ часто тогда отводился уголъ, который украшался эмблемами смерти—урнами и отломленными колоннами, лавровыми или дубовыми вѣнками. Такія урны и колонны ставились не только въ память историческихъ лицъ и литературныхъ персонажей, но посвящались и живымъ людямъ. Эти «сады печали»—Trauergarten—связывались непосредственно съ сентиментальной литературой, представленной Юнгомъ, Стерномъ и Оссіаномъ. Какъ видимъ, трагедіи Озерова даютъ поводъ къ прослѣживанію этой кладбищенской моды въ Россіи.

Сказаннымъ опредѣляется также наше отношеніе къ другимъ главамъ книги г. Потапова. «Литературная неразбериха», среди которой сложился талантъ Озерова, представляется на нашъ взглядъ явленіемъ стройнымъ, хотя и крайне сложнымъ. Авторъ же и не пытался выяснить, гдѣ находилось гнѣздо того новаго направленія, которое захватило Озерова уже послѣ того, какъ классическая трагедія опредѣлила литературные его интересы. Шло ли это направленіе прямо изъ Англіи или черезъ посредство нѣмецкой литературы, также не изслѣдовано. Связать же двойственность Озерова съ какимъ-то мнимымъ «натурализмомъ» Корнеля и Расина—значитъ затуманить всю историко-литературную перспективу. Вѣдь проблема творчества Озерова кроется не въ его «натурализмѣ», если даже понимать этотъ терминъ въ томъ смыслѣ, какъ его примѣняютъ къ французскимъ классикамъ, а въ переходѣ отъ одной художественной условности къ другой.

Лучшія страницы г. Потапова, напр., параллель между Димитріемъ Донскимъ и Александромъ I (700—713) или вліяніе Озерова на театръ и актеровъ (921 сл.), тонутъ въ массѣ ненужныхъ по существу матеріаловъ. Совсѣмъ излишними являются выписки, оставшіяся даже непереведенными, изъ общаго курса Виллемена (422 сл.). Вообще, по своему объему книга вышла очень тяжеловѣсной, что опять объясняется кропотливою полемикою съ критиками старой школы. Трудолюбіе и добросовѣстность автора выше всякой похвалы.

К. Тиандеръ.

Изъ записной книжки А. П. Бахрушина—«Кто что собираетъ». Примѣчанія составилъ М. Цявловскій. Съ 35 фототипіями. Издалъ Л. Э. Бухгеймъ. Москва. 1916 г. Цѣна 5 руб.

Авторъ записной книжки Алексѣй Петровичъ Бахрушинъ, скончавшійся 25 іюня 1904 г., принадлежалъ къ страстнымъ собирателямъ. Многолѣтнее собирательство выработало изъ него

опытнаго коллекціонера и послѣ него осталось обширное, цѣнное и разнообразное собраніе, завѣщанное имъ Императорскому Россійскому Историческому Музею въ Москвѣ. Въ это собраніе входятъ: церковныя древности, бронза, фарфоръ, предметы изъ фаянса, глины и гипса, табакерки, женскія рукодѣлія, масляныя картины, миниатюры, рисунки, гравюры, литографіи, фотографіи, планы, фасады, чертежи, лубочныя картины, рукописи и библіотека. Любовь къ дѣлу, знаніе его А. П. Бахрушинымъ и собственныя коллекціи, привлекавшія много людей, открыли ему широкій доступъ въ среду коллекціонеровъ, библіофиловъ, букинистовъ и антикваріевъ; этотъ міръ захватывающаго интереса навелъ его на мысль сдѣлать записи, а любовь къ родному городу Москвѣ склонила составить замѣтки и о немъ. Тѣ и другія вносились ихъ авторами въ записную книжку и, такимъ образомъ, въ ней образовались три отдѣла—«Кто что собираетъ», «Московскіе антикваріи» и «Москва». Эти три отдѣла изданы въ настоящее время Л. Э. Бухгеймомъ съ примѣчаніями М. Цявловскаго и спискомъ портретовъ, принадлежавшихъ самому собирателю.

Отдѣлъ «Кто что собираетъ», какъ видно по авторскимъ надписямъ, составлялся въ Кисловодскѣ въ іюлѣ 1892 г., очевидно, въ періодъ отдыха или курортнаго леченія. Въ коротенькомъ къ отдѣлу предисловіи говорится: «Зная многихъ собирателей въ Москвѣ и коллекціи, записываю для памяти, такъ какъ меня это интересуетъ,—имена собирателей и кто изъ нихъ что собираетъ и давно ли». Какъ видно изъ приведенныхъ словъ, замѣтки о собирателяхъ сдѣланы для себя и по памяти. Этимъ и опредѣлился самый характеръ работы. Въ ней нѣтъ тѣхъ фактическихъ данныхъ, той систематизаціи матеріала и обобщеній, которыя обязательны не для одного изслѣдователя, но и для каждаго добросовѣстнаго публициста. Зато трудъ А. П. Бахрушина отличается интимностью и говоритъ о человѣкѣ, сумѣвшемъ закрѣпить, по однимъ воспоминаніямъ, многое цѣнное и интересное. «Кто что собираетъ» прочтется, несомнѣнно, съ неослабѣвающимъ интересомъ самими собирателями, библіофилами и всѣми тѣми, кто интересуется личностью и трудами подобныхъ дѣятелей. Но мало того, работа А. П. Бахрушина можетъ стать источникомъ для изслѣдованій историковъ русской культуры и искусства.

Въ этой работѣ записано о 37 собирателяхъ. Туда занесены замѣтки, главнымъ образомъ, о московскихъ собирателяхъ и при томъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ: картинъ, скульптурныхъ произведеній, бронзы, фарфора, иконъ, церковной утвари, старинныхъ русскихъ костюмовъ и матерій, рукописей по исторіи православія и русской исторіи, старопечатныхъ книгъ, библіотекъ, коллекцій по театру и т. д. Здѣсь наряду съ очень извѣстными именами такихъ дѣятелей на поприщѣ собирательства, какъ братья П. и С. М. Третьяковы, К. Т. Солдатенковъ, Н. Л. Шабельская, П. И. Щукинъ встрѣчаются имена лицъ, несомнѣнно, достойныхъ уваженія, но оставшихся вольно или неволью въ тѣни, какъ напр. В. А. Тюляевъ, Н. М. Постниковъ, И. А. Вахрамѣевъ, Н. А. Шапошниковъ, баронъ М. Л.

Боден-Колычевъ и др. Авторы записокъ «Кто что собираетъ» указываютъ возрастъ коллекціонеровъ, сколько времени они заняты собирательствомъ, перечень ихъ коллекцій и дѣлаютъ нерѣдко мѣткія характеристики ихъ самихъ и ихъ собраний. Безъ всякой злобы и насмѣшки, но зато вполне откровенно очерчиваются отрицательныя стороны тѣхъ и другихъ, напр. А. А. Брокара, Ф. Ф. Мазурина и др.; столь же интересны характеристики тѣхъ коллекціонеровъ, которые могутъ быть отнесены всецѣло къ положительнымъ типамъ, и ихъ собраний. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Не говоря о П. М. Третьяковѣ, А. П. Бахрушинъ такъ пишетъ о методахъ собирательства П. И. Щукина: «серьезнѣйшій собиратель изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, потому что онъ не собираетъ ничего, предварительно не собравши объ этомъ предметѣ цѣлую библиографію и не изучивши его по книгамъ». Запись о Шабельской, послѣ очень сочувственной оцѣнки ея коллекцій и мастерской работъ стариннымъ русскимъ швомъ и по стариннымъ рисункамъ, заканчивается такими словами: «Дай Богъ здоровья Наталіи Леонидовнѣ и продли Богъ ея жизнь на пользу и процвѣтаніе русскаго искусства». По поводу собранія иконъ, церковной утвари и серебра Н. М. Постникова А. П. Бахрушинъ отмѣчаетъ: «Н. М. Постниковъ много способствовалъ страсти къ собиранію». О собирателѣ темной бронзы «Емпріе» Н. К. Шапошниковѣ говорится: «Онъ собираетъ не торопясь: иной разъ въ годъ купить вещь, двѣ, три, но не постѣснится заплатить за нее тысячи, притомъ, если заплатить и большія деньги, то за вещь, дѣйствительно стоящую. Этотъ человѣкъ обладаетъ тонкимъ вкусомъ и знаніемъ; онъ второстепенную вещь не возьметъ даромъ, но отъ хорошей не отойдетъ, лишь бы ее продавали».

Замѣтки о собирателяхъ даютъ возможность нарисовать и портретъ самого автора. Это былъ не только страстный коллекціонеръ, хорошо сознававшій, что истинное собирательство составляетъ какъ бы часть души собирателя, но требовавшій серьезнаго отношенія къ дѣлу и видѣвшій въ такомъ дѣлѣ общественное служеніе, конечная цѣль котораго принесеніе въ даръ обществу своихъ сокровищъ. Особенно краснорѣчиво объ этомъ говорятъ записи о Ю. В. Мерлинѣ, М. П. Рогожинѣ, Н. И. Носовѣ, П. М. Третьяковѣ.

Второй отдѣлъ изданной Л. Э. Бухгеймомъ книги носить, какъ мы уже отмѣтили, названіе «Московскіе антикваріи». Здѣсь А. П. Бахрушинымъ сдѣланы замѣтки о 13 антикваріяхъ, но сказать, къ какому времени относятся эти замѣтки, нельзя, такъ какъ даты нѣтъ. Отдѣлъ открывается эпиграфомъ: «Всѣ однимъ миромъ мазаны, всѣ волки съры». Далѣе слѣдуютъ общія замѣчанія о московской антикварной торговлѣ, къ которой А. П. Бахрушинъ относитъ, какъ торговлю художественными вещами и рѣдкостями, такъ и торговлю рѣдкими книгами. За замѣчаніями слѣдуютъ характеристики каждаго изъ антикваріевъ отдѣльно. Каковы эти общія замѣчанія и каковы, въ большинствѣ случаевъ, самыя характеристики ясно по эпиграфу. Передъ читателемъ раскрывается міръ самой разнузданной на-

живы. Взять въ 10 разъ противъ стоимости предмета или спустить поддѣлку за оригиналъ, вотъ что обыкновенно воодушевляетъ антикварнаго торговца. Ознакомиться съ этимъ отдѣломъ всякому собирателю, а начинающему въ особенности, и поучительно и полезно.

Третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ 61 мелкую замѣтку, относящуюся до Москвы. Когда составлены самыя замѣтки, судить нельзя, такъ какъ дать опять не имѣется. Расположены онѣ безъ всякой системы и составлялись для памяти, для себя. Замѣтки о Москвѣ касаются тѣхъ перемѣнъ, которыя измѣнили прежній видъ ея различныхъ мѣстъ; въ нихъ, затѣмъ, кратко описываются старые виды тѣхъ или другихъ московскихъ мѣстностей; въ нѣкоторыхъ упоминается объ интересныхъ въ художественномъ отношеніи сооруженіяхъ; наконецъ, есть такія, которыя связаны или съ событіями въ жизни Москвы (похороны митрополита Филарета, посѣщеніе Императоромъ Александромъ II дома М. Л. Королева), или съ ея бытомъ и нравами. Такъ, въ одной изъ замѣтокъ разсказывается, что городской голова Н. А. Алексѣевъ для провѣрки работъ по ремонту каменной трубы, заключавшей въ себѣ рѣчку Неглинку, въ 1886 году лично прошелъ ее, спустившись въ Екатерининскій паркъ и вылѣзши у Москвы рѣки около Александровскаго сада, въ другой—о гуляньи «Ферма», открывшемся въ срединѣ 1860-хъ годовъ, въ третьей—о народномъ театрѣ близъ Варварскихъ воротъ и т. д. Если въ записяхъ о Москвѣ и можно найти интересныя черты, то въ общемъ это наиболѣе слабый отдѣлъ въ изданіи Л. Э. Бухгейма.

Всѣ три отдѣла снабжены примѣчаніями М. Цявловскаго. Примѣчанія эти чрезвычайно цѣнны. Они являются дополненіями и поясненіями къ записямъ самого А. П. Бахрушина. Тѣ примѣчанія, въ которыхъ рѣчь идетъ о собирателяхъ, касаются ихъ большинства и заключаютъ въ себѣ ссылки на литературу о нихъ, свѣдѣнія о выставкахъ ихъ коллекцій, о каталогахъ выставлявшихся предметовъ или самыхъ коллекцій, выписки изъ воспоминаній о коллекціонерахъ и т. д. Примѣчанія объ антикваріяхъ гораздо слабѣе, но это и понятно, такъ какъ ихъ дѣятельность не служила въ той же мѣрѣ предметомъ изслѣдованій, какъ дѣятельность коллекціонеровъ. Изъ 13 антикваріевъ, упоминаемыхъ авторомъ записной книжки, замѣчанія имѣютъ въ виду только пять, ссылокъ на литературу гораздо меньше, чѣмъ въ первомъ отдѣлѣ и изъ этихъ ссылокъ, главнымъ образомъ, и состоятъ всѣ примѣчанія. Примѣчанія по отдѣлу «Москва» даютъ хорошія свѣдѣнія справочнаго характера и цѣнныя ссылки на литературу.

Насколько важны всѣ эти примѣчанія, настолько остается пожалѣть объ отсутствіи въ книгѣ алфавита, что, въ извѣстной мѣрѣ, затрудняетъ пользованіе ею, какъ справочникомъ.

Въ изданіи Бухгейма имѣется списокъ собранныхъ А. П. Бахрушинымъ портретовъ библиофиловъ, библіографовъ, издателей книгъ, букинистовъ, собирателей и антикваровъ, всего 330 лицъ, портретовъ, перешедшихъ вмѣстѣ съ коллекціями

покойнаго въ Россійскій Историческій Музей въ Москвѣ и исполненныхъ фотографіей, гравюрой на мѣди, литографіей и другими способами. Самый списокъ составленъ такъ, что за названіемъ каждаго лица слѣдуетъ ссылка на его занятіе. Будучи спискомъ исполнѣ достовѣрныхъ портретовъ людей, изъ которыхъ многіе заслужили общественное уваженіе, онъ, конечно, высоко цѣненъ и его опубликованіе является несомнѣнно желательнымъ и нужнымъ.

35 портретовъ изъ собранія А. П. Бахрушина вошли въ изданіе Л. Э. Бухгейма. Съ нихъ сдѣланы фототипные снимки, которые и размѣщены при замѣткахъ о дѣятельности коллекціонеровъ и антикваріевъ. Среди нихъ находятся портреты такихъ выдающихся дѣятелей на поприщѣ собирательства, какъ А. П. Бахрушинъ, В. В. Верещагинъ, К. Т. Солдатенковъ, П. и С. М. Третьяковы, В. А. Тютчевъ, П. И. Щукинъ и др.

Внѣшность книги не вызываетъ почти никакихъ замѣчаній: хорошіе шрифты, крупные для записей А. П. Бахрушина и мелкіе для примѣчаній и списка портретовъ, красивая обложка говорятъ сами за себя; только фототипные снимки съ портретовъ, хотя вѣрны оригиналамъ, но недостаточно изящны: они не отвѣчаютъ тому уровню, на которомъ стоитъ современная фототипія. Впрочемъ, этотъ недочетъ объясняется условіями военнаго времени, вызвавшими недостатокъ въ разныхъ специалистахъ, въ томъ числѣ и хорошихъ фототипахъ.

Въ общемъ, какъ видно изъ всего изложеннаго, изданіе «изъ записной книжки А. П. Бахрушина» заслуживаетъ безусловнаго вниманія и одобренія.

Н. В. Некрасовъ.

Петръ Архангельскій. Погостные наказы 1767 г., какъ историческій источникъ. Казань. 1916 г.

Изученіе большой Екатерининской комиссіи началось давно; но въ послѣднее время особенно оживился научный интересъ къ этому важному факту внутренней жизни русскаго общества въ въ половинѣ XVIII вѣка, въ частности,—по депутатскимъ наказамъ. П. Г. Архангельскій уже напечаталъ одно небольшое изслѣдованіе, произведенное на основаніи депутатскихъ наказовъ; въ новой своей работѣ онъ стремится показать, въ какой мѣрѣ раньше изученный имъ матеріалъ пригоденъ въ качествѣ историческаго источника, т.-е. въ какой мѣрѣ на основаніи погостныхъ наказовъ (по которымъ г. Архангельскій уже изобразилъ выборы въ комиссію 1767 г. отъ крестьянъ Двинскаго Сѣвера), можно обрисовывать дѣйствительное состояніе соотвѣствующихъ крестьянскихъ обществъ, подлинную реальную жизнь «мелкихъ земскихъ міровъ».

Главнымъ достоинствомъ этой новой работы П. Г. Архангельскаго, какъ и предшествующей, является чрезвычайно тщательное сравнительное изученіе и анализъ погостныхъ наказовъ, которые подвергаются изслѣдователемъ планомѣрному перекрестному допросу. Путемъ такого изученія г. Архангельскій приходитъ къ весьма благопріятному для погостныхъ наказовъ выводу, а именно, что эти документы были «плодомъ дѣятель-

ной мірской среды» и, слѣдовательно, въ нихъ заключается «живое конкретное содержаніе» (42 стр.). «Наказы», говоритъ г. Архангельскій, «открываютъ минувшую жизнь такую, какою она казалась самымъ сельскимъ обывателямъ Екатерининской эпохи» (49). Впрочемъ, за «точность отраженія жизни народа въ погостныхъ наказахъ» авторъ не ручается, говоря, что эта «точность» «не можетъ быть *пока* вполне доказана» (50). Да и едва ли когда-либо она и можетъ быть доказана, да еще «вполнѣ»,—разъ погостные указы есть не что иное, какъ отголосокъ «мірскихъ челобитій», восходящихъ къ XVII-му вѣку, на что, какъ не на самоочевидное явленіе, тоже указываетъ нашъ авторъ (стр. 44). Челобитья никогда не заботились о *вполнѣ* точномъ воспроизведеніи жизни, а всегда заботились о томъ, чтобы получить просимое.

Въ концѣ концовъ, у автора получается компромиссное заключеніе, примиряющее оба отношенія къ погостнымъ указамъ—довѣрчивое и скептическое: «при критическомъ отношеніи къ ихъ тексту и при перекрестномъ допросѣ ихъ *съ помощью другихъ источниковъ*», погостные указы, говоритъ г. Архангельскій, «могутъ служить весьма пригоднымъ матеріаломъ для изученія» даже «фактической обстановки жизни крестьянскаго сословія» и т. д. (50).

Съ этимъ, разумѣется, нельзя не согласиться, тѣмъ болѣе, что при такомъ правильномъ методѣ изслѣдованія могутъ быть «пригодны» въ качествѣ источника вообще великіе историческіе документы и матеріалы.

Интересно и вдумчиво составленная брошюра П. Г. Архангельскаго свидѣтельствуетъ о научно-критическомъ дарованіи автора и невольно вызываетъ надежду на хорошее продолженіе удачно начатой ученой дѣятельности.

Н. Ойрсовъ.

В. Фриче. *Итальянская литература XIX вѣка*. Ч. I. М. 1916. Изд. «Задруга» Ц. 2 р.

Когда полвѣка тому назадъ была открыта первая въ русскихъ университетахъ кафедра исторіи всеобщей литературы, то первый профессоръ, занявшій эту кафедру, закончилъ свою вступительную лекцію въ петербургскомъ университетѣ такимъ опредѣленіемъ исторіи литературы: «Исторія литературы въ широкомъ смыслѣ этого слова—это исторія общественной мысли, насколько она выразилась въ движеніи философскомъ, религіозномъ и поэтическомъ и закрѣплена словомъ». Передъ новой для русскаго общества наукой этотъ профессоръ, впоследствии знаменитый ученый, Александръ Веселовскій, поставилъ «совершенно новую задачу—прослѣдить, какимъ образомъ новое содержаніе жизни, этотъ элементъ свободы, приливающий съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, проникаетъ старые образы, эти формы необходимости, въ которыя неизбѣжно отливало всякое предыдущее развитіе». Съ тѣхъ поръ изъ двухъ упомянутыхъ здѣсь элементовъ второй получилъ рѣшительный перевѣсъ въ университетской наукѣ: «формы необходимости» привлекли исключительное вниманіе специалистовъ, а «элементъ свободы», содержаніе жизни,

отодвинулся на второй планъ. Специализація сдѣлала такіе быстрые успѣхи, что «исторія общественной мысли» мало-помалу исключается изъ вѣдѣнія историковъ литературы, какъ область, посторонняя ихъ задачамъ. В. М. Фриче принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ у насъ историковъ литературы, для которыхъ «исторія общественной мысли» остается главнымъ предметомъ историко-литературнаго изслѣдованія. Это стремленіе освѣтить въ литературныхъ фактахъ прежде всего исторію общественной мысли нерѣдко заставляеть автора игнорировать спеціальныя историко-литературныя задачи, вопросъ о вліяніяхъ, объ эволюціи художественныхъ формъ и т. д.

Съ этой точкой зрѣнія подошелъ В. М. Фриче и къ исторіи итальянской литературы XIX вѣка. Въ его глазахъ литература этого столѣтія—«облеченная въ художественные образы повѣсть о томъ, какъ изъ горнила долгой борьбы родилась, послѣ тяжкихъ поражений и горькихъ разочарованій, созданная совокупными успіями писателей и борцовъ—единая, независимая и свободная нація». Специалисты, конечно, найдутъ много недочетовъ въ книгѣ г. Фриче. Можно, съ извѣстной точки зрѣнія, признать нѣсколько односторонними его характеристики, отмѣтить упущенія. Характеризуя даже такого законченнаго поэта-гражданина, какъ Альфіери, авторъ книги долженъ былъ, конечно, остановиться въ курсѣ литературы на поэтикѣ Альфіери, на его трактатѣ «*Del principe e delle lettere*», въ которомъ знаменитый поэтъ переноситъ свои свободолюбивые идеалы и на теорію литературнаго творчества. Можно упрекнуть далѣе В. М. Фриче въ томъ, что, указывая литературу объ Альфіери (стр. 19), онъ приводитъ только тѣ работы, въ которыхъ говорится о политическихъ взглядахъ писателя, что онъ безъ всякой критики опирается на Emilio Bertana, тогда какъ въ диссертациі русскаго ученаго И. И. Гливенка приведены серьезныя соображенія, благодаря которымъ мнѣнія Бертана не могутъ быть приняты безъ существенныхъ оговорокъ. Впрочемъ, направленіе вниманія автора лежащей передъ нами книги не мѣшаетъ ему ярко выявить фигуры итальянскихъ поэтовъ и дѣятелей типа Альфіери. Поэтъ «Брута Старшаго»—слишкомъ цѣльная и законченная фигура, и можно согласиться съ В. М. Фриче, что «любовь къ свободѣ сдѣлала Альфіери поэтомъ», что эта «господствующая страсть такъ накалила и наэлектризовала его сердце, что оно загорѣлось огнемъ поэзіи». Болѣе ущерба приноситъ методъ г. Фриче при характеристикѣ тѣхъ писателей, значеніе которыхъ опредѣляется ихъ заслугами въ области литературы въ не меньшей, если не въ большей степени, чѣмъ ихъ ролью въ исторіи развитія общественной мысли. Въ этомъ смыслѣ едва ли можно признать вполнѣ достаточной характеристику Манцони и его знаменитаго романа, сыгравшаго такую огромную роль въ развитіи итальянской прозы. Не отмѣчена роль Манцони въ качествѣ главы итальянскаго романтизма, да и общій обзоръ этого послѣдняго (стр. 125 и сл.) показался намъ слишкомъ бѣглымъ.

Можно было бы указать не мало подобныхъ недочетовъ, и возможно, что читатель, требующій отъ курса литературы

прежде всего полноты, подходящей къ нему, какъ къ учебнику или справочнику, останется неудовлетвореннымъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ книги. Но едва ли къ работѣ г. Фриче можно подходить съ этой точкой зрѣнія. Ея достоинства лежатъ въ другой плоскости. Проникнутый демократическимъ настроеніемъ, самъ глубоко захваченный огненнымъ словомъ апологетовъ итальянской свободы, В. М. Фриче умѣетъ передать могучій подъемъ духа самоотверженныхъ друзей народа. Передъ нами писатель, видящій въ избранной имъ эпохѣ не только матеріаль, интересный для профессионала, но и великій примѣръ, неисчерпаемое богатство вдохновляющихъ идей и образовъ. Если опущены многія явленія литературы, зато тѣмъ болѣе умѣло разставлены вѣхи на пути, приведшемъ Италію къ тому лучшему, чѣмъ она можетъ гордиться въ наши дни. Думается, что широкая публика не посѣтуетъ на г. Фриче за его «упущенія» и прочтетъ ее съ тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ писалъ ее авторъ.

П. Коганъ.

Субсидируемая рабочія товарищества второй республики во Франціи ¹⁾. 5-го іюля 1848 г.,—черезъ нѣсколько дней послѣ подавленія іюньскаго возстанія рабочихъ и утвержденія министерства генерала Ковеньяка—Парижское Національное Собраніе приняло законопроектъ редактора «Atelier» Корбона объ учрежденіи при Министерствѣ Земледѣлія и Торговли трехмилліоннаго фонда для выдачи поощрительныхъ субсидій «возникающимъ свободно ассоціаціямъ рабочихъ и рабочихъ съ хозяевами». Кооперативный рабочій органъ «Atelier», выходившій въ Парижѣ съ 1840 г., всегда ставилъ своей задачей съ одной стороны «представительство передъ правительствомъ и обществомъ истинныхъ нуждъ и чувствъ трудящагося класса», другой—«противодѣйствіе распространяющимся среди этого класса безнравственнымъ и экстравагантнымъ идеямъ». Программа эта, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовала политической ситуациі момента и настроеніямъ восторжествовавшей въ Національномъ Собраніи послѣ іюньскаго возстанія умѣренно-республиканской партіи: ни въ чемъ такъ не нуждалась она, какъ въ противопоставленіи «истинныхъ нуждъ» рабочаго класса «экстравагантнымъ» т.-е. революціоннымъ идеямъ и въ примиреніи его съ только что понесеннымъ правовымъ пораженіемъ и съ окончательнымъ закрытіемъ національныхъ мастерскихъ.

Согласно идеямъ Корбона и его товарищей по «Atelier»—вѣрныхъ послѣдователей Бюшэ—улучшенія своего положенія рабочіе должны были ждать не отъ «иллюзорнаго всемогущества Государства», а отъ собственнаго трудолюбія и собственныхъ планомерныхъ усилій «перейти изъ состоянія наемныхъ рабочихъ въ состояніе свободныхъ кооператоровъ». Многіе депутаты Національнаго Собранія, какъ Тьеръ, считаютъ и эти идеи «утопическими» и «опасными», однако и они охотно голосовали за предложеніе Корбона, цѣня отрицательную сторону эксперимента:

¹⁾ (Les associations ouvrières encouragées par la deuxième république. Documents inédits publiés par O. Festy. Paris. 1915. Pp. 192).

неизбѣжный, по ихъ мнѣнію, крахъ этой затѣи долженъ бы окончательно убѣдить рабочихъ въ безмысленности всѣхъ подобныхъ мечтаній,—результатъ, за который стоило, по ихъ мнѣнію, отдать три милліона.

Официальные документы, касающіеся примѣненія закона 5-го іюля на практикѣ, составляютъ содержаніе послѣдняго (4-го) выпуска «Замѣтокъ, инвентарей и документовъ», издаваемыхъ съ 1913 г. «Секціей новѣйшей и современной исторіи» при «Комитетѣ историческихъ и естественно-научныхъ трудовъ» французскаго министерства народнаго просвѣщенія. (Первые выпуски были посвящены документамъ по религіозной исторіи Франціи въ эпоху Реставраціи, аграрной статистикѣ 1814-го года и начальному образованію во Франціи XVIII и XIX вѣка). Документы эти представляютъ собою «досье» восьми рабочихъ и тринадцати смѣшанныхъ (т.-е. состоящихъ изъ рабочихъ и хозяевъ) ассоціацій, воспользовавшихся казѣнными субсидіями изъ трехмилліоннаго фонда. Въмѣстѣ съ тремя досье, опубликованными раньше въ специальныхъ изданіяхъ, они составляютъ почти половину ихъ общаго числа (всего закономъ 5 іюля воспользовалось 56 ассоціацій). Въ рукахъ изслѣдователя находится, такимъ образомъ, вполне достаточный матеріалъ для основательнаго изученія этого интереснаго соціальнаго эксперимента.

Обстановка, въ которой онъ былъ предпринятъ, не благоприятствовала его удачѣ: страна переживала въ это время двойной—торгово-промышленный и политическій—кризисъ. Первый ослаблялъ экономическую устойчивость субсидируемыхъ товариществъ, второй вносилъ диссонансы въ настроеніе ихъ членовъ и въ дѣятельность контролировавшихъ кооперативы правительственныхъ органовъ. Составъ «Поощрительнаго Совѣта» (Conseil d'encouragement), завѣдывавшаго выдачами субсидій (точнѣе—премій), былъ вначалѣ довольно благоприятный для идей Корбона: въ составъ его, кромѣ него самого, вошли близкіе къ нему по взглядамъ депутаты Альканъ, Пепэнъ и Леблонъ, нѣсколько видныхъ представителей посредническихъ совѣтовъ (Conseils de prud'hommes) и нѣсколько частныхъ лицъ изъ числа пропагандистовъ идеи рабочихъ ассоціацій. Однако, уже въ декабрѣ (1848 г.), Корбонъ и его друзья принуждены были подать въ отставку, и большинство въ Совѣтѣ перешло къ лицамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ идеями Бюшэ и съ планами перехода къ рабочимъ орудій труда. Это обстоятельство, усиленное неблагоприятными экономическими условіями, съ самаго начала придало всему дѣлу не соотвѣтствовавшій первоначальному замыслу характеръ. По мысли Корбона государство должно было помогать рабочимъ лишь «въ мѣру ихъ собственныхъ усилій выйти изъ положенія наемниковъ»,—ассигнуемые фонды предназначались «для поощренія и развитія рабочихъ ассоціацій, а не для благотворительныхъ ссудъ разоряющимся предпріятіямъ». На дѣлѣ получилось какъ разъ послѣднее: ссуды получили или явно упадочныя предпріятія, или товарищества, которыя при самомъ основаніи своемъ не имѣли подъ ногами устойчивой почвы. Многіе фабриканты, предпріятіямъ которыхъ грозилъ крахъ, спѣшили заключать

со своими служащими договоры объ учрежденіи товарищества съ исключительной цѣлью получить казенную субсидію и поправить этимъ свои дѣла. Съ другой стороны, и среди рабочихъ находились предприимчивые люди, соблазненные неожиданно открывшейся перспективой превратиться въ хозяевъ: безъ гроша въ карманѣ они собирали вокругъ себя маленькія товарищества, уповая всецѣло на помощь извнѣ. Въ экономическомъ отношеніи ни одинъ изъ субсидируемыхъ кооперативовъ не стоялъ сколько-нибудь прочно на собственныхъ ногахъ. Какъ правило, выдаваемые ссуды въ 5—6 разъ превосходили собственные капиталы рабочихъ товариществъ, что радикально противорѣчило, конечно, идеѣ пропорціональности поощрительныхъ ассигновокъ собственнымъ усиліямъ кооперативовъ.

Недостатокъ капиталовъ не возмѣщался и внутреннимъ духомъ товариществъ. Изданные досыѣ говорятъ объ отсутствіи въ ихъ средѣ сознательной дисциплины, готовности работать на общую пользу, пониманія коллективнаго интереса. Въ одномъ обществѣ почти всѣ члены его оказываются замѣщенными «временными сотрудниками», т.-е. наемными рабочими, которые не проявляютъ при этомъ «ни малѣйшей склонности сдѣлаться членами товарищества». Въ другомъ, черезъ годъ послѣ основанія, работасть фактически лишь одинъ его членъ да и тотъ «постоянно жалѣеть о покинутомъ имъ заводѣ». Въ смѣшанныхъ товариществахъ взаимная привязанность тяготитъ и хозяина и рабочихъ. Послѣ перваго же раздѣла прибыли послѣдніе спѣшатъ уходить изъ кооператива и иногда тутъ же поступаютъ въ него на правахъ обыкновенныхъ наемныхъ рабочихъ. Съ неменьшимъ рвеніемъ старается отдѣлаться отъ навязаннаго ему кооперативнымъ устройствомъ контингента рабочихъ и хозяинъ. «Быть можетъ, въ принципѣ тутъ и существуетъ ассоціація патрона съ рабочими, сообщаетъ типичный казенный отчетъ,—но въ дѣйствительности предъ нами обыкновенные рабочіе и хозяинъ». «Ни управляющіе, ни рабочіе, пишетъ другой инспекторъ, не проявляютъ ни малѣйшихъ признаковъ наличности тѣхъ основныхъ условій, которыя составляютъ самую сущность общества патроновъ и рабочихъ. Здравый смыслъ подсказываетъ и той и другой сторонѣ сознаніе химеричности самой этой идеи».

Читая эти отчеты, нисколько не удивляешься тому факту, что существованіе субсидируемыхъ товариществъ оказывалось эфемернымъ, и что большая часть выданныхъ имъ субсидій не вернулась въ казну. Изъ всѣхъ 24 кооперативовъ, досыѣ которыхъ опубликовано, только одно общество стекольщиковъ въ Аниши (Aniche) оказалось приносящимъ довольно солидный доходъ, но и оно кончило тѣмъ, что было куплено пятью своими членами на правахъ акціонернаго предпріятія. Та же судьба постигла еще четыре общества. Остальныя кончили или быстрымъ банкротствомъ и были ликвидированы по суду, или распустились «за отсутствіемъ заказовъ» или по другимъ благовиднымъ предлогамъ.

Опытъ производился, какъ мы и сказали, при исключительно неблагоприятной экономической и политической обстановкѣ. Это ослабляетъ, конечно, его показательное значеніе.

Ив. Херасковъ.

Русская литература по Египту за послѣдніе годы.

У насъ, въ Россіи, египтологія окрѣпла лишь во вторую половину XIX столѣтія и сразу же выдвинула такого ученаго, какъ В. С. Голенищева, извѣстнаго далеко за предѣлами родины своими выдающимися трудами, а также тщательно собранною коллекціей египетскихъ древностей, теперь хранящеюся въ Москвѣ, въ музеѣ изящныхъ искусствъ. Нынѣ египтологія завоевала права гражданства, кромѣ Петроградскаго Университета, въ Москвѣ—въ Археологическомъ Институтѣ (съ 1912 года), на Высшихъ Женскихъ Курсахъ (съ 1913 года) и въ Университетѣ (съ 1915 года). Въ Петербургѣ съ (1896 года) благодаря кипучей энергіи Б. А. Тураева, ученика петербургскаго коптолога Лемма и извѣстнаго берлинскаго египтолога Эрмана, даже возникла своя, русская школа египтологовъ, уже успѣвшая проявить свои знанія и направленіе рядомъ интересныхъ трудовъ.

Естественно, что русскія ученые общества и издательства послѣдовали за окрѣпшею наукой, охотно удѣляя мѣсто работамъ по Египту въ своихъ повременныхъ изданіяхъ и обогащая книжный рынокъ переводными и оригинальными очерками египетской исторіи, искусства и религіи. Особенное развитіе получила русская египтологическая литература со времени открытія Московскаго музея изящныхъ искусствъ, преимущественно въ послѣдніе 5—6 лѣтъ, о которыхъ и будетъ рѣчь въ дальнѣйшемъ.

Такое оживленіе въ изданіи сочиненій по египтологіи нельзя не считать въ высшей степени назрѣвшимъ, такъ какъ кромѣ во многомъ устарѣвшей книжки Рагозиной («Древнѣйшій Египетъ») и подобныхъ ей компилятивныхъ популярныхъ брошюръ, еще совсѣмъ недавно читатель принужденъ былъ пользоваться лишь «Исторіей фараоновъ» Бругша, «Исторіей Египта» Биссинга и сравнительно немногими узко специальными работами, большая часть которыхъ къ тому же разбросана по журналамъ и мало доступна. Изъ послѣднихъ можно отмѣтить статьи В. С. Голенищева (къ сожалѣнію, писавшаго преимущественно на иностранныхъ языкахъ): «Этнографическіе результаты поѣздки въ Уади Хаммаматъ, 1887», «Археологическіе результаты путешествія по Египту 1888—1889 г., 1890», «Гіератическій папирусъ изъ коллекціи В. Голенищева, содержащій отчетъ о путешествіи египтянина Уну-Амона въ Финикію, 1897», и проф. Б. А. Тураева: «Народъ Кефъ египетскихъ памятниковъ, 1893», «Новые успѣхи и современное состояніе египтологіи, 1897», «Богъ Тотъ, опытъ изслѣдованія въ области древне-египетской культуры, 1898», «Описаніе египетскихъ памятниковъ въ русскихъ музеяхъ и собраніяхъ, 1899». Отдѣльныя статьи Смирнова (Казань) и Грингмута (Москва) не представляютъ интереса.

Среди книгоиздательствъ, выпустившихъ переводы сочиненій лучшихъ иностранныхъ египтологовъ, безспорно занимаетъ первое мѣсто к-во М. и С. Сабашниковыхъ. О двухъ сборникахъ А. Морэ («Во времена фараоновъ, Москва, 1913» и «Цари и боги Египта, Москва, 1914») мною своевременно была напе-

чатана рецензія въ «Голосѣ Минувшаго», въ которой отмѣчалась устарѣлость нѣкоторыхъ теорій Морэ. Но нельзя отрицать того, что лица, интересующіяся религіей и вообще культурой Египта, найдутъ въ этихъ двухъ сборникахъ довольно богатые свѣдѣнія о строительствѣ пирамидъ, о вѣрованіяхъ египтянъ въ загробную жизнь и объ египетскихъ мистеріяхъ. Особенно удачно написаны главы о мистеріяхъ, которыя, какъ извѣстно, занимали также первыхъ христіанъ и вліянія которыхъ не были чужды греки и римляне. Не лишнее будетъ по этому поводу напомнить читателю сборниковъ, что еще раньше Фукара (цитируемаго Морэ), а именно въ 1887 г., проф. Н. И. Новосадскимъ вполне опредѣленно было доказано египетское происхожденіе ученій елевсинскихъ мистерій и не менѣе рѣшительно утверждалось подобное также объ ученіяхъ орфиговъ.

Несравненно цѣннѣе названныхъ сборниковъ другой трудъ, выпущенный тѣмъ же книгоиздательствомъ: это—«Исторія Египта съ древнѣйшихъ временъ до персидскаго завоеванія» (Москва, 1915) проф. Чикагскаго университета Брэстеда. Трудъ этотъ, безспорно, лучшее сочиненіе по исторіи государства фараоновъ и къ тому же русскій переводъ исполненъ специалистомъ, В. М. Викентьевымъ. Авторъ подробно говоритъ объ абсолютизмѣ строителей пирамидъ и сложной чиновничьей іерархіи этого времени; онъ знакомитъ съ феодальнымъ строемъ Средняго Царства и восстановленіемъ централизаціи въ ѳиванскую имперію; не обойдены періоды сильныхъ жреческихъ вліяній, разрухи и политическаго ослабленія, и разсмотрѣны годы саисской реставраціи. Яркими штрихами набросанъ обзоръ развитія египетскаго искусства и литературы; и особенно страницы, касающіяся религіи египтянъ, даютъ превосходное представленіе о томъ громадномъ количествѣ новаго, въ высшей степени цѣннаго матеріала, который находился въ распоряженіи талантливаго автора книги.

Переводъ другой не менѣе цѣнной работы, а именно исторіи египетскаго искусства французскаго египтолога Гастона Масперо («Всеобщая исторія искусства. Египетъ», Москва, 1915) издало книгоиздательство «Проблемы эстетики». Руководивши многими крупнѣйшими раскопками въ Египтѣ и стоявши во главѣ величайшаго въ мірѣ Каирскаго музея египетскихъ древностей, Масперо впервые въ этой книгѣ опредѣленно говоритъ о «тинисской», «мемфисской», «ѳиванской» и «ермопольской» школахъ египетскаго искусства; признавая, что у египетскаго искусства дѣйствительно былъ одинъ общій источникъ идей, великій египтологъ тѣмъ не менѣе считаетъ, что формы ихъ выраженія мѣнялись въ зависимости отъ мѣста и времени. Мысль свою Масперо не только доказываетъ рядомъ неопровержимыхъ данныхъ, — 565 превосходныхъ рисунковъ книги столь удачно подобраны и распредѣлены, что внимательный читатель, безъ сомнѣнія, никогда болѣе не повѣритъ въ старую легенду о «мертвомъ» или «консервативномъ» египетскомъ искусствѣ. Много мѣста въ книгѣ удѣлено архитектурѣ; дана превосходная картина развитія египетскаго храма. Это—крупная заслуга Масперо,

такъ какъ означенная область египетскаго искусства до сихъ поръ въ большинствѣ сочиненій египтологовъ-историковъ искусства оставалась въ тѣни, а трудъ Перро и Шипье давно устарѣлъ. Жаль только, что русскій переводъ книги исполненъ лицами, абсолютно непричастными къ египтологіи: транскрипціи именъ собственныхъ часто настолько неудачны, что даже египтологъ не былъ бы въ состояніи отгадать о комъ идетъ рѣчь, если бы не рисунки.

Среди оригинальной русской литературы первое мѣсто занимаетъ «Исторія древняго Востока» проф. Б. А. Тураева (ч. I, Петер., 1911, ч. II—1912). Авторъ въ этомъ трудѣ довольно подробно излагаетъ и судьбы Египта (начиная съ «архаическаго» времени и кончая завоеваніемъ страны Александромъ Македонскимъ). Большой знатокъ египетскаго языка, проф. Тураевъ даетъ весьма значительное количество переводовъ египетскихъ текстовъ, благодаря которымъ древняя жизнь, управленіе страной, сношенія фараоновъ съ высшими сановниками государства и съ владыками другихъ странъ оживаютъ въ воображеніи читателя. Много вниманія удѣлено религіи и литературѣ Египта, особенно первой: соответствующія главы по характеру изложенія и содержательности вполне выдерживаютъ сравненіе съ лучшимъ въ настоящее время обзоромъ египетской религіи проф. Эрмана.

Въ 1913 году вышла книга проф. Р. Ю. Виппера «Древній Востокъ и эгейская культура», которая также должна быть упомянута въ этомъ обзорѣ, хотя посвящаетъ Египту сравнительно немного страницъ. Лишь мелькомъ касаясь фактической исторіи страны, проф. Випперъ въ своемъ «пособіи къ университетскому курсу», послѣ краткаго описанія географической обстановки, болѣе подробно останавливается на усложненіяхъ хозяйственной жизни и на торговыхъ сношеніяхъ, съ которыми сопоставлены военныя экспедиціи и международные договоры. Выдвинуто нѣсколько новыхъ теорій о связи религіозныхъ движеній въ Египтѣ съ столкновеніями общественныхъ группъ, и въ этомъ отношеніи любопытны страницы, посвященные Аменофису IV. Весьма интересны разсужденія автора о зависимости организациіи грандіозныхъ сооружений Древняго Царства отъ капитала, сосредоточеннаго въ рукахъ правящаго слоя, и объясненіе технического совершенства исполненія статуй и рельефовъ наличностью интеллигентнаго слоя, поступившаго на службы къ властителямъ страны. Однако, я не могу согласиться съ утвержденіемъ автора, что «египетскіе мастера Новаго Царства начинаютъ работать по образцамъ эгейской культуры, подъ вліяніемъ ея мотивовъ». Въ моей работѣ «Египетское искусство времени Аменофиса IV» (Москва, 1913) сдѣлана попытка опровергнуть эту гипотезу, наиболѣе ярымъ сторонникомъ которой, какъ извѣстно, является берлинскій профессоръ Лихтенбергъ.

Третьимъ, не менѣе важнымъ явленіемъ въ жизни «русской» египтологіи, возможно считать первые 4 выпуска «Памятниковъ музея изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ» (1912—1913). Роскошныя таблицы и обстоятельный текстъ, написанный лучшимъ въ Россіи знатоками египетскихъ

древностей, гарантируютъ «Памятникамъ» почетное мѣсто въ книжномъ мірѣ.

Знакома съ «Египетской могильной плитой XI династии» В. С. Голенищевъ здѣсь подробно говоритъ о характерѣ всего египетскаго искусства, объ устройствѣ гробницъ и о вѣрованіяхъ въ загробную жизнь. Б. А. Тураевъ описываетъ «доисторическое блюдо» и «барельефы музея съ изображеніемъ божества Туту»; примѣняя свой богатый филологическій опытъ, онъ переводитъ нѣсколько любопытныхъ текстовъ, а именно: «письмо изъ эпохи Новаго Царства», «поздніе заупокойные папирусы іераглическаго письма», «надпись римскаго времени о священномъ быкѣ» и «молитвы богинѣ Тауэртъ на дверцахъ древняго наоса». В. К. Мальмбергъ даетъ описаніе характерной «статуэтки эпохи Средняго Царства», прелестныхъ фигурокъ «купальщицы и купальщика» эпохи Новаго Царства и женской статуи времени XXX династии. Наконецъ, перу Б. В. Фармаковского принадлежитъ статья о «фаюмскихъ портретахъ» музея, а В. Ф. Гринейзену—о «погребальныхъ пеленахъ египетско-эллинистической композиціи».

Московскому музею изящныхъ искусствъ, очевидно, вообще суждено играть не послѣднюю роль въ жизни египтологіи, особенно же у насъ въ Россіи. «Памятники» музея, я увѣренъ, принудятъ западно-европейскихъ ученыхъ удѣлать больше вниманія русской наукѣ. Изъ отдѣльныхъ изслѣдованій по египетскому искусству, возникшихъ въ связи съ изученіемъ древностей музея, должно отмѣтить работу директора музея, профессора В. К. Мальмберга: «Старый предрасудокъ, къ вопросу объ изображеніи человѣческой фигуры въ египетскомъ рельефѣ» (Москва, 1915).

Проф. Мальмбергъ приходитъ къ выводу, что египетскіе художники при изображеніи человѣка на плоскости выражали три измѣренія посредствомъ двухъ наиболѣе характерныхъ, а именно: комбинировали профильное изображеніе съ развернутыми плечами (и поставленнымъ de face глазомъ). Рядомъ интересныхъ примѣровъ онъ докладываетъ, что при этомъ никогда не проводилась разница въ изображеніи корпуса, повернута ли, фигура, судя по рукамъ, спиною или грудью.

Детальное ознакомленіе съ нѣкоторыми гипсовыми слѣпками музея вызвало еще другую работу объ египетскомъ искусствѣ, а именно мою статью: «Реализмъ и идеализація въ египетскомъ искусствѣ, какъ результатъ представленій о потустороннемъ бытіи» (о двухъ «стиляхъ» въ египетскомъ искусствѣ см. также мою популярную брошюру: «Древній Египетъ, его живопись и скульптура», Москва, 1913).

Въ идейную связь съ дѣятельностью музея, наконецъ, можетъ быть поставлено возникновеніе серіи книжекъ, издаваемыхъ подъ редакціей проф. Тураева подъ общимъ заглавіемъ: «Культурно-историческіе памятники древняго Востока». Снабженные комментаріями и вводными статьями, выпуски эти вполне доступны даже для мало подготовленнаго читателя.

А удачно выбранные памятники (вып. 3: «Б. А. Тураевъ,

Разсказъ египтянина Синухета, Москва 1915» и вып. 4: «В. М. Викентьевъ, Древне-египетская повѣсть о двухъ братьяхъ, Москва, 1916») какъ нельзя лучше характеризуютъ соответствующія имъ эпохи, одновременно знакомя съ цѣннѣйшими литературными произведеніями древняго Египта.

Что касается ученой и учебной дѣятельности проф. Тураева въ Петербургѣ, то кромѣ «Исторіи древняго Востока»—ее характеризуетъ рядъ мелкихъ статей, преимущественно посвященныхъ чтенію и переводу египетскихъ надписей («Нѣсколько египетскихъ надписей изъ моей коллекціи, 1912» и «Египтологическія замѣтки, I—VII, Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, 1915 г., VIII—XI, Ibidem, 1916»). Выборъ текстовъ, по содержанію связанныхъ преимущественно съ вопросами религіи, вновь подтверждаетъ, что авторъ «Бога Тота» остался вѣренъ уже давно интересовавшей его области египетской культуры, впервые затронутой еще въ 1895 г. статьею: «Изъ египетской міѳологіи» (въ сборникѣ статей въ честь Ѳ. Ѳ. Соколова). О такомъ преобладающемъ интересѣ къ вопросамъ религіи свидѣлствуютъ, далѣе, статьи: объ «Изображеніяхъ воскресенія на египетскихъ памятникахъ» (въ сборникѣ въ честь проф. Бузескула, Харьковъ, 1914) и объ «Ящикахъ для египетскихъ погребальныхъ статуэтокъ, называемыхъ «ушебти» (въ XXV томѣ «Древностей», Москва, 1914). Наконецъ, статьи: «Терракотовый свѣтильникъ изъ Ольвіи, изображающій чету Бесовъ» (Изв. Имп. Арх. Ком., вып. 45) и «Фигурка Имхотепа, найденная въ Кубанской области» (Изв. Имп. Арх. Ком., вып. 49), трактуютъ о вліяніи египетской религіи на сосѣднія страны (въ эллинистическую эпоху).

Вопросы религіи и культа интересуютъ и учениковъ проф. Тураева: А. А. Коцѣбовскому принадлежитъ изслѣдованіе о призываніяхъ Исиды и Нефтиды: «Іератическая часть Берлинскаго папируса 3008» (Зап. Класс. Отд. Имп. Р. Арх. Общ., 1913); И. М. Волковъ, доцентъ Пет. Духовной Академіи, помѣщаетъ въ журналѣ «Христіанское чтеніе» (1915): «Очерки изъ исторіи египетской религіи», въ которыхъ касается «исторіи вопроса» о богѣ Себекѣ.

Впрочемъ, вопросамъ египетской религіи, а именно Серапису птолемеевскаго Египта, посвящено нѣсколько страницъ также въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» (1915), органѣ Московской Духовной Академіи: объ упомянутомъ божествѣ здѣсь трактуетъ компилятивная работа Е. И. Байбакова: «Къ вопросу о Сераписѣ». Въ томъ же журналѣ была напечатана работа Е. Е. Кагарова, профессора Харьковскаго Университета: «Прошлое и настоящее египтологіи» (отдѣльною брошюрою: Сергіевъ Посадъ, 1915). Въ ней авторъ обрисовываетъ сперва первые шаги египтологіи въ Наполеоновское время, потомъ подробно излагаетъ ея дальнѣйшее развитіе, особенно подчеркивая значеніе т. н. «Берлинской школы» вообще, а въ частности для Россіи—ея питомца проф. Б. А. Тураева. Глава о геніальномъ сынѣ Франціи, Шампольонѣ, принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ книги; авторъ мастерски конспектируетъ обширный трудъ г-жи Гартлебенъ.

Сочиненіе проф. Моск. Дух. Акад. Д. И. Введенскаго: «Патріархъ Іосифъ и Египетъ, опытъ соглашенія данныхъ Библии и египтологін, Сергіевъ Посадъ, 1914», — несмотря на свое многословіе и кажущуюся ученость, не заслуживаетъ серьезнаго вниманія: слишкомъ часто приходится констатировать недостаточную освѣдомленность автора въ области нашей науки и не всегда обосновано сопоставленіе тѣхъ или другихъ фактовъ.

Изъ остальныхъ русскихъ ученыхъ Египту посвятилъ работы проф. М. М. Хвостовъ (Казань). Однако въ виду того, что прекрасные труды его: «Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта» и «Очерки организаціи промышленности и торговли въ греко-римскомъ Египтѣ: текстильная промышленность», — относятся къ поздней эпохѣ, я позволю себѣ лишь обратить вниманіе читателя на рецензіи Ростовцева (Журн. Мин. Нар. Пр., 1907 и 1914) и Бузескула (Гол. Мин., 1915). «Законы исторіи» проф. Харьковскаго Университета Ѳ. Шмита (Зап. Имп. Харьк. Унив., 1915 и 1916) также касаются Египта (стр. 49—106), а именно египетскаго искусства; но, къ сожалѣнію, въ этой книгѣ, отличающейся увѣреннымъ языкомъ, много неточностей и воскрешаются давно устарѣвшіе взгляды, въ родѣ гипотезы Гоммеля о вавилонскомъ происхожденіи египетской культуры и искусства, — гипотезы, которая крупнѣйшимъ современнымъ историкомъ Эдуардомъ Мейеромъ даже была названа «фантастичной».

Наконецъ, нельзя обойти молчаніемъ, что и русская школьная литература обогатилась кромѣ новаго переработаннаго изданія классической книги П. Мельгунова: «Первые уроки исторіи: Древній Востокъ» (Москва, 1914), — прекраснымъ учебникомъ проф. Р. Ю. Виппера: «Древняя Европа и Востокъ» (Москва, 1914) и двумя интересными «сборниками памятниковъ письменности древняго Востока»: «Древнимъ міромъ» Д. А. Жаринова, Н. М. Никольскаго, С. И. Радцига, В. И. Стерлигова (Москва, 1915) и «Древнимъ міромъ» проф. Б. А. Тураева. Прекраснымъ дополненіемъ къ этимъ сборникамъ является изданная М. и С. Сабашниковыми книга Масперо: «Во времена Рамсеса и Ассурбанипала, I—Египетъ» (Москва, 1916), предназначенная самимъ авторомъ для юношества.

Такъ намъ приходится опредѣленно констатировать сильно возросшій интересъ къ странѣ фараоновъ въ Россіи и всестороннее изученіе египетской исторіи и культуры нашими учеными. А «проникнутая убѣжденностью въ значительность древнеегипетской цивилизаціи, какъ цивилизаціи духа», книга К. Бальмонта «Край Осириса» (Москва, 1914) поможетъ также непрямымъ къ наукѣ болѣе широкимъ кругамъ русскаго общества наблюдать на себѣ воздѣйствіе результатовъ такого интереса; высоко художественные переводы памятниковъ египетской поэзіи, помѣщенные въ этой книгѣ, напомнятъ безсмертные идеалы народа, создавшаго древнѣйшую въ мірѣ культуру и незаслуженно исторгнутаго съ арены исторіи.

Прив.-доц. Ф. Баллодъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

- 1) Блонскій, П. Курсъ педагогики. «Задруга». Ц. 2 р. 25 к. 2) Видеманъ, Л. Мой сборникъ, ч. 1. Харьковъ. 3) Вопросы преподаванія исторіи въ средн. и нач. школѣ. Сбор. 2. Подъ ред. И. Катаева И. К. У. О. К-во «Наука». Ц. 2 р. 50 к. 4) Воспоминанія брат. Бестужевыхъ. Биб. Мемуаровъ «Огни». Ц. 3 р. 50 к. 5) Галинъ, Д. М. В. Ломоносовъ, какъ міровой геній русской культуры. Ц. 80 к. Скл. изд. «Наука». 6) Гинзбургъ-Гальперинъ, Е. Міровая война и судьба международн. права. Ц. 50 к. 7) Давиловъ, Н. Пушкинъ и Державинъ. Казань. Ц. 30 к. 8) Его же. Пушкинъ и Карамзинъ. Казань. Ц. 60 к. 9) Дубасовъ, Ф. На фрегатѣ «Владиміръ Мономахъ», 1889—1891. Сообщ. Дюмидовъ. 10) Записки Н. Басаргина. Биб. Мемуаровъ «Огни». Ц. 3 р. 50 к. 11) Извѣстія О-ва Археолог., исторіи и этногр. Т. XXIX, в. 5—6. Казань. Ц. 1 р. 12) Котомкинъ-Савинскій, А. Кн. Вячко и меченосцы. Ист. поэма. Ц. 1 р. 13) Лисевичъ, В. Собр. сочиненій. Т. 3. Т-во «К-во Писателей». Ц. 3 р. 14) Маковский, Я. Условіе наибольшаго благопріятствованія въ торговыхъ договорахъ. Ист. очеркъ. Ц. 1 р. 50 к. 15) Мацкинъ, Н. Изъ исторіи семьи на Дальн. Востока. 16) Невскій альманахъ. «Изъ прошлаго». Жертвамъ войны. Ц. 2 р. 50 к. 17) Огни. Кн. 5-я. М. Спиридоновъ. Райскій садъ. Изд. «Огни». Ц. 1 р. 25 к. 18) Отчетъ Имп. російскаго историческаго музея им. имп. Алекс. III въ М. за 1914 г. 19) Отчеты и матеріалы. Т. I. Трудовое посредничество. Всероссійск. земск. и городск. союзы. Ц. 3 р. 20) Первый годъ дѣят. Юрид. отдѣла. Г. К. В. Союза Городовъ. 21) Письма А. П. Чехова подъ ред. М. П. Чеховой. Т. VI. Кн-во «Писателей». Ц. 2 р. 25 к. 22) Полоховъ, П. Отраженіе нац. идеологіи въ героич. эпосѣ вражд. странъ Европы. Екатеринославль. Ц. 50 к. 23) Его же. Аккордъ. Стихи. Екат. Ц. 1 р. 24) Прокоповичъ, С. Война и народное хозяйство. Изд. «Дѣло». Ц. 3 р. 25) Раненые о войнѣ. Изд. IX От. Петр. гор. ком. всеросс. союза гор. В. I. Ц. 1 р. 20 к. 26) Руссель, Н. Мысли вслухъ. 2-е изд. Нагасаки. 16 г. 27) Салюстій. Заговоръ Катилины. Югуртинская война. Перев. съ вст. статей и прим. Н. Гольденвейзера. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 2 р. 50 к. 28) Сиротининъ, А. Съ родныхъ полей. Ц. 1 р. 85 к. Кн. скл. Стасюлевича. 29) Тарасовъ, И. Самодержавіе и абсолютизмъ. 30) Толстой, А. Н. гр. Въ Англіи, на Кавказѣ, по Воляни и Галиціи. Т. VI. Изд. 2-е, доп. Т-во «Кн-во Писателей». Ц. 2 р. 31) Өирсовъ, Н., проф. Петръ I Великій, московскій царь и императоръ всероссійскій. 32) Его же. Условія, при которыхъ началась Семилѣтняя война. Изд. О-ва по изслѣдов. памятн. древности. Ц. 60 к. 33) Чуковский, К. Англія наканунѣ побѣды. Изд. Т-во А. Марксъ. Ц. 1 р. 50 к. 34) Якимовъ, А. Н. А. Некрасовъ, какъ крупн. представитель русск. сатирики и остроумія. г. Мензелинскъ. Ц. 35 к. 35) Яковлевъ, А. Засѣчная черта Моск. госуд. въ XVII в. Ц. 10 р.

Добавленія и поправки.

Письма въ редакцію.

Въ ноябрьской книжкѣ «Голоса Минувшаго» помѣщена критическая статья о двухъ первыхъ номерахъ «Историческихъ извѣстій», новаго московскаго спеціального журнала. Авторъ статьи С. П. Мельгуновъ остановилъ преимущественное вниманіе на отдѣлѣ бібліографіи по русской исторіи.

Основное положеніе критики—неполнота бібліографіи въ «Историческихъ извѣстіяхъ» носитъ не естественный, а тенденціозный характеръ—базируется на двухъ выводахъ: 1) «оказалось пропущеннымъ почти все, что касалось исторіи революціоннаго

движенія въ Россіи» и 2) редакція «много могла бы найти въ такихъ совершенно почему то игнорируемыхъ журналахъ, какъ «Русскія Записки», «Русская Мысль», «Сѣверныя Записки», «Русскій Библіофилъ», «Старые годы»—сноска: «Совр. Міръ», и «Вѣстн. Европы», очевидно слегка просматриваются редакціей».

Возьмемъ «Книжную Лѣтопись» за январь-сентябрь 1916 года. По исторіи русскаго революціоннаго движенія за это время вышли «Записки декабриста И. И. Горбачевского» («Ист. Изв.» № 222) и В. Кн. Николай Михайловичъ «Казнь пяти декабристовъ 13 іюля 1826 года и императоръ Николай I» (оттискъ изъ «Ист. Вѣстн» № 7, 1916 года, «Изв. Ист.» № 229).

Если мы расширимъ рамки революціоннаго движенія и обратимся къ исторіи общественнаго движенія въ широкомъ смыслѣ, то въ «Книжной Лѣтописи» увидимъ лишь: Плеханова «Исторія русской общественной мысли» т. I и II, «Исторію русской адвокатуры» т. II и III, наконецъ, «Къ десятилѣтію первой государственной думы 27 апрѣля 1906—27 апрѣля 1916 г.» («Ист. Изв.» №№ 441, 294 и 295).

Изъ немногаго, что вышло по исторіи революціоннаго и общественнаго движенія, въ широкомъ понятіи этого слова, отдѣльными изданіями въ «Историческихъ Извѣстіяхъ» ничего не пропущено. Возьмемъ журнальныя статьи. Перечислять всѣ рецензіи, посвященныя статьямъ по исторіи революціоннаго движенія было бы очень долго, ограничимся революціоннымъ движеніемъ послѣ 1861 года. Мы видимъ рецензіи на записки Аптекмана, автобіографическій разсказъ Морозова, письма Лаврова, дневникъ полковника Смѣльскаго и иныя («Ист. Изв.» №№ 256, 271, 273, 283, 288, 312, 313, 314, 324, 434, 460). Пропуски безусловно есть, но тѣмъ не менѣе дано количество близкое къ maximum-у того, что можно было дать.

С. П. Мельгуновъ указываетъ, что редакція «Историческихъ Извѣстій» совершенно игнорируетъ «Русскія Записки», «Лѣтопись», «Русскую Мысль», «Сѣверныя Записки», «Русскій Библіофилъ» и «Старые годы». Ограничимся указаніемъ количества рецензій по этимъ журналамъ за первую половину 1916 года: «Лѣтопись»—4 (№№ 80, 83, 92, 409), «Сѣверныя Записки»—3 (№№ 273, 355, 470), «Русская Мысль»—3 (№№ 154, 254, 278), «Русскій Библіофилъ»—3 (№№ 66, 74, 135), «Старые годы», какъ извѣстно, въ этомъ году запоздали выходомъ. Изъ «слегка просматриваемыхъ» журналовъ мы укажемъ рецензіи: «Вѣстникъ Европы»—8 (№№ 77, 148, 287, 328, 481, 491, 495, 496), «Современный Міръ»—5 (№№ 81, 84, 256, 311, 503).

Кромѣ того о журнальныхъ статьяхъ, печатаемыхъ въ нѣсколькихъ номерахъ, предполагалось давать освѣдомительныя замѣтки или по окончаніи статей, или по окончаніи года. Только благодаря этому нѣкоторыя изъ журнальныхъ статей и не попали въ текущіе обзоры.

Переходя къ содержанію рецензій г. Мельгуновъ находитъ, что онѣ грѣшатъ недостаткомъ научной критики и тенденціозностью.

По словамъ С. П. Мельгунова въ рецензій на статью В. Брю-

слова «Пушкинъ передъ судомъ ученаго историка» («Ист. Изв.» № 154): *бездоказательно* принимается мнѣніе автора и отвергается мнѣніе проф. Ойрсова въ то время, какъ покойный В. И. Семевскій на мнѣніе проф. Ойрсова держался иного взгляда. Мы видимъ, что рецензентъ основывается въ своей оцѣнкѣ на сужденіи В. О. Ключевского.

С. П. Мельгуновъ недоумѣваетъ, почему указъ о сыскѣ и доносахъ отъ 10 апрѣля 1740 г. отмѣченъ въ журналѣ, какъ новинка. Однако, невинная регистрирующая замѣтка («Ист. Изв.» № 47) ни слова не говоритъ о новости указа въ литературѣ.

Говоря о рецензіяхъ на статьи собственно историко-литературныя, но имѣющія и специальный историческій интересъ, С. П. Мельгуновъ возвращается къ тенденціозности «Историческихъ Извѣстій». Все основано на случайности выбора или субъективнаго вкуса редакціи. Почему, напр., отмѣчается статья г. Фаресова въ Истор. Вѣстн. о «поэтѣ» Лѣсковѣ и умалчивается статья М. А. Цявловскаго о Пушкинѣ въ «Голосѣ Минувшаго». Потому что статья г. Цявловскаго «Тоска Пушкина по «чужбинѣ» представляеть узкое историко-литературное значеніе, а статья г. Фаресова (можно съ ней соглашаться или нѣтъ—это другой вопросъ) посвящена славянофильству Лѣскова.

Далѣе С. П. Мельгуновъ говоритъ: «Вообще оцѣнки въ обзорѣ иногда удивительно своеобразны: «письма Лаврова къ Штакеншнейдеръ («Гол. Мин.») по ихъ мнѣнію имѣютъ исключительно библиографическій интересъ». Прежде всего необходимо отвѣтить, совершенно измѣняющую смыслъ, неточность цитаты. Въ «Историческихъ Извѣстіяхъ» (№ 271) говорится не о *библиографическомъ*, а *біографическомъ* интересѣ. Рецензія имѣетъ въ виду первую часть писемъ Лаврова: 1870—1873 гг., представляющихъ дѣйствительно, главнымъ образомъ, интересъ біографическій, при чемъ «нѣкоторыя письма обрисовываютъ отношенія П. Л. Лаврова къ Парижскимъ событіямъ 1870—71 гг.».

Ю. Готье. В. Пичета.

Р. С. Ю. В. Готье и В. И. Пичета, принимающіе участіе въ редактированіи «Историческихъ Извѣстій» предпочли свой отвѣтъ на мою рецензію помѣстить не въ своемъ журналѣ, а напротивъ въ «Голосѣ Минувшаго». Намъ это можетъ быть только пріятно, и мы охотно, конечно, дали мѣсто, въ видахъ выясненія истины поясненіямъ нашихъ сотрудниковъ, хотя въ сущности эти поясненія обходятъ молчаніемъ главнѣйшія замѣчанія напечатаннаго въ «Гол. Мин.» отзыва. Чтобы не повторять уже сказаннаго придется лишь отослать читателя къ самому отзыву. Два поясненія однако необходимы. Авторы письма укороченно цитируютъ рецензента въ словахъ «оказалось пропущеннымъ почти все, что касалось исторіи революціоннаго движенія въ Россіи»; въ рецензіи говорилось про № 1 «Историческихъ Извѣстій», и это фактъ, который не опровергается ссылками на послѣдующіе №№ журнала. Мы удивлялись, что въ № 1 за спѣшкой пропустили революцію, но очень тщательно отмѣтили иного свойства матеріалы, часто не имѣющія никакого значенія. Такимъ образомъ

падаетъ первая часть возраженія редакторовъ библиографическихъ обзоровъ въ «Историческихъ Извѣстіяхъ». Замѣчаніе наше, что большинство общихъ журналовъ совершенно игнорируется опровергается авторами письма. Должно это признать—«совершенно игнорируемыми» остались только «Русскія Записки» и столичныя газеты. По существу, однако, дѣло, какъ намъ кажется, измѣняется очень мало. Все остальное пока ни однимъ словомъ не опровергаетъ сказаннаго въ рецензій.

С. Мельгуновъ.

Наполеонъ и Италія.

(Отвѣтъ г. Гр. Шрейдеру).

Въ январской книгѣ «Голоса Минувшаго» помѣщена рецензія г. Гр. Шрейдера на мое изслѣдованіе объ экономической жизни Италіи при континентальной блокадѣ. Давая, въ общемъ, положительную оцѣнку моей книги, рецензентъ дѣлаетъ кое-какія возраженія, на которыя необходимо отвѣтить уже потому, что читатель можетъ, иначе, получить невѣрное представленіе объ истинномъ характерѣ отношенія Наполеона къ созданному имъ королевству.

1. Рецензентъ полагаетъ, что мое мнѣніе о Наполеонѣ, какъ человѣкѣ, *не желавшемъ* способствовать промышленному развитію Италіи, нуждается въ ограниченіяхъ. «А между тѣмъ», пишетъ онъ: «существуетъ хотя бы такого рода не упоминаемый авторомъ и остающійся неизвѣстнымъ читателю фактъ, какъ назначеніе преміи въ одинъ милліонъ лиръ за изобрѣтеніе лучшей льнопрядильной машины!» Тутъ г. Шрейдеръ впалъ въ рѣшительную ошибку: во-первыхъ, объ этомъ фактѣ я говорю (выясняя обстоятельно всѣ условія, при которыхъ онъ возникъ) въ *первомъ* томѣ моей «Континент. блокады», такъ что читателю второго тома (разбираемаго, г. Шрейдеромъ) этотъ фактъ вполне извѣстенъ. Во-вторыхъ, г. Шрейдеръ жестоко заблуждается, думая будто этотъ законъ имѣлъ цѣлью поощрить итальянскую промышленность: эта премія была *циркулярно* обѣщана императорскимъ правительствомъ *всѣмъ* союзнымъ и даже нейтральнымъ странамъ, ибо для Наполеона важно было поощрить плотняное производство, чтобы избавить Европу отъ необходимости получать отъ Англіи хлопокъ. И этотъ циркуляръ находится во всѣхъ архивахъ той эпохи въ томъ числѣ и въ Россіи, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. По этой логикѣ слѣдовало бы заключить, что Наполеонъ очень радѣлъ о развитіи русской промышленности!

2. Рѣшительно то же самое нужно сказать и о циркулярѣ о преміи за усовершенствованіе свеклосахарнаго производства и разведеніе свекловицы: какъ обстоятельно выясню я въ *первомъ* томѣ блокады, Наполеонъ стремился къ полному изгнанію тростниковаго колониальнаго сахара изъ Европы (опять-таки въ интересахъ экономической борьбы съ Англіей). Итальянская промышленность и заботы о ней—не при чемъ.

3. Рецензентъ упрекаетъ меня за игнорированіе законодательства,—и приводитъ изъ книжки Тиворони нѣсколько полицейскихъ правилъ и распоряженій по охотѣ, лѣсоводству и т. п. Но, во-первыхъ, моя книга, которую рецензентъ хвалитъ за то, что она даетъ больше, чѣмъ общаетъ ея непосредственная цѣль, не обязана давать все, что не относится прямо къ темѣ: вѣдь рѣчь идетъ главнымъ образомъ объ обрабатывающей, а не сельскохозяйственной промышленности, о торговлѣ, торговомъ сбытѣ, а не о всѣхъ деталяхъ лѣсоводства или ирригаціи и т. п. А во-вторыхъ, развѣ можно принимать распоряженія, въ родѣ приводимыхъ г-номъ Шрейдеромъ за признаки заботливаго отношенія правительства къ странѣ? Если *можно*, то я берусь доказать, что Кромвель въ Ирландіи или Муравьевъ-Виленскій въ Литвѣ, или Паскевичъ въ Польшѣ самымъ любовнымъ образомъ заботились о процвѣтаніи земледѣлія, промышленности и торговли въ этихъ странахъ, такъ какъ распоряженій подобнаго рода и отъ нихъ осталось достаточно. Г. Шрейдеръ упустилъ изъ вида, что цѣль моей книги, какъ я опредѣленно заявляю, показать, что было въ Италіи съ торговлею и промышленностью при блокадѣ, а все остальное имѣетъ для меня подчиненный интересъ. Конечно, легче перечислить эти печатные циркуляры, чѣмъ изслѣдовать экономическую *дѣйствительность*: вотъ почему меня и не удовлетворила имѣвшаяся литература предмета, которая почти и не притрагивалась къ архивамъ, а довольствовалась, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, тѣмъ, что лежало наверху, т.-е. что было опубликовано въ тогдашнихъ официальныхъ изданіяхъ (въ родѣ этихъ циркуляровъ о преміяхъ и т. п.).

Проф. Е. Тарле.

Изъ письма Н. Лернера.

Помѣщенная въ янв. кн. «Г. М.» въ примѣч. на 276 стр. эпиграмма: «Къ «Молвѣ» названье не пристало»... принадлежитъ Щербинѣ, относится къ 1857 г. (см. Полн. собр. соч. Н. Ѳ. Щ. СПб. 873 г. стр. 431; бумаги Щербины въ И. П. Библ, тетр. № 7 стр. 5) и направлена противъ *аксаковской* «Молвы».

М. Г. г. Редакторъ!

Въ декабрьской книжкѣ журнала «Голоса Минувшаго» за 1916 г., въ статьѣ О. В. Португалова «Арестъ В. О. Португалова въ г. Вяткѣ» упоминается Евгений Николаевичъ Анучинъ, бывший въ то время управляющимъ Самарской Казенной Палатой. Авторъ статьи считаетъ его братомъ извѣстнаго профессора-этнолога Дмитрія Николаевича Анучина. Должна сказать, что мой отецъ не былъ братомъ проф. Дмитрія Николаевича Анучина.

Варвара Евгениевна Анучина.

Редакторъ-издатель С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“

(Москва, М. Никитская, 29, кв. 6, тел. 4-50-61).

Московское отдѣленіе изданій «РУССКОЕ БОГАТСТВО».

Имѣются въ продажѣ:

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ И ОСНОВНЫЯ ЗАДАЧИ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ. 3-е изданіе. Ц. 60 к.

Его же. **КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.** 3-е изд. Ц. 25 к.

Его же. **АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА ВЪ СВЯЗИ СЪ КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДВИЖЕНІЕМЪ.** Ц. 40 к.

Его же. **СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ.** Ц. 6 к.

Его же. **КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.** Ц. 25 к.

Его же. **ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ.** Вып. I. Основные положенія Ц. 10 к.

Его же. **А ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ.** 1904—1909 гг. Сборникъ статей. Ц. 1 р. 50 к.

П. Тимофеевъ. Чѣмъ живетъ заводскій рабочій. Ц. 40 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ И АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. 2-е изд. Ц. 1 р.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. Ц. 5 к.

Его же. **СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ.** Ц. 5 к.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. Ц. 8 к.

Діонео. АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Ц. 1 р. 50 к.

» **НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ЖИЛИЩА.** Ц. 4 к.

Діонео. СВОБОДА ПЕЧАТИ. Ц. 5 к.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Публицистическіе опыты. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. **СОЦИОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.** Т. II. Ц. 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ склада книгоиздательства на сумму не менѣе 3-хъ рублей за пересылку не платятъ.

....Не пронадесть нашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленіе.

Нуреканъ—декабристамъ.

Очередная книга журнала была уже стпечатана, когда произошло великое событіе—пришла „желанная пора“, и пало то „чудище обло, озорно, огромно“, которому посвящаль свою книгу Радищевъ. Великая русская революція—это сказка въ исторіи, пусть же земныя струны не пробуждаютъ насъ отъ грезъ—русская свобода уже искуплена жертвами тѣхъ, кого судьба обрекла погибнуть за „край родной“. Привѣтъ молодой свободѣ и проклятіе отошедшему въ прошлое деспотизму.

Памяти великихъ борцовъ за дѣло народной свободы мы посвятимъ послѣдующія книги. Но долгъ историка повѣдать также о томъ, что находилось до настоящаго времени за мрачными затворами темницы свободнаго слова и показать воочію русскому обществу растлѣніе мысли вдохновителей и слугъ царскаго режима. Въ мартовской книгѣ мы дадимъ матеріалы, характеризующіе Николая II и всю окружавшую его среду. Потомство произнесетъ свой безпристрастный приговоръ надъ тѣми, которые культивировали явленія, подобныя Распутину, и заставили отшатнуться отъ династіи даже ея вѣрныхъ адептовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г.

(ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 г.)

— НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ —

ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“

(5-й годъ изданія).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ истории и истории литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей истории, истории литературы, философии, искусства и археологии.	V. Биографія русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Критика и библиографія.
III. Материалы по истории, истории литературы и т. д.	VII. Новости русской и иностранной науки.
IV. Историческая беллетристика.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
	IX. Хроника.

Журналъ ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 17 руб., на 1/2 года 9 руб., на 3 мѣсяца 4 руб. 50 к., за границу 20 руб.

— Перемѣна адреса 40 коп. —

Въ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ книга журнала 2 руб.

Комплекты за прежніе годы по 8 руб.: 1913 г. (безъ № 1), 1914 г., 1915 г. (безъ №№ 4, 5). На пересылку накладывается платежъ.

ПОДПИСЧИКИ на 1917 г. имѣютъ право приобрести на льготныхъ условіяхъ историческія изданія „ЗАДРУГИ“.

Подписка принимается:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала (складъ книгоиздательства „Задруга“, Малая Никитская, д. № 29; тел. 4-50-61).

Въ отдѣленіи конторы: Петроградъ, Фонтанка, 80. Книгоиздательство „ОГНИ“.

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ, отъ 3 до 5 час.

Редакторъ-издатель **С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.**

Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Москва